A22

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ РАБОЧЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Гор. и работ. парт. орг.

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
обозначенного здесь срока

Тип. им. Котлякова. 14—5 000 000. 3/I-68 г.

Кр. 9 (с. 134.5) Д 22

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИСТПАРТ

КОМИССИЯ ПО ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ и Р. К. П. (большев.)

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ РАБОЧЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ

ГОР.:

МУРОМ, КУЛЕБАКИ, ВЫКСА

Кр 8941/4
ВЛАДИМИРСКАЯ ОБЛАСТНАЯ БИБЛИОТЕКА
Т. 3-2а

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1923 ПЕТРОГРАД

Гиз. № 5367. Главлит. № 13149. Москва. Напеч. 4.500

«Мосполиграф». 1-я Образцовая типография, Пятницкая, 71.

Книга принадлежит
Кириллову Александру Ильичу
1930 г апрель 26 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

		Стр.
1.	От Редакции	5
2.	**С. Ветров.** Материалы к истории развития промышленности Муромского района (уезда)	7
3.	**А. Шляпников.** Подпольная работа в Муромском районе (1902—1904 годы)	35
4.	**И. Деев.** Страничка воспоминаний	63
5.	**И. Кононов.** Воспоминания	67
6.	**В. Пашин.** Воспоминания о Муромской организации Р. С.-Д. Р. П.	70
7.	**В. Чулошников.** Мои первые воспоминания	76
8.	**И. Чернышев.** Мои воспоминания	80
9.	**Е. Крестовников.** Из прошлого	85
10.	**Н. Тагунов.** Памятка о подполье	89
11.	**Ястребова-Васильцова.** Воспоминания о 1905 годе	90
12.	**А. Шляпников.** 1905 год в Муроме	91
13.	**А. Шахрай.** Дело Е. Н. и Н. П. Мошенцевых	135
14.	„ Дело В. О. Окушко	137
15.	**М. Гальберг.** Воспоминания о подпольной работе	138
16.	**Н. Кульпин.** Из жизни Муромской организации Р. С.-Д. Р. П. (1907 г.)	144
17.	**П. Курятников.** К двадцатилетию существования Кулебакской организации	146
18.	**Л. Пародня.** О Кулебакской организации	151
19.	**И. Т.** Революционное движение в Выксе до 1917 года	161
20.	**А. Рябинин.** К истории Муромского землячества в Петербурге	163
21.	**И. Пронин.** Ученическое движение в средне-учебных заведениях	173
22.	Памяти К. Ф. Никитина и И. Н. Елизарова	194
23.	Рукописный журнал „Отклики“ № 1	196
24.	**Арефин.** О партийной и Советской работе в Муроме и уезде	201
25.	**Васильцов.** История партийной организации при ст. „Муром“	203
26.	**Б. Кириллов.** Возникновение организации Р.К.П. (б.) при ст. „Муром“	205
27.	**И. Орехов.** О некоторых событиях в Муромских мастерских	209
28.	**И. Богатов.** Р. С.-Д. Р. П. (б.) в 1917 г. до октября	211
29.	**А. Б.** Гражданская война в нашем районе	216
30.	**В. Лепихин.** С октябрьской революции до мая 1919 года	225
31.	**С. Гусев.** Три года партийной работы (1920, 1921 и 1922 г.г.)	227
32.	**Федоров.** Профсоюз металлистов	231
33.	**Ложкин.** Союз текстильщиков	233
34.	**Бритов.** Профсоюз пищевой промышленности	236
35.	**Кудряков.** Отделение В. С. С. Р.	238
36.	**Трошин.** Профсоюз деревообделочников	240
37.	**Лихонин.** Профсоюз кожевников	242
38.	**С. Баранов.** Союз советских служащих	243
39.	**Баталиев.** Организация работников связи	248

Кр. 66.61(2Рос-4Вла-5Мур)
Д-22

ОТ РЕДАКЦИИ.

В 1923 году Муромская организация Российской Коммунистической Партии (большевиков) справляет двадцатилетие со времени возникновения в нашем районе рабочей организации. Двадцать лет тому назад впервые возникла в Муроме социал-демократическая организация, призвавшая пролетариев нашего района под красные знамена социализма и революции, начавшая кропотливую подпольную работу по подбору сторонников борьбы с царизмом и капитализмом. Одиночки, марксисты и народники, были в наших краях значительно раньше возникновения первых рабочих кружков. Нелегальная революционная литература также была известна некоторым кругам интеллигенции нашего края. Однако, мы не можем вести начало Муромской организации от этих интеллигентских кружков читателей литературы. Точно так же мы не берем за начало нашей организации ни чтение литературы рабочими, ни начало распространения ее в нашем районе. В печатаемых материалах читатель найдет много данных о том, что революционная работа велась в Муроме и до 1903 года. Но лишь в 1903 году началось сознательное оформление этой деятельности в организацию.

Работа по созданию рабочей партии в нашем районе была чрезвычайно трудна. Главным врагом революционной пропаганды и действия были темнота и невежество рабочих и крестьянской бедноты нашего района. И нередки были случаи, когда наша беднота встречала антицаристскую пропаганду с недоверием и открытой враждой. На преодоление этой темной вражды организованные пролетарии потратили немало усилий и — не напрасно: девятьсот пятый год показал, каковы были результаты этой работы. Рабочие нашего района в годы первой революции шли уже нога в ногу с пролетариями наиболее революционных промышленных центров.

За годы своего подпольного существования наши с.-д. организации Мурома, Кулебак, Выксы и др. местечек понесли немало жертв. Десятки рабочих вырывались из каждой организации, бросались в тюрьму, высылались в Сибирь или подвергались зверским расправам. Лишь небольшое число этих жертв осталось в памяти у ныне живущих. Большинство

их затерялось среди тысяч скромных, неизвестных героев революционной борьбы рабочего класса нашей страны. Полицейских, жандармских материалов в нашей губернии сохранилось немного, и по ним нельзя восстановить имена тех, кто был гоним за стачки, за чтение, распространение листков и тому подобные преступления против царской власти и капиталистов. Восстановить их имена, почтить их память, — долг подрастающих поколений.

На призыв Муромского Уездного Комитета Р. К. П. (б.) о присылке статей и материалов о революционной деятельности и работе организаций в нашем районе откликнулось несколько десятков пролетариев. В этой книге печатается лишь часть материала, имеющегося в распоряжении редакции. Оставшегося материала хватит еще на большой сборник, но и этим трудом не будет еще исчерпана вся деятельность Р. С.-Д. Р. П. в нашем районе.

Помещенные в этом первом сборнике статьи и воспоминания единодушно отмечают характерную близость нашей партии того времени к самым широким массам рабочих и деревенской бедноте, посылавшей своих сыновей на городские заработки. Сама организация, — дитя фабрик и заводов, — в стенах этих заводов и фабрик находила и свое организационное закрепление. К юбилейным дням редакция сборника выражает надежду, что рабочие массы и деревенская беднота и теперь так же, как и прежде, об'единятся под знаменами революционной Р. К. П. (б.) и вместе с ней и под ее руководством будут продолжать борьбу и работу за окончательное торжество коммунизма, освобождающего трудящихся всего мира от ига капитала.

Редакция.

Материалы к истории развития промышленности Муромского района (уезда).

Малоземелье и плохая почва издавна уже заставили население Муромского уезда обратиться к ремеслам и торговле. Склонность к этим занятиям, получившая свое развитие под влиянием ряда естественных причин, издавна уже составляла отличительную черту—владимирцев вообще и муромлян в частности.

Выгодное положение края в бассейне реки Оки, сравнительная близость к Москве и естественные богатства края привели к тому, что здесь с давнего времени стали развиваться многие отрасли промышленности.

На этот путь более или менее решительного отхода от занятий сельским хозяйством, как основы благосостояния, население Муромского края встало очень давно.

И только частью грустные, частью трагические условия развития нашей страны сделали то, что Муромский край не стал до сих пор ни русским Шеффильдом, ни центром какой-либо другой отрасли промышленности.

Несомненно только одно, что те основные элементы, из наличия которых складываются практические возможности и историческая необходимость развития края с определенным уклоном к промышленности в ущерб сельскому хозяйству, оказывались налицо еще в начале XIX столетия и даже раньше.

Если и до сих пор не выявилась окончательно промышленная физиономия района, не определился тот решительный уклон в сторону той или иной отрасли промышленности, который сделал бы Муромский край центром текстильной, металлообрабатывающей или иной отрасли промышленности, то это отнюдь не должно свидетельствовать о том, что за районом нет достаточных данных для того, чтобы стать чисто промышленным районом.

Это обстоятельство, подтверждаемое теми данными, которые будут изложены ниже, скорее говорит об избытке реальных возможностей, не получивших до сих пор своего развития исключительно под влиянием причин общего порядка, характеризующих условия развития нашего народного хозяйства в целом.

Положение района, прорезываемого судоходною Окой, а в последующем проведение через Муром сперва одной, а затем и другой железнодорожной линии сделали возможным развитие самой разнообразной промышленности.

Если группировать различные отрасли промышленности по свойствам обрабатываемых продуктов, то окажется, что в Муромском крае представлены шесть основных групп, а именно:

1) Обработка волокнистых веществ. (Прядильные и ткацкие фабрики.)

2) Обработка минеральных веществ. (Алебастровые заводы, спичечное и толевое производство.)

3) Обработка металлов. (Чугунно-плавильные и железо-делательные заводы, чугунно- и медно-литейные заводы, механические заводы, фабрики стальных изделий.)

4) Обработка сельско-хозяйственных продуктов. (Винокуренные, маслобойные, картофеле-терочные, крахмально-паточные, пиво-медоваренные заводы.)

5) Обработка органических веществ и жировых продуктов. (Кожевенные, мыловаренные и свечные заводы.)

6) Обработка дерева. (Лесопильные, стружковые заводы.)

Кроме фабрично-заводской промышленности, в районе в разной степени развиты многие кустарные промыслы.

Не все вышеперечисленные отрасли промышленности развиты в равной степени, но уже перечень их дает представление о том, что Муромский край обладает большими данными к тому, чтобы стать крупным центром, промышленным и торговым, района, пространственно гораздо большего, чем тот, который очерчен уездными границами.

Не все отрасли промышленности начали развиваться в одно время, есть и такие, что зародились не только за последние десятилетия, но в самом пламени революции.

Наоборот, есть заводы, которые пережили свой столетний юбилей, есть ветераны, основание которых относится к последнему десятилетию XVIII столетия, а всего вероятнее, и раньше.

Средоточием промышленной жизни края являются город Муром и—на противоположном конце уезда—группа волостей, с селами Вачей, Новоселками и Озябликовским погостом во главе.

Некоторые отрасли промышленности, развиваясь десятилетиями, достигли высокой ступени своего развития, как со стороны организации производства, так и по сумме своего годового оборота. Другие, наоборот, достигнув значительной степени развития, остановились в своем росте или даже вовсе потеряли значение.

В общем же и целом промышленность края к моменту империалистической войны представляла собою весьма солидную величину, с вполне определившимися тенденциями к росту и совершенствованию способов производства.

Число занятых в промышленности рабочих росло с каждым годом, самые предприятия множились в числе.

Зародившись в то отдаленное от нас время, когда Джемс Уатт не дал еще миру своей паровой машины, Фультон не изобрел локомотива, а Стефенсон—парохода, и единственным источником движущей силы являлась мускульная сила человека и животных и—в редких, сравнительно, случаях—ветры и воды, некоторые из отраслей промышленности, последовательно переходя от одной формы производства к другой, дошли до того времени, когда в их расширенных и перестроенных стенах послышался методический шум усовершенствованной паровой машины и совершеннейшего двигателя внутреннего сгорания.

За этот период времени прежний раб превратился в свободного рабочего, а на последних днях вековой истории — рабочий сделался хозяином.

Наши материалы не коснутся условий труда рабочего и по необходимости ограничатся историей возникновения и развития главнейших отраслей промышленности, коснувшись в отдельных случаях и краткой истории отдельных предприятий. Для удобства материалы располагаются по тем шести группам, которые приведены выше, без соблюдения того порядка, в котором они там перечислены.

1. Обработка металлов.

Рассмотрение этой группы должно быть разбито на 4 рода производств, а именно:

а) чугунно-плавильное и железо-делательное,

б) чугунно и медно-литейное,
в) механическое,
г) по выработке стале-слесарных изделий.

а) Чугунно-плавильное и железо-делательное производство.

Чугунно-плавильное и железо-делательное производство в Муромском крае принадлежит в настоящее время истории.

Условия, вызвавшие в свое время эту промышленность к существованию,— это наличность железной руды в недрах Муромского уезда. Залежи эти, начинаясь близ с. Панфилова (в 7—8 верстах от Мурома), через Архангел. у Верхоуженского завода, направляются вплоть до с. Черсева (Мелепковского уезда) и далее. В Муромском уезде руда добывалась, главным образом, у с. Панфилова. Найдены залежи руд кроме того: в пригородных слободах—Дмитриевской и Якиманской, в заречной части—в промежутке между с. Липней и д. Савослейкой, в урочище «Разсохи», прилегающем к большой дороге из города Мурома в город Арзамас.

Из последних месторождений руды использовались в большой части только залежи около пригородных слобод, где с открытием Кулебакского горного завода было добыто немногим больше 50.000 пудов.

Большее же значение имеет месторождение близ с. Панфилова и под ним. Близ Панфилова долгое время существовал теперь уже окончательно разрушенный чугунно-плавильный и железо-делательный завод. Год основания, равно как и деятельность его до 1843 года (по другой версии—до 1851 года) — неизвестны. По некоторым данным основание его должно быть отнесено к половине XVIII столетия. Принадлежал он графу Шереметьеву. 1768 год застает завод уже в запустении. Только в 1843 (или в 1851) году завод, под именем «Колпинка» был вновь устроен новым владельцем, графом Уваровым. Имеются данные, что в пятилетие 1852-1857 г.г. завод выплавлял ежегодно чугуна 59.708 пудов, а в трехлетие 1859-1861 г.г.—82.650 пудов.

Завод работал до 1875 года. В этом году всякое производство прекратилось. Завод бездействовал в продолжение 7-8 лет.

В 1884-85 году завод или был куплен или взят в аренду московским заводчиком Гужоном, который и работал здесь до 1904 года, когда завод был окончательно (и вероятно — навсегда) закрыт.

Данные, характеризующие производство в 90-х годах прошлого столетия, таковы:

На заводе было 2 доменных печи, 4 пудлинговых печи (1 запасная), 2 болванно-прокатных стана, 1 паровой молот, 4 паровые машины общей мощностью 106 HP. Работал завод на древесном угле и нефти. Средняя выплавка чугуна до 700 пудов в день.

Рабочих на заводе (без рудокопов) было до 200 человек. Заработная плата (для 1890 года) —250 р. в год на человека.

Причиною закрытия завода явилась конкуренция Кулебакского Горного завода, принадлежавшего О-ву Коломенского Машиностроительного завода. Завод являлся единственным в Муромском уезде представителем этого рода производства.

б) Чугунно- и медно-литейное производство.

В эту группу входят 3 завода, существующие до настоящего времени. Это чугунно-литейные заводы бывш. Л. В. Зворыкина, Н. В. Зворыкина и Т-во Торского чугунно-и медно-литейного и механического завода.

Старейший из них — Л. В. Зворыкина (рядом с Торским заводом) является в сущности родоначальником остальных двух.

Если не о характере, то о размерах деятельности завода после тридцатилетнего существования его можно судить по тому, что в «Статистическом описании города Мурома», любопытном труде, оставленном А. А. Титовым и относящимся к 1840 году, о чугунно-литейном производстве сказано кратко: — «принадлежащих бр. И. В. и М. В. Зворыкиным литейных домиков — 2, на них чугунного бою переливается до 15 пуд.». Остается неизвестным, в какой срок «переливается до 15 пуд.,»—в день, месяц или год. Краткость заметки указывает лишь на то, что в ряду других фабрично-заводских производств того времени чугунно-литейное не представляло собою крупного значения, что и понятно, если вспомнить, что тогда в Муроме, как и во всей стране, преобладающею формою производства была мануфактура. Любопытно здесь то, что производство удержалось за одной и той же фамилией Зворыкиных в течение более 100 лет.

Основан завод, по непроверенным данным, в 1812 году, работал до 1915 г., т.-е. свыше 100 лет. Специальность — литье чугунной посуды и печных приборов. Число рабочих в последнее время не превышало 15—17 человек. Годовой оборот — 15.000 р. в год. В настоящее время—в запустении, оборудование частью вывезено.

Воздуходувная машина — древнейшей конструкции и заслуживает того, чтобы быть помещенной в музей местного края.

Завод Н. В. Зворыкина под именем «Бучиха» основан в 1828 году. Специальность его та же, что и первого. Только уже во время войны, в 1915 году завод оборудовал механическое отделение и сделал неудавшуюся попытку завести производство ковкого чугуна. Оборудованный случайными и старыми станками, механический отдел не успел до революции развиться. Рабочих до 1915 года было 20-25 человек, в годы войны — до 70 человек.

Последний владелец завода, В. К. Зворыкин, сделал в 1921 году неудачную попытку взять завод в аренду. Проработав несколько месяцев, покинул завод, который теперь стоит.

Брат Н. В. и Л. В. Зворыкиных в 1887 году основал небольшой заводик вблизи так называемого «Торского» болота. Первоначально завод представлял собою одну кузницу, впоследствии к ней присоединились примитивная слесарная мастерская и литейная. Основною специальностью стало производство гирь. Дело шло плохо, так как капитал был невелик. В 90-х и 900-х годах сплошь и рядом бывали случаи, что перед литьем на занятые деньги покупались 2-3 воза чугуна, и в зависимости от этого было литье или его не было.

Личные качества хозяина также не сулили блестящей будущности заводу. В 1897 году в компаньоны к Зворыкину вступил мучной торговец, В. В. Киселев. Чтобы скрыть имена компаньонов, из которых и тот и другой пользовались далеко не блестящей репутацией в своей сфере, образовано было «Т-во Торского завода». Ко дню образования Т-ва весь капитал завода Зворыкина со всем инвентарем составлял едва 11.000 рублей. Оборудование состояло из 5 гирных станков, локомобиля 8 HP и вагранки. Рабочих было 23 человека.

Дела Товарищества, а потом и единоличного владельца, В.В. Киселева, пошли недурно. Завод начал оборудовать механическую мастерскую, построил новую литейную, было введено литье меди. Развившаяся текстильная и другие отрасли промышленности стали давать заказы. Дела завода пошли вовсе хорошо. В 1911 г. оборот завода превысил 100.000 рублей, число рабочих—свыше 100 человек. Двигатель — паровая машина 18 HP.

Горное производство составляло значительную часть оборота, но развивался и совершенствовался в оборудовании и механический отдел. К началу войны завод был полностью обеспечен заказами на машины—орудия для павловского кустар-

ного района, и обеспечивал ремонтные нужды промышленности обширного района из нескольких уездов Владимирской и соседних губерний. Работал без перерыва во все время революции, работает и в настоящее время.

в) Механическое производство.

К этой группе принадлежит только что описанный выше Торский завод, ныне—«имени А. Г. Шляпникова», работавшего на нем в 1902 году, и до некоторой степени завод «Бучиха».

Более же значительное явление в промышленности края представляет собою механический завод, принадлежавший инженер-механику П. Ф. Валенкову. Основанный им в 1887 году, завод вначале имел весьма скромные размеры. По данным конца 90-х годов завод состоял из небольшой литейной, такой же кузницы и механической, она же и плужная мастерская. Рабочих — 26 человек.

Обладая незаурядным организаторским талантом и техническими знаниями, владелец завода стал быстро расширять дело. 15 января 1903 года был открыт большой корпус механического цеха.

Конструкция здания, дававшего массу воздуха и света, говорила о том, что человек, строивший его, знал, что продуктивность труда рабочего находится в прямой зависимости от тех внешних условий, в которых протекает его рабочее время. Столь же выгодное впечатление должен был получить каждый и от обозрения оборудования этого великолепного корпуса. Столь же великолепные, большею частью английские, станки, скомбинированные в одно стройное целое, отвечающее твердо поставленным задачам производства, ничего лишнего, ничего посредственного—все это, в соединении с общим впечатлением от светлого, как бы воздушного корпуса, так непохоже было на заурядные русские заводы, с их грязью, темнотой и отсутствием руководящей, здоровой идеи в расположении рабочих помещений.

Дальнейшее ознакомление с заводом только усиливало общее благоприятное впечатление. Завод к этому времени специализировался на постройке судовых машин, хотя принимал и с успехом выполнял и другие, самые разнообразные заказы, вплоть до постройки пароходов, корпуса которых в разобранном виде отправлялись по назначению. Около села Карачарова была устроена небольшая судостроительная верфь.

По отзывам многих рабочих, в большинстве живых и поныне, завод являлся хорошею школою, так как умелое техническое руководство и наблюдение, в соединении с требовательностью, пред'являемой к рабочему, выучивали его, приучали к точности и аккуратности, воспитывали в нем уважение к труду в лучшем понимании этого слова. И до настоящего времени при приеме на работу лучшею рекомендацией для рабочего является его заявление, что он «работал у Валенкова».

Надо пожалеть, что это так много обещавшее предприятие погибло, не успевши развиться.

Начав дело со скромным капиталом, форсируя расширение дела, владелец не обладал, повидимому, достаточною коммерческой изворотливостью. Нуждаясь в оборотных средствах, он прибегал к кредиту, часто мелкому, на тяжелых условиях. Выдача Государственным банком ссуд под принимаемые заводом заказы была использована очень широко. Несчастливо сложившаяся история с одним из заказов послужила поводом к роковой заминке в делах, окончившейся протестом векселей и обычными последствиями этого.

Заводом был принят заказ на воздуходувные машины для некоего уральского заводчика Лукьянова. Изготовленные в срок машины при транспортировании их водой где-то на верховьях обмелели и не попали к сроку на место назначения. Лукьянов, не получив во-время машин, об'явил себя несостоятельным. Это было в 1904 году. Об'явление о несостоятельности повлекло за собой обращение претензий

Государственного банка на Валенкова. Денег не было. Кредит был использован. Последовали протесты векселей, затем—учреждение администрации, которая вела дело в течение трех лет.

Затем завод перешел за долги и стоял с полным оборудованием до 1915 г. В этом году новый владелец, мануфактурист, нисколько не интересовавшийся совершенно чуждым ему делом, продал оборудование завода, и оно было развезено по разным заводам теперешней «Гомзы». Часть попала в Сормово, часть в Коломну и там, конечно, без пользы, затерялась в массе оборудования крупного завода. Косность муромского купечества не допустила его додуматься до мысли о необходимости сохранения столь ценного промышленного предприятия, которое и могло служить, и действительно служило образцом для предприятий всего района. В настоящее время завод представляет собою руины. Последовавшая во время революции смена владельцев в лице различных государственных учреждений привела к тому, что корпус механической мастерской завода сгорел.

В последнее время на заводе имели работу свыше 500 человек рабочих.

Крупным явлением в рассматриваемом производстве является постройка около Мурома (15 минут езды) «Центральных паровозных мастерских» моск.-казанской жел. дор.

Построенные в 1912—1913 году, мастерские, к сожалению, были застигнуты в период своего оборудования мировою войною, не дозволившей осуществить тот план оборудования, который был предположен. Характерною чертою этого плана было то, что им предусматривалось почти полное уничтожение труда чернорабочих. Все операции по подноске, передаче, распределению и уборке сырья, топлива, полуфабрикатов и изделий предполагалось совершать при помощи целой системы под'емных и передаточных механизмов.

План этот, к сожалению, и до сего времени не удалось осуществить за отсутствием соответствующих машин, но препятствий к осуществлению его в будущем, при возможности к тому, нет.

Богатейшие архитектурные данные зданий мастерских ставят их в число немногих у нас, в России, предприятий подобного рода.

г) Производство стале-слесарных изделий.

Группа предприятий по выработке стале-слесарных изделий и более многочисленна, чем нами уже описанные, и — наиболее характерна.

В то время как три предыдущие группы производств представлены предприятиями, ничего, в сущности, оригинального не имеющими и представляющими собою типичные заводы соответствующих специальностей, прототипы которых рассеяны по всей стране, фабрики стале-слесарных изделий являются у нас единственными в своем роде.

Важно здесь также и то, что в районе расположения их существуют не просто фабрики, но там развилось и укрепилось оригинальное производство, занятия коим служат источником существования не одной тысячи человек.

На истории возникновения и настоящем состоянии этого района необходимо остановиться подробнее.

Район занимает северо-восточную часть заокской стороны Муромского уезда и тянется длинной узкой полосой вдоль границ бывш. Горбатовского, ныне Павловского уезда Нижегородской губ. и входит в состав знаменитого Павловского кустарного района.

Издавна здесь распространился промысел по производству стальных изделий: столовых ножей и вилок, разного рода ремесленных и кухонных ножей, ножниц, щипцов и т. п., а также—замков. Отметив, что часть района, территориально принадлежащая Муромскому уезду, имеет тесную связь с остальным районом и

селом (теперь — городом) Павловым, обратимся к истории развития промысла в нашем уезде.

По данным единственной (в 1897 г.) переписи, всех селений, где имелось не менее 3-х кустарей, отмечено 104. Во многих из них выделкой стальных и железных изделий занято почти все наличное мужское население.

Всего такого рода кустарей зарегистрировано 3.890 человек;—из них в ножевом промысле зарегистрировано 3.154 лиц, в замочном—577 лиц и выделке разных других стальных изделий—159 лиц.

Ножевщиков больше всего жило в Новосельской волости (1.184), немного меньше в Арефинской (1.056), в Казаковской—474 чел., Варежской—303, остальные ножевщики живут в Загаринской, Яковцевской, Монаковской и Клинской волостях.

Замочники сосредоточивались преимущественно в Арефинской волости—338 лиц и Варежской—184 чел., остальные живут в Загаринской и Яковцевской волостях.

Из сопоставления этих цифр видно, что промысел охватил значительную часть населения, наиболее при том активную, большого района и, как увидим в последующем изложении, явился базою для развития современной фабрики.

Обращаясь к истории возникновения промысла, из разных источников почерпаем следующее:

«Время возникновения железных промыслов Павловского района,—говорит исследователь этого района В. Рагозин,—настолько удалено от настоящего, что нет возможности проследить не только историю их возникновения, но сколько-нибудь последовательно изложить ход их дальнейшего развития, — придется ограничиться краткими и отрывочными указаниями.

«Материалы для оценки земель Владимирской губернии» (т. I, вып. III, стр. 48—49) дают нам краткое изложение истории возникновения промысла, основанное на изысканиях лиц, специально обследовавших район.

«Возникновение промысла в с. Павлове относится к началу XVII, если не к концу XVI века. В писцовых книгах под 1621 г. в Павлове записано 11 кузниц. Толчок к возникновению здесь промысла могла дать близость старых железоплавильных Выксунских заводов. Дальнейшему развитию и распространению способствовала близость рек Волги и Оки, по которым было удобно и дешево получать сталь и железо и сбывать изделия. Возникновение ручного мастерства ножевых изделий в Муромском уезде известный старожил и фабрикант Д. Д. Кондратов, по словам Добрыкина, относит к 1780 году. До того времени в селениях, окружавших с. Вачу, жители достаточно были знакомы с кузнечным мастерством, и главное их искусство состояло в заварке ружейных стволов. Говорят, в д. Польце были тогда лучшие ковали, и им первым пришлось положить почин ножевому мастерству в уезде».

Вначале стали делать ножи «морские» (рыбные) и крестьянские (простые хлебные). Сбывали в низовые места Волги. Столовые ножи приготовлялись тогда в Москве и ее окрестностях. В Муромском уезде их стали делать позже.

Первая фабрика ножевых изделий в селе Вече открылась в 1812 г. Основателем ее был местный житель—крестьянин Коробков, хорошо изучивший это мастерство у павловских ножевщиков.

Долгое время техника промыслов стояла невысоко, и производство развивалось в чисто кустарных формах. И только в 30—40 годах прошлого столетия новые технические приемы начинают проникать в район и восприниматься массой кустарей. Нельзя забывать, что все кустари были крепостными.

«С конца 30-х годов,—читаем мы у М. Савельева в его труде «Металлические промыслы Нижегородской губернии» (1916 г. стр. 13 и далее)—«павловские более значительные мастера-фабриканты начинают появляться со своими

образцами на разных выставках, интересоваться более близко разными усовершенствованиями и изобретениями. Таким образом устанавливается постоянная связь Павлова (и Вачи) с другими районами и столицами. Все это имело своим последствием значительное усовершенствование техники производства, особенно в области изготовления столового и перочинного ножа и ножниц. Одним из непосредственных результатов такого технического прогресса явилось более последовательное разделение труда в организации промысла. Мелкая мастерская получает теперь стимул к значительному расширению путем широкого применения специализированного труда. Появляется ряд небольших «фабрик» с постоянным контингентом рабочих. Правда, было бы неправильно отождествлять Павловскую фабрику 30—40 годов с современной, капиталистической. Тогдашние фабрики являются детищем мануфактурного капитализма. Основное отличие их от обыкновенных ремесленных мастерских — это лишь больший размер и дальше идущее разделение труда, если не считать более широкого применения улучшенных способов приемов обработки.

«Но все же центр тяжести заключался в личном труде и искусстве опытных мастеров. Вот почему в производстве в это время так ценились искусные руки, а мастера так часто достигали положения хозяев.

«Этот период развития стале-слесарного производства тесно связан с усилением выработки перочинного и столового ножа и значительным распространением «раздаточной» системы.

«Разделение труда между рабочими на фабрике и окружающим ее кустарным населением сводилось к тому, что первые, являясь более квалифицированными силами, выполняли более ответственную и тонкую работу, вторые — более простую и грубую. Вокруг фабрики того времени начинает концентрироваться мало-по-малу значительная кустарная масса, в производственном отношении с ней тесно связанная. В результате в Павловском районе выдвигается в это время целая группа «фабрикантов»—вчерашних простых мастеров. В Павлове—Ф. Вырыпаев, А. Калякин, Н. Воротилов, А. Банин; в с. Ворсме — братья А. и Ф. Завьяловы, И. Завьялов, Ф. и И. Залявины, бр. З. и Н. Шмаковы; в с. Вече — Д. Д. Кондратов...

«В общем и целом развитие Павловской промышленности за весь этот долгий период идет сравнительно медленно, накопление капиталов происходит туго. Лишь два предприятия: Бр. Завьяловы в Ворсме, изготовлявшие перочинные ножи, да фирма Кондратовых в Вече, вырабатывавшая столовые и другие ножи, выделяются среди других, как размахом своей деятельности, так и организованностью производства.

«...Непосредственно акт отмены крепостного права никак не отмечается в анналах Павловской промышленной истории, но косвенное значение этого общественного переворота было громадно. Только теперь Павлово получает возможность оставить свой сравнительно узкий производственный базис и выступить на широкую дорогу, получает возможность стать на путь массового производства товаров. Вопрос о применении в Павловской промышленности механической силы, что и является необходимым условием массового производства, был конкретным образом разрешен тоже только в 60-х годах. Впервые в 1862 г. здесь была поставлена паровая машина Д. Д. Кондратовым. Затем в 1866 году в Павлове была пущена в ход паровая личильня Ногтева».

О постановке первой паровой машины от племянника Д. Д. Кондратова нам пришлось слышать, что государственный герб, полученный фирмой Кондратова за выставку 1870 года, был получен именно за применение паровой машины в ножевом производстве. Одновременно он вспоминает, что эту первую машину (10 HP) ставил англичанин Пенигор. Ставил ее целый год. Был он великий пьяница, так что в том количестве водки, которое он выпил за время своей работы, его можно было бы свободно утопить.

В сущности «только пар мог благоприятно разрешить вопрос о дальнейшем развитии производительных сил района, только последовательное проникновение машины в самый производственный процесс в состоянии были сдвинуть Павловскую промышленность на новый путь капиталистического развития. И вот мы видим, что прежняя чисто мануфактурная организация фабричного труда начинает мало-по-малу видоизменяться в машинную, капиталистическую».

О том же говорит и П. Н. Исаков в своем докладе на всероссийском кустарном с'езде в 1910 году. «Все данные свидетельствуют, — говорит он, — о том, что в районе происходит медленно, но неуклонно эволюция, в силу которой кустарное производство, в тесном смысле, падает, хотя благодаря местным условиям его существование еще надолго обеспечено. Рядом с этим форма домашнего (капиталистического) производства развивается».

Из вышеизложенного ясно, что тенденция развития кустарного района вполне определилась, и преобладающей формой производства для ближайшего уже будущего может и должна явиться только фабрично-заводская. Остановимся поэтому подробнее на развитии именно этого этапа развития производственной деятельности по выработке стале-слесарных изделий в пределах Муромского края.

Ниже помещается таблица, дающая понятие о последовательности развития и масштабе деятельности промышленного капитала, вложенного в фабрики района. Тут же приводятся данные о времени основания и закрытия предприятия и числе рабочих за 1913 и 1916 г.г.

Таблица № 1.

№ № по порядку.	Наименование предприятий (фирма, владелец).	Род производства.	Год основания.	Время закрытия.	Число рабочих.	
					1913 г.	1916 г.
1	Фабрика т/д. Н-ов Д. Д. Кондратова	Ножи и вилки.	1830	—	1050	1596
2	Фабр. т/д. В. Д. Кондратова С-вей	„	1885	—	280	350
3	„ О. И. Коробкова . . .	„	1812	1914	100	—
4	„ Л. и А. Завьяловых . .	„	1893	—	175	237
5	„ А. И. Сидорова	„	1903	—	120	—
6	„ А. М. Сидорова	„	1885	—	120	175
7	„ Бр. Семеновых	„	в 90-х г.	1918	150	200
8	„ И. И. Денисова	„	1914	1921	—	60
9	„ И. И. Иванова	„	в 90-х г.	1917	50	—
10	„ М. и В. Волкова	„	тоже	1917	70	40
11	„ Андреева	„	1902	1917	50	30
	Итого:		—	—	2931	2688

Из рассмотрения этой таблицы можно установить, что до 90-х годов прошлого столетия в районе было всего 2 фабрики: Коробкова и Кондратова. Первая фирма развития не достигла и в начале второго десятилетия текущего столетия, будучи повреждена пожаром, не была восстановлена. Владелец счел более выгодным продолжать работу путем скупки кустарного товара.

В результате накопления скупщических капиталов в 90-х годах начинается дальнейшее открытие фабрик.

После раздела между наследниками основателя фирмы Д. Д. Кондратова в 1885 году возникает фабрика под фирмой т/д. В. Д.Кондратова С-вей. В последовательном порядке основываются фабрики меньшего размера: А. М. Сидорова— в Городищах, Бр. Семеновых — в Беляйкове, Иванова — в Казакове, Волкова — в Медоварцеве, прославившаяся в Павловском районе фирма Завьяловых открывает свое отделение в с. Новоселках, в 4-х верстах от Вачи.

Начало XX столетия ознаменовывается дальнейшим развитием фабричного способа производства; основывают фабрики: А. И. Сидоров — в Городищах, Андреев — в Тюрбеневе, последнею, уже в военное время, зарождается фабрика И. И. Денисова в Кошелеве.

Как видно из таблицы, все эти фабрики гораздо мельче фабрики Кондратовых.

Выделились из ряда их на первые места за большой Кондратовской фабрикой — родственные ей т/д. В. Д. Кондратова С-вей, Завьяловых, затем—А. И. Сидорова. Остальные, и по сравнительной «молодости» своей и вследствие того, что они попали в полосу развития конкуренции в очень острой форме, также и по размерам своих капиталов, в большие предприятия не развились. Некоторые из них во время империалистической войны прекратили свое существование. К таким относятся фабрики: Волкова, Андреева, Иванова.

О том, какие изменения внесла сюда революция, укажем в дальнейшем изложении.

Для того, чтобы получить правильное представление об организации фабричного производства района, необходимо указать, что помимо фабрик, о которых только что говорилось, в районе появилась группа предприятий, являющихся подсобными для фабрик, производящих стале-слесарные изделия. Это — шлифовальные фабрики или заведения, где производится окончательная отделка ножевого и иного товара. Оборудование этих оригинальных «фабрик» (для них существуют обиходные названия: «фабрика», «шлифовальное заведение», «шлифовалка», «личилка», «личильное заведение») одинаково: двигатель обыкновенно-внутреннего сгорания, иногда паровая машина, — приводит в движение ряд шлифовальных станков, на которых производится точка и шлифовка изделий. В случае возможности двигательною силою служит вода, почему при водяных мукомольных мельницах довольно часто устраивались «шлифовалки».

Большие фабрики имели шлифовальные отделы при самых фабриках или же на стороне, в районе распространения этого вида промысла, характеризующегося достаточным количеством рабочей силы.

Развитие шлифовальных «фабрик» показывает следующая таблица(№ 2), при чем в таблице этой показаны только те шлифовальные «фабрики», которые помещались вне самых основных фабрик.

Таким образом таблица показывает наличность 20 шлифовальных фабрик. Вместе же со шлифовальными отделами при соответствующих фабриках их было не менее 30. Далее усматриваем, что 1915 год, совпавший с особо опустошительными мобилизациями, сильно сократил их число.

Будучи закрыты, многие из них, разрушившись, уже не восстановились и, как предприятия, погибли.

Таблица № 2.

№№ по порядку.	ВЛАДЕЛЕЦ.	Местонахождения.	Род двигателя.	Год основания.	Время закрытия.	Число маст.
1	Фабр. т/д. Н-ов Д. Д. Кондратова	д. Лобково.	Паров.	1822	—	100
2	Фабр. т/д В. Д. Кондратова С-ей	„ Лесниково.	„	1887	1915	80
3	Фабр. т/д. Н-ов Кондратова.	уроч. Трясиха.	„	1880	1915	80
4	Г. К. Тонихс	д. Лобково.	„	1885	—	85
5	Г. К. Тонихс	„ Талынское.	„	1905	1923	90
6	В. М. Теребина	с. Вареж.	Двигат.	1901	—	210
7	И. И. Денисова	д. Березовка.	Паров.	1908	1916	50
8	Широкова	„ Еремеево.	„	1903	1915	40
9	Волкова	„ Озябликово.	„	1901	1915	40
10	Холодова	с. Арефино.	„	1902	1908	40
11	Холодова	д. Вакулово.	„	1902	1915	40
12	Семенова	„ Кошкино.	„	1903	1915	50
13	Курышева („Водянки" расположенные по р. Большой-Кутре при соответствующих мельницах)	„ Фофаново.	Двигат.	1904	1915	40
14	А. И. Сидорова.	Кочетиха.	Водяное колесо.	Неизв.	1915	30
15	А. В. Ягупова	Поцелуиха.	„	„	—	20
16	Андреянова	Галаниха.	„	„	—	35
17	Н. В. Кондратова	Сколковская.	„	„	1915	35
18	Д. Д. Кондратова по р. Малой Кутре	Кобелиха.	„	„	1915	40
19	Симонова	Новосельская.	„	„	1915	25
20	Колычева	„Новенькая".	„	„	1915	30

Только 20 перечисленных в таблице «шлифовалок» занимали свыше 1.000 человек шлифовальщиков (1.150 ч.), но число это не может быть признано совершенно точным, и есть данные утверждать, что число это доходило до 1.300 — 1.400 человек. Учтя же рабочих, занятых в шлифовальных отделах при фабриках, будем иметь от 1.700 до 2.000 шлифовальщиков.

Наконец, для воссоздания полной картины размеров капиталистической организации производства необходимо представить себе картину развития кустарно-скупщического капитала, дав список кустарей-хозяев, у которых было свыше 10 рабочих, но которые не имели своих фабрик с механическим двигателем.

Эти будущие, — если бы сохранилась капиталистическая система организации производства, — фабриканты или действовали вполне самостоятельно, или же являлись контрагентами местных фабрикантов или даже столичных торговых фирм, получавших от них изделия за своим торговым клеймом. Список этот, поскольку удалось его установить, следующий. Если этот список и не может претендовать на совершенную точность и полноту, он во всяком случае полнее тех официальных данных органов фиска за период с 1910 до 1917 год включительно, который у нас имелся. Во всяком случае он достаточно полон для того, чтобы представить себе ту картину полной зависимости кустаря-рабочего, встретившего везде, по всему району, представителей организации капитала, которые диктовали ему условия труда, не дозволяя выйти из рамок голодного бюджета, еле обеспечивающего существование. (См. таблицу № 3, на стр. 19).

Из сопоставления трех вышеприведенных таблиц можно вывести заключение, что общее число рабочих, занятых как в фабричной, так и в организованной кустарной промышленности, можно считать близким к 5.000. Из этого числа, по крайней мере, $^3/_5$ работали на фабриках, $^1/_5$ приходилась на шлифовальные заведения и $^1/_5$ — на кустарей-хозяев.

Но этой цифрой 5.000 человек не исчерпывался размах производства района. Сюда надо прибавить значительное число кустарей-замочников, и кустарей-замочников-одиночек, не вошедших ни в одну из сложившихся производственных организаций. Такое состояние производства имело место к началу мировой войны.

Война внесла существенные изменения в жизнь промышленного района, уменьшив число квалифицированной рабочей силы в нем.

Уменьшение это коснулось, главным образом, чисто кустарной массы, так как здесь кустарь не воспользвался некоторыми привилегиями, которые предоставлены были, правда, уже в конце 1915 года, фабричным предприятиям, получившим возможность забронировывать кадры незаменимых в производстве рабочих. Но мобилизациями 1914 и 1915 годов, когда о судьбах промышленности, даже имея в виду ее военное значение, еще не заботились, и в ней как и во всей промышленности страны были произведены ощутительные опустошения. В результате мобилизаций и других причин, выявившихся в результате затянувшейся войны, район сильно сократил размах своей деятельности. Самая эта деятельность претерпела существенные изменения, начав с конца, даже с середины 1915 года изменять ассортимент вырабатываемых изделий, приспособляя его к нуждам и потребностям военного времени.

Основное ножевое производство стало отходить на второй план, заменяясь предметами вооружения, снаряжения и снабжения армии. Появилось производство ножниц для резки проволочных заграждений, машечных клинков, кортиков, шанцевого инструмента (топоров, лопат), разного рода инженерного имущества, инструментов, стремян, шпор и многое другое.

Несмотря на сокращение кадров квалифицированных рабочих и введение в производство малообученного элемента и значительного количества женщин, район работал во время войны чрезвычайно интенсивно, и не только по размерам предпринимательских сверх-прибылей, но и по количеству вырабатывавшихся им изделий. Вместе с тем районом были показаны сильные и слабые стороны его, равно как и то, что при благоприятных условиях энергия района может быть гораздо большей, чем та, которую показывал он в обстановке самодержавного режима, часто препятствовавшего осуществлению мероприятий, могущих способствовать развитию производительных сил района.

Таблица № 3.

№№ по порядку.	Ф А М И Л И И.	Местонахождение.	№№ по порядку.	Ф А М И Л И И.	Местонахождение.
1	Огурцов	д. Чирьево.	24	Грошков	д. Талынское.
2	Фадеев	„ Шигинкино.	25	Грушин.	с. Польцо.
3	Волков	„ Терпишки.	26	Бр. Демидовы. . . .	д. Деревницы.
4	Елизаров	„	27	Чалов	с. Польцо.
5	Кузнецов	с. Дьяково.	28	Кульков	д. Сенюково.
6	Бр. Савины	д. Искусово.	29	Сухов	„ Горы.
7	Безпалов	„ Панышево.	30	Франтов	„
8	В. И. Чугунов [1]) . .	с. Вача.	31	Щукин	„
9	Г. И. Чупров [1]) . . .	с. Вача.	32	Петлев	„
10	М. М. Чупрова [1]) . .	„	33	Пестряков	д. Шерстино.
11	Горкин [1]).	„	34	Бр. Пахомовы . . .	„ Верхополье.
12	Тычкин [1])	„	35	Бр. Карповы [3]) . . .	„ Янино.
13	Зверев [1])	д. Горбуниха.	36	Бр. Чадулины [4]) . .	„ Озябликово
14	Вахромов.	„ Поповка.	37	Бр. Клиновы	„
15	Старцев и Плюшков[2])	„	38	Кустарная Артель [5]).	„
16	Никитин	„ Городищи.	39	Минеев	д. Янино.
17	Щелоков	„	40	Денисов	„ Михалево.
18	Щелоков	„	41	Абросимов	„ Алтунино.
19	Савин	д. Деревницы.	42	Пудеев	„ Кошкино.
20	Савин	„	43	Тестов	с. Федурино.
21	Розжигов	„	44	Артель [6])	д. Солнцево.
22	Бр. Кузнецовы . . .	„	45	Карпов	„
23	Пузанков	д. Талынское.	46	Миронов	д. Лесниково.

[1]) Отмеченные *) кустари имели от 25 до 50 рабочих. Большинство их начало деятельности своей относит к 80-м годам XIX века.
[2]) Имели до 120 рабочих. Работали на фирму „Брабец“.
[3]) Замочное производство.
[4]) Выработка тяжелых кузнечных наковален.
[5]) Артель возникла в 1902 г., ликвидировалась к 1916 г., в 1917 г. организовалась вновь; до 1917 г.—25 человек.
[6]) Артель возникла в 1902 г., замерла в 1908 г.—30 человек.

На первом месте и в этот тяжелый период военных бедствий стояла значительнейшая в районе фабрика бывш. Н-ов Д. Д. Кондратова. Фабрика эта является старейшею во всем районе, если не считать еще более старую — Коробкова, прекратившую, однако, свое существование к тому времени, как фабрика б. Кондратовых достигла полного своего развития.

По своим размерам к 1917 году фабрика эта являлась одною из самых больших, вернее же, самою большою в области дополнительного производства не только в России, но чуть ли не во всем мире.

За время своего многолетнего существования фабрика разрослась до размеров большого предприятия с богатым специальным оборудованием и силовыми установками мощностью свыше 300 HP.

О качестве выпускаемых фабрикой изделий можно судить по тому, что она имела высшие награды, ею действительно заслуженные, а прейс-курант ее к началу войны заключал в себе большое количество изделий. Надо пожалеть, что до самого последнего времени фабриканты не только Вачского, но и Павловского районов чуждались привлекать для руководства производством своих предприятий квалифицированные технические силы. Характерно не только для Вачи, но и для Павлова, то обстоятельство, что до революции во всем обширном промышленном районе с несколькими десятками тысяч рабочих и не одним десятком фабрик не было ни одного наемного инженера. У фамилии Кондратовых в последнее время были инженерами по образованию сами хозяева (во втором и третьем поколении). Во всем же остальном районе лишь в 1912 году у фирмы Теребина первый раз появился на службе техник. Это обстоятельство, несомненно, отразилось на организации фабрик и производства на них, отразилось оно и на фабрике б. Кондратовых и — в неблагоприятную сторону. Фабрика за последнее время сильно разрослась, но разрастание это происходило, если можно так выразиться, по линии наименьшего сопротивления, путем случайных пристроек и расширений, отчего, в конце-концов, фабрика представила собою большое фабричное предприятие, со многими случайными, не об'единенными общею идеей отделами, связь между которыми устанавливалась со многими нарушениями элементарных требований техники и соображений экономики и даже простой целесообразности.

К основному ножевому производству были привнесены другие. Так, в 1906 г. был организован топорный отдел для выработки механическим способом цельностальных топоров, с производительностью 20.000 — 30.000 шт. в месяц. Затем была сделана попытка организовать при фабрике сталелитейное производство. В специально построенном корпусе была сделана мартэновская печь. Строилась она долго, но так и не была пущена.

Попутно необходимо отметить, что на родственной большой фабрике В. Д. Кондратова С-вей в 1911—1912 г.г. тогдашним владельцем ее Н. В. Кондратовым была сделана удачная попытка завести, на-ряду с основным ножевым — производство рогулек и веретен для в а т е р о в прядильных фабрик. Производство, неожиданно поддержанное войной, когда доступ частей ткацких машин был, если не прекращен вовсе, то сильно затруднен, встало на ноги; русские фабрики, признавая удовлетворительные качества производства, стали заказывать необходимые им веретена и рогульки. Дело это имеет будущность и ждет благоприятного времени для своего развития.

Наконец, в двух словах укажем на один факт, характеризовавший положение дел в районе и имевший большое влияние на развитие чисто фабричных форм производства.

Это — факт взаимодействия между двумя территориально чуждыми, но производственно близкими районами, выражавшийся в том, что фабриканты Павловского района старались проникать в Вачский район, и, наоборот, Вачские фабриканты прилагали усилия к тому, чтобы закрепиться в Павловском районе

Причинами этого оказывались: требования рынка и конкуренция, заставлявшие стараться о возможно более полном ассортименте выпускаемых товаров, и погоня за необходимою для того или иного вида изделий рабочею силой. Дело в том, что различные профессии рабочих издавна осели на определенных местах, с которых весьма неохотно двигались. Поэтому, в прямом противоречии со всеми другими отраслями промышленности, легче было придвинуть производство к рабочему, чем рабочего к производству. В результате этого, нуждаясь в ножничном товаре. Кондратов устраивает фабрику при д. Тумботино, желая организовать производство перочинных ножей, — открывает такую же в Воресме. С другой стороны, в погоне за личильщиками, специалистами по складному ножу, Теребин открывает шлифовальную фабрику в Вареже, отделение в д. Поповка, рядом с Вачей и т. д.

Трудно сказать теперь, чем окончилась бы борьба между этими крупнейшими в районе фирмами, одною старою, почившею было на лаврах, другою — молодою, стремящейся ее завоевать.

В революцию район вошел с сокращенным числом как самостоятельных, так и подсобных предприятий и уменьшенным количеством рабочей силы.

Не останавливаясь на жизни района в годы революции в том убеждении, что этому периоду истории должно быть посвящено самостоятельное исследование, мы отметим здесь лишь главнейшие этапы развития форм административно-хозяйственного управления.

До начала 1919 года не было органа, который принял бы на себя функции организатора и хозяина района.

Формальной национализации предприятия района не подвергались. В конце апреля месяца 1919 года Высший Совет Народного Хозяйства учредил в Муроме и Павлове Агентства «Продрасмет» Отдела Металла В.С.Н.Х, которые и существовали до 1921 года, когда вместе с упразднением «Продрасмета» при Отделе Металла Агентства были переименованы в соответствующие «Райметаллы». 1 июля 1922 г. «Райметалл» превратился в Муромский «Металлотрест».

В годы революции число фабричных предприятий уменьшилось на два: сгорели фабрика бывш. Семенова, в Беляйкове и Денисова — в Кошелеве.

В настоящее время «Металлотрест» включает в свой состав следующие предприятия, как в Вачском районе, так и г. Муроме: 1) фабрику бывш. т./д. Н-ов Д. Д. Кондратова, в Вече (фабр. № 1-й), 2) фабрику б. т./д. В. Д. Кондратова С-вей (в административном отношении входит в состав фабрики № 1 на правах цеха), 3) фабрика б. Л. и М. Завьяловых, в Новоселках (фабр. № 2). 4) фабрика б. А. И. Сидорова, в Городищах (фабр. № 3). На правах отделений фабрики № 1 входят шлифовальные фабрики: в Вареже, б. Теребина, в Лобкове— 2 и в Талынском—1, 5) Завод б. «Торский», в Муроме и 6) завод ковкого чугуна «Тармо», там же.

2. Обработка волокнистых веществ.

Текстильные производства.

Текстильная промышленность, как крестьянское ремесло, существовала в Муромском крае издавна. Первыми изделиями были, так называемые, новины — пестряди, а еще раньше — холст. В старину ткачество производилось дома, для своих нужд. Затем, когда в XVII столетии полотна стали предметом торговли, ткачеством стали заниматься усерднее и появились первые фабрики (светелки). Первоначально семьи, имевшие много рабочих рук, устраивали большие светлые избы (откуда и произошло название светелок), где и ткали полотна. Избы эти являлись первообразом полотняных фабрик. В Муроме фабрики эти существовали

с конца XVII столетия. После 1912 года оживившаяся промышленность породила еще больше фабрик, между прочим, и в Муроме. Пленными иностранцами указано было употребление самолета, и ткачество приобрело важное улучшение. В начале XIX столетия стала выдвигаться хлопчато-бумажная фабрикация, вытесняя льняную. Но в Муроме преобладание за льном сохранилось, и он становится одним из центров льняной промышленности. О состоянии льноткачества любопытные и, можно предполагать, вполне достоверные данные, относящиеся к 1840 году, сообщает в своем «Статистическом обозрении» г. Мурома гражданин и «градский голова» его — А. А. Титов.

Приводим эти данные.

«Фабрик полотняных—17; для них устроено в городе, кроме уездов, разных помещений, как-то: светелок, шпулек, амбаров и сараев—деревянных до 50, каменных—90; поварен и котлов железных—35; чанов деревянных для бученья пряжи—100, в каждый чан полагается суровой пряжи 80—100 пуд.; станов для тканья разного сорта полотен—в городе до 500, в уездах: Муромском, Судогодском и Вязниковском до 3.500; машин катыль по старой системе—22, на одной машине две лошади могут выкатать 24 куска в сутки; голландра—1, двумя лошадьми отделывать может до 200 штук в сутки, но полотна имеют другой вид; с цилиндрическим патиском—1. Для означенных фабрик, кроме заготовления пряжи, льна и шадрику, рабочих людей в городе и уезде употребляется до 12.000; пряжи поступает сюда льняной и частью пеньковой из городов: Мурома, Меленок, Судогды, Владимира, Юрьева, Суздаля, Ростова, Кашина, Вологды, Кинешмы, Юрьевца, Городца, Ардатова, Арзамаса, Сарапска и их уездов до 100.000 пудов; полотен парусных, равендучных, фланских и разного сорта беленых сработывается до 90.000 штук или до 4.500 арш., на сумму до 3.000.000 руб. Привоз пряжи и прочих материалов и отвоз в разные места занимает до 1.000 подвод каждогодно, кроме шадрика, которого до 50 т. пудов привозится водою: по Каме, Волге и Оке. Владельцы этих фабрик: почетные граждане и купцы: 2 гильдии—И. и Ф. Суздальцевы, С. Т. Суздальцев, И. А. Коломнин, П. П. Усов, И. Я. Прокофьев, П. П. Усов, М. А. Крашенинников, П. П. Гундобин, вдова Ф. Емельянова, П. П. Гундобин, Ф. С. Суздальцев, А. А. Титов, купцы 3 гильдии: И. Я. Перлов, вдова А. И. Перлова, К. Е. Сорокин, купец Г. А. Шведов, вновь устроив фабрику в лучшем виде, по своему капиталу и познанию в делах химии и механики, обещает хороших успехов по этой мануфактурной промышленности (он же предпринимает сахароварение из свекловицы)»:

Первыми основателями фабрик были здесь: М. И. Елин, Ф. Т. Жадин и Т. П. Суздальцев. Они, согласно повеления Петра Великого, в начале второй половины XVIII века начали вместо узкого холста ткать полотна широкие, на манер иностранных. И далее: «благодетельные поощрения правительства много способствовали к возвышению этой фабрикации. Иностранцы, предпочитая заграничным по дешевизне и крепости, издавна покупали их у фабрикантов Ярославских, Костромских, Вязниковских, Калужских, Муромских и других, так что в 1775 году при одном Архангельском порте полотен фланских продано было до 85.000 кусков в 50 аршин»... «ныне,—читаем мы дальше, — полотна здешних фабрик отправляются более всего в С.-Петербург сухопутно и водою»...

«В Москву отправляют полотна более зимою, по случаю дешевых извозов против летнего времени; в Москве их покупают для портов Архангельгородского, Рижского, Одесского и в разные комиссариатские места»...

«В Таганроге, — куда посылаются полотна почти из одного Мурома фабрикантами: И. и П. Усовыми, К. Сиротиным, А. Титовым и Гладковыми,—цены стояли несколько выше московских полотен; продают полотна небольшими партиями и их выходит в лето не более 8.000 кусков, притом не всегда за наличные деньги, а иногда за бакалею, сухие греческие фрукты, масло и вино. Доставляя туда

равендук и полубелые парусные полотна, год от году располагают покупателей заграничных и российских кораблей в пользу этих изделий, по своей прочности переносящих более других влияние воздуха, при употреблении на парусах».

«С недавнего времени начали отпускать изделия на Нижегородскую ярмарку, где берут их для Астрахани, частию в Казань, Симбирск и Тифлис, не всегда с пользою для производителей, кустарники, — так называемые мелкие фабриканты, производящие работу свою по деревням близ гор. Вязников и недалеко от крестьянских светелок Муромских фабрикантов; они каким-то образом находят выгоду продавать изделия свои 10-ю и 20-ю процентами дешевле, затрудняя ход настоящих фабрик»...

С 1840 по 1890 г. происходит во Владимирской губ. процесс развития хлопчато-бумажной промышленности, но Муром остается центром льнопрядения и льноткачества. Преобладающею формою производства остается ручное ткачество. Первая механическо-ткацкая фабрика (слободская), основывается лишь в 1879 г., но и после ее основания фабрики ручного ткачества остаются.

Издание Владим. Губернск. Земск. Управы: «Фабрики, заводы и прочие промышленные заведения Владимирской губернии» (составил инженер-технолог В. Ф. Свирский) дает следующие данные о состоянии этой отрасли промышленности на 1890 год, сведенные в нижепомещаемую таблицу:

Таблица № 4.

№№ по порядку.	Род производства, название фабрики или завода, фамилия, имя и отчество владельца, местонахождение.	Год основания.	Год закрытия.	Число рабочих.
1	Льнопрядильная ф-ка Т-ва Муромской льняной мануфактуры, Дмитриевская слоб., близ г. Мурома . . .	1879	—	617
2	Ручная полотняно-ткацкая и отбельная пряжи фабрика „т/д. Е. и И. Ивана Суздальцева С-ья“, г. Муром . .	1803	—	393 [1]
3	Ручная полотняно-ткацкая и отбельная пряжи фабрика потомственной почетной гражданки М. П. Суздальцевой, г. Муром	1820	—	32
4	То же — потомств. почетн. гражд. М. А. Суздальцева, г. Муром	1825	—	520 [2]
5	То же — потомствен. почетн. гражд. Д. И. Перлова, г. Муром	1845	—	130 [3]
6	То же — потомств. почетн. гражд. М. С. Емельянова, г. Муром	1790	—	40
7	То же — потомств. почетн. гражд. В. Ф. Суздальцева, г. Муром	1837	—	20
8	То же — торгов. дома под фирмою: „братья Суздальцевы“, г. Муром	1828	—	25

[1]) В том числе на стороне 110 чел.
[2]) „ „ „ „ „ 450 „
[3]) „ „ „ „ „ 70 „

Из этой таблицы мы видим, что все 8 ручных полотняно-ткацких фабрик существовали в 1840 году и вошли в число 17, зарегистрированных А. А. Титовым. Таким образом произошло численное сокращение фабрик (вместо 17 — 7), но что явилось причиной этого сокращения, установить трудно. Всего вероятнее, здесь оказали совокупное действие и открытие механическо-ткацкой фабрики (1879 г.), и улучшение приемов и способов производства на ручных фабриках, проистекающее из-за применения более усовершенствованных машин и, быть-может, конкуренция, в результате каковой менее сильные фабрики должны были ликвидировать свои дела.

Остается непонятным, почему все «фабрики» сосредоточивались в самом г. Муроме и не было их в уезде. По тем или иным причинам, однако, это было так, но несомненно, что в уезде все же было распространено кустарное ткачество и если не все, указанные у Свирского в числе 830 ткачей «на стороне» есть эти кустари, то надо думать, — большая их часть.

Надлежит быть отмеченным, что при «фабриках» обыкновенно имелись и отбельные заведения для пряжи, которые назывались «поварнями». Несомненно также (на это есть и прямые указания), что при фабриках имелись раздаточные конторы.

Переходя к современному состоянию текстильной промышленности в крае, должно отметить, что мануфактурный период развития ее окончился, и остались едва заметные следы его в виде раздаточной конторы Перловых, на которых работают ткачи Поздняковской волости, деревень Безверникова, Волосова, Угольного. В Волосове теперь, в сущности, не работают. До войны там было до 50 ткачей.

Но любопытно, что ручное ткачество прекратило свое существование лишь очень недавно. На месте теперешней бумаго-ткацкой фабрики были расположены ручные ткацкие фабрики фамилии Суздальцевых (в таблице — №№ 3 и 4). Прекратили свое существование они перед самой постройкой бумаго-ткацкой, т.-е. в 1897-8 годах. Хотя производство и замирало, но все-таки шло до самого последнего времени.

Фабрика Перловых (№ 5) перешла к наследникам В. Ф. Суздальцева в половине 90-х годов, теперь это бывш. мешечная фабрика Ф. В. Суздальцева.

Фабрика М. С. Емельянова (№ 6) прекратила работу в 1900—1901 году, проработав, таким образом, два столетия (теперь — спичечная фабрика.)

Фабрика В. Ф. Суздальцева (№ 7) перешла к Каратыгину в 900-х годах и работала до самого последнего времени.

На месте теперешней Мало-прядильной фабрики существовала фабрика под фирмой: «Бр. Суздальцевы» (№ 8), таким образом фабрика осталась до последнего времени у той же фамилии.

Положение текстильной промышленности во время войны, характерное для показания того уровня развития, которого она достигла за время с 90-го года прошлого столетия т.-е. за 30 лет, показано в нижеследующей таблице: (См. таблицу № 5, на стр. 25).

Из рассмотрения этой таблицы можно видеть, что текстильная промышленность, в 1890 году имевшая всего 1 механическую ткацкую фабрику, еще до 1900 года полностью механизирована. Мощность силовых установок наличных 5 предприятий равна 1822 HP, число рабочих на них — 2.377 человек.

В 1890 году еще исключительно «льняной» характер промышленности края под влиянием общего развития хлопчато-бумажного прядения и ткачества изменяется, делается смешанным. Хотя преобладание остается за обработкой льна, но на месте ручных льноткацких основывается большая бумаго-ткацкая мануфактура, а в 1916 году открывается прядильно-ткацкая фабрика по обработке хлопка по преимуществу.

Таблица № 5.

№ № по порядку.	Наименование и род производства.	Кому принадлежит.	Местонахождение.	Год основания.	Мощность двигателей.	Число рабочих.
1	Льно-ткацкая ф-ка	Паевое Т-во	Дмитриевская слоб.	1879	737	1.257
2	Прядильно-ткацкая фабрика.	Т-во на вере.	г. Муром.	1916	150	150
3	Льно-ткацкая ф-ка	Ф. В. Суздальцеву.	г. Муром.	1897	25	50
4	Мало-прядильная фабрика .	Паевое Т-во.	г. Муром.	1895	440	488
5	Бумаго-ткацкая М-ра	„ „	г. Муром.	1899	500	1.432

Война с ее военными заказами повлекла за собою сильное оживление текстильной промышленности, сопровождавшееся получением предпринимательских сверхприбылей и милитаризацией рабочей силы, не сопровождавшейся, впрочем, сверх-заработками. В Муроме число текстильных предприятий чуть было не увеличилось еще одним. Великолепное здание для ткацкой фабрики было построено фабрикантом Апехиным, но осталось незаконченным, к оборудованию же и не было приступлено. В настоящее время здание это, к сожалению, находится в большой опасности, грозя разрушением. Во время революции число предприятий не уменьшилось, произошло лишь сильное сокращение производства, явившееся в результате совокупного действия множества разнородных причин.

О жизни текстильной промышленности в годы революции надо говорить отдельно.

3. Обработка минеральных веществ.

В этой области промышленности делалось очень мало. На 1840 год имеются сведения о существовании 20 кирпичных заводов, с выработкою от 2½ до 3 миллионов кирпича, и 3 изразцовых, на которых срабатывалось до 14.000 штук красных и белых изразцов.

В 1890 году сведений о кирпичных заводах почему-то не дается, но они, несомненно, существовали. Изразцовых заводов к этому времени уже нет, и впоследствии они уже не появляются. Зато имеются в это время два спичечных заведения. Оба заведения в Муроме и оба довольно значительные, конечно, ручные.

Одно, купца Г. М. Журавлева, основанное в 1882 году, с 52 рабочими, другое — мещанина В. И. Королькова, основанное в 1879 году, с 41 раб. Первое расположилось в овраге около «Штаба», второе — около «Бучихи». Существовали они сравнительно недолго, и в 900-х годах оба закрылись.

Возобновилось это производство в Муроме вновь в 1915 году, когда беженец западного края, Берман, основал спичечную фабрику, уже механическую. Развиться она еще не успела, в настоящее время имеет 30—35 человек рабочих.

Алебастровые заводы — Жайский и Голянищевский, — муромского купца И. У. Быкова появляются в 900-х годах. Существуют и доныне. Рабочих не более 30 — 35 человек.

Во время империалистической войны уже возникло в Муроме толевое производство. Основанная Скороходом, фабрика к 1920 году успела развить производство до 5.000 рулонов толя, что, по сравнению с количеством вырабатываемого во всей стране толя, составляет не менее 75%. Рабочих 25 — 30 человек. Оборудование — примитивное, в особенности же в смысле предохранительных мер к ограждению труда рабочих.

3 — 4 кирпичных завода, первобытного устройства, во время революции работали спорадически.

В общем надо сказать, что, несмотря на богатые природные данные Муромского края, обработка минеральных веществ находится в зародыше. Между тем, развитие производств, связанных с использованием ископаемых богатств, может дать занятия значительному числу людей, не находящих производительного применения своим силам в сельском хозяйстве.

4. Обработка сельско-хозяйственных продуктов.

Эта группа по состоянию промышленности на 1890 год довольно разнообразна. Так, в нее к этому году входило:

Винокуренных заводов	3
Пиво-медоваренных	1
Крупчато-мукомольных	2
Маслобойных	3
Картофеле-терочных	3
Крахмально-паточных	3

Винокуренные заводы: Гебежитрейта, при сельце Пертовке, Коченове, в Кондракове, и Языкова, в Молотицах, основанные в 1874, 1860 и 1864 годах, имели в общем 59 человек рабочих. Первые два имели паровые машины, последний — с конным приводом.

Основание пиво-медоваренного завода относится к 1830 году; в 1890 году он принадлежал уже купцу В. С. Хохлову. Производство — ручное, рабочих — 12 человек.

Крупчато-мукомольное дело, вскоре прекратившее свое существование, довольно давнего происхождения — одна из мельниц относится к 1790 году.

Маслобойное производство зародилось в 1870 году, когда купцом М. И. Никитиным был основан маслобойный завод при д. Ариетовке. Двигатель — водяные колеса, рабочих — 14.

За ним, в 1871 году Н. П. Зворыкин основывает такой же завод в д. Подболотне. Наконец, в 1884 году значится основанной: «Паровая маслобойка и пеклеванка» купчихи Е. П. Суздальцевой, с паровою машиной в 34 НР. и 23 рабочими.

Картофеле-терочные заводы самостоятельно не существовали и соединялись с маслобойными или паточными.

Наконец, крахмально-паточное производство зародилось в 1882 году.

Любопытно отметить, что из только что приведенной серии производств в 1840 году, к которому относится неоднократно приводившееся нами исследование А. А. Титова, существовали лишь: пивоваренное производство: было 3 завода, варили до 8.000 ведер в год,—и водочный завод, который, быть может, и нельзя отождествлять с винокурением. Вовсе утраченным в период 1840 — 1882 годов надо считать производство солодовенное. Заводов было 10.

В период с 1890 по 1914 г. все почти производства развились, некоторые весьма значительно. Как общее правило, все предприятия имеют уже механические двигатели, некоторые же по оборудованию своему стали на степень заводов, вполне отвечающих современным требованиям техники.

Сюда относятся прежде всего маслобойные заводы: Никитина, с 57 рабочими, оборотом в 1910 году 362.000 руб. и двигателем 85 Н. и Т-ва Суздальцевых-Ушаковых, с 38 рабочими, оборотом 300.000 руб. и двигателем 18 Н. Обороты надо считать преуменьшенными. Винокуренных заводов, как и было, осталось 3, с общим оборотом свыше 120.000 руб. и 60 рабочими. Пиво-медоваренный завод остался один. Особенно сильно развилась картофеле-терочная и крахмально-паточная промышленность, ставшая по своему значению и оборотам в число главнейших отраслей промышленности края.

По данным на 1-е января 1922 года в Муромском уезде имелось: терочных заводов — 24, сушильных — 10 и паточных паровых — 1. Сопоставляя эти данные с такими же за 1890 год, видим, что здесь на протяжении 25 лет, в сущности говоря, произошло нарождение и развитие целой важной отрасли промышленности. Важность ее усугубляется тем, что здесь промышленность входит в прямое и непосредственное взаимодействие с сельским хозяйством, работая исключительно на туземном сырье. Последнее же (сельское хозяйство) получает возможность и побудительные стимулы к тому, чтобы развить производство картофеля — растения, к культуре которого наиболее подходит почва района. Обороты отдельных заводов колеблются от 20.000 до 125.000 и выше. Общая сумма оборотов этой отрасли промышленности в 1912—1914 г.г., несомненно, значительно превысила 1 миллион рублей.

Исчезнувшим производством оказалось лишь крупчато-мукомольное.

5. Обработка органических веществ и жировых продуктов.

а) Кожевенное производство.

Кожевенное производство в Муромском крае принадлежит к одному из самых древних. Теперь оно находится в полном упадке и накануне окончательного исчезновения. Производство это было развито как в самом городе Муроме, так и в уезде, именно, в Озябликовском районе.

Зарождение этого вида промышленности восходит до весьма отдаленных от нас времен. Это можно заключить из того, что основной продукт этого производства — белая и красная юфть — носила общеупотребительное название «болгара». Это указывает на то, что эта юфть служила продуктом обмена с «болгарами», что уносит нас ко временам существования в пределах современной нам Европейской России «Болгарского Царства», т.-е. к первым векам текущего тысячелетия.

Некоторые данные о степени развития этого вида промышленности мы получаем у того же А. А. Титова из его «Статистического обозрения г. Мурома».

Он сообщает:

«Кожевенных заводов в действии—6, без производства — 4; при первых находится дубильных чанов до 500, горнов и котлов 18, риг для сушения корья 7, толчей и мельниц 12, паровая машина; мастеров и рабочих бывает до 500; кож разного сорта выделывается в год 80.000. Кроме Мурома кожи покупают в городах: Моршанске, Тамбове, Кирсанове, Пензе, Симбирске и Казани. Лучшими сортовыми кожами, для юфти красной, считаются Казанские, Симбирские, Муромского уезда и окрестных — Ардатовского и Меленковского; в Муроме работается красная юфть — коренное русское изделие, считающееся в заграничных местах издавна за лучшее.

«Иностранцы, по силе высочайших узаконений (идет перечень узаконений), не получавшие сырых кож из России, покупали от нас выделанные, особенно красную юфть, которой через один С.-Петербургский порт в 1775 г. вышло 175.000 пуд., на сумму более 8.000.000 руб.; эта промышленность находилась тогда в цветущем состоянии (в Муроме было близ 20 завед.). Причины упадка в настоящее время этих заведений очевидны: с одной стороны, выпуск сырых кож за границу затрудняет заводчика в приобретении кож за настоящую цену, с другой — самый сбыт сих изделий не всегда вознаграждает труды заводосодержания. Владельцы нынешних заводов: 1) Почетные граждане и купцы 1-й гильдии П. И. и А. И. Мяздриковы — на бывшей выставке в Москве 1835 г. получили оба по серебряной 2 разряда медали, 2) купцы Г. и П. Зворыкины, 3) А. А. Титов».

Данные цитированного уже нами труда В. Ф. Свирского дают возможность установить степень регресса по отношению к развитию кожевенного дела в 1890 году по сравнению с 1840 годом, к которому относятся данные Титова.

Оказывается, что к 1890 году из 10 зарегистрированных Титовым для 1840 г. заводов осталось только 5,—3 в г. Муроме и 2 в Озябликовском районе, при чем два самых больших завода, не только в Муромском уезде, но и во всей Владимирской губ. (заводы Мяздриковых) оказываются уже с признаками упадка. Нижепомещаемая таблица дает представление о размерах этих заводов в 1890 году.

Таблица № 6.

№№ по порядку.	Род производства, имя, отчество, фамилия владельца, местонахождение завода.	Год основания.	Какою двигательною силою пользуется заведение.	Количество дубильных чанов.	Число рабочих.	Время закрытия завода.
1	Кожевенный-завод т/д. Адриана Мяздрикова С-вей, в г. Муроме	1828[1]	Конный привод на 1 лошадь.	33	29	1908
2	Кожевенный завод потомствен. почетных гражд. Ивана и Михаила Петровичей Мяздриковых, в г. Муроме	1800	То же на 2 лошади.	20	30	1913
3	То же — мещанина И. И. Дворянкина, в г. Муроме	1870	То же на 1 лошадь.	12	6	в 90-х годах.
4	То же — потомств. почетн. гражд. Ф. Ф. Казакова, в с. Озябликовском погосте.	1822	То же.	12	11	То же.
5	Тюленево-кожевенный завод потомств. почетн. гражд. Д. Ф. Казакова, там же.	1822	Ручное.	10	7	То же.

Причины упадка дела — те же, что указаны у Титова для 40-х годов. Сюда надо добавить только то, что и здесь, как и везде в подобных случаях, сыграла большую роль наша техническая отсталость и сопутствующая ей в качестве причины — косность.

В то время как за границей одни технические усовершенствования следовали за другими с калейдоскопической быстротой, мы, раз восприняв от дедов известные способы и формы производства, замирали на них на бесконечно долгое время,

[1]) В труде Свирского годом основания завода Адр. Мяздрикова С-вей указан 1828 год, между тем, из раздельного акта, сохранившегося в семье Мяздриковых, завод значится существовавшим ко дню составления этого документа. Время же составления его—1739 год.

теряя рынки сбыта, и легко вытеснялись с них иностранной конкуренцией. Особенно рельефно это сказалось на кожевенном деле в Муромском крае. Несомненно, что при известной настойчивости и большей инициативе можно было бы справиться и с иностранцами, тем более, что сырьевая база оставалась все же достаточно прочной, разве только периферия ее отдалилась от Мурома. Но случилось то, что, очевидно, должно было случиться, и древнейшая отрасль Муромской промышленности погибла.

Робкою попыткою к возрождению ее явилось открытие во время войны (в 1915 г.) кожевенного завода некием Александром, беженцем из Западного края, имевшим там аналогичное производство.

Показателем того, что инертность Муромских промышленников играла значительную роль в указанном уже факте уничтожения кожевенной промышленности в самом Муроме, является то, что завод у Александра пошел и, несомненно, достиг бы высокой степени процветания, если бы не события послевоенного и революционного периода.

б) Мыловаренное и свечное производство.

Свечных и мыловаренных заводов на 1890 год значилось в Муроме 2: 1) свечной, мыловаренный и паточный завод купцов И. Н. и А. Жадиных, основанный в 1830 г., с ручным производством и 16 рабочими и 2) свечной и мыловаренный завод купца В. Д. Жадина, основанный в 1885 г., с ручным же производством и 6 рабочими.

По сравнению с 1840 г. здесь также упадок, т. к. эти два завода существуют вместо: 1 мыловаренного, 2 — свечевосковых и 2 — свечесальных в 1840 году. Свечное производство вовсе прекратилось в 90-х годах.

д) Другие виды этой группы.

Все они принадлежат уже истории. В 1840 году зарегистрировались в Муроме: 5 салотопенных заводов, производительностью от 16 до 20.000 пудов, с отправкой продукции в Москву и Петербург, клееварных — 3, с выработкой до 1.500 пудов. Клееварное производство в небольших размерах, не выходящих из пределов кустарного, существовало в уезде до самой революции, замерло и до сего времени еще не возрождалось.

Оригинальное производство существовало в Муромском уезде в период 1865 — 1912 г.г. Мы говорим о переработке нефтяных остатков на заводе под фирмой: «Технохимический завод смазочных минеральных масел Ф. И. Смольянинова», в д. Коржавино вблизи Мурома.

Завод был замечателен прежде всего тем, что он первый в России стал изготовлять минеральные смазочные масла.

Первым потребителем его продуктов явился Сормовский завод, затем текстильная промышленность в лице наиболее крупных и высокоорганизованных своих представителей: Б. Ярославской Мануфактуры, Тверской М-ры, Локаловской, ф-ки Коптина в Серпухове, Прохоровской М-ры и т. д.

Можно сказать, что завод в первое время снабжал продуктами своего производства большую часть промышленности страны. Вырабатывались на нем лучшие сорта масл. В последовательности изготовлялись масла: скельтон, веретенное, машинное, олеонафт 0,910, себонафт, цилиндровое (много сортов), гарное масло, вазелин и много других.

В первое время, когда это было выгодно, в большом количестве выпускался керосин. Из отбросов производились: асфальтированный гудрон, регирацией купоросного масла приготовлялся железный купорос, нашатырный спирт и т. д.

Об об'еме производства в период его расцвета можно судить по тому, что ежемесячно перерабатывалось до 30 вагонов нефтяных остатков (18.000 пудов).

В лучшие времена завода число рабочих доходило до 200.

Завод, имея полуфабричный, полукустарный способ производства, имел две паровые машины, в 5 и 10 лош. сил.

Причинами его ликвидации послужили: появление в этой отрасли промышленности крупного капитала, частью иностранного, невозможность конкурировать в обстановке технически-несовершенного способа производства, что, в связи с необходимостью работать на чужой нефти, было особенно тяжело.

К тому же завод несколько раз подвергался разрушительному действию пожара и, будучи восстанавливаем за счет остающейся от пожара части, постепенно уменьшался в об'еме. Таким образом, вместо увеличения производства происходило постоянное его сужение, что также уменьшало шансы на возможность конкурировать с крупным капиталом. В связи со всеми этими причинами у сына и наследника основателя завода появилось чувство усталости, и производство в 1912 году было прекращено.

При заводе существовала вальцовая мельница, также вскоре закрывшаяся.

6. Обработка дерева.

Как отрасль промышленности, которая могла получить свое развитие только в эпоху применения механических двигателей, лесопильное дело моложе других, и существования ее даже в 70-х годах прошлого столетия искать нечего.

И действительно, в регистре промышленных предприятий Владимирской губернии, мы читаем, что первый лесопильный завод купца И. А. Бугрова, в Поздняковской волости основан в 1879 году. Паровых машин на нем 2, мощностью 20 Н, рабочих 42. Второй завод того же владельца основан годом позже (в 1880 г.), в 1890 году числится бездействующим.

Как промышленность не стационарного характера, находящаяся в зависимости от количества лесов в данном районе, она имеет важное значение до тех пор только, пока лесные богатства не исчерпаются.

Период 1880 — 1920 г.г. как раз явился для Муромского края тем периодом, когда лесные богатства его были еще настолько значительны, что дозволяли расширение этого вида промышленности.

В результате к 1909 году мы имеем 4 лесопильных завода со 143 рабочими, 200.000 р. оборота и мощностью силовых установок 204 Н. Наибольшим, поглощавшим ¾ производительности всей группы, явился завод Шестакова, близ с. Монаковка. При заводе имеется стружковое отделение.

К 1915 году число заводов возросло до семи и на этом остановилось.

7. Итоги и перспективы.

Подводя итоги нашим отрывочным и далеко неполным данным за сотню лет, мы не можем остаться недовольными. Многое изменилось, изменилось до неузнаваемости и, что всего важнее, — изменения эти несут в себе возможности дальнейших перемен и, конечно, — к лучшему и более совершенному.

На протяжении столетия, долгого, в сравнении с жизнью отдельного человека, и песчинки — для истории, произошли глубокие изменения в способах производства, а вместе с тем и в результатах его.

Как общее правило, во всех отраслях промышленности уменьшилось поглощение мускульной силы человека и животных. Машина Уатта преобразовала мир.

Сотни и тысячи последователей его недаром потрудились над ее усовершенствованием.

Примитивная машина чугунно-литейного завода в Муроме еще стоит на своем месте, но уже отдыхает от понесенных ею трудов, зато в трех десятках саженях от нее спокойно, но неутомимо работает английский локомобиль, в других местах еще бесшумнее, но и еще продуктивнее творят работу многих сотен и тысяч людей, еще более совершенные «Дизеля», приводящие в движение тысячи ткацких и других станков.

Пар, газ, электричество...

Ничего этого не знали те безвестные начинатели дела промышленного возрождения края, но видим мы, их продолжатели, и видим также, что сделано еще не все.

Тракты, еще во время бытописателя и своеобразного экономиста А. А. Титова видевшие обозы, тянувшиеся на Нижний и на Москву, зарастают травой. Вместо них протянулись железные дороги.

На Оке — пароходы сменили весло и парус. Физических усилий от работника требуется меньше, но труд его интенсивнее. Продукта получается больше, качество его выше.

Все отрасли промышленности, сохранившиеся до настоящего времени, вообще прогрессировали в своем развитии и совершенствовании способов производства, хотя и не в одинаковой мере.

Некоторые регрессировали до полного или почти полного уничтожения. Есть народившиеся вновь.

Отметим сперва погибшие. Прежде всего в этот, к счастью не длинный, список должно войти кожевенное производство, худосочное существование которого едва ли вновь дойдет до поры расцвета. А жаль, так как в сущности данные для его существования и развития есть и до сего времени.

Чугунно-плавильное и железо-делательное производство вместе с закрытием «Колпинки» по всей вероятности навсегда прекратилось, хотя неожиданности, подобные «Курской аномалии», не исключают никаких возможностей.

Погибли и не возвратятся вновь свечное и салотопенное производства. На границе полного исчезновения стоит мыловарение, до самого последнего времени не обнаружившее тенденции к усовершенствованию приемов и способов производства.

Застопорились в развитии предприятия по добыче ископаемых (алебастровые заводы), спичечное производство и медоварение.

Не обнаружило особого развития и винокуренное производство.

Прочие отрасли промышленности в неравной степени развивались, и некоторые из них достигли высокой степени совершенства.

Так, текстильная промышленность представлена пятью предприятиями с 3.500 — 4.000 рабочих. Почти все хорошо оборудованы, более молодые с более совершенными машинами и экономными двигателями. Производство стоит на твердой почве.

В металло-обрабатывающей промышленности, в группе старых чугунно-литейных и механических заводов, не совсем благополучно.

Два из них — накануне полной ликвидации. Тенденции к развитию только у заводов быв. Торского Т-ва, теперь «имени А. Г. Шляпникова», далеко ушедшего в своем значении от своего первообраза.

Центральные паровозные мастерские Моск.-Казанск. ж. д. представляют собою большую величину, как со стороны оборудования, организации производства и способов его, так и со стороны создания чисто пролетарского центра, дающего Мурому новое значение и вес в области металлообработки.

Стале-слесарная промышленность Вачепского района изменила свой характер почти до неузнаваемости. Район с каждым годом все больше и больше терял свой

кустарный характер, в особенности за последние годы перед войной. «Фабричный» способ производства завоевывал себе все большее применение. Машинизация не коснулась почти лишь замочного производства. Производство же ножевого товара получило все типические особенности фабричного.

Техника дела все более совершенствовалась. Предприятия становились все крупнее. Борьба «Вачевского» и «Павловского» районов — «Вачкасов» и «Павлов» — на почве конкуренции как между собою, так и с еще более сильным соперником — заграницей, неся с собою и дурные стороны, в то же время способствовала тому, что архаические формы производства уступали место соответствовавшим современному состоянию технических достижений формам.

То Кондратов, то Теребни совершали поездки за границу, привозя оттуда новинки оборудования, хотя, конечно, по общему у немцев для нас русских правилу, «новинки» эти были не самые новые.

Но тем не менее, перед районом еще необозримое множество работы. Революция осадила его назад. За эти годы за границей оставили нас позади. Все это придется восполнять, во всем догонять. На-ряду с этим еще не вовсе изжиты старые формы кустарнического обихода.

Нужны организующие и технические силы, так же, как и большие, сравнительно, капиталы, чтобы район беспрепятственно и быстро пошел по пути развития и преуспеяния.

Лесное дело и связанное с ним лесопильное, получив по сравнению с прошлым сильное, в сторону развития поступательное движение, все же должно быть признано развитым мало. На тех данных, которые имеет и в особенности имел Муромский край, можно было бы создать большее. В частности, размер предприятий в большинстве случаев невелик, способы производства низводят их на степень полукустарных, за немногими исключениями.

В пищевой промышленности дело обстоит так:

Маслобойное производство представлено двумя довольно крупными заводами, с совершенным оборудованием, большою производительностью и (в недалеком прошлом) хорошими «прибылями».

Особенно же любопытное явление представляет собою картофеле-терочная промышленность, с дополняющей ее паточной. Она сильно развилась, и дальнейшее развитие ее остановилось только временно. Сезонный характер работы выделяет эту отрасль промышленности из ряда других, ставя ее в особое положение и в значительную зависимость от производителя сырья— крестьянина с его картофельным полем. Для Муромского края—одна из важнейших отраслей промышленности.

Из вновь народившихся производств должны быть отмеченными: толевое производство с фабрикой в самом Муроме и производство ковкого чугуна, там же. Оба они зародились уже во время революции. Первое уже стало на ноги и окрепло, второе же—под влиянием общей длительной депрессии—остановилось, но при благоприятных условиях может завоевать себе прочное место.

В общем же и целом—край, в отношении развития промышленности весьма сильно вырос и преуспел.

Уже двадцать лет тому назад, в числе уездов Владимирской губернии Муромский уезд считался переходным, с сильным отходом от сельского хозяйства, как основного занятия массы населения, и большими данными к тому, чтобы стать вполне промышленным.

Перед краем стоят блестящие перспективы стать промышленным центром большого значения.

Все те отрасли промышленности, которые только что отмечены, как развивающиеся, имеют все данные к тому, чтобы развиваться, совершенствуя способы производства и расширяя размах своей деятельности.

В особенности ясно рисуются те успехи, которые могут быть достигнуты промышленностью Ваченского района.

Текстильная промышленность с занятой ею прочной позиции не сойдет, и препятствий к ее дальнейшему развитию и совершенствованию нет.

Картофеле-терочная и крахмально-паточная промышленность, несомненно, находится перед периодом сильного расширения деятельности. К этому имеются большие данные, коренящиеся, главным образом, в том, что она работает на своем туземном сырье.

Производитель же этого сырья, крестьянин, учтет выгоды, проистекающие из взаимодействия сельского хозяйства с промышленностью. Он уже это учел.

Если же ввести сюда новое данное—электрификацию, сперва части, а затем и всего Муромского края, — то станет ясным, что блестящее будущее края обеспечено.

Проекты электрификации уже составлены. Мощная станция в 5.000 к. в. предполагается к постройке на Сокольском болоте (в 12 верстах от Вачи). Запаса торфа там хватит на 100 лет и не только на наш район, но и на Павловский.

В последние дни появился проект постройки центральной станции в самом гор. Муроме.

В общем же—перед краем перспектива стать чисто промышленным районом. И он им станет довольно скоро. Сельское хозяйство тогда получит толчок к тому, чтобы заменить существующую систему—полеводство, более совершенной, способной питать продуктами молочного хозяйства, огородничества и садоводства многочисленные кадры работников—пролетариев всего района.

Подпольная работа в Муромском районе.

(1902—1904 годы).

I.

Лет двадцать пять-тридцать тому назад наш город Муром ничем не отличался от сотен других мещанских городов патриархального захолустья. Связанный железной дорогой с Москвой и Нижним и рекою Окой с Волжскими путями, город Муром был в то время крупным торговым центром и перевалочным пунктом для соседних уездов. Пустующие ныне каменные лабазы являются молчаливыми свидетелями былой торговой деятельности города.

В нашем районе процветали различные кустарные промыслы. По ту сторону Оки развивалось ножевое, замковое, скобяное и сундучное дело. Кое-где производили щепной товар, колеса, телеги, сани и прочую крестьянскую утварь. Занимались в нашем уезде и иконописанием, но за последние годы фабричный способ производства писаных, штампованных, литых и пр. богов нанес основательный удар муромским богомазам.

В самом городе процветал кустарь сапожник, столяр, кузнец. Центром «кузнечного дела» была Напольная сторона, где и до сих пор ютятся отдельные кузнецы, вспоминающие «золотой век» своего ремесла.

Кроме кустарей, в городе было несколько мелких фабрик, два «чугунных завода», производившие посуду, и один механический и машиностроительный завод, депо, маслобойня, мыловаренные и пивоваренные заводы и пр. В районе же были лесопилки, терочные, паточные заводы. В семи верстах был чугунно-плавильный и прокатный завод «Колпинка», известного заводчика Гужона. К нашему же городу тянулись и крупные предприятия Нижегородской губернии, как Кулебаки, Выкса, Досчатое.

Положение рабочих и торговых служащих в нашем районе было чрезвычайно тяжелое. Рабочий день даже на фабриках и заводах определялся по усмотрению владельца и всегда превышал установленную даже царским законом продолжительность его.

Мне лично, по опыту, памятны случаи, когда рабочий день летом был от зари до зари, а зимою еще с вечерними засидками. У кустарей или торговцев дело было еще хуже.

Заработная плата двадцать пять лет тому назад колебалась, для чернорабочего, от 30 до 50 копеек в день, а квалифицированные рабочие (слесаря, токаря, кузнецы и пр.) имели от 60 коп. до 1 руб. 20 коп. в день. Женский же труд оплачивался неизмеримо ниже. Мне известны случаи, когда еще в 1904 году работницы ткацкой фабрики в овраге получали по три рубля в месяц. Получая такую заработную плату, работницы-крестьянки селились целыми партиями, хлеб и картошку приносили из дому.

Отношение хозяев к рабочим и работницам было крайне грубое и пренебрежительное. На фабриках и заводах нередки были случаи зуботычин, а среди кустарей-хозяев рукоприкладство процветало. Хозяева любили хвастаться «отеческими» отношениями к рабочим, и во время получек бывали нередко случаи, когда предприниматели ходили вместе с рабочими в кабак и принимали участие в пьянстве. Часто и заработная плата выдавалась в кабаке, и рабочий вынужден был или вводился в соблазн распить шкалик-другой вонючей сивухи.

Запуган, забит и невежествен был рабочий нашего района в то время. Озлобление было велико, но сознательность, понимание условий, порождавших тяготы, еще было смутное, а поэтому и значительная доля этого озлобления выливалась против своих же. Драки, побоища, хулиганство и жестокости по отношению к себе подобным были характерны для того времени и процветали они в фабричных районах: в «Миллионке», на штапу, а в дни получки переносились и в центр города. О солидарности интересов рабочих тогда еще никто не говорил там. Однако и на этом черном фоне прошлого были светлые проблески сознания общности интересов. Правда, это были только стихийные проблески и выражались они довольно примитивно: в бунте, избиении полиции, в драке с мастерами или другими административными лицами.

Под понятием «бунт» скрывалось тогда всяческое сопротивление властям, фабричной администрации и т. п. блюстителям царских порядков. Кажется в 1896—97 году был «бунт» рабочих на Муромской льно-прядильной мануфактуре в слободе. Об этом событии открыто говорить боялись. Возмутившиеся внутренним распорядком рабочие остановили фабрику и выбили окна в фабричных стройках. Однако организованной борьбы с капиталом повести тогда еще не умели, и дело ограничилось только этой вспышкой.

Между ремесленниками не было даже и этой стихийной, бунтарской солидарности. В лучшем случае проявление солидарности интересов замыкалось рамками своего цеха, ремесла, да и такая солидарность была направлена не столько против хозяев, сколько против работников других ремесл. Так, например, сапожники жили в непримиримой вражде с портными, столяры враждовали с «чугунщиками» (т.-е. металлистами) и т. д. До самой середины девяностых годов происходили уличные бои, стенка на стенку, двух бедняцких районов, фабричной стороны и Миллионки. Эти массовые драки начинались детьми, а потом уже к дравшимся детишкам присоединялись и взрослые. Нередко драки кончались увечьями. Полиция весьма благодушно относилась к такого рода любительским занятиям муромских жителей и не препятствовала им сворачивать друг другу «скулы».

Эксплоатация рабочих была незатейливая, но жестокая. Низкая заработная плата, длинный рабочий день сопровождался еще и усиленной эксплоатацией детского труда. У всякого рода мелких ремесленников процветало долголетнее ученичество, при чем учившиеся дети отдавались буквально в кабалу своему благодетелю-хозяину. На ткацких и прядильных фабриках труд детей использовывали для всякого рода подсобных, вспомогательных работ, не избегая при этом и вредных, как, напр., чесальное отделение. За десяти-двенадцатичасовой рабочий день детям платили от 5 до 15 копеек. Лишь только после знаменитых стачек 1896—1897 г.г. фабричная инспекция стала относиться несколько строже к проведению царских законов о рабочем времени и других, и этой наглой эксплоатации детей на фабриках был положен некоторый предел: было запрещено принимать детей моложе 14 лет.

С 1898 по 1900 год мне пришлось работать в знаменитом Вачском районе, центре изготовления всевозможных стальных изделий. Работая на самом крупном предприятии этого района, на фабрике наследников Д. Д. Кондратова, мне пришлось очень хорошо познакомиться с рабочим бытом этого ножевого района. На самих фабриках в этом районе работало сравнительно незначительное количество рабо-

чих. Главная же масса работников была занята у себя на дому. Фабрики выпускали заготовку, отделка же значительной части продукции раздавалась по окрестным селам и деревням.

Условия труда на фабрике Д. Д. Кондратова были лучше, чем на других в этом же округе. Владельцы этого предприятия слыли либералами, оборудовали хорошую школу в с. Вече и, на редкость для наших фабричных местечек, устроили хорошую библиотеку в том же селе Вече. Рабочие этих фабрик, пришлые из других деревень, жили в особых казармах, на холостецкий лад, и зачислялись на хозяйский стол. Заработная плата была чрезвычайно разнообразна и колебалась от 1 руб. 20 коп. до 10 руб. в неделю. Заработки работавших на дому трудно учесть, так как в работе принимали участие частенько все члены семьи, и рабочий день был значительно длиннее фабричного. Однако, по общему признанию, дома зарабатывали в среднем значительно меньше, чем на фабриках, а поэтому все работники на дому сохраняли ведение и крестьянского хозяйства, которое являлось в данном случае дополнением его заработков.

Среди рабочих ножевого района была очень сильно распространена чахотка. Особенно пагубно отзывалась на здоровьи рабочего шлифовка стальных изделий, называющаяся по местному «личение». Личильщики за три-пять рублей в неделю в среднем платили своим здоровьем и сокращением на много лет своей жизни. Особенно вредно действовала «сухая» шлифовка, дававшая лучший блеск. До самого последнего времени здоровье рабочих не оберегалось, и никаких предохранительных мер не предпринималось.

Население Вачского района, благодаря кустарным промыслам и фабрикам, значительно отличалось от других крестьянских местечек нашего округа. Мужское население было значительно развитее, а все в целом приближалось к быту наших фабричных поселков.

Отношения между фабрикантами и рабочими были, двадцать-двадцать пять лет тому назад полу-патриархальными. Эти «отеческие» отношения были далеко не безвыгодны для хозяев и значительно смягчали классовую вражду. Недовольство среди рабочих, кустарей и работников на дому наблюдалось, и часто немалое, но выливалось оно в особую фабричную удаль, отпетость, нахрап. Алкоголизм свил прочное гнездо в быту этого района. На почве пьянства процветали драки, а иногда происходили и побоища между молодежью различных селений.

II.

Революционное и социалистическое сознание весьма слабо проникало в наши края. Помню отрывочные рассказы о нигилистах, которые почитывали «запрещенные» книжки, слухи о темных каретах, в которых возят важных бунтовщиков, о ночных набегах жандармов, после которых без вести пропадали люди. Все эти таинственные рассказы и слухи действовали на меня в те годы (1896—1900) интригующе. Помню, как работая на фабрике в селе Вече, вместе с одним товарищем, Д. И. Налетовым, пытались различными путями раздобыть хоть какую-нибудь запрещенную книжку, но безуспешно. Однажды нам удалось напасть на след запрещенной литературы, но она оказалась не такой, какая нас интриговала. В селе Вече был очень хороший церковный хор, хозяева фабрики поддерживали его, и слух об этом привлекал туда многих искавших заработок голосом. Один из таких путешествующих певчих, семинарист или монах, дал нам «запрещенной» литературы, оказавшейся порнографической.

Мы тогда, в 1899 — 1900 году знали, что среди учителей, врачей и др. городской и сельской интеллигенции такая литература имелась, но держалась исключительно в своей среде, почитывалась ими, а в народ, как мы ожидали, не

проникала. Последнее нас очень огорчало и понуждало искать желанной нами правды в легальных изданиях.

В 1900 году летом я ушел с работы на фабрике и поступил на известный завод «Сормово», в полускатный цех, на «карусельный» станок, обтачивать колеса и бандажи. На этой работе было занято несколько токарей, по системе один старшой и помощник при каждом станке, работая по-сменно. В одной смене со мною работал токарь Михаил Громов, у которого я впервые и добывал интересовавшую меня «запрещенную» литературу. В те годы Сормовская соц.-демократическая рабочая группа была сильнейшей в округе, являясь опорным пунктом Нижегородского комитета Р. С.-Д. Р. П. Михаил Громов был одним из активных социал-демократов не только нашего цеха, но и всего завода. Через него я познакомился с целым рядом других товарищей. В нашем цехе вместе со своими сверстниками-подручными токарей, мы несли сторожевую службу, когда около «каруселя» Громова или у инструментального ящика сходились рабочие. В целях той же сторожевой деятельности, нас предупреждали о всех, кого подозревали в шпионстве и полицейской службе. Кроме чтения книг, листовок, никакой другой работы по поднятию уровня нашего сознания не вели. Старики считали, что для нас тогда и этого было достаточно.

В конце 1900 года или в начале 1901 мой брат, работавший у Семянникова в Питере, переманил меня также в Петербург. В Питере законы соблюдались строже, и поэтому меня на станок не приняли, так как мне было слишком мало лет. Чтобы увеличить возраст, я внес своею рукою поправку в паспорт, сделав из 15 лет 17, но и этого оказалось мало. Пришлось поступить подручным слесаря.

В мае 1901 года в Петербурге, как раз в том районе, где я жил и работал, произошли крупные политические события. На Обуховском заводе возникла стачка, которая быстро перебросилась и на другие предприятия. Забастовал и наш Семянниковский завод. В дело были пущены полицейские силы и воинские части. Рабочих пытались расколоть и под покровительством полиции заставить работать. На молодежь моего возраста выпала большая работа: нужно было выгонять отставших и желавших продолжать работать. Набрав камней, мы, подростки, пробирались к мастерским, осыпали камнями работавших, били окна, производили шум и этим срывали и снимали отсталых. Этим делом мы занимались по всему Невскому району, и кое-где нам приходилось испытывать на своих спинах полицейские нагайки. Движение носило довольно бурный характер, особенно после расстрела обуховских рабочих, и солдаты частенько брали ружья «на перевес» и направлялись для разгона рабочих от ворот заводов. Когда закончилась стачка, многие были арестованы, а частью не были приняты обратно. В числе последних был и я. Поступил работать на Обуховский, но, как забастовщика, меня там держать не пожелали и рассчитали через две недели. Пришлось работать по мелким мастерским и наконец покинуть Питер. Вернулся я обратно в Сормово, но там также не пожелали иметь дело с питерским забастовщиком, хотя мне и было в ту пору всего лишь семнадцать лет.

В рождественские праздники 1901 года я покинул Сормово. Товарищ Громов и другие снабдили меня нелегальной литературой, и я направился на родину, в Муром. Среди литературы помню газету «Искра», роман «Андрей Кожухов», газету Нижегородского комитета и много различных изданий и листков.

В Муроме мне уже в январе 1902 года удалось поступить на заводик «Торского т-ва», в качестве запасного токаря, при условии временно работать на тисках. Товарищи по работе в шутку называли меня не запасным, а «викарным токарем». На этом заводе я встретил целый ряд хороших, развитых товарищей: слесарей Валова, Александра Обмайкина, В. Н. Чулошникова и ряд других моих школьных товарищей. Обмайкин, пожилой рабочий, был уже знаком с «политикой», как мы говорили тогда, с 1896 года, привлекался в Нижнем по делу о с.-д. тайном

сообществе, сидел в том же 1896 году в тюрьме и с того же времени находился под негласным надзором полиции. Мы очень быстро узнали друг друга, и я тут же пустил в оборот часть моей литературы. Этот круг рабочих Торского завода и был первым читателем и распространителем нелегальных изданий среди муромских рабочих.

Когда все листовки обошли весь круг немногочисленных тогда читателей, я решил заняться тогда же разбросной и расклейкой различных листков. При этом деле помогал мне мой товарищ В. Н. Чулошников. Подпольную литературу мы разбрасывали в первую очередь среди наших ближайших знакомых. Это мы делали для того, чтобы косвенным путем узнать их мнение относительно прочитанного и таким путем втянуть их в политику. Иногда эта цель достигалась. В виду малого количества литературы, частично мы ее приклеивали на заборы, прибивали к воротам людных улиц и т. д. При такой работе мы не обращали внимания на то, что листки, расклеенные нами в одну и ту же ночь, были иногда совершенно различного содержания и даже различных комитетов.

Мы уже в 1902 году знали некоторых лиц из интеллигенции, как учителей и студентов, занимавшихся политикой. Мы наблюдали их издалека, а они к работе среди промышленных рабочих в Муроме не умели или не догадывались приступить.

Появление прокламаций внесло невиданное до того оживление среди рабочих и необычайную суету среди полиции и жандармерии. По городу, в связи с этим, ходили самые невероятные слухи. Прокламации были окрещены в «подметные письма», а революционные лозунги превратились обывателями в поджигательство, в самом простом, пожарном смысле слова. Но последнее отнюдь не обескуражило нас. Беспокоило нас лишь то, что запасы нашей литературы уже истощились.

В номере 42 знаменитой с.-д. газеты «Искра» от 15 июня 1903 года мы находим чрезвычайно интересную корреспонденцию из Мурома.

«МУРОМ, Владимирской губ. Если бы вы знали, какое провинциальное болото представляет наш город! При самом в'езде в город, в улицы, заросшие бурьяном,—непривычный человек вывихивал челюсти от зевоты и умирал от смертельной скуки, которая лилась из-под всех муромских подворотен,—из всех окон. Муромских мещан вы сразу узнавали по их деревянным тупым физиономиям, по их мешкообразным фигурам, от которых пахло калачами, постным маслом, лошадьми и св. мощами. И вот в прошлом году в этом болоте появилась крамола. Одна из бойких волн, бушевавших где-то там в «центрах», добежала до погруженного в сон, мрак и грязь славного города Мурома, с шумом разбилась в нем и взбаламутила всю зеленую болотину,—и кончились прекрасные дни Аранжуэца.—Бедные муромские жандармы! В один базарный день по всем муромским заборам и облупившимся домам были расклеены прокламации от... «Киевского комитета» (!). Крестьяне, с'ехавшиеся на базар, и обыватели с большим любопытством читали эти неведомые раньше бумажки. Муромские церберы не имели никакого понятия о прокламациях, они вряд ли могли бы их отличить от тех афиш, которые расклеивают изредка появляющиеся в Муроме для увеселения купцов и мещан—разные самородные «престидижитаторы» и «глотатели раскаленных щипцов». Прокламации провисели на заборах целый день и были прочитаны всеми желающими. Только вечером выспавшийся после сытного обеда жандармский полковник, прогуливавшийся по благоустроенным проспектам города Мурома, усмотрел к своему ужасу на обывательских заборах крамолу и моментально приказал соскрести позорные пятна с незапятнанных до тех пор заборов. Но крамола уже зарождалась. Скоро с муромским жандармом стряслась другая беда. Так как его, как и всех его сослуживцев, начальство периодически знакомило с новинками нелегальной литературы, то у него составилась немалая библиотека оной. От скуки и безделья он давал

под секретом почитывать особенно пикантные вещицы своим добрым знакомым, которые тайком читали их, предварительно тщательно занавешивая окна (от кого!).—Такой противоправительственной пропагандой вредных идей муромский жандармский полковник Зворыкин занимался несколько лет. Но, как известно, в результате всякой подпольной деятельности неизбежно следует «провал». Как ни твердо, казалось, было поставлено дело распространения нелегальной литературы, а и оно «провалилось» стараниями муромского врача Доброхотова. Последний как-то раз в клубе разругался из-за карт с Зворыкиным и в пылу ссоры погрозился донести на него, и на следующий день, действительно, написал донос в департамент полиции. Немедленно приехала комиссия. Картина получилась трагикомическая: доброхотным жандармом оказался врач Доброхотов, а государственным преступником—жандармский полковник Зворыкин. Жандарм полетел с своего места, а на его место назначили... не доктора Доброхотова (это было бы вполне естественно), а нового полковника, который стал искать крамолу. После его визита к гражданам Мурома (не по делам службы, а так, в гости), последние тщательно осматривают передние и те комнаты, где он сидел, так как ходят упорные слухи, что он занимается тайным подкидыванием прокламаций с целью создать крамолу, так как в Муроме ее действительно мало. Неспокойно стали теперь жить муромские мещане и купцы. Последние два-три года и в промышленном отношении Муром стал оживляться, построена большая льнопрядильня, открылось несколько механических и других заводиков. Савва Морозов хочет строить большую ткацкую и красильню... В гнилое муромское болото вливается свежая проточная вода... А какая была невероятная глушь!»

Корреспондент весьма верно зарисовал наш Муром того времени, а также и те события, которые имели место в тот 1902 год в нашем городе.

Осенью 1902 года меня посетил, проездом из Сибири, мой товарищ по работе на фабрике в с. Вече Д. И. Налетов. В то время он уже был сознательным революционером. Однако я не могу сказать, был ли он тогда уже социал-демократом. Отъезжая в Вачу, он мне оставил целую пачку гектографированной и переписанной от руки литературы. Таким путем на зиму 1903 года мы пополнили нашу библиотеку. Среди оставленной литературы были воззвания, а также брошюра «Разрушенный мол», переписанная от руки.

Революция открыла все тайники царской охранки, и в документах департамента полиции мы нашли переписку, относящуюся к периоду 1902 года, из которой видно беспокойство жандармерии нашего уголка по поводу преступной деятельности социал-демократов. Часть этой переписки имеет следующий характер.

Начальник владимирского губернского жандармского управления доносит в департамент полиции от 29 октября 1902 года за № 4702:

«27 октября сего года помощник мой подполковник Сомов, проезжая по гор. Мурому, заметил расклеенные на фонарном столбе и заборах три презались одного содержания изд. «Нижегородск. комитета Российской Социал-Демократической Рабочей партии», с датою сентябрь 1902 года и под заглавием: «Почему русскому рабочему нужна политическая свобода».

Сообщив согласно циркуляра Департамента Полиции от 17 апреля 1901 года за № 3996, содержание названных прокламаций местному фабричному инспектору, помощником моим тогда же приступлено к выяснению источника их распространения,

О последующем буду иметь честь донести дополнительно.

Полковник (подпись)».

Через несколько дней тот же жандармский полковник дополнительно сообщает департаменту полиции за № 4772 от 1-го ноября:

«В дополнение записки моей от 29 истекшего октября за № 4702, имею честь доложить департаменту полиции, что того же 29 октября к помощнику моему в Муромском и Меленковском уездах доставлены разными лицами найденные в разных частях гор. Мурома три экземпляра воспроизведенного посредством мимеографа воззвания, озаглавленного «Побег из киевской тюрьмы» (перепечатка из «Искры» № 25) издания Ниж. Ком. Рос. Соц.-Дем. Партии, октябрь 1902 года и препровождены местным полицейским приставом десять обрывков воззвания, указанного в донесении за № 4702, найденных наклеенными на заборах.

Виновные в распространении этих воззваний пока не обнаружены; розыск продолжается».

В первое время появления листков в городе, среди мещан и мещанок Мурома находилось немало добровольных ищеек и содействовавших полиции и жандармам по розыску и из'ятию революционных листков. Некоторые несли эти листки в надежде получить крупицу материальных благ или особое благоволение начальства. На деле же получилось нечто иное. Полиция и жандармы так задергали и затаскали допросами добровольных шпионов, что они давали зароки никогда не иметь дела с полицией.

В конце ноября месяца снова отмечается раскидка по городу воззваний. Начальник губ. жандармск. управления доносит в департамент полиции от 30 ноября 1902 г. за № 5174, что:

«29 сего ноября начальник муромской почтово-телеграфной конторы препроводил помощнику начальника владимирского губернского жандармского управления в Муромском и Меленковском уездах подполковнику Сомову вынутую из почтового ящика в г. Муроме гектографированную на полулисте писчей бумаги прокламацию под заглавием: «Суд над Сормовскими демонстрантами» издания «Нижегородского комитета Рос. Соц.-Демократ. рабочей партии», ноябрь 1902 г.

Доводя об изложенном до сведения департамента полиции, имею честь присовокупить, что по выяснении автора и распространителей означенной прокламации мною будет донесено дополнительно».

Донесения в департамент полиции о работе революционного подполья в 1902 году, по нашему району, заканчиваются следующим уведомлением начальника владимирского губернского жандармского управления от 16/XII.

«11 сего декабря на полу парадного крыльца квартиры помощника муромского уездного исправника был найден 1 экземпляр гектографированного воззвания под заглавием «Письмо к рабочим», издания комитета Нижегородск. Соц.-Дем. партии.

Означенное воззвание, об'ясняя рабочим то угнетенное положение, в котором они находятся в настоящее время, призывает их сплотиться, чтобы потребовать от правительства права сходок, стачек и 8-часового рабочего дня. Оканчивается воззвание фразой: «долой самодержавие».

Докладывая об изложенном департаменту полиции, имею честь присовокупить, что в других местах гор. Мурома пока подобных воззваний не обнаружено, к розыску же автора и распространителей воззвания мною приняты меры и о последующем, если будут положительные данные, будет донесено дополнительно».

В начале 1903 года мы узнали, что на машиностроительном заводе П. Ф. Валенкова также ведется социал-демократическая пропаганда. Завод Валенкова отличался от Торского большей квалификацией, лучшим оборудованием и несколько большим заработком Мой заработок в это время на Торском был равен 60 коп., в день. Желание подучиться работать на лучшей и более сложной работе давно уже манило меня на этот завод. В начале лета мне удалось перебраться с Торского на завод Валенкова.

III.

На заводе П. Ф. Валенкова я быстро нащупал связь с теми товарищами, которые занимались там революционной с.-д. пропагандой. При помощи своих школьных товарищей, работавших на этом заводе, я также повел пропагандистскую работу. На этой почве встретился с очень интересным пролетарием, слесарем Василием Александровичем Исаковым (умер в Кулебаках 25-го февраля 1904 г.), занимавшимся пропагандой и имевшим связь с Москвой и Нижним-Новгородом. Около В. А. Исакова группировались рабочие: фрезировщик В. И. Моисеев, модельщик М. И. Иванов, И. Я. Ярцев. Кроме того, с ним был связан и находившийся в Муроме поднадзорный, с.-д. Е. П. Табейкин, служивший швейцаром в Общественном клубе, а также А. В. Крисанов (Шкарин), рабочий Кулебакского завода, привлекавшийся за пропаганду еще в 1896 году. С муромской интеллигенцией В. А. Исаков был связан через В. Н. Пучкова, по профессии служащего, и А. Н. Мошенцева [1]), служившего в муромской почтово-телеграфной конторе.

Мое знакомство с В. А. Исаковым было очень мимолетное. Через несколько дней после моего поступления, он взял расчет и уехал из Мурома в Москву.

На самом заводе П. Ф. Валенкова работало в ту пору всего человек 150—170. Кроме того, около сотни людей было занято на судостроительной его верфи, на реке Оке. Рабочие были более развитые, чем на других заводах и фабриках. Режим внутри предприятия был строгий. Самые мастерские были оборудованы по последнему слову техники, и эксплоатация труда была поставлена на европейский манер, но с дополнением русской матерщины.

Среда для социал-демократической пропаганды на этом заводе была более благоприятная, чем на Торском в те времена. После отъезда В. А. Исакова у фрезировщика Моисеева осталось немало литературы. Вскоре сам Моисеев попросил меня освободить его от хранения литературы, опасаясь провала, и вся нелегальщина перешла в мои руки. Вместе с имевшейся у меня ранее, составилась весьма солидная подпольная библиотека. На дому хранить ее было невозможно, так как у нас в домишке в одну комнату жило до двенадцати душ, и мои секреты быстро могли быть открыты. Пришлось подыскать хранилища, и я их нашел в четырех местах: на пути к заводу была мельница, под которой можно было скрыть много; напротив нашего дома, в саду, был каретный сарай члена окружного суда, — под ним также оказалось удобно прятать; в доме соседки, выходившем одной стороной в сад нашего дома, за обшивкой можно было скрывать и брать в любое время; на той же улице был еще один дом, под обшивкой которого скрывалась наша литература.

В течение лета 1903 года мы собирались небольшой группой, человека в три-пять, читали литературу, обменивались мнениями о прочитанном, а также обсуждали вопрос о том, каким образом организовать в нашем районе социал-демократическую организацию. Наиболее близкой к нам территориально была Нижегородская организация. Мои личные знакомства с ней, через Сормово, я и предполагал использовать.

---

[1]) А. Н. Мошенцев—агент провокатор при муромском жанд. управлении.

В конце лета мне пришлось познакомиться еще с целым рядом товарищей, в том числе с А. В. Крисановым, а также и с почтово-телеграфным чиновником Мошенцевым. Через меня проходила вся подпольная литература, и таким образом все товарищи, работавшие в районе, направлялись за литературой ко мне.

Работая на заводе, я имел возможность вести широкую пропаганду среди рабочих. Ведя революционную и социалистическую пропаганду словом и литературой, нужно было и свою личную жизнь и поведение на заводе согласовать с этой же пропагандой, чтобы и твое отношение к другим рабочим и к администрации не расходилось бы с теми словами и писаниями, которые проповедывались. И я очень хорошо помню, как мы ставили своей задачей быть примерными товарищами, вели борьбу с администрацией, позволявшей себе ругать рабочих, особенно тихих, многосемейных, площадной бранью. Этим путем нам удавалось располагать в свою пользу даже забитых временем стариков. Мы считали тогда, что рабочий социалист должен быть прежде всего хороший товарищ, не подлиза, не халуй. Последних мы избегали и считали их негодными для наших общих целей.

Летом, в июне 1903 года, имела место стачка рабочих на Вильском заводе. Администрация телеграфировала губернатору о таком неслыханном событии, как «бунт». Губернатор выслал казаков и пехоту, и бунт был «усмирен». По этому случаю была выпущена прокламация (на гектографе) от имени Нижегородского Комитета, и мы ее распространили весьма широко в нашей округе.

В конце лета, к началу осени 1903 года, наш кружок на заводе Валенкова увеличился еще целым рядом членов. Присоединилось несколько новых рабочих, из них помню Кононова, М. Наумова, Мухина. Кроме того, ряд товарищей, как, напр., Чернышев, Разборщиков и другие были у нас под влиянием, так сказать, являлись об'ектом нашей пропаганды. К этому времени мы жаждали создать уже организацию, которая могла бы вести и руководить работой планомерно.

Наши пожелания о необходимости создания раойнной с.-д. организации были доведены до Нижегородского Комитета. В конце августа или в начале сентября приехал к нам в Муром посланный Нижегородским Комитетом организатор Г. Як. Козин. Козин приехал вместе с семьей, привез с собой литературу, принадлежности для гектографа и временно остановился, без прописки, у Моисеева. Моисеев свел меня с ним, а через несколько дней мы устроили ночью в поле совещание, на котором присутствовали: Г. Я. Козин, А. В. Крисанов, почт. чиновник Мошенцев, Моисеев и пишущий эти строки. На этом собрании мы познакомили т. Козина с положением дела в районе и теми силами, которыми располагала наша еще неоформившаяся организация.

Почтовый чиновник Мошенцев мне определенно показался несимпатичным и неподходящим для нашего дела. Своими манерами, подходом и разговорами он вызывал к себе гадливое чувство. Он был неумеренно любопытен, а когда я впервые просил его сообщить нам имена тех лиц, письма которых перлюстрируются на почте, он до смешного растерялся. Этого маленького случая было достаточно, чтобы взять его под некоторое сомнение и наблюдение. По мере того, как я узнавал Моисеева на заводе, он также вызывал во мне большие сомнения. Прежде всего он не выдерживал линии на «примерного товарища» и, хотя не зангрывал и не подобострастничал перед администрацией, но был чрезвычайно груб с чернорабочими, учениками и другими рабочими низшей, чем был он, квалификации. Дело доходило до того, что наша группа сочла нужным предложить ему изменить свое поведение. Он на-время сокращался, но, в конце-концов, природа брала верх. Кроме того, Моисеев обладал некоторыми свойствами так преувеличить свое революционное настроение и понимание, что невольно вызывал недоумение. Так, гуляя иногда по городу вместе с кем-либо из товарищей, он рьяно ругал полицию и скрежетал на нее зубами, а однажды осипрепел до того, что

бросился бить... лошадей жандармского подполковника. Ряд такого рода странностей, а также и справка о происхождении Моисеева, — сын жандарма, — побудила нашу группу всесторонне проверить Моисеева и незаметно изолировать его и Мошенцева от подпольной работы.

IV.

Г. Я. Козин поселился со своей семьей в Муроме и для большей конспирации поступил работать в затон котельщиком. Вид у него был замухрышки рабочего, вне всяких подозрений. Работа у нас быстро двинулась вперед. Для расширения нашего влияния на другие фабрики и заводы мы решили поступить в воскресную школу. В воскресной школе я встретил целый ряд прекраснейших пролетариев-ткачей и, пользуясь ими, организовал кружок на бумаготкацкой фабрике. Тов. Крисанов вел успешную работу среди Кулебакских рабочих и жил в том районе, наведываясь изредка в Муром. На Кулебакском заводе также были организованы кружки.

Осень и зиму 1903 года квартира Г. Я. Козина стала естественным центром нашей нелегальной работы. Очень частыми посетителями ее были Моисеев и Мошенцев. Это дало нам возможность проверять свои впечатления об этих людях, а также вести организованное за ними наблюдение.

Передаточным пунктом для литературы нам служила одно время лавочка М. И. Барышевой по Вознесенской улице. На имя той же Барышевой шла переписка с Нижегородским Комитетом. Конечно, сама М. И. Барышева и не догадывалась, чем является ее лавочка. Я лично пользовался в их семье доверием «примерного юноши», помогал ей в счетах и т. д.

На наши партийные собрания Мошенцев приходил всегда в игривом настроении, а однажды принес с собою целую серию порнографических карточек. Кроме того, он имел маленький электрический фонарь и хвастался тем, какие тайны открывал он, освещая с улицы внутренности квартир муромских мещан.

Совместно с т. Козиным мы пришли к печальному выводу, что в лице Мошенцева и Моисеева мы имеем дело с чуждыми с.-д. организации людьми. Дальнейшие наблюдения не только укрепили наше отношение к ним обоим, но и дали нам ряд оснований предполагать, что оба они не чужды жандармскому управлению. Все же решили, изолируя их, не показывать и виду о том, что мы подозреваем их в провокации и шпионстве.

Судя по тем данным, которые имеются в департаменте полиции и во владимирском губернском жандармском управлении (к сожалению, жалкие остатки), Мошенцев состоял платным шпионом уже с начала 1903 года [1]). Что же касается Моисеева, то он стал сотрудником жандармского подполковника Сомова немного позднее.

В делах департамента полиции имеется ряд донесений владимирского губернского жандармского управления, относящихся к Муромскому району.

29-го января 1903 года, начальник владимирского губернского жандармского управления сообщает в департамент о непрекращающейся раскидке прокламаций:

> «Около 8 час. вечера 26 сего января снаружи парадной двери квартиры помощника моего в г. Муроме было прибито гвоздем печатное преступное воззвание, под заглавием: «Суд над крестьянами», изд. «Российской Социал-Демократической Рабочей Партии».

---

[1]) См. его признание в показании по делу о „Муромской Организации Р.С.-Д.Р.П.„ помещенное в материалах.

Означенное воззвание отпечатано на листе серой бумаги, имеющем в длину 10 верш., и в ширину 5⅛ вершка, и в конце своего текста, сбоку правой его стороны, имеет отметку: «Тип. Южн. Раб».

В воззвании описываются происходившие в гор. Валках и Константинограде заседания Харьковской Судебной Палаты по делу о весенних беспорядках крестьян в Полтавской и Харьковской губерниях. Описание это кончается приглашением крестьян к борьбе с русским самодержавием и подписью: «Организация Искры и группа Южного Рабочего».

Ниже приведенной подписи, в этом же воззвании помещено заявление защитников крестьян в Особое Присутствие Харьковской Судебной Палаты, в котором защита, ссылаясь на якобы уже понесенные крестьянами до суда наказания (телесное наказание и постой войск), отказывается от участия в деле, в качестве защитников.

Приняв меры к выяснению личности распространителя означенного воззвания, об изложенном имею честь донести департаменту полиции».

После этого донесения наблюдается некоторый перерыв, а затем, начиная с апреля, следуют новые уведомления о «преступной» деятельности подполья. Так, жандармский полковник доносит своему начальству от 14/IV — 1903 г.:

«Имею честь донести департаменту полиции, что 9 сего апреля в гор. Муроме, на городском бульваре и двух прилегающих к нему улицах неизвестным злоумышленником были разбросаны: 1) один экземпляр печатаного воззвания Центрального Комитета Всеобщего Еврейского Рабочего Союза в Литве, Польше и России «к русским товарищам рабочим», помеченное «Май, 1902г.», 2) два экземпляра № 3 листка Нижегородской Рабочей Газеты за март 1902 г. и 3) пять экземпляров № 4 такого же листка за апрель месяц 1902 года.

Негласное расследование производится».

От 15 апреля имеется в деле уже новое сообщение о разбросе воззваний. Тот же жандармский полковник пишет в департамент полиции:

«Имею честь донести департаменту полиции, что 9 сего апреля в г. Муроме неизвестным злоумышленником были разбросаны на двух улицах, идущих к фабрикам, нелегальные издания: брошюры 1) «Русский ткач Петр Алексеевич Алексеев», 2) «О солдатчине», октябрь 1902 г., 3) «Суд над сормовскими рабочими», ноябрь 1902 г. и 4) «Ростовская стачка», январь 1903 года.

Негласное расследование производится».

Следует отметить изменение стереотипного конца в последних донесениях, где вместо обычного «приняв меры к выяснению личности распространителя означенного воззвания, об изложенном имею честь донести деп. полиции», было уже другое — «негласное расследование производится». Это негласное расследование производилось через почтового чиновника Мошенцева. До знакомства с ним и Монсеевым, вся наша деятельность проходила вне поля их зрения, а следовательно и вне жандармского осведомления. Только этим и можно об'яснить ту скудность сведений, которые давались в сводках жандармского управления, вызывая неодобрение департамента полиции.

К делу «негласного наблюдения» была привлечена и местная полиция. Некоторые члены полиции, ном. пристава и городовые переодевались в штатское, притворялись пьяными и старались выведать у рабочих источники крамолы. Но в таком маленьком городе эти комедии с переодеванием не удались. Рабочие в мастерских рассказывали в те времена много анекдотов о приключениях переодетых полицейских.

Получение литературы, ее распространение, а также состояние организации было неизвестно ни Мошенцеву, ни Моисееву. Они уже начинали чувствовать свою изоляцию и стремились всяческими путями осведомляться. Эти попытки все узнать еще более насторожили нас, и уже в конце 1903 года мы были уверены в правильности нашего недоверия. Это недоверие еще более усилилось после того, как Моисеев предложил мне забрать у него битон глицерину, сухие гектографские чернила и спрятать их у себя, в песке на потолке дома. Сам он жаловался на усиленное наблюдение за ним и ожидал провала.

Посоветовавшись с т. Козиным, я предложил Моисееву спрятать глицерин где-либо в другом месте, хотя бы и в снегу или куда-либо под сарай чужого жилья. Козин тоже решил этот глицерин и чернила не принимать в свой дом и запретил Моисееву их приносить. Нас особенно поразила его предупредительность в том, что он указывал даже и место, куда нужно было все спрятать. Целый ряд еще косвенных указаний давал нам понять, что мы находимся в шпионских сетях. Нужно было искать выхода. Пришлось посвятить в наше открытие т. Крисанова и кое-кого из других, связанных с нами Мошенцевым и Моисеевым. Условились, на всякий случай, как держаться при аресте.

Благодаря неудачному в'езду Г. Я. Козина в дом агента охранки, значительная доля работы была открыта и со дня на день могла быть парализована. Мне тогда казалось, что Г. Я. Козин должен был принять какие-то более решительные шаги, чем пассивное ожидание провала. Когда я посвятил кружок ткачей и товарищей с Торского завода в создавшееся положение, последние все потребовали от меня немедленной изоляции моей ото всех, в том числе и от Г. Я. Козина. Последнее мне было чревычайно тяжело. Неопытность, молодость и связанное с нею нетерпение не давало мне покоя. Нужно было как-то спасать организацию, сберечь, что и кого только было можно, от висевшего над нами провала. Мы еще не привыкли мыслить, что арест еще не конец дела. Коллективно думая, мы нашли выход, казавшийся нам тогда очень решительным и спасительным. Выход этот был найден в создании другой группы.

V.

Успех нашей пропаганды среди рабочих, учившихся в воскресной школе, превзошел все наши ожидания. Нелегальная литература читалась нарасхват. Кроме того, у т. Козина была очень хорошо подобранная легальная библиотека, в которой преобладали книги по истории, естествознанию и марксизму. Большая часть этих книг была распределена между членами кружков и служила нам не только для самообразования, но и пробным материалом для пропаганды среди намеченных нами рабочих. Обычно с обсуждения прочитанного и начинался подход, а за ним уже следовала нелегальная литература и привлечение в кружок.

В воскресной школе мы пытались прощупать и педагогический персонал, имея целью найти среди него сторонников наших взглядов. Отчасти это нам удалось. В одном из классов мы встретили добровольную преподавательницу В. А. Янчевскую, служившую в то время в Управлении Муромской железной дороги. Знакомство началось с коллективного изучения французского языка. За этим началось использование нами ее библиотеки. В. А. Янчевская являлась типичной для интеллигенции того времени сантиментальной народолюбивой идеалисткой. Мы посвятили ее частично в нашу работу. Она, в свою очередь, согласилась оказывать нам необходимые услуги. Жила В. А. Янчевская прямо в управлении, в здании ж.-д. станции «Муром». Там же помещалась канцелярия и другие службы и квартира начальника дороги, дружившего с местным жандармским подполк. Сомовым. Через В. А. мы также почерпнули кое-что, наводившее нас на подозре-

ния по отношению к Мошенцеву и Моисееву. Сама В. А. Янчевская была настроена весьма отрицательно по отношению к ним обоим.

Когда т.т. ткачи с бумаго-ткацкой, отдельные товарищи с Торского и Валенкова (А. Обмайкин, М. Наумов и др.) потребовали создания кружка без связи со старым, уже готовившимся к провалу, мы предполагали использовать квартиру и прочие услуги В. А. Янчевской. В январе месяце 1904 года наше отделение в работе от Г. Я. Козина, Мошенцева и Моисеева осуществилось. К этому делу, через В. А. попытались было присоединиться появившиеся тогда соц.-революционеры, но мы не пожелали существовать с ними под одним знаменем. Г. Я Козину, с которым я был очень дружен, я не смог тогда прямо и откровенно об'яснить истинные причины — спасение кружков, сохранение работы, — побудившие нас тогда изолироваться от него. Это дело все же стало известно жандармам. — Г. Я. Козин рассказал об этом Моисееву. и во время допросов жандармы пытались спекулировать на этом и бросить тень на Г. Я. Козина и этим поссорить меня с ним уже в тюрьме.

В начале января мы попытались выпустить листок своего сочинения и своей работы. В. А. Янчевская ночью брала из канцелярии дороги гектограф, чернила и приносила к себе. На ее квартире происходило писание этих листков печатными буквами. Корпеть над этой работой приходилось целыми ночами. Размножать удавалось до двухсот экземпляров Сколько было выпущено нами всего листков, я теперь уже не помню. В материалах департамента полиции я нашел один «листок первый» и одно стихотворение, нижеследующего содержания:

Листок первый.

«Товарищи!

Мы, сознательные рабочие, обращаемся к тем из наших собратьев, которые еще спят тяжелым сном, в беспросветной тьме, скованные цепями рабства и насилия. Мы призываем вас на общее дело, в правоту и святость которого верим настолько, что готовы положить на него все силы, а если потребуется, то и самую жизнь. Мы говорим вам: братья, проснитесь, поднимите головы, разогните спины, оглянитесь вокруг, вдумайтесь в вашу собственную жизнь. Справедливо ли построена она? Почему вы, работающие всю жизнь, не покладая рук, терпите голод, холод, всевозможную нужду, а другим, ничего не делающим, так тепло и легко живется за вашей спиной. Где тут правда? Кулак-капиталист смотрит на вас только, как на рабочий скот, ценит вас только со стороны работоспособности: вытянет из вас все жилы, выжмет все соки, а там вышвырнет вон, как негодную ветошь: до вашей личности ему нет никакого дела. Каторжный труд ваш оплачивается нищенски; нередко вместо платы вам насильно всучивается по дорогим ценам гнилой товар из лавки хозяина; разрушительные болезни, вследствие нездоровых условий в помещениях фабрик и заводов, в корень, подтачивают ваш и без того усталый, истощенный организм; запутанные условия найма всегда неблагоприятны для вас и имеют в виду только интересы хозяина; введение фабричных старост оказало вам плохую услугу, так как они вместо того, чтобы «держать вашу руку» делаются клеветниками и шпионами хозяина и оберегают его интересы от ваших, якобы неумеренных, притязаний. Всякое проявление свободной воли, всякое стремление к охранению своего человеческого достоинства — строго карается заводской и фабричной администрацией. Всякий ваш протест, всякое заявление ваших законных требований возводится в степень бунта, и тогда к услугам капиталиста являются и фабричная инспекция, и рота солдат, и штыки, и нагайки. Все, начиная от царя и его министров и кончая послед-

ним «держимордой», насильничают над вами, глумятся над вами, — а вы покорно гнете спины. На что вы надеетесь? Каких щедрот и откуда ждете вы? Знайте, что никто не поможет вам — сами себе помогайте. От вас зависят жизнь и благосостояние ваших семей и судьба будущих рабочих поколений. Вы — сила великая. Очнитесь, товарищи, сознайте в себе эту силу и смело выступайте против правительства и капиталистов, этих двух главных врагов всего трудящегося, обездоленного люда. Требуйте политической и экономической свободы.

М. Г. Р.».

К РАБОЧЕМУ.

Товарищ-рабочий, проснись-же, проснись,
Сознательным взором вокруг оглянись.
Стряхни с себя цепи позорных оков,
Что давят тебя много, много веков.

Ты долго работал, ты много страдал,
А в жизни просвета еще не видал.
Довольно же быть бессловесным рабом
И шею сгибать под позорным ярмом.

Ты с „верху“ от трона спасенья не жди,
И в небо с надеждою ты не гляди,—
Никто не поможет: ты там позабыт:
Туда справедливости доступ закрыт.

И царь, и чиновник, и поп, и купец—
Все вьют сообща твой терновый венец.
Удел твой—трудиться, страдать, голодать,
Наемщику тело и кровь отдавать.

Так нет же! Довольно! Не раб ты, не скот:
Вы „Люди“, свободный рабочий народ.
Вас много, идите же смело на бой;
Боритесь во имя идеи святой...

Боритесь, уж близок спасения час;
Час этот ускорить зависит от вас,
Иди же, могучий рабочий народ,
Во имя свободы и братства вперед!

М. Г. Р.

В целях особой конспирации, как мы ее тогда понимали, поставили подпись «М. Г. Р.», что означало «Муромская Группа Рабочих». Все мы считали себя социал-демократами, но так как наша организация еще не была оформлена в партийном порядке, мы не смели назвать себя организацией. Путей же осуществления нашей заветной мечты — создание в районе социал-демократической организации, признанной ближайшими к нам комитетами,—мы еще не знали. Лишь позднее нам стало ясно, что организации создаются работой, этой работой укрепляются, на этой работе, а не откуда-то сверху, и достигают своего признания.

О нашей работе того времени я нашел в департаменте полиции только три донесения о распространении прокламаций. После подробные донесения оставались в губернском жандармском управлении, но во Владимире жандармский архив сохранить не сумели. Имеется лишь часть дознания по делу «о Муромской организации Р. С.-Д. Р. П.», в томах которого имеется много интересных документов. В департаменте же полиции дело это утеряно, и лишь частично мне удалось скопировать кое-что из документов и литературы того времени. Нижеприводимые донесения начальника губернского жандармского управления показывают, насколько усердно развернули мы тогда дело распространения листков.

НАЧАЛЬНИК
Владимирского Губернского Жандармского Управления.

8 января 1904 года.

№ 117.

Г. Владимир.

Секретно.

В ДЕПАРТАМЕНТ ПОЛИЦИИ.

Имею честь донести Департаменту Полиции, что в ночь на 3 сего января в разных частях г. Мурома на улицах были подобраны разбросанные неизвестными злоумышленниками 19 экземпляров гектографированного воззвания: «Как возвращается крепостное право» и 18 экземпляров печатного воззвания: «Что такое политическая свобода» — издания Нижегородского Комитета Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

Негласные розыски и наблюдения производятся.

Полковник (подпись).

НАЧАЛЬНИК
Владимирского Губернского Жандармского Управления.

12 января 1904 года.

№ 174.

Г. Владимир.

Секретно.

В ДЕПАРТАМЕНТ ПОЛИЦИИ.

Имею честь донести Департаменту Полиции, что в ночь на 10 сего января в разных частях г. Мурома на улицах были подобраны разбросанные неизвестными злоумышленниками 16 экземпляров печатных прокламаций «Листок № 2 и № 3», издания Нижегородского Комитета Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

Негласные розыски и наблюдение производятся.

Полковник (подпись).

НАЧАЛЬНИК
Владимирского Губернского Жандармского Управления.

23 января 1904 года.

№ 381.

Г. Владимир.

Секретно.

В ДЕПАРТАМЕНТ ПОЛИЦИИ.

Имею честь донести Департаменту Полиции, что 16, 17, 18, и 19 сего января в г. Муроме жандармскими унтер-офицерами, чинами полиции и частным лицами подобраны на улицах и сняты после рас-

клейки следующие нелегальные издания: 1) гектографированный «Листок первый» М. Г. Р. (Муромские городские рабочие) — 41 экземпляр; 2) гектографированное стихотворение «К рабочему» М. Г. Р. — 23 экземпляра; 3) воспроизведенный на мимеографе плакат «Как возвращается крепостное право», издание Нижегородского Комитета Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, датированный 5 августа 1903 г. — 1 экземпляр; 4) «Листок № 3» того же Комитета — 3 экземпляра; 5) печатное воззвание «К с.-петербургским рабочим», издание Союза борьбы за освобождение рабочего класса, помеченное «июль, август» — 1 экземпляр (в клочках).

Негласные розыски распространителей и наблюдение производятся.

Приложение: По 3 экземпляра изданий, поименованных в п. п. 1-3. Листок № 3 представлен при донесении от 22 января за № 380.

Полковник (подпись).

VI.

В середине января у меня произошел конфликт на заводе Валенкова. За несколько недель перед этим на завод поступил новый мастер, матерщинник и грубиян. Он все же знал, кого можно ругать безнаказанно, а поэтому наших членов кружка, чувствуя в них сознательных пролетариев, никогда не затрагивал. Особенно он был груб с чернорабочими и учениками. Будучи однажды свидетелем его грубого отношения—дело было около моего станка,—я весьма решительно предложил ему не ругаться. Самодур мастер опешил от такого вмешательства в «его дело», но все же ругаться перестал и пошел с жалобой на меня в контору. Мне было вежливо предложено покинуть завод, что я и сделал. Пришлось опять перекочевать на Торский, но проработал на нем я всего лишь несколько дней.

Наши «предчувствия», предположения и ожидания вскоре полностью оправдались. Двадцать третьего января местная жандармерия и полиция двинулась в облаву на крамолу. Были произведены обыски, и разом было арестовано пять человек.

Во время прихода полиции и жандармов меня дома не было. Я выполнял какую-то работу на квартире В. А. Янчевской и домой пришел под конец обыска, часу в пятом утра. По дороге, увидя в доме в неурочное время свет, я припрятал всю литературу, за исключением письма моего приятеля В. Н. Чулошникова. Обыск не дал никаких результатов. Взяли у меня несколько легальных книг «тенденциозного направления», да кисть из мочалы, служившую матери для хозяйства. Кисть была заподозрена в соучастии при расклейке.

Наш арест в таком глухом городишке, каким был наш Муром, вызвал невероятные слухи и предположения. Все заключенные в тюрьму были примерными людьми, не скандалисты, не пьяницы, не воры. Последнее заставляло обывателей ворочать мозгами. Мозги муромлян работали по особому шаблону. Через пару дней после нашего ночного ареста по городу распространили слух, что мы уже четвертованы или «перемолоты» на особой политической мельнице и отошли в небытие.

Наш предварительный сговор о том, как держаться при аресте, оказался очень полезным. Каждый знал кого признать, кого не признавать своим знакомым. Жандармы рассчитывали на скорую победу, на раскаяние, сознание, испуг. Однако на деле этого не получилось. «Сознался» только один провокатор Моисеев и кое-что подтвердил М. Иванов. Нижеприводимое донесение открывает картину жандармского осведомления и вполне правильно освещает фактическую сторону дела за 1903 год. Однако, что было раньше, а также в конце того же 1903 года и в начале 1904 года, об этом они знали очень мало, да и то в искаженном виде.

Начальник
Владимирского Губернского
Жандармского Управления.

Секретно

В ДЕПАРТАМЕНТ ПОЛИЦИИ.

27 января 1904 года.

№ 502.

г. Владимир.

В конце лета 1903 года в г. Муроме среди более интеллигентных рабочих машиностроительного завода Валенкова начало проявляться стремление к организованию тайного кружка.

Нелегальная деятельность членов этого кружка, последовательно видоизменяясь из организационной в активную, выразилась: а) в устройстве собраний; б) образовании кассы для вспомоществования политическим ссыльным и взаимопомощи; в) попытке изготовить гектограф для воспроизведения нелегальной литературы и г) распространении нелегальных изданий как среди членов кружка, так и разбросной и расклейкой по г. Мурому. Руководили деятельностью кружка первоначально рабочие: Василий Исаков, по выбытии которого из г. Мурома место его занял Александр Шляпников, выделившийся впоследствии из этой организации, затем Василий Моисеев, он же Казаков и Григорий Козин. Кассиром кружковой кассы состояли: Исаков и рабочий Михаил Иванов.

Нелегальные издания доставлял по большей части именовавший себя членом Нижегородского Рабочего Комитета Григорий Козин, который собирал также корреспонденции из фабричной жизни рабочих для помещения в периодические нелегальные издания и доставил в квартиру Моисеева материалы для устройства гектографа, которых Моисеев не использовал.

Распространением нелегальных изданий и расклейкой в большей или меньшей степени занимались все перечисленные лица, а также член этого кружка рабочий Алексей Крисанов, он же Шкарин. Условия данной местности исключали всякую возможность вести филерное наблюдение за членами кружка, поэтому пришлось ограничиваться сведениями, доставлявшимися внутренней агентурой, путем которой не представилось возможным выяснить сношения Козина вне г. Мурома и первоисточник получения им нелегальной литературы.

Исследование агентурным путем факта массового распространения в г. Муроме 3, 10, 16 и 19 сего января нелегальных изданий (донесения мои от 8, 12 и 23 января за №№ 117, 174, и 381) дало указание, что таковое производится при участии членов этого кружка, поэтому я поручил помощнику моему подполковнику Сомову ликвидировать наблюдение за этим кружком.

Произведенные в ночь на 23 января обыски в порядке Положения о Государственной охране у вышеупомянутых лиц хотя и не дали положительных результатов, но откровенное показание Моисеева вполне раскрывает организацию и нелегальную деятельность кружка и в случае надобности может быть подкреплено показанием негласного сотрудника, поэтому, предписанием от 27 сего января за № 492, я поручил подполковнику Сомову приступить к производству по сему делу дознания в порядке 1035 ст. Уст. Угол. Судопроизводства.

Подвергнутые личному предварительному задержанию: Василий Моисеев, он же Казаков, Александр Шляпников. Григорий Козин, Михаил Иванов и Алексей Крисанов, он же Шкарин, содержатся в Муромской уездной тюрьме.

О чем имею честь донести Департаменту Полиции.

Полковник (подпись).

В тюрьме мы более всего беспокоились о том, продолжается ли на воле работа или оставшиеся члены с перепуга растерялись, и наши кружки распались. На свидание в течение долгого времени к нам никого не пускали. Но все эти меры сугубого нашего изолирования мы быстро сумели обойти и в тюрьме узнали, что начатая нами работа продолжается. Донесение в департамент полиции красноречиво говорит о том, что революционная пропаганда не остановилась и после нашего ареста.

НАЧАЛЬНИК
Владимирского Губернского Жандармского Управления.

Секретно.

В ДЕПАРТАМЕНТ ПОЛИЦИИ.

5 мая 1904 г.

№ 2345.

Г. Владимир.

В последнее время в некоторых местностях Владимирской губернии: в городах Муроме, Иваново-Вознесенске, Шуйском и Вязниковском уездах были случаи нахождения прокламаций и воззваний, а именно: Нижегородского Комитета Российской социал-демократической рабочей партии: 1) «Что такое рабочая партия», 2) «Война с Японией», 3) «Для чего должен умирать русский солдат», 4) «Жертвуйте, русские люди», 5) «1-е мая» от 14 апреля, 6) «Первое мая», Центрального Комитета Российской социал-демократической партии, 7) «Война против войны», редакции «Искры» с штемпелем Северного Комитета Российской социал-демократической рабочей партии.

В Муромском уезде чинами полиции были заподозрены в разброске прокламаций два послушника Муромского Благовещенского монастыря: Иван Алексеев Тупин и Петр Григорьев Костин, у которых 27 апреля сего года, как при личном их обыске, так и в занимаемых ими в монастыре кельях, никаких нелегальных изданий и ничего предосудительного не обнаружено. При дальнейшем же расследовании, произведенном помощником моим в Муромском и Меленковском уездах подполковником Сомовым, падавшее на них подозрение не подтвердилось, о чем им было донесено от 3 мая за № 698.

Доводя об изложенном до сведения Департамента Полиции, имею честь присовокупить, что в других же местностях в разброске прокламаций никто не заподозрен. Наблюдение продолжается.

Приложение: «Что такое рабочая партия», «Война с Японией», «Для чего должен умирать русский солдат», «Первое мая», «Война против войны», «Жертвуйте, русские люди», «1 мая», каждая из прокламаций в 3-х экземплярах за исключением последней.

Полковник (подпись).

Из этого же донесения видно, как металась жандармерия в поисках распространителей. Ни Моисеев, ни Мошенцев не знали никого из оставшихся на воле, а последние все были оповещены о предательской роли обоих этих людей. В то

время, когда «распространители» были рабочие и жили в рабочих кварталах, жандармы искали «преступных лиц» в муромских монастырях.

При донесении приложен ряд прокламаций. Но среди них нет ни одной местного, муромского происхождения. Однако такие были. В делах Департамента Полиции мне удалось найти только одну гектографированную прокламацию о войне без даты и обозначения места выпуска, следующего содержания.

Копия.

«Тяжелое бедствие пало на долю России. От края до края по всей русской земле раздаются надрывающие душу вопли и стоны матерей и жен, провожающих «запасных» на войну куда-то в неведомые страны, за 8 тысяч верст отсюда. Всякому, хоть раз видевшему картину проводов, станет понятно безысходное горе этих женщин. Сколько семей лишается своих кормильцев, с уходом которых придется испытать нужду, голод, горе!.. А газеты каждый день приносят печальные известия о громадных наших потерях, доходящих до 3 — 4 тысяч убитых и искалеченных. С какой тревогой и волнением должны читать отцы и матери эти известия. И невольно является вопрос: кто же хотел этой войны? Царские чиновники, земские начальники говорят, что японцы тут во всем виноваты, что они коварно, без об'явления войны, напали на наш флот. И царь, чтоб наказать и уничтожить врагов, погнал всех этих работников. Конечно, для рабочего человека—это темное дело. Ему некогда читать газет. Да и газеты-то к нему попадают самые подлые: «Дружеские речи», «Свет», где строчки правды нет. Попытаемся открыть глаза народу. Года три тому назад поднялся Китай против «Белых чертей» европейцев, которые всячески угнетали его. Европейцы и в том числе русские побили китайцев, и каждое государство урвало для себя небольшую полоску земли. Русские взяли себе Порт-Артур. Затем все европейцы обязались в некоторые сроки вывести свои войска из Китая. Все обещали, так и сделали. Только русские отказались увести свои войска и успели даже на народные деньги построить железную дорогу в чужой земле — и давай обирать народ китайский. Рядом с Китаем есть маленькая страна Корея. И там некоторые великие князья и царские чиновники закупили леса и обделывали свои делишки. Всем, конечно, было ясно, что Россия хочет захватить обе земли в свои руки, как она делала не раз. Особенно неприятно это было Японии, потому что она ведет обширную торговлю с Кореей и Китаем и имеет там много фабрик и заводов. С захватом Манчжурии и Кореи — все это должно было рухнуть. И Япония об'явила войну России. Так вот, значит, отвоевывать от японцев Манчжурию царь посылает крестьян, рабочих, отрывая их от семей. Чтобы, значит, лучше жилось великим князьям и царским чиновникам, которые там греют руки. Царю, конечно, ничего не стоит, сидя в Питере, распоряжаться. Даже лестно показать другим народам, что, мол, какой он сильный. А между тем ведь люди идут умирать, умирать не за себя, не за свои интересы, не за веру, не за родину, а за каких-то пьяниц и воров. И не только эти бедствия сулит начатая нашим царем война. Каждый день теперь требуется для ее ведения три миллиона рублей. Уж теперь царь выпустил на 70 милл. рубл. бумажных денег, занял у французов 300 миллионов рублей и сократил необходимые государственные расходы, вроде таких, как народное образование, помощь крестьянскому земледелию, помощь крестьянам при покупке земли через крестьянский банк и т. д. А все это неотложные нужды. А долг и проценты, конечно, опять будет платить трудовой народ. Налоги, и теперь до крайности тяжелые, после войны будут удвоены. За всю затею царя будет расплачиваться народ... Да и те-

перь уж земские начальники обирают народ в пользу Красного Креста. И эти трудовые деньги миллионами расхищаются царскими чиновниками, а солдаты морозят ноги в худых сапогах и едят гнилые сухари. И так будет до тех пор, пока народ не возьмет власть в свои руки. Только сам народ может разумно тратить свои деньги, рассчитать каждую копейку, только народ может делать дело, строго его обдумавши. Одному царю, как бы он ни был добр и как бы ни заботился о своих подданных, никогда не углядеть за всей матушкой Россией. Никогда, значит, он не сможет утереть и слез народных, уменьшить его нужду. А чиновникам какое дело до народа! Знай получай деньги да тяни, что плохо лежит. Хорошо было бы, если бы все важные государственные дела вместо царя решали выборные народом люди. Они, зная положение народа, не обременяли бы его податями. А народ только бы голосовал, хочет он принять закон, предложенный выборными, или не хочет. Местные же дела народ и без земских начальников сумел бы устроить. Вот к чему нужно стремиться. Конечно, царские чиновники стараются не допустить до этого. Всех, кто говорит про это, сажают по тюрьмам, ссылают в Сибирь. Но дело не гибнет, и много, много теперь и из ученого, и из рабочего народа людей, которые поняли всю неправду, царящую в России, и разъясняют все народу. И вы примыкайте к нам, распространяйте правду, соединяйтесь между собою, чтобы, когда настанет время, прогнать теперешнее правительство. И время это уже скоро. Потому что много нас. Чего не может сделать один человек, то сделает весь народ. Мы завоюем политическую свободу.

Долой самодержавие, да здравствует политическая свобода!»

Распространение этой прокламации приписывалось Страшному, а также и тем монахам, о которых говорится в одном из приведенных мною жандармских донесений.

На самом деле она была изготовлена и распространена вскоре после нашего ареста, по нашему настойчивому требованию. Появление свежей прокламации выбивало почву из-под мотивов жандармского обвинения и мешало их уверенности, что они арестовали «всех главарей».

Моисеев был освобожден из тюрьмы очень быстро, кажется дня через три. Мошенцев же не был арестован. Освобождение Моисеева жандармы пытались оправдать родами его жены, но мы прекрасно понимали по ходу допроса, в чем заключалась истинная причина его освобождения.

В Муромской тюрьме мы повели пропаганду среди надзирателей и очень быстро, в течение ряда недель, сумели расположить в свою пользу некоторых из них. Благодаря этому мы имели полную возможность, сидя в одиночках и даже с забитыми наглухо окнами, как это было с моей камерой за нарушение мною правил о разговоре из окошка с прохожими, сноситься друг с другом и даже устраивать встречи. Уголовные также относились к нам с большим уважением, а наша непримиримость по отношению к администрации располагала их к нам настолько, что они все свои жалобы на тюремные порядки несли к нам. Надзиратели также дали нам богатый материал против начальника тюрьмы Бессонова, обворовывавшего заключенных.

По каждому допросу мы успевали уславливаться друг с другом, поправляли друг друга. Отказываться от показаний мы считали не для всех удобным. Так, Г. Козин был в тех условиях, которые позволили отказаться от всяких показаний. Для меня же и других этот отказ мог быть лишь подтверждением провокаторских оговоров. Поэтому мы и распределили свои роли так, чтобы выступление каждого из нас на допросе опровергало бы, прямо или косвенно, ту сеть улик, которую жан-

дармы подобрали против нас всех за 1903 год. Так как мы знали провокаторов, узнавали их донесения по тем вопросам, которые нам задавались, то эта игра была нам вполне по плечу. Однако случайность чуть было не погубила нашего плана, чуть было не выдала наших секретов. А. В. Крисанов, желая условиться с нами о поведении на ожидавшихся допросах, написал нам большое письмо и во время прогулки бросил его в окно одной из наших одиночек, но неудачно: письмо упало обратно и было у него отобрано. Надзиратель, отобравший письмо, передал его начальнику тюрьмы. Перед нами стала неприятная задача—выручить письмо, не допустить, чтобы оно было отправлено жандармам. Тут мы вспомнили о материалах против начальника тюрьмы, которыми мы располагали, и решили потребовать от него перехваченную переписку, грозя разоблачить его. Не помню точно, кто из товарищей, сидевших тогда в тюрьме, вел эти переговоры. Кажется, что все дело взял на себя А. В. Крисанов. Расчет оказался верным: начальник тюрьмы испугался и вернул переписку.

В Муромской тюрьме была библиотека, хотя и убогая, но для меня нашлось в ней очень много полезной литературы. Прочел я там все старые журналы («Русское Богатство», «Мир Божий», «Русскую Мысль» и др.), много давшие мне. Из марксистской литературы там ничего не было. С воли мы получили только «Записки о каторге» Мельшина. В Муроме тогда не нашлось никого, кто бы позаботился о доставке нам в тюрьму литературы. Жажда знания был огромна, но утолить ее было нечем. Кроме нас, сидевших по делу о Муромской организации Р. С.-Д. Р. П., был еще один товарищ Козлов из Иваново-Вознесенска, сидевший за пропаганду.

VII.

Благодаря провокаторским оговорам Мошенцева и Моисеева, дело «о Муромской организации Р. С.-Д. Р. П.» приняло крупные размеры. Прокуратура и жандармерия выделила «главарей», в числе одиннадцати человек. Кроме перечисленных мною выше: Моисеева (провокатор, «сознавшийся» и оговоривший всех), М. И. Иванова, модельщика зав. Валенкова, Г. Я. Козина, А. Шляпникова, А. В. Крисанова, были привлечены к ответственности за «преступное сообщество»: В. И. Пучков, вольноопределяющийся, служивший в Малороссийском полку в гор. Владимире, Д. П. Канаев, кр. села Вили, Ардатовского уезда, Нижегородской губернии (из Ардатовской тюрьмы Канаев 27 июля был мобилизован, как запасной); П. В. Гордеев, из деревни Крутца Семеновского уезда, Нижегородской губ., был заключен в Нижегородской тюрьме; А. Н. Дорофеев, муромский мещанин, отправлен в ссылку; Е. П. Табейкин, старый казанский социал-демократ, был в ссылке.

Когда была произведена ликвидация «Муромской Организации Р. С.-Д. Р. П.», В. А. Исакова в Муроме уже не было. В середине 1903 года он уехал в Москву. Судя по розыскным данным, имеющимся в следственном материале, В. А. Исаков работал в Москве на тормозном заводе Пудрэ. Очевидно известия о муромских арестах дошли и до него, а поэтому из Москвы Исаков «самовольно скрылся», как доносит исправник Ардатовского уезда. Лишь только в марте месяце полицейские власти нашли местопребывание В. А. Исакова в Кулебаках, но было уже поздно. Исаков страдал чахоткой, и, по приезде в Кулебаки, 25 февраля 1904 года умер.

Кроме того, путем шпионажа Мошенцева и Моисеева, был привлечен к дознанию И. Вейнштох, проживавший одно время в Кулебаках, у своих родителей. Во время следствия по нашему делу он жил в Нижнем и заведывал иногородними связями Нижегородского комитета Р. С.-Д. Р. П. Провал в Муроме на него произвел столь сильное впечатление, что И. М. Вейнштох покончил с собой. Очевидно, его мучило то обстоятельство, что это по его явке поехал Козин в Муром, и вокруг этой провокаторской явки началась организационная работа, под постоянным надзором жандармов. По поводу его смерти мы находим в делах жандармского управления следующий протокол:

ПРОТОКОЛ № 27.

«1904 года, апреля 27 дня, в гор. Муроме, я, Отдельного Корпуса Жандармов подполковник Сомов, принимая во внимание, что согласно моего отдельного требования от 10-го февраля сего года за № 283-м, был допрошен, в качестве свидетеля по настоящему дознанию, бывший студент Илья Матвеевич Вейншток, который в показании своем, данном в Нижнем-Новгороде 2-го марта этого года, отрекся от знакомства с лицами, привлеченными в качестве обвиняемых к настоящему дознанию. Вслед за этим в «Нижегородском Рабочем Листке № 7-й», изданном 12-го апреля 1904 года Нижегородским Комитетом Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, появился следующий некролог: «10-го марта в Н.-Новгороде кончил жизнь самоубийством социал-демократ Илья Матвеевич Вейншток. Будучи 25 лет, И. В. был старым работником партии. Социал-демократическую работу среди пролетариата он начал в Москве в 1899 г., иногда оставляя ее и переходя к участию в студенческих движениях, где играл всякий раз крупную роль. После волнения 1902 г. И. В. был сослан в В. Сибирь. Затем оттуда весной следующего года был возвращен в Нижний. К сожалению, в нашей организации товарищ проработал мало: всего около года, но в той отрасли, в которой он специализировался, организация обязана ему многим. Приезжая сюда, молодой, полный жизни и увлечения товарищ был, казалось, так далек от уныния. Но наступившие на Руси революционные будни сделали свое дело. Теперь здоровый человек сходит в могилу. Свое революционное дело Илья Вейншток исполнял до самого последнего дня жизни. Партия теряет в нем борца, обладавшего редкою, удивительною способностью к самопожертвованию».

Вследствие этого, запросив и получив от 25-го сего апреля за № 1718 ответ от Начальника Нижегородского Губернского Жандармского Управления о том, что бывший студент Илья Матвеевич Вейншток действительно окончил жизнь самоубийством, застрелившись 10-го марта сего года, руководствуясь 1035 ст. Уст. Угол. Судопр. и по соглашению с товарищем прокурора Владимирского Окружного Суда А. К. Унтиловым, постановил: вышеизложенное иметь в виду при дальнейшем производстве настоящего дознания, приложив к сему сообщение Начальника Нижегородского Губернского Жандармского Управления от 25 сего апреля за № 1718 о смерти Ильи Вейнштока.

Отдельного Корпуса Жандармов, подполковник **СОМОВ.**

Товарищ прокурора **УНТИЛОВ».**

26-го апреля того же 1904 года провокатор Моисеев выдал последний известный ему секрет нашей организации: склад литературы за обшивкой соседнего с нашим дома, выходившего стеною к нам в сад. О провале этого склада моя мать в тот же день меня предупредила. За обшивку этого дома провалилась одна моя рукопись—воззвание, написанное моей рукой, но не получившее распространения. Жандармы тотчас же ухватились за находку, но ожидавшегося эффекта не получилось. Предупрежденный, я успел приготовиться, посоветоваться с другими и отвел попытки жандармов вызвать меня на «откровенные показания». Все же, благодаря этому воззванию, а также новому складу литературы, они получили против меня и вещественные улики.

В начале лета нам стало известно, что все, привлеченные по нашему делу и сидевшие в Нижнем, в Ардатове, во Владимире, держались хорошо, отгораживаясь

от провокаторских оговорок незнакомством. Знали мы и о трагической смерти Вейнштока, а также и об угасшем Исакове. Частенько задумывались мы, сидевшие в Муромской тюрьме, над вопросом о том, нельзя ли поставить дело так, чтобы главными деятелями изобразить провокаторов, но ничем не выдавая того обстоятельства, что нам известно было о провокаторах.

В один из допросов, в начале июля, мне удалось легонько провести зоркость жандармов, обещать им «откровенное показание», но, не желая его давать без детального обсуждения с Г. Л. Козиным, я устроил в жандармском управлении комедию с потерей чувств от свежего воздуха (меня держали в камере с забитыми окнами), но все это в целях оттяжки допроса. Этого мне удалось достигнуть. Ночью после допроса, пользуясь дружбой с распропагандированными нами надзирателями, мы обсудили мои показания, и я набросал их черновик. На другой день меня повели опять на допрос. Предложил им составленные мною за ночь показания. Результат получился совершенно неожиданный. Жандармский подп. Сомов был так возмущен моими показаниями, что грозил меня сгноить в тюрьме. И прокурор почувствовал, что эти показания даны мною в целях спасения других, но тут же об'явил мне, что это не удастся. В теченце многих часов они пытались меня сбить перекрестными допросами. Вызывали на очную ставку провокатора Моисеева. Но из этой очной ставки получился один конфуз для жандармов. Одно дело давать «секретные» сведения и гораздо труднее оказалось даже для провокатора подтвердить все это при личном свидании. Моисеев был застигнут очной ставкой врасплох и в первый момент решительно отказался от своих предыдущих показаний. Только путем довольно усиленного вразумления со стороны Сомова. Моисеев подтвердил свои показания. От всяких вопросов Моисееву я отказался. По окончании моих показаний, поздно вечером, меня отправили, под усиленным конвоем, опять в тюрьму. Все же записанные мною показания быстро сказались. Исчезла всякая формальная сторона для держания в тюрьме Канаева, Козина, а также дело становилось совершенно непригодным для судебной постановки.

Мне же лично пришлось по этому делу просидеть в тюрьме дольше всех, до 30 сентября. Согласно новой процессуальной процедуры, все политические дела, начиная с середины 1904 года, подлежали предварительному просмотру Губернских Совещаний и по заключении совещания шли в Судебную палату. Дело же о «Муромской Организации Р.С.-Д.Р.П.» власти не решились поставить в суде. В прокурорских материалах мы находим следующее заключение прокурора, принятое Губернским Совещанием и позднее об'явленное нам, подсудимым.

М Ю. Секретно.

ПРОКУРОР
Владимирского Окружного Суда.

ВО ВЛАДИМИРСКОЕ ГУБЕРНСКОЕ СОВЕЩАНИЕ.

Марта 14 дня 1905 года.

№ 404.

Г. Владимир.

Предложив 9 сего марта Помощнику Начальника Владимирского Губернского Жандармского Управления по Муромскому и Меленковскому уездам представить в Губернское Совещание дознание о Муромской организации социал-демократической рабочей партии для прекращения за отсутствием состава преступления в деяниях обвин., привлеченных по 2 ч. 250, 2 ч. 251, 2 ч. 252 и 318 ст. Улож. о нак. (126 и 2 ч. 130 ст. Угол. Улож.), имею честь сообщить Губернскому

Совещанию нижеследующие мои соображения об основаниях такого распоряжения.

Нижепоименованные обвиняемые изобличаются во взводимых на них преступлениях нижеследующими данными:

1) Моисеев, он же Казаков (мещ., 26 лет, в настоящее время агент, а может быть, был им и ранее) при отрицательных результатах обыска: а) об'яснением агента Александра Мошенцева о неоднократной передаче ему Моисеевым нелегальных изданий и о раскидке им таковых в Муроме в присутствии Мошенцева; б) об'яснениями обвиняемых Иванова, Шляпникова и Крисанова о получении ими в разное время нелегальной литературы от Моисеева; в) подробным раз'яснением Моисеева по поводу его противоправительственной деятельности, возникшей, по его словам, вследствие слабости его характера под влиянием ныне умершего Исакова и выразившейся в раскидке по городу Мурому прокламаций, передаче их вышеназванным лицам и неудавшейся попытке организовать кассу, с указанием Моисеева на то, что еще задолго до своего ареста, стремясь прекратить свою преступную деятельность, он, однако, при сношениях с Мошенцевым, из разных побуждений неоднократно преувеличивал размеры таковой и искажал факты, почему часть показаний Мошенцева им опровергается.

2) Шляпников (мещ., 19 лет): а) произведенным по указанию Моисеева обыском, при котором за обшивкой стены дома, выходящей в сад при квартире Шляпникова, найдены гектографированная «Марсельеза» и противоправительственный «Листок» № 1», а также воззвание, написанное, как установлено экспертизой, рукою Шляпникова; б) голословным утверждением обвиняемого Моисеева и, с его слов, агента Мошенцева о раскидке Шляпниковым нелегальных изданий; в) об'яснением самого Шляпникова, не сознавшегося в взводимом на него обвинении и пояснившего, что нелегальную литературу он несколько раз получал только от одного Моисеева, который впервые его с нею познакомил, также впервые сообщив ему и о существовании в Муроме противоправительственного кружка, состоящего из него самого, Исакова и Иванова, об общей кассе и о раскидке Моисеевым и лицами ему знакомыми по гор. Мурому нелегальных изданий; при этом Моисеев предлагал Шляпникову передавать нелегальную литературу хорошему знакомому своему Григорию Козину,, от чего он, однако, отказался; получаемую от Моисеева литературу хранил за обшивкой дома, о чем было известно Моисееву, при участии которого он написал воззвание, при чем не знал, что Моисеев спрятал его за обшивку.

3) Пучков, он же Петров (мещ., вольноопред. 10-го Гренадерского Малороссийского полка, 22 лет), при отрицательных результатах обыска: а) показанием агента Мошенцева о том, что он знал от Исакова и самого Пучкова о распространении им нелегальных изданий по городу Мурому и о сношениях Пучкова с Нижегородским и другими революционными комитетами, а также заявление Мошенцева о передаче ему Пучковым в разное время значительного количества нелегальных изданий, на четырех из которых оказались отдельные слова и пометки, писанные, по заключению эксперта, рукою Пучкова; б) об'яснением самого Пучкова, не признавшего себя виновным, но заявившего, что, будучи знаком с обвиняемыми Моисеевым, Крисановым и Исаковым, он однажды получил от последнего сверток нелегальных изданий; ознакомившись с одним из них, он сверток этот вернул Исакову через рабочего Бодугина, подтвердившего ссылку на него; по словам Пучкова, в марте 1903 года, ему кто-то подбросил во двор сверток прокламаций, а непосредственно за этим Александр Мошенцев, по собственной инициативе, завязал с ним знакомство и тотчас же стал расспрашивать,

нет ли у него прокламаций, вследствие чего Пучков и стал давать ему подброшенные нелегальные издания; в настоящее время обвиняемый предполагает, что издания эти подброшены самим Мошенцевым; в) голословным утверждением свидетеля Рощина о том, что, как известно ему по слуху, Пучков сжег несколько пудов бывших у него прокламаций и наконец, г) совершенно необоснованным показанием свидетеля Ярцева о том, что, по его мнению, Пучков, находясь с ним в близких отношениях и разделяя его социалистические взгляды, сам занимался распространением нелегальных изданий.

4) Иванов (мещ., 38 лет) при отрицательных результатах обыска: а) собственным об'яснением о получении от Моисеева нескольких нелегальных изданий, переданных им потом по указанию Моисеева рабочему Василию Иванову Мухину, который ссылку на него подтвердил и б) голословным утверждением Моисеева о деятельном участии Иванова в распространении прокламаций.

5) Табейкин (кр., 45 лет, в приписываемом ему преступлении не сознался) при отрицательных результатах обыска, заявлением Мошенцева о том, что, со слов самого Табейкина, ему было известно о возможности получать от него нелегальную литературу и что со слов обвиняемого Козина он знал о передаче Козиным противоправительственных изданий Табейкину.

6) Дорофеев (мещ., 24 лет) при отрицательных результатах обыска у обвиняемого, не сознавшегося во взводимом на него обвинении, голословным утверждением Моисеева о том, что Шляпников предлагал ему и Иванову ехать за нелегальной литературой к Дорофееву, чего, однако, Иванов и Шляпников не подтвердили.

7) Гордеев, (кр., 21 года, в приписываемом ему преступлении не сознался) об'яснением обвиняемого Моисеева о том, что, со слов Исакова, ему было известно о привозе Исакову Гордеевым в Муром нелегальной литературы в марте 1903 года и о неудавшемся намерении привести таковую вторично.

8) Крисанов, он же Шкарин (кр., 32 лет) при отрицательных результатах обыска у обвиняемого, не сознавшегося в приписываемом ему преступлении и об'яснившего, что Моисеев однажды дал ему для распространения в селе Кулебаках пачку нелегальных изданий, от чего он отказался, но взяв себе из пачки три экземпляра, которые по прочтении сжег, голословным об'яснением Моисеева о поручении ему Исаковым передать литературу Крисанову для того, чтобы через этого последнего она попадала к Канаеву.

9) Козин (кр., 27 лет) при отрицательных результатах обыска у обвиняемого, не сознавшегося в приписываемом ему преступлении: а) голословным утверждением обвиняемого Моисеева, что сам Козин, рекомендуясь членом Нижегородской революционной партии, прибывшим по указанию обвиняемого Канаева в гор. Муром для политической агитации, передавал Моисееву и Шляпникову нелегальную литературу, а также доставлял ее в Муром и раскидывал по городу, предполагая с весны 1904 года печатать нелегальные издания в самом Муроме и б) ничем не подтвержденным об'яснением сотрудника Мошенцева о том, что сам обвиняемый говорил ему о доставке им нелегальной литературы обвиняемому Табейкину, а также о своем намерении завести в Муроме тайную типографию и гектограф в целях политической пропаганды.

10) Канаев (кр., 23 лет), не сознавшийся в приписываемом ему преступлении: а) голословным утверждением Моисеева о передаче Канаевым нелегальных изданий для раскидки ему и Шляпникову, при чем последний

ссылки этой не подтвердил и б) об'яснением сотрудника Мошенцева о получке им от Канаева нескольких нелегальных изданий.

Изложенными данными в достаточной степени выяснено, что в настоящем случае не может быть и речи о самостоятельной Муромской организации социал-демократической рабочей партии, так как совершенно не установлена связь между собою отдельных обвиняемых на почве противоправительственной агитации с более или менее правильным распределением рода преступной деятельности, ибо попытки устроить кассу и собираться на сходки нельзя считать достаточно убедительными аргументами для признания организованности обвиняемых в противоправительственное сообщество; равным образом не доказан факт систематической доставки в Муром революционной литературы для преступных целей предполагаемой организации.

Что касается до обвинения в единоличном умышленном распространении противоправительственных изданий, то в отношении Крисанова, Дорофеева, Табейкина, Козина, Гордеева, Канаева и Иванова имеется лишь оговор обвиняемого и агента Моисеева и отрывочные сведения, доставленные также другим агентом Мошенцевым, ничем по дознанию не подтвержденные.

Казалось бы, обвиняемые Пучков и Шляпников изобличаются в распространении нелегальных изданий, помимо об'яснений Моисеева и Мошенцева, наличностью у них таковых.

Но об'яснение Пучкова о том, что нелегальные издания частью были предложены ему Исаковым, которому вскоре им и возвращены, а частью подброшены на двор его квартиры Мошенцевым, что представляется вполне возможным, ничем по дознанию не опровергалось. Отдельные же случаи передачи им агенту Мошенцеву, распропагандировавшему его, нелегальных изданий, случайно попавших к обвиняемому и только хранимых им, хотя и заведомо о их содержании, не могут быть признаны распространением противоправительственной литературы с преступными целями, караемыми по 126 ст. Угол. Улож.

Равным образом осталось неопровергнутым об'яснение Шляпникова о том, что, не принимая никакого участия в распространении революционных изданий, он лишь указал Моисееву место для хранения таковых. Составление же Шляпниковым при тех или иных обстоятельствах противоправительственного воззвания, оставшегося невоспроизведенным и нераспространенным, не может иметь решающего значения при разрешении вопроса об ответственности Шляпникова за государственное преступление.

Наконец, по поводу ответственности Моисеева, хотя и сознавшегося в приписываемом ему преступлении, нельзя не считаться с его агентурной деятельностью, по крайней мере, со времени освобождения его из-под стражи при самом начале возникновения дела и соображений, я нахожу, что в Муроме никакого преступного кружка не существовало и что к дознанию о нем привлечены лица, на которых случайно пал выбор агента Мошенцева, скомпрометировавшего их путем распространения между ними, при помощи агента Моисеева, нелегальной литературы.

Из всех обвиняемых ввиду изложенного мог бы подлежать ответственности только Моисеев, который изобличается и собственным сознанием, и свидетельскими показаниями и вещественными доказательствами в прест.. пред. 129 и 2 ч. 130 ст. Угол. Улож., а равно мог бы быть привлечен в качестве обвиняемого Мошенцев, явно провокаторская деятельность которого выразилась в попытках организации преступного кружка, в распространении нелегальной литературы и граничит с подстрекательством; однако, принимая во внимание, что такое направление дела обнаружило бы слишком серьезные недостатки существующего порядка производства дознаний о

государственных преступлениях, я, не возбуждая вопроса об ответственности Мошенцева, полагаю, что настоящее дознание подлежит прекращению в полном об'еме: в отношении Исакова за смертью, а в отношении: 1) Моисеева, 2) Шляпникова, 3) Пучкова, 4) Иванова, 5) Табейкина, 6) Дорофеева, 7) Гордеева, 8) Крисанова, 9) Козина и 10) Канаева за отсутствием в их действиях состава преступлений, пред. 126, 129 и 2 ч. 130 ст. Угол. Улож., с последующей отменой принятых против обвиняемых мер пресечения (надзор полиции). Подписал прокурор **Данилов;** скрепил и. д. секретаря **А. Лепорский.**

Копия верна: И. д. секретаря **(А. Лепорский).**

Из этого прокурорского заключения видно, какую огромную роль сыграло во всем деле провокаторство Мошенцева и Моисеева. Наши же догадки и тюремные предположения также вполне оправдались. Согласованностью поведения на допросах, отказом признать жандармские улики, добытые провокаторами, мы поставили царскую юстицию в состояние полной невозможности загнать нас, по новому Уложению, в каторжные работы или в Сибирь.

По выходе из тюрьмы под «особый надзор полиции», я тотчас же стал приводить в порядок старые связи. Новые возникали как-то сами собою. Многих из старых знакомых по работе 1902 — 1903 годов уже не было в Муроме. Но зато появилось очень много новых товарищей. Тотчас же по выходе из тюрьмы со мною связался учитель И. Н. Елизаров. Посещая городскую читальню, помещавшуюся тогда в здании Городской Думы, я познакомился со школьным учителем Иваном Никитичем Елизаровым. Вскоре же мне удалось привлечь его к нашей работе. Он вполне разделял социал-демократическую программу и согласился охотно работать в организации. Сначала мы хранили у него литературу, а затем стали посылать его как пропагандиста. Несколько позднее, в разгар «весны министерства Святополк-Мирского», познакомились со мною студенты — Ф. Курицын, С. Гуреев, А. Серебрянников, Федосеев и ряд других.

Студенческое землячество (Петербургское) передало мне большое количество легальной литературы, подобранной для читателя-пролетария. Через пару месяцев организация снова была налажена. Из Нижнего прислали кое-что из свежей нелегальщины.

В конце того же 1904 года я познакомился с М. Лакиным, рабочим Слободской фабрики. Он увлекался тогда писанием рассказов из деревенского и фабричного быта, а также проповедью справедливости. Для последней цели он умел пользоваться евангелием и библией. Сам он имел апостольский вид, и его подход к правде человеческой со стороны божеского ученья имел большой успех у наиболее отсталой массы рабочих и работниц. В 1905 году, во время Иваново-Вознесенской стачки, наш М. Лакин своими бесхитростными словами, декламацией стихотворений Некрасова завоевал большую симпатию десятков тысяч рабочих того района.

У И. Н. Елизарова была организована явка. Там же, в его маленькой комнате в доме Дегтярева, происходили собрания и свидания наиболее активных работников социал-демократов. В ту же осень мы пользовались услугами М. Н. Зворыкиной (ныне Деевой) для печатания и перепечатывания прокламаций. В ее квартире мы варили гектограф и тут же производили печатанье. Писать гектографскими чернилами заставляли кого-либо из студентов. Очень много печатали революционных песен и стихотворений.

Политическая жизнь в стране била ключом. В промышленных центрах происходили стачки, а в университетских городах были «студенческие беспорядки». Общая волна рабочего движения затронула и наши углы. Настроение рабочих было более сознательным, чем в те глухие времена 1902-3 года. Социал-демократическая пропаганда имела уже подготовленную и благодатную почву. Ведя нашу работу по фабрикам и заводам, мы одновременно захватывали и крестьян-

скую бедноту, дети которой наполняли фабрики нашего района. Ко мне, как «поднадзорному политику», отношение рабочих было чрезвычайно доверчивое и товарищеское. К началу красного 1905 года положение нашей организации в Муроме было весьма прочное. Настроение пролетариев давало нам уверенность, что и наш район сможет оказать посильную помощь застрельщикам движения— крупным рабочим районам. Наши ожидания вполне оправдались.

А. Шляпников.

Страничка воспоминаний.

1900—1904 годы.

В эти годы каникулярное время после работы в сельской школе мне приходилось проводить в Муроме.

Приезжая сюда, я обыкновенно привозил с собой часть нелегальной литературы, какую получал для Гусевского района, в котором жил, и делал попытки пропагандировать социал-демократические идеи среди рабочих завода Гусь-Хрустальный и стремился создать там организацию, связывая распропагандированных рабочих.

Это была преимущественно социал-демократическая литература—брошюры, «Южный рабочий», затем и газета «Искра», которая только что стала издаваться с декабря 1900 года, хотя при недостатке соц.-демокр. литературы приходилось использовать и вообще революционную литературу.

Социал-демократической организации в Муроме тогда еще не было, и лишь немногие революционно-настроенные одиночки потихоньку вели кустарно пропаганду. На интеллигенцию некоторое влияние имело «толстовство». Переписывались и распространялись недопущенные цензурой произведения Л. Н. Толстого, очищая от некоторых предрассудков, будя мысль и лишь в малой степени революционизируя сознание. Так как «толстовство», как религиозно-философская система, все же мешало подготовке марксистского мировоззрения, приходилось часто вступать в горячие споры с поклонниками Л. Н. Толстого и, поскольку позволял образовательный багаж, толкать на путь материалистического миропонимания.

Большие трудности стояли на пути: прежде всего и больше всего нужно было самому и притом самостоятельно воспитываться во всяком направлении. Путь самообразования—путь «тернистый». Нужно было и других втянуть в эту работу.

Тогда как на Гусе-Хрустальном я вел связь исключительно с рабочими и крестьянами, здесь у меня знакомства, главным образом, были среди учителей и служащих, среди полуинтеллигенции.

Своими мыслями и книгами революционного характера я делился, главным образом, с тов. Мих. Павлов. Андреевым, сыном портного. Его оторвал я от интересов в области астрономии и втянул в круг вопросов общественного, политического характера, из области, может быть, романтической, в область практическую.

Расширяя круг знакомых, с ним вместе, в квартире ныне умершей учительницы с. Чаадаева Ант. Иван. Иконниковой-Герцык, где было нечто вроде политического клуба, или у меня в квартире, мы развивали материалистические идеи и укреплялись в них. Хотя с значительным душком «толстовства», Ант. Пв. Иконникова всегда давала нам приют и всегда оказывала товарищеские услуги, почему и считаю не лишним упомянуть о ней.

Вся имевшаяся у меня литература раздавалась по знакомым, как в городе, так и в уезде и частью, главным образом, листовки, иногда разбрасывалась на

льнопрядильной фабрике бр. Суздальцевых, где в расчетной конторе служил тов. Андреев.

Кроме распространения литературы, при всяком удобном случае велась устная пропаганда с отдельными рабочими.

При непосредственном участии тов. Андреева, кажется, в 1902 году была даже организована на экономической почве стачка чесалей на названной фабрике. Эта стачка после вмешательства фабричного инспектора Кречмера была улажена удовлетворением администрацией фабрики некоторых требований из числа формулированных мной. Большую поддержку в этом случае оказал один не местный рабочий этой фабрики, фамилии которого, к глубокому сожалению, не удалось удержать в памяти.

Кроме того, нами была сделана попытка накопления некоторого фонда для помощи политическим и для приобретения литературы. Для этой цели мы, между прочим, пустили в розыгрыш свои книги.

К 1902 — 1903 году относится возобновление нашего знакомства со школьным по городскому училищу товарищем В. Н. Пучковым, который приехал из Кулебак, поступил конторщиком на фабрику бр. Суздальцевых, с которой тов. Андрееву пришлось уже уйти.

Частичная связь была у нас и с рабочими машиностроительного завода Валенкова в Муроме, и им давалась для чтения литература. Из лиц, работающих в этот период на заводе Валенкова, я помню тов. Н. М. Волкова [1]) и К. Серебренникова, хотя последний служил лишь слабой связью.

Через рабочих и учителей литература достигала и до уезда.

В 1902 году я был арестован, предан суду. По освобождении в 1903 году из тюрьмы некоторое время оставался в Муроме.

Кажется, со 2-ой половины 1902 года начинает вести пропаганду среди рабочих завода Валенкова приехавший сюда уроженец Мурома, токарь по ремеслу, тов. А. Г. Шляпников [2]) и развивает работу тов. В. Н. Пучков [3]). Связь наша держится с кружком Шляпникова через М. Н. Зворыкину, ныне Дееву, высланную из Москвы сюда под надзор полиции в конце 1902 года.

В квартире ее в доме № 2 по Спасскому с'езду обычно печатались на гектографе прокламации, и здесь же частью хранилась литература.

В 1904 году я должен был выехать из Мурома; несколько ранее меня выехал и тов. Андреев.

Живя в 1904 и 1905 годах в Коврове и налаживая там связи среди рабочих, я иногда через М. Н. Зворыкину посылал в Муром литературу и давал явки работавшему со мной в Коврове тов. Вл. Ник. Миролюбову, который приезжал проводить массовки на Слободской фабрике, а также Ив. Петр. Серговскому, которого обычно из Коврова мы направляли в Муром.

1906—1908 годы.

(По документам архива Владимир. Жандарм. Управления и воспоминаниям.)

В начале 1906 года (в феврале, кажется) были арестованы и высланы из Мурома, как политически неблагонадежные, следующие рабочие: 1) Кириллов, Алексей, 2) Разборщиков, Василий, 3) Кононов, Ив. Петр. 4) Крестовников, Егор 5) Зуев, Алексей, 6) Никольский, Вас. с Торского завода и 7) Бакулин, Сергей, слесарь Валенкова завода,, но на место ссылки не явились.

---

[1]) Н. М. Волков принимал участие в работе организации только с 1905 г.
[2]) В этом году т. Шляпников работал на Торском заводе.
[3]) Т. Пучков поддерживал связь с Исаковым и провокатором Мошенцевым.
Прим. Ред.

В конце июня 1906 года, по освобождении из Владимирской тюрьмы, где сидел по Ковровскому делу 1905 года, я был выслан под надзор полиции в Муром.

Здесь деятельное участие в работе принимали товарищи: Окушко, Варв. Осип., Каплан, пом. провизора. Елизаров, Ив. Никит. (учитель), а также Гуреев Семен. Ив., и Елизавета Ник. Мошенцева.

Имелась боевая дружина, не принимавшая особого участия в органической работе организации, из Гальберга Михаила, Щелокова Ник. и Н. И. Кульпина, Фед. Черного, Семена Сипева.

Мне давался материал, и по поручению организации я писал корреспонденции из рабочей жизни, которые, между прочим, помещались во Владимирской газете «Владимирец».

6 августа 1906 года была арестована тов. В. Окушко, при чем при обыске были найдены: нелегальная литература, переписка, отчеты (протоколы организации, рукописи), гектограф и мимеограф.

Ей было пред'явлено обвинение в том, что она состояла секретарем Муромской с.-д. организации, вела пропаганду среди рабочих и гимназистов, печатала прокламации и состояла в деятельной связи с Кулебакской организацией, для которой также печатала отчеты и прокламации.

Вскоре были арестованы за революционную деятельность: 1) упоминавшийся мною ранее Волков, Ник. Мих. (чертежник)—арестован в Ельце, 2) Боков, Михаил Григ.—котельщик на заводе Валенкова. 3) Судаков, Иван—кузнец завода Валенкова. 4) Ряхин, Григорий и 5) Ряхин, Яков—котельщик и 6) Чернышев, Ив. Ал.—токарь завода Валенкова, а также привлечены к дознанию Алексеев, Александр Петрович и Демин Василий, за которыми установлен негласный надзор.

Все они обвинялись, так же как и Окушко, в революционной деятельности с 1905 года, каковая выражалась в пропаганде революционных идей, путем выступления на сходках, распространения печатных изданий, в результате чего были в ноябре и декабре 1905 года на Муромских фабриках бр. Суздальцевых, Ткацкого Т-ва, Льнопрядильной бр. Кирилловых, а также на заводах Валенкова и Торском забастовки, и 1 мая 1906 года была устроена демонстрация, потребовавшая применения вооруженной силы (см. дело Пом. Нач. Влад. Жанд. Управ. по Муромскому уезду за 1906 год).

Начавшееся с 22 сентября 1906 года о них дело было прекращено 3 мая 1906 года, при чем: В. Окушко подлежала высылке в Вологодскую губ., но под залог в 300 рублей была освобождена и отправилась на лечение в Петербург. Деньги собраны были муромскими рабочими. Волков Н. подлежал высылке в Вологод. губ. на 2 года. Судаков и Боков — высылке в северные уезды Пермской губернии на 1 год. Ряховы, Чернышев и Алексеев отданы под негласный надзор полиции.

В 1907 году в организации состояли оставшиеся на свободе, хотя не вне подозрения, Мих. Макс. Каплан (пом. провизора), Елизаров, Ив. Ник. (учитель), как постоянные работники, и Гуреев Сем., Гундобин Дм., Гуреев Арк.—студенты, как временные работники, с ними мною поддерживалась связь. Из рабочих нужно отметить: Нижегородцева М. Ст., ныне уже умершего, Пашина В. К., Никитина К. Ф. (печатник), Козлова (прядильщик) П. А. Чернышева и Селихова Ив.

Елизаров и Каплан вели пропаганду среди рабочих и крестьян. Особенно много всевозможных обязанностей возлагалось на Елизарова. Последний в 1908 году был уволен с учительской должности, в 1912 г. выбыл в Москву и в 1916 г. покончил жизнь самоубийством, немного не дожив до революции.

В августе 1907 года в Муроме стал выходить с.-д. журнал «Отклики», который печатался на гектографе в д. Васильевых на Нижегородской улице [1]). Поме-

---

[1]) См. приложение.

щались статьи общего содержания и корреспонденции с мест, из уездов и Кулебак. С августа по ноябрь 1907 г. вышло 3 номера.

За Канланом, Елизаровым, Вздепконским (реалист), Альбицким, Арк. Гуреевым, И. В. Деевым, а также за только что уволенным учеником 6 класса Прониным Ив. Лог., была установлена полицией самая тщательная слежка, что видно из дневников филеров (Секрети. дела губернского архива и жанд. управления).

Для слежки исправником Иниховым были выписаны из Владимира 5 филеров, хотя последние не оправдали возложенного на них поручения, пьянствуя и устраивая на улицах стрельбу, за что, а равно за неумелое наблюдение, благодаря которому И. В. Дееву удалось якобы вывезти из Мурома тайную типографию, были высланы.

В мае 1908 года жандармерией была сделана по приказу из губернии попытка ликвидировать всю организацию: у нескольких десятков наиболее видных работников (Елизарова, Каплана, Альбицкого, Деева, Гуреева, Вздепконского и др.) были произведены обыски, но так как мы получили предупреждение о том от племянницы жандармского ротмистра, то существенного обыск ничего не дал.

Вскоре, вследствие начавшейся общей реакции и репрессий, работа в Муроме, как и повсеместно по губернии стала замирать.

Жандармы делали попытки создать какое-нибудь дело, пред'являя, напримср, (Дееву) обвинение в получении почтой нелегальных изданий, которые все время перехватывались жандармами, но успеха не было. Обыски результатов не дали.

В конце концов жизнь заглохла.

Реакция торжествовала. Ротмистр Будницкий в донесении губернатору пишет, что никакой пропаганды не велось и не ведется среди рабочих на постройке моста. Это было донесено в сентябре 1912 года в результате строгой проверки ложных сведений, доставленных агентом Второвым, который, очевидно, хотел выслужиться и переборщил.

В 1912 г. была, очевидно, небольшая забастовка рабочих на постройке моста, но скоро прекратилась.

В следующие ближайшие годы и в 1915 г., Будницкий неизменно доносит губернатору, что деятельности революционной партии пока не замечается, этому отчасти способствует и то, что большая часть молодежи, склонной к этой деятельности, призвана на военную службу, а оставшиеся работники не находят подходящей для этого среды. Подпольной прессы не существует. (См. секретные дела губернского архива и Владимирского жандарм. управления.)

И. Деев.

Воспоминания.

До 12-летнего возраста я жил дома; образование получил у деревенского мужика и дьячка. Думал учиться дальше, но не пришлось: нужно было помогать отцу, и 12 лет я поступил на Слободскую фабрику. На фабрике я сразу попал в тяжелые условия, работал по 12 часов в сутки за грошевое жалованье. Не удовлетворяясь своим положением, я поехал в г. Иваново-Вознесенск, где сначала работал на ситцевой фабрике, а потом, будучи уволен с нее за конфликт с мастером, перебрался на механический завод быв. Пономарева на должность ученика-токаря. Здесь я впервые познакомился с революционным движением через брошюрки, которые доставали товарищи по мастерской. Брошюрки эти меня очень интересовали, но много читать их не пришлось, т. к. вскоре я был уволен с завода.

Не найдя работы в Иваново-Вознесенске, в 1902 г. я переехал обратно в родной город Муром, где поступил работать на завод Валенкова. Через некоторое время, в 1903 году, я познакомился с другими рабочими завода, Исаковым и Мих. Ивановым, с которыми устраивали беседы. Была попытка организоваться. Работал и был с ними в это время еще В. Моисеев, оказавшийся потом провокатором. Однако вскоре все распалось.

После некоторой замишки, нас об'единил в кружок тов. Шляпников. В кружке устраивали беседы, собираясь у тов. Козина, жившего на Николо-Можайской улице. В начале 1904 года организация была открыта, и ряд товарищей был арестован. Работа замерла, и возобновилась осенью 1904 года.

С осени 1904 г., несмотря на все гонения полиции, организация распространяла свое влияние все шире и шире. На маевке, устроенной в 1905 г. в Ковардицком лесу, пришли, кроме муромских рабочих, еще и из окрестных селений. Ораторами на маевке были т.т. Шляпников, Гуреев и др.

С начала весны 1905 г. тов. Шляпниковым был создан кружок высшего типа, в который вошли: В. И. Разборщиков, И. И. Конопов, С. П. Бакулин, А. В. Зуев, А. Кириллов. Собирались обычно за заводом Валенкова. Сначала кружком руководил Шляпников, а потом передал это дело студенту Маслову, а сам организовал другие кружки, в которые входили рабочие с фабрик бумаго-ткацкой, прядильной и зав. Торского.

Иногда кружки собирались в массовки, которые устраивались в оврагах за заводом в «Бучихе». Таких собраний было несколько.

10 июля 1905 года было организовано собрание за Окой в память полугодия 9-го января. На собрание пришли все организованные и им сочувствовшие силы города, слободы и др. селений. Об'единившись под красным знаменем, открыли митинг, но провести его спокойно не удалось. Не успел тов. Лакин окончить свою речь, как из кустов выскочила полиция, проведавшая уже о митинге. С дикими криками «бей крамольников» она бросилась на нас. Товарищи сначала было оробели и от-

ступили. Полиция захватила наше красное знамя и девицу Окушко. Наша заминка длилась недолго. Воодушевленные тов. Лакиным, Шляпниковым и Гуреевым, мы пошли в наступление, заставив полицию отступить, и захватили в плен помощника исправника.

Под угрозой лишения жизни мы добились от него приказа подчиненным о возвращении нам знамени, и, не ограничившись этим, продолжали гнать полицию до самого перевоза. Полиции пришлось бежать на лодках. Митинг за рекой таким образом был превращен в демонстрацию. По приезде в город, на берегу нас ожидала масса граждан, вместе с которыми, с пением революционных песен мы пошли по набережной в город, устраивая по дороге митинги.

Полиция, собравшись у здания пожарной команды, встретила нас залпами, на которые ответили наши вооруженные револьверами товарищи. Стало уже темнеть. и демонстранты решили разойтись по домам.

Через неделю после этого выступления были арестованы т.т. Шляпников и Лакин, а позднее еще Гуреев и Хрянин. Работа в организации после этого была возложена на т.т. Разборщикова, Бакулина и Кононова, которые и вели ее до 17 октября 1905 г.

После 17 октября 1905 г. мы вышли из подполья и широко развернули работу, устраивая демонстрации, митинги с выступлением т.т. Шляпникова, «Максима», Лакина и др. Был создан стачечный комитет (Шляпников, Разборщиков, Кононов и др.). Но так работать долго не дали — наступали черные дни. Стали распространяться слухи о черной сотне, и мы решили создать боевые дружины, организатором которых назначен был тов. Шляпников, а тов. Лакин был послан организатором в с. Ундол, Владимирского уезда, где потом был убит черной сотней. В третий раз был арестован т. Шляпников. Работа не прекращалась. Избран был комитет партии (Кононов, Разборщиков, Мошенцева) и комитет Профсоюза металлистов, в который избрали: Волкова, Чекушкина и Судакова.

В начале февраля 1906 года нас разгромили, арестовали многих товарищей и направили во Владимирскую тюрьму. Но это нас не остановило. Просидев больше месяца в тюрьме, мы опять вернулись на работу еще энергичней. Полиция добилась через свой Департамент решения о высылке нас в Нарымский край Томск. губ. Дали нам сроку на сборы 3 дня. Обсудив положение, мы решили; что в место ссылки не поедем, а поедем в г. Баку. Так и сделали. Обманув полицию, уехали по нелегальным паспортам, оставив ей только пустые квартиры.

Пробыв несколько времени в Баку, потом в Москве, мы вернулись было с Зуевым жить в Муром, но жить оказалось нельзя (преследования полиции), и нам пришлось уехать в Иваново-Вознесенск. Это было в 1908 году.

Работая там среди безработных по созданию артелей и в парторганизации. мы были заподозрены полицией, я был арестован. Во время обыска нашли у меня на квартире все документы и литературу. Посадили в тюрьму. До суда пришлось сидеть около года. Суд, благодаря защитнику от профсоюза, меня оправдал, но Департамент приговорил к административной ссылке в гор. Мезень Арханг. губ. сроком на 3 года. Климатические условия тех мест отразились на семье, которая приехала ко мне в ссылку. У меня умерли сын и дочь. По окончании срока, в 1912 г., я опять возвратился в г. Муром.

В Муроме я поступил на Слободскую фабрику и, работая в качестве кочегара, был выбран в Больничную Кассу, закон о которых только что был издан. Но репрессии администрации не дали мне долго здесь работать, и я был вынужден уехать в 1914 году на Кулебакский завод.

В 1916 г., по просьбе Муромских товарищей, я перешел на завод Зворыкина в Бучихе, где и проводил февральскую революцию. В скором времени был избран рабочими в Исполнительный Комитет, который в это время вел борьбу с буржуазией и правительством Керенского.

Вскоре перед организацией встал вопрос о создании комитета Социал-Демократической Партии. На одном собрании в доме Васильева по Николо-Можайской улице был поставлен вопрос о том, к какому течению с.-д. партии присоединиться: к большевикам или меньшевикам. Большинство собравшихся решили поддержать последних. Но меньшинство не удовлетворилось этим решением. Мы продолжали вести агитацию (Кононов, Панин и др.) в пользу первых. На помощь к нам приезжали агитаторы из Москвы и привозили большевистскую литературу. Однажды приехал из Москвы тов. И. Кассиор, с которым мы провели митинги на Бучихе и на Слободской фабрике при помощи тов. Амосова. Затем была создана связь с мастерскими Казанки и с 205 полком.

В скором времени к нам приехал Никифор Тагунов, который привез литературу и помог создать большевистскую организацию. Комитет был избран на собрании в саду у т. Мамченко 25 июня 1917 г.; присутствовало 25 человек. В комитет вошли: Кононов (председатель), Богатов, Белов, Ярлыкин (от солдат).

Долгое время искали квартиру для комитета, подавали 2 раза заявления в эс-эровский Совет, и лишь при помощи солдат 205 полка ее удалось достать.

По мере того, как рабочие и солдаты начали сознавать вред политики соглашателей, к нам примыкало все больше и больше рабочих и солдат, но было очень мало интеллигенции, никого кроме т.т. Мамченко, Тагунова и Богатова мы долго не имели.

По приезде одного товарища из центра нами был устроен большой митинг в 205 полку, который занял сочувственное к нам положение. При выборах в земскую управу от нас было проведено 2 товарища (Амосов и Кононов).

Меньшевики и эс-эры теряли все больше свой авторитет, и при созыве с'езда Советов и выборах на Всероссийский с'езд от нас делегатом поехал тов. Жуков.

И. Кононов.

Воспоминания о Муромской организации Р.С.-Д.Р.П.

Осенью 1902 года на завод Валенкова поступил слесарь с Кулебакского завода Александр Исаков, который начал говорить о политике и вербовать в Р. С-Д. Р. П. Исаков познакомился на заводе с Моисеевым, (впоследствии ставшим провокатором), Васильем Константиновичем Пашиным, Иваном Ярцевым и др., и начал распространять нелегальную литературу среди рабочих, состоящую из прокламаций и брошюр. Первое время в литературе чувствовался недостаток, благодаря отсутствию денежных средств и приходилось питаться частью и литературой эс-эровской. («Заря» и пр. брошюры). В феврале следующего года скопили кой-какие сбережения из отчислений с заработка и послали за литературой одного товарища (высланного за политическую неблагонадежность, бывший швейцар общественного клуба, фамилию забыл [1]). Весной 1903 года литература была привезена из Сормова (Нижегородской губернии) и распределена частью в Кулебаки (завод в 40 верстах от Мурома) частью в Липню т-щу Кирсанову, а частью оставлена в Муроме.

В апреле 1903 года было назначено общее собрание членов партии в нерабочий день в Бучихе (овражная местность). Рабочих собралось немного, всего пять или шесть человек (некоторые рабочие еще боялись и не пришли на собрание). Но хотя рабочих явилось мало, тем не менее постановили собрание считать полноправным. Под председательством Исакова была намечена повестка дня: а) выборы комитета; б) членские отчисления; в) приобретение литературы; г) хранение литературы; д) дальнейшая работа. По пункту первому постановили: комитета не выбирать, а работать с ведома общего собрания (т.-к. членов организации было немного). В этом решении была допущена непростительная ошибка, которая была обнаружена впоследствии (если бы был комитет, то провокаторы не могли бы знать всех членов партии). По пункту второму постановили: отчислять 2% из заработка ежемесячно. Хранение литературы взяли на себя товарищи Исаков. Моисеев и другие. В конце апреля литературы стало значительно больше, и ее решили не держать на руках, а делать раскидку в рабочих кварталах. Первая раскидка литературы была произведена в конце апреля 1903 года в ночь на понедельник. Товарищу Исакову поручили Касимовскую улицу и ее перекрестки, Моисееву—Рождественскую улицу с переулками, Пашину—Никольскую и прочие улицы другим товарищам. Литература была взята накануне, чтобы ее приготовить к раскидке, что и было проделано ночью, часов с 12-ти. Листовки бросали в открытые окна, в щели ворот, клеили по заборам и фонтанам и проч. После первой раскидки начали вести разговоры и с более отсталыми и боязливыми рабочими.

В мае месяце меня уволили с Валенковского завода за отказ от сверхурочных работ, и одновременно со мной был уволен Иван Иванович Бажин. Мастером был в это время Константин Яковлевич Антохин. Как велась дальнейшая ра-

---

[1]) Автор имеет в виду Табейкина.

бота на Валенковском заводе, я не знаю. Встречаться приходилось мне лишь с Исаковым и Моисеевым. Первый предлагал мне денег из средств организации, но я отказался, потому что знал, что денег в организации еще мало. После увольнения мне пришлось еще раза два участвовать в раскидке прокламаций. В июне месяце я поступил на городскую водокачку. Немного времени спустя сюда явился жандарм и говорил о чем-то с машинистом. От последнего я узнал, что за мной следят. С тех пор работать приходилось осторожно, жандармы стали ходить по ночам по улицам, одетые в штатское платье. Из личных наблюдений я узнал некоторых из них и заметил, что они начали следить за мной и др. товарищами. Привожу некоторые их проделки: как-то раз мне пришлось быть у Моисеева на квартире. Приходит жандарм, переодетый в штатское (узнаю впоследствии) и спрашивает: «нет ли квартиры?» Ему ответили, что нет. Тогда он садится на стул, без приглашения, и заводит разговор об Иваповских рабочих, выдавая себя за приезжего из Иванова и указывая на их плохую жизнь. Этот разговор не был поддержан нами, и ему пришлось выкуриться. В августе месяце я поступил в частную мастерскую к Василию Дмитриевичу Евстигнееву. Эту мастерскую посещали жандармы очень часто, чуть не каждую неделю, приходя большей частью по двое и даже по трое и принося какой-либо мелкий заказ: сделать запятники для галош или какие-нибудь шпоры. Приходили и просто без всякого дела, чтоб завести со служащими разговор. Так тянулось дело до осени. Осенью Евстигнеев мне сказал, что за мной следят, что ему говорил о том доверенный приказчик Седов из магазина швейных машин. Я только ему сказал: «пусть их следят». Тогда Евстигнеев стал меня предупреждать: «смотри, Василий, ты это брось, а то тебя сошлют в Сибирь». В ответ на это я посмеялся и сказал: «пусть их гонят, посмотрим, какая Сибирь». На этом разговор и кончился.

Первый обыск был у меня осенью (в ноябре или в конце октября). Часов в 11 ночи постучались в квартиру и на мой вопрос: «кто здесь?» послышался голос: «Отпирай, полиция. По предписанию губернатора (такого-то) у вас должны сделать обыск» [1]). Отпер дверь и впустил долгожданных гостей: помощника пристава и свору жандармов и полицейских. Всего было 8 человек и двое понятых. Понятыми были: Зорин Николай и Деулин Дмитрий, а фамилии полицейских забыл. Прочитали мне ордер и посадили на стул. Двое полицейских встали около меня, а остальные начали искать. Было холодно сидеть в одном белье. Я встал со стула и хотел одеться, но полицейские удержали меня за руки. Тогда я сказал: «вы что хотите делайте, господа хорошие, а одеться все-таки надо». Помощник пристава приказал дать одежу. Обыск продолжался часа два с половиной. Искали тщательно, но ничего не нашли (хотя несколько десятков прокламаций хранилось в душнике голландской печи). По окончании обыска написали протокол и велели собраться и итти с ними. Я оделся, забрал в карман табаку и бумаги для курева, и мы отправились всей ватагой в канцелярию жандармского начальника—Сомова.

Здесь ввели меня со двора, а в это время кого-то вывели парадным ходом, но благодаря темноте, не удалось рассмотреть, кого именно. В канцелярии меня посадили на стул в дежурке, и я, сидя там, задремал. В час ночи вышел начальник, пошептался о чем-то с жандармом и направил меня в тюрьму. Здесь я просидел до света, утром меня выпустили без всякого допроса. Оказалось, что были арестованы и другие товарищи, как-то: Моисеев, Шляпников и др. (Исаков перед обыском уехал из Мурома [2]). Моисеев просидел день или два (точно не помню). В этот период работа несколько затихла.

Весной 1904 года мне понадобился паспорт. Обратился к мещанскому старосте, но тот паспорта мне не дал и сказал, что это запрещено полицией. Тогда я от-

---

[1]) Обыск был 23 января 1904 года. *Прим. Ред.*

[2]) Исаков выбыл из Мурома в Москву летом 1903 года. *Прим. Ред.*

правился к жандармскому начальнику за старым паспортом. Меня привели в канцелярию, где я обратился к Сомову со словами: «я пришел просить у вас паспорт». Сомов ответил: «Гм... паспорт. Вы будьте довольны, что я вас в тюрьме не оставил». На это я ему возразил: «Или опять сажайте в тюрьму или давайте паспорт». Говорили долго, и наконец, начальник сказал: «скоро приедет товарищ прокурора, сделаем вам допрос и тогда будет видно». Дня через два или три приходит жандарм и приносит повестку: явиться. Прихожу к жандармскому. Здесь пришлось ждать часа 4, пока не пришел товарищ прокурора Уитилов. Допрос длился долго. Задавали вопросы: «так, такого-то числа и такого-то месяца, у вас было собрание, говорили о днях раскидки прокламаций, что вы на это скажете?» Числа месяца назывались правильно. Сразу было понятно, что между нами был провокатор, который передавал все жандармам. Между прочим упоминали про Моисеева, которого они считали у себя на службе, долго расспрашивали о товарище Шляпникове, которого я хотя и знал, но не хотел сознаться, что я его знаю. Мне показали книгу, в которой были вписаны фамилии всех рабочих, и между прочим Шляпникова, но я утверждал, что с ним вместе никогда не работал. Тогда мне показали его фотографическую карточку, где он был снят в двух видах: прямо и в профиль. Снимок—произведенный около каменной стены, видимо, около тюрьмы. Но я и на этот раз отрекся. По окончании допроса велели мне подписаться на бумаге, где все записывалось жандармом. Я заставил жандарма прочитать написанное и услышал, что было записано совсем не то, что говорилось на допросе. После моего отказа дать свою подпись, протокол был переписан и санкционирован моей подписью. После этого мне отдали мой паспорт, но с условием, что в случае моего от'езда куда-либо, я обязан сообщить о том полиции. (Конечно, этого мною сделано не было).

Вскоре после этого я встретил Моисеева, которому сказал, что кто-то из наших оказался предателем. Моисеев мне не сознался в своей вине, а сослался на другого провокатора—Александра Николаевича Мошенцева (почтовый чиновник). Осенью я поступил на винокуренный завод Гебенштрейта (дер. Ефимово). Здесь сильно было развито пьянство среди рабочих и проявить какую-либо работу было трудно. Однако, благодаря плохой оплате денег, удалось уговорить рабочих забастовать, забастовка прошла незаметно, но все же имела некоторый успех.

В начале 1905 года я поступил на маслобойный завод Ушакова. Здесь еще работа велась плохо. Большинство рабочих состояло из крестьян, втянуть их в партию было делом чрезвычайно трудным: царя-батюшку они чтили превыше всего. На маслобойных заводах Ушакова и Никитина рабочие жили в казармах и мало имели свободного времени, так что ни собрания нельзя было сделать, ни поговорить о политике. К весне 1905 года организация партии успела окрепнуть. Стали назначаться собрания и конференции. Так, в июле было назначено собрание за рекой в лугах. Рабочие переправлялись через реку частью на лодках, частью на пароме. Прибыли товарищи с Валенковского завода, Торского завода и с Слободской фабрики и кроме того было много интеллигенции. Товарищ Лакин говорил на собрании речь, но благополучному окончанию помешала полиция. Последняя, повидимому, была уведомлена провокаторами и явилась во главе с приставом и жандармами. Пристав обратился к собравшимся с приказом «разойдись», но его не послушались, а направились к парому с пением революционных песен. Кто-то выкинул при этом красный флаг. Когда паром был на середине реки—подошли манифестанты и начали кричать, чтоб вернули паром, угрожая перерубить канат. Паром вернули обратно. и с пением революционных песен манифестанты направились на другой берег. Переехав реку, толпа направилась берегом к зданию тюрьмы, где тов. Лакин опять говорил речь. Здесь же поблизости полиция сделала засаду (близ лавок, в которых торговали зеленью), и когда манифестанты направились дальше, провожать товарищей из слободы—открыла стрельбу. Ей ответили тем же, и полиция разбежалась. Разошлись и манифестанты.

В конце июля я поступил на Торский завод. Здесь был Михаил Степанович Нижегородцев и другие товарищи, которые рассказывали о товарище Шляпникове и его работе. До издания манифеста 17 октября работа велась на Торском заводе слабо. Когда дождались известия о манифесте, «дарующем все свободы», рабочие сразу всколыхнулись. В 10 часов утра пришли товарищи с Валенковского завода и вызвали рабочих Торского завода во двор, где начали сговариваться об устройстве митинга. Митинг назначили в обществе трезвости в 2 часа дня. В указанный час все были на месте, но говорили немного, а направились по улицам с пением революционных песен. Манифестация все время росла. На улицах с бочек говорили ораторы. Вечером был назначен митинг в дворянском клубе, где присутствовали: братья Гуреевы, Уткин и еще некоторые товарищи, и тут же была жандармерия, переодетая в штатское платье. На улицах долго не смолкали революционные песни: был настоящий праздник. После этого стали назначаться митинги в Обществе трезвости. Рабочих пускали по особым ярлычкам, а остальную публику за деньги. (Деньги шли для организации.) С этих дней работа пошла оживленнее. Стали втягивать в организацию все новых и новых рабочих, устраивая кружки. Пропагандистами были Курицын, Гуреевы и др. Старались выделять пропагандистов из среды рабочих, что и было достигнуто. Некоторые товарищи из рабочих стали выступать на митингах и вести работу в кружках. Митинги ставились открыто, в первые дни после издания манифеста полиция не вмешивалась ни в какие дела, и получилось безвластие. Тогда начали организовывать из среды рабочих милицию. Организатором милиции был т. Шляпников, на Торском заводе были записаны милиционерами Нижегородцев и Пашин, но провести в жизнь этого не удалось.

В январе появилась новая полиция, которая не стала разрешать собрания На Торском заводе в это время была своя боевая дружина, в которой значились: Базжины Петр и Иван, Пашин Василий, Нижегородцев Михаил, Игнатов Евгений и другие. Была налажена связь с Владимиром и Кулебаками. В ночь на 2-е февраля 1906 года были произведены обыски и аресты. Среди арестованных, рабочих Торского завода не было, но обыски происходили часто, особенно у товарищей: Нижегородцева, Пашина, Гундобина, Игнатова, Базжина, Стручкова. После обысков и арестов реакция усилилась, и в работе настало затишье. Собрания проводить было чрезвычайно трудно. Весной приехал пропагандист «Михаил», и начались митинги в Бучихе, под охраной боевой дружины. Весной 1906 года была собрана конференция, на которой было постановлено выбрать Совет рабочих депутатов. Выборы были произведены на Валенковском заводе; избраны: Судаков Иван и Боков. На Торском заводе—Пашин и Нижегородцев. Собрание депутатов было назначено на берегу реки, около церкви Козьмы-Демьяна. Присутствовали депутаты с одного Валенковского и Торского завода, ввиду чего собрание сочтено неправомочным и отложено до следующего раза, когда будут произведены выборы и на других фабриках и заводах. Дня два спустя после вышеизложенного были арестованы с Валенковского завода товарищи Судаков и Боков, которых потом выслали в Пермскую губернию. Дальнейшие выборы не состоялись

В двадцатых числах апреля 1906 года была созвана конференция рабочих со всех фабрик и заводов в Бучихе. На повестке дня стоял вопрос о праздновании первого мая. Некоторые товарищи высказались за то, чтобы кончить работу накануне праздника; другие указывали, что всех рабочих не убедишь, и многие встанут на работу 1-го мая. Представители Торского и Валенковского заводов в окончательном итоге решили на работу не выходить, что и было ими сделано. На Торском заводе администрации было заявлено об этом еще накануне. На этой же конференции представителями Игнатовым и Пашиным, было предложено рабочим Торского и Валенковского заводов утром 1-го мая собраться в Бучихе и потом совме-

стно отправиться снимать прочих рабочих с производств. Это предложение было принято конференцией. 1-го мая группа рабочих, собравшаяся в Бучихе, разделилась на две части. Одна часть отправилась на фабрику Суздальцева, а другая на Ткацкую. На Ткацкой фабрике уговорить сразу рабочих не удалось. Рабочие же фабрики Суздальцева, после долгих уговоров, вышли на улицу. Манифестанты направились к Ткацкой фабрике, и рабочие последней, увидя товарищей с фабрики Суздальцева, тоже бросили работу, и около Ткацкой фабрики был проведен митинг.. Затем с пением революционных песен направились к маслобойному заводу Ушакова, который тоже удалось снять с работы. Остановившись на Спасском с'езде, манифестанты устроили общий митинг, на котором выступали сраторы из среды рабочих. Отсюда направились к винному складу, уговорить рабочих бросить работы. Пока шли переговоры, кто-то спровоцировал толпу, подняв крик: «Стражники едут», и манифестанты разошлись.

С тех пор на Торском заводе ежегодно празновали первое мая. Иногда заявляли администрации, иногда выходили на работу и после третьего гудка—уходили.

В 1907 году было открыто Отделение Союза Металлистов Иваново-Вознесенска при Торском заводе. Организаторами были: Гундобин, Нижегородцев, Пашин, Селехов. Достали устав союза и стали вести переписку с Ивановским союзом. Из Иванова ждали прибытия члена Правления союза. Было снято помещение и назначено собрание в обществе трезвости. Но член правления не пришел, и собрание не состоялось. Послали запрос в Иваново, откуда ответили, что член союза прибудет в следующий праздник. Решили помещение не снимать и собраться около Коровьего кладбища. В назначенный день, (праздничный) прибывший член Правления Союза Металлистов сделал доклад о том, как начать дело с открытием союза в Муроме, и на другой день все рабочие были оповещены о том, что таковой откроется при Торском заводе. Наметили председателя Селехова, и послали устав во Владимир для утверждения. Из Владимира ответа не получили, и по уставу Отделение союза считалось открытым. Однако, союзу пришлось существовать недолго. К осени союз в Иваново-Вознесенске был закрыт, пришлось закрыть и Муромское Отделение.

Зимой 1907 года Муромской организацией был открыт каток, с целью приобретения средств. Разрешение на открытие было взято на имя Михаила Николаевича Панина. Для катка был снят огород у Жадина, близ паточного завода. Все работы по устройству катка были произведены своими силами. Здесь же по вечерам устраивались собрания организации. В ту же зиму 1907 года был выписан пропагандист тов. «Анатолий». Теплого помещения для собрания не нашли, пришлось удовлетвориться летней сторожкой у Пятницкого попа на огороде. На этом собрании присутствовали: Нижегородцев, Пашин, Милютин, Гальберг, Щелоков и др. Так как было очень холодно, то собрания продолжались недолго. На одном из собраний решили созвать конференцию со всех фабрик и заводов для разрешения вопроса о том, какую принять платформу Муромской организации. Конференция эта состоялась в двух-этажном доме, близ Торского завода, в сапожной мастерской. Обсуждали программу партии большевиков, меньшевистской программы не было. Вопрос был поставлен на голосование, и была принята программа Р. С.-Д. Р. П. (б). В январе был поставлен в Реальном училище студенческий концерт. Всем рабочим, состоящим в организации, были даны бесплатные билеты. Здесь намечалось собрание конференции по поводу выборов в государственную Думу. Во время концерта, в одном из классов, где были убраны парты и скамейки, сделали собрание, которое длилось около часу. Про это собрание пронюхала полиция и стала спрашивать руководителей концерта: «Как попали рабочие на концерт?» Хотели проверить у всех билеты, но раздумали.

В эту же зиму Муромской организацией был выпущен журнал, под названием «Отклики». Материал для журнала частью доставляли рабочие, частью давала интеллигенция. Вышло три номера этого журнала.

В первую Государственную Думу на Торском заводе был избран Михаил Нижегородцев (на перевыборы в губернию). Во вторую Думу был избран Николай Стручков. В третью Василий Пашин. Далее муромская организация активной работы не проявляла, так как полиция следила слишком зорко, но спайка между активными рабочими была все время. Активные рабочие Торского завода: Михаил Селехов, Нижегородцев (умер), Василий Константинович Пашин (в настоящее время работает на Торском заводе), Николай Феодорович Стручков, (на Торском заводе токарем), Евгений Игнатов (работает на заводе Выксе), Гундобин Иван Васильевич (умер).

Знаю других активных работников Муромской организации: Исаков Василий Александрович, Шляпников Александр Гаврилович, Иван Никитыч Елизаров, Петр Павлович Альбицкий, Дмитрий Гундобин, Феодор Курицын, Семен Гуреев, Аркадий Гуреев, Разборщиков Василий, Волков Николай, Гальберг Михаил, Кононов Иван, Щелоков Николай, Милютин Александр, Лакин и много других.

В. Пашин.

Мои первые воспоминания.

В 1901 году, мне пришлось работать на Торском заводе в Муроме. Владелец завода, местный купец Зворыкин, представляя из себя купца старинного склада, бессовестно эксплоатировал рабочих.

Главное производство завода в это время заключалось в отливке и обделке гирь. Имелась и небольшая только что оборудованная механическая мастерская. П. В. Зворыкин с сыном были заведующими заводом, живя при заводе, имели постоянно свой хозяйский глаз над рабочими. Старый хозяин до свистка являлся на завод и, переходя из мастерской в мастерскую, наблюдал за ходом работ рабочих. Рабочие работали не разгибаясь, беспрерывно, как автоматы. Кроме хозяев, рабочие подчинялись разным старшим, так называемым «доверенным людям», т.-е. пользующимся хозяйским милостивым вниманием,—«Прохорычам» и т. п. подлипалам. Рабочие, в большинстве молодежь, страшно ненавидели хозяев и всячески старались причинить, в особенности «старику», неприятности. «Нечаянно» растворяли двери у конторы, устраивали проволочные петли в темных проходах, в которые он нередко попадал ногами, падал и, лежа, осыпал рабочих градом отборных площадных ругательств. В краткие обеденные перерывы рабочие сходились около печки в слесарке и делились впечатлениями дня, вели беседы на разные темы, по большею частию невинного характера. Увидя собравшихся отдыхающих рабочих, хозяин переводил стрелку часов в машинном отделении вперед для того, чтобы заставить проработать 10—15 мин. больше, а перед окончанием работ проделывал ту же историю, переводя стрелку часов назад. Таким образом за сутки набегало полчаса лишней работы, что на всех рабочих (всего работало около 100 человек) составляло уже 50 рабочих часов. Рабочие, конечно, знали о подобных проделках хозяина через машиниста паровой машины.

В особенности в этом упражнялся сын Зворыкина. Заведующий заводом практиковал перевод стрелки, разумеется, не каждый день, а в неделю так раз или два, и это считалось у рабочих обычным явлением.

Протестовать против этого рабочие не могли, потому что в то описываемое мною время вследствие ряда причин была большая безработица. Каждое утро у конторы завода стояло человек 5 — 8 безработных и предлагало свой труд, чуть ли не задаром, и всякий протестующий хозяйскою же рукой был бы выброшен за шиворот за ворота завода.

Молодежь начинает организовываться.

Молодежь завода держалась от стариков отдельной кучкой, составляя из себя маленький кружок, в число которого входили следующие товарищи: Шляпников, Малороснянов, Цветков, Сонин и некоторые другие, которых я уже и не упомнил. В свободное время молодежь кое-что и почитывала из легальной литературы. Насколько помню, увлекались в то время мы Горьким. Лично на

меня Горький производил сильное впечатление. В особенности я восторгался сценой из — «Фомы Гордеева» когда Гордеев на пароходе изобличал купцов. Одновременно помаленьку начинали читать и нелегальную литературу, которой нас снабжал тов. Шляпников с новыми товарищами, имена коих не сохранились в памяти. Тов. Шляпников нас знакомил с нелегальной литературой. Ночью мы подбрасывали намеченным товарищам на квартиру прокламации и брошюрку, а потом после старались выведать, узнать, какое впечатление на него производит данная прокламация или брошюра. Если благоприятное, то тогда уже тов. Шляпников снабжал этого товарища открыто. Да, я прекрасно помню эти безмолвные поздние вечера, когда Муром был погружен в глубокий сон, мы вдвоем с т. Шляпниковым путешествовали по пустынным улицам его, разбрасывая нелегальные произведения. Конечно, я сознавал, что в то время это был своего рода риск (ухарство) В Муроме были жандармы, переодетые городовые и других мастей шпионы, которые следили бдительно за каждым рабочим, за каждым его движением. Вспоминаю такой случай из подобных наших путешествий по Мурому, как-то, проходя по Касимовской улице в том месте, где ее пересекает Спасская улица, мы увидели посредине улицы сооруженные ворота в виде арки, довольно высокие, предназначенные для торжественной встречи, кажется, князя «Сергея», московского ген.-губернатора, который ожидался к графине в Карачарово и должен был посетить и Муром. Тов. Шляпников помню, предложил тогда испортить триумфальную арку, а вместе с тем и встречу князя, обмазав верх ворот, где красовались инициалы «Сергея», дегтем. Но предо мной встал вопрос, как это сделать, т.-к. арка была довольно высокая, а гимнасты мы были не важные, и вот тут т. Шляпников предложил такой план: «Надо — говорит, — достать несколько куриных яиц, пробив в них небольшое отверстие, содержимое выпустить, а взамен его налить туда дегтю, отверстие заклеить и вот бросая эти яйца, можно обмазать самые инициалы вверху арки. Не вспомню, почему мы не привели выработанного плана в исполнение, потому ли, что не было денег купить яйца и дегтю или потому, что ворота скоро после этого разобрали, т. к. князь почему-то передумал ехать к гр. Уваровой с визитом, — вернее последнее.

Зима 1903 года застает меня в Нижегородской губернии в глухом отдаленном от селений затоне—месте для зимовки волжских пароходов одной Нижегородской компании. Зимовало в затоне около 20 пароходов, были оборудованы большие мастерские по сборке и ремонту машин, клепались новые корпуса для пароходов, так что кроме постоянных рабочих были и временные котельщики, слесаря, токаря. В общей массе рабочие были отсталые, неразвитые, забитые и занимались в свободное время водкой и картами. Но были среди них и довольно таки развитые ребята, это практиканты Череповецкого Технического училища и часть временных мастеровых токарей и водопроводчиков, попутешествовавших много по городам и селам России. Здесь у нас создался маленький кружок, читали долгими зимними вечерами, так как итти было некуда. Затон расположен на луговой стороне Волги верстах в 5 от ближнего села. Нелегальную литературу мы привозили из Нижнего, верст за 40—50 от места нашей стоянки, с которым сообщались на лошадях. С Муромскими товарищами я имел переписку, и вот одно из таких писем, посланное мной Шляпникову, повлекло за собой и мой арест. В тот день, когда Шляпников получил мое письмо, он был арестован, а при обыске было найдено и мое письмо. Весною по приезде в Нижний, был арестован и я и препровожден в жандармское управление. С меня снят был допрос. Не знаю чем об'яснить, нежеланием ли прибавлять себе еще лишнее дело или другими причинами, но я был привлечен жандармерией только в качестве свидетеля по делу об организации Муромской Р. С.-Д. Р. П. и в тот же день был отпущен на свободу. По приезде в Муром я уже не застал тов. Шляпникова на свободе, он содержался в тюрьме по делу Муромской организации Р. С.-Д. Р. П.

В 1905 и 1906 годах я работал на Новленском Крахмально-Паточном заводе Воркина, временами наезжая в Муром и поддерживая связь с Муромскими товарищами. Условия жизни рабочих на заводе были в то время тяжелые. Рабочих, крестьян окрестных деревень, эксплоатировали самым бессовестным образом. Заработная плата была очень низка и колебалась от 7 р. до 15 р. в месяц, при 12-часовом рабочем дне. Я помню, например, такой случай, что кочегары, ходившие за паровыми котлами, не выдерживали своей смены и падали от жары и переутомления. Тогда их ставили на 3 смены, по 9 часов каждая смена. Дело в том, что работа кочегара на заводе была поистине каторжная. Держались на пару 2 котла одновременно; пар расходовался беспрерывно очень в большом количестве, и кочегар, кончая шуровать под одним котлом, немедленно переходил к другому, а в это время 2 мальчика-подростка подносили дрова к топке. Кочегары, да и большинство рабочих, работали без рубашек, — голые, ибо всюду была слишком высокая температура, в отворенные двери дули сквозняки. Хозяин завода П. А. Зворыкин с сыном жил почти безвыездно близ завода, в прекрасном особняке-даче, и представлял из себя уже типичного русского магната, которого можно охарактеризовать словами «за деньги начальство все куплю, умилостивлю бога». И действительно в пылу своего гнева, когда сам Зворыкин пробирал за какие-либо пустяки рабочего, он говорил «я здесь царь и бог, что хочу, то и делаю».

Рабочие завода ненавидели хозяина, были к нему настроены враждебно и представляли из себя хороший материал для революционной пропаганды.

Живя в Новленском, я часто посещал Муром. Тов. Шляпников, отсидев, кажется, месяцев 9 в тюрьме, был выпущен на свободу и работал на заводе Валенкова, не оставляя революционной работы, привлекая в Муромскую организацию все новых и новых товарищей. В числе других привлеченных мне в особенности вспоминается Елизаров Иван Никитич, молодой учитель Муромского начального училища в Муроме. Это была действительно светлая личность и человек редких душевных качеств, неутомимый и энергичный работник-революционер, который после второго ареста Шляпникова усердно продолжал начатую работу.

Приезжая в Муром, я брал нелегальную литературу у Елизарова и распространял среди немногих товарищей. Работать было страшно трудно, ибо в заводе было много приказчиков, которые, получая сравнительно хорошие оклады, служили, что называется, «верой и правдой». Большинство из них были настоящими шпионами, бдительно следили за работой, и всякий рабочий, неодобрительно отзывавшийся о правительстве и хозяине, выбрасывался за ворота. Хозяин Зворыкин больше всего боялся «забастовщиков», как он называл обычно передовых развитых рабочих. Я все время был у него в подозрении. Частенько справлялся Зворыкин у старшего машиниста о моей благонадежности, чтобы вышвырнуть с завода, но хорошее отношение ко мне старшего мастера были причиной того, что я держался на заводе. Этот старший машинист Ларионов И. Ф., ныне умерший, также был мною ознакомлен с подпольной работой нашей партии. Он тоже много раз колебался и сочувствовал движению. Но вот настала осень 1905 года. Завод только что пущен полным ходом. Вышел известный Октябрьский манифест. Рабочие заволновались, стали поговаривать вслух о своем тяжелом положении. Зворыкин, конечно, обо всем был прекрасно осведомлен через своих верных и, чтобы предотвратить неизбежную забастовку, постарался задобрить нескольких рабочих, приказав выдавать ежемесячно рабочему по ¼ фунта чаю и 2 фунта сахару. Рабочие немного успокоились, но сознание большинства было направлено на дальнейшую борьбу. Начались выборы в 1 Государ. Думу, и я был выдвинут выборщиками делегатом во Владимир. Пришлось оставить завод, ибо хозяин, узнав, что меня выдвигают делегатом рабочие, категорически потребовал от меня, чтобы я оставил завод. Забастовка, как неизбежная, все-таки вспыхнула на заводе после меня, когда я потерял на некоторое время связь с заводом.

В. Чулошников.

ОТ РЕДАКЦИИ: «Первые воспоминания» В. П. Чулошникова оказались и его последними словами. 30-го июня Владимира Николаевича не стало. Жестокая смерть вырвала этого пролетария из рабочих рядов. Муромские рабочие хорошо знают Владимира Николаевича, как скромного, честного и отзывчивого человека. Знают они также и о том, что даже в самые тяжелые годы голодовок, он был всегда на своем посту, показывая всем пример того, как нужно работать на общественном посту. Граждане Мурома должны знать, что они обязаны этому скромному работнику тем, что в течение всех шести лет революции, несмотря на тяжелое состояние городского хозяйства, он своей энергией поддерживал важнейшую часть работы — водоснабжение. У нас нет сейчас возможности дать биографию В. П., но мы уверены, что пролетарии нашего района сохранят о тов. Чулошникове, как революционере-пролетарие, самые лучшие воспоминания.

А. Ш.

Мои воспоминания.

В 1895 г. я поступил работать на завод Н. Ф. Валенкова модельщиком. Работа, как на всех заводах, начиналась по свистку. Рабочий, имея марку на руках, должен к последнему свистку повесить ее на табельную доску. За каждые 5 минут опоздания вычитался 1 час из заработка. Жалованье было не особенно велико, так, в среднем, можно сказать, 1 р. 10 к. — квалифицированным рабочим. Заводом управлял сам Валенков, и работать приходилось до ноту или, по выражению рабочих, «по-египецки». Работали 10-часовой рабочий день, а чтобы улучшить свое положение и заработать побольше, приходилось еще работать и сверхурочно часа 2½, что допускалось всегда, чуть не каждый день, лишь бы была охота и сила. Но если заболеешь, то ничего не выплачивалось, или в крайнем случае, милость хозяина бывала: немного и даст. Однако это бывало очень редко, и то перепадало больше любимчикам Валенкова. Хозяин держал своих рабочих, можно назвать, в ежевых рукавицах. Частенько в корпусе раздавался голос хозяина, он не стеснялся прохватить рабочих и нагнать на них страху, чтобы работали поусерднее. С каждым годом завод все больше и больше расширялся. По инициативе самого хозяина была основана лавка, Общество потребителей, но это не было в интересах рабочих, а скорее в интересах самого Валенкова. Правда, товар был подешевле других лавок, но так как Общество пользовалось кредитом, то этим кредитом больше пользовался хозяин, вычитая с каждого рабочего аккуратно каждую получку забор в лавке, а кредит покрывал по своему усмотрению. Председатель и члены Правления были лица, облеченные только доверием хозяина, как-то: мастер Лебедев или Арефьев, которые больше всего старались угодить хозяину.

Расширяя свой завод, но не имея большого капитала, в 1905 — 1906 годах стали у хозяина затяжки в выдаче жалования, и без того мизерного. Работали только поденно, никаких сдельных заработков не было. Строптивых почти-что не было; рабочие в большинстве — или городские жители или крестьяне окружных деревень. Приезжий рабочий несколько поощрялся против местных, да они мало жили: поработают немного и до свиданья. Так дело шло до 1903 года.

Вскоре на завод поступил слесарь Исаков и понемногу стал нащупывать почву для ведения политической агитации, заронил малый зародыш и уехал в начале лета 1903 года. На завод поступил товарищ А. Г. Шляпников и смело начал вести политическую деятельность среди рабочих. Революционная работа стала налаживаться. С поступлением товарища Шляпникова возродилась партия Соц.-Демократов. При его умелом подходе к рабочим, начали организовываться кружки, и рабочие стали проявлять интерес к познанию политики. В скором времени товарищ Шляпников сорганизовал первый кружок, в который вошли—рабочий модельщик Михаил Иванович Иванов, Моисеев, впоследствии оказавшийся провокатором, и другие рабочие. Ввиду предательства Моисеева (он же Казаков) организация потеряла самых ценных работников: были арестованы в 1904 г. А. Г. Шляпников, М. И. Иванов. А. В. Крисанов и другие. Временно работа затихла. Шляпникова

освободили в конце 1904 года в сентябре месяце, и работа под его руководством начала быстро разрастаться. В конце 1904 года я вошел в партию и наряду с другими рабочими, как Разборщиков, Конопов, Бакулин, принял живое участие в революционной деятельности, как раздача нелегальных листов среди рабочих и пропаганда словом.

В 1905 году в январе месяце Шляпников снова у нас на заводе, и здесь уже работа стала шириться. Рабочие все более и более проявляли интерес к революционному движению и после 9 января проявили большую активность; выходя из-за ворот завода устраивали демонстрации, пели революционные песни, что особенно тревожило полицию. Полиция начала шпионить, чтобы узнать, кто поет, прячась за углом ж.-д. будки, с приставом Филоматовым во главе. С этого времени работа широко захватывает рабочих, организованы были кружки разных типов, и в них вели пропаганду студенты: Курицын Ф., Гуреев Сем., Варвара Ос. Окушко, Мошенцева, Пронина и другие. Литература распространялась разная: брошюры издания «Колокол», «Буревестник», и масса разных газет, под разными названиями — «Вперед», «Начало», «Социал-Демократ» и т. д.

10 июля 1905 года по инициативе товарища Шляпникова была устроена демонстрация. За рекой Окой собралось порядочно рабочих и интеллигенции. Оратором выступил товарищ Лакин. Было поднято красное знамя. Полиция, пронюхав это, переехала через реку с приставом Филоматовым и с помощником исправника Войтасом. Стала разгонять. Демонстранты сначала было испугались, некоторые попрятались в кусты, и полиция, воспользовавшись этим, стала отнимать знамя у товарища Окушко Вар. Осип. Здесь завязалась схватка, знамя стали защищать. Товарищ Шляпников выхватил револьвер и направил на Филоматова, который в свою очередь обнажил шашку и начал отступать перед револьвером задом и, не заметя ямы, упал, а другие товарищи в свою очередь стали напирать на полицию. В результате полиция разбежалась, оставив в плену у демонстрантов своего помощника Войтаса. Тогда демонстранты направились к перевозу с пением революционных песен и с красным знаменем. Курьезно: на пароме, на котором переправлялись, запели похоронную песню в память павших борцов и обнажили головы, и помощник исправника Войтас последовал примеру всех, снял свою фуражку до конца песни. Переехав на другую сторону, демонстранты по берегу направились к городу. Народ присоединялся и, дойдя до часовни против собора, полиция проявила последние усилия к тому, чтобы разогнать демонстрацию. Но слов их не стали слушать, шествие все шло вперед. Тогда полиция открыла стрельбу. Здесь завязалась опять драка. Филоматов спрятался за полок около лавки Панаева и стал стрелять из револьвера. Рабочий, слесарь завода Валенкова, Бакулин, отломал перевесло для весов и этим колом ударил Филоматова. Рабочие разошлись.

За эту демонстрацию были арестованы: Шляпников и Лакин 16 июля; немного спустя были тоже арестованы Гуреев и Хрянин и отправлены во Владимир. Хотя потеря была и очень чувствительная для организации, но мы, оставшиеся рабочие: Разборщиков, Бакулин, Конопов, Зуев, Серпуховитин и другие продолжали работу. В 1905 году товарищ Шляпников организовал профессиональный союз металлистов и библиотеку при заводе. Рабочие отнеслись к союзу внимательно, и много беспартийных рабочих записались членами этого союза. Все рабочие члены союза пользовались его помощью. Культурные задачи союза заключались в приобретении литературы и снабжении ею рабочих.

Революционное движение росло. Начались стачки и митинги. Ввиду невыдачи жалования на заводе стали делаться забастовки, хотя и короткие сроком, но рабочие все плотнее и теснее смыкались. С наступлением осени 1905 года оживление стало выливаться в грандиозную форму. Рабочие все больше и больше революционизировались. Партия, несмотря на все старания полиции, все больше увеличивалась. 20 октября, в честь вернувшихся из-под ареста и манифеста, вынуж-

щенного Николаем II, рабочие Валенкова завода устроили забастовку, сняв с работ Торский завод и фабрики. Была устроена демонстрация по городу с песнями; на горе около Спасского монастыря был устроен митинг, где выступили с речами к рабочим приехавшие из тюрьмы товарищи. С этого времени начались митинги, затем приехал оратор Максим Хромой, и тогда товарищ Шляпников как-то сумел устроить митинг в Обществе трезвости. Было порядочно приезжавших на базар, и поэтому митинги были очень большие; говорил Максим и другие. После митингов устраивались демонстрации по городу. Народу участвовало очень много.

В 1906 году, как сошел снег — начались митинги в Бучихе, куда собиралось много рабочих и горожан. Ораторы с.-д. излагали свои политические мысли. Рабочие и горожане подолгу слушали речи и всегда относились сочувственно. Охрана митингов была возложена на боевую дружину, основанную Шляпниковым, руководителем ее был тогда Федор Черный, слесарь завода Валенкова, приехавший из Сормова и поступивший к Валенкову. Бомбист-боевик, он со своей боевой дружиной, в которой участвовали: Щелоков, Гальберг, Синев и другие, всегда был на своем посту с оружием в руках, и полиция не решалась разгонять митинги. Полицейские издали наблюдали, как проходили митинги. Иногда наши боевики, Федор Черный, Щелоков Николай и Гальберг подходили к ним незаметно и, направляя на них револьверы, заставляли уйти с наблюдательного поста. Рабочие завода Валенкова чуть не все были вооружены холодным оружием вроде железных тростей и самодельных кинжалов.

В 1906 году жандармы и полиция предприняли ряд обысков у рабочих, отбирали литературу, оружие, какое у кого находили, и полицейские, особенно Костаков и Кондратьев, неотступно шпионили за нами. Каждый день их можно было видеть или переодетыми, или в своей форме, шляющимися по кварталам, населенным рабочими. По их указаниям всегда следовали обыски, как у меня, у Разборщикова, Кононова, Нижегородцева и других товарищей.

В 1906 году на завод Валенкова в январе месяце поступил Крестовников Егор, но благодаря проискам слесарного мастера Лихонина хозяин его уволил. Время было горячее, и рабочие, недовольные увольнением Крестовникова, стали вести агитацию за забастовку. В ночь на 2-е февраля был обыск на заводе Валенкова, у всех рабочих ящиков были сбиты замки. Все, что было найдено: оружие, литературу — взяли. Уцелели по незнанию полиции лишь запальники для бомб у Федора Черного. Больше всего искали пулемет. В результате обыска были арестованы: В. Разборщиков, И. Кононов, В. Никольский, Е. Крестовников, А. Зуев, А. Кириллов, С. Бакулин. В связи с арестом Шляпникова (был арестован 24 декабря 1905 г.) и с последним арестом еще 7 членов, в партии работать стало очень трудно. Нужно было позаботиться еще и о семьях арестованных. По поручению партии на нас, рабочих завода Валенкова, было возложено поручение по проведению празднования первого мая 1906 г. путем остановки работ и устройства митингов и демонстрации. Мне было поручено с приезжим профессионалом снять с работы бумаго-ткацкую фабрику. Придя на фабрику, в главную контору, потребовали у заведующего фабрики Засухина остановить ее по случаю празднования 1-ое мая. Первоначально Засухин не соглашался, но в конце переговоров подчинился нам, вызвали рабочих подмастерьев и с ними договорились об остановке фабрики. Тем же временем другие товарищи снимали с работ рабочих прядильной фабрики. Мы поспешили туда и увидели, что хозяин фабрики Суздальцев, вместе с женой препятствовали остановке. Подойдя, заявили ему, что, если он добровольно не остановит и не выпустит рабочих, то сейчас придут рабочие с бумаго-ткацкой фабрики и выгонят их. Только тогда Суздальцев согласился остановить фабрику. Рабочие вышли и соединились с рабочими бумаго-ткацкой ф-ки. Развернув знамена, с пением революционных песен направились мы к маслобойному заводу Ушакова. Сняв с работы там, демонстративно направились в Бучиху, где устроили митинг,

об'яснив значение первого мая. Потом пошли по Касимовской улице снимать «монополию», и там я выступил с призывом к празднованию первого мая и указал на его значение. Рабочие примкнули к нам. Выйдя на Касимовскую улицу, мы получили известие, что выехали стражники, тогда мы сняли знамена с древок и, спрятав под рубашки, распустили демонстрантов. Вечером на Окском бульваре было гуляние. Публика собралась всякая: рабочие, буржуазные сынки и дочки, интеллигенция, учащиеся и малые дети. Молодежь, гуляя, запела революционные песни. Это встревожило полицию, и исправник Лучкин дал приказание своему помощнику Войтасу прекратить пение; Войтас, войдя на бульвар, обратился с просьбой пение прекратить, на что молодежь ответила отказом. Тогда исправник Лучкин послал вывести свою дочку, и, когда она вышла, дал приказание своей своре, как полиции, так и стражникам, открыть стрельбу по гуляющим и, затем, ворвавшись на бульвар, — полицейские шашки наголо, а стражники — ружья на перевес, — стали избивать без всякого разбора всех, кто попадал. Была тяжело ранена в лицо девица Будкевич. Публика бросилась кто куда, спасаясь от рассвирепевших зверей. В результате этой бойни оказалось человек 20 раненых, которых отправили в земскую больницу. Так кончилось первое мая 1906 г., окрасив Окский бульвар кровью.

После первого мая преследования партийных рабочих усилились еще больше. Полицейские ищейки совершенно не давали ходу: куда бы ни пошел, — за тобой следует ищейка в форме или переряженная. Часто ночью можно было видеть около своего дома обход. Участились обыски по домам рабочих. В конце июля я уехал на охоту ,а там меня встретили рабочие и сообщили, что у меня был обыск, а Федора Черного и Вар. Окушко арестовали. Придя домой, я узнал, что у меня при обыске взяты не особенно важные брошюры. Арестованных товарищей посадили в Муромскую тюрьму, и после они были высланы административным порядком: Окушко — в Вологодскую губ., а Федора Черного в Архангельскую губ., откуда он бежал. Работа этими арестами была подорвана, так что нас осталось очень мало, но мы все-таки продолжали работать. Митинги шли своим чередом. Оратором выступал тов. «Михаил». Ведя агитационную работу, держали связи с окружными деревнями и селами. Тов. Михаил и Гальберг ходили время от времени по селам. Я держал связь с селом Большое Окулово через учительниц, живущих в новой и старой школах. Передавал им литературу всякого рода нашего направления.

После ареста членов Совета Рабочих Депутатов, спустя некоторое время, мы выбрали новых представителей. Из нового Совета Депутатов И. Н. Судаков через некоторое время был арестован и выслан в Пермскую губ. После этого были высланы в административном порядке т. Боков и братья Рябины. Григорий и Николай, за то, что вели агитацию за забастовку в котельном цехе.

Мы стали готовиться к выборам во вторую Государственную Думу. На заводе Валенкова в I Государственную Думу был избран ехать на выборы во Владимир, а так как мы тогда бойкотировали выборы, я отказался ехать, и вместо меня завод отправил кандидата Ф. Д. Макалдина. Во вторую Государственную Думу мы приняли участие в выборах, и я был избран опять ехать во Владимир. Приблизительно числа 27 декабря получил явку к дочери судебного следователя Перфильевой, которая меня направила к партийным товарищам. Оказалось, что я опоздал, так как было уже нелегальное собрание, где список кандидатов был уже написан, и на другой день было предвыборное собрание в Народном доме. Были произведены выборы. Выборщиками и выбранными были: Кузнецов, Волков, Жиделев, Грачев и другие, всего 6 человек. Все из Иванова-Вознесенска и Тейкова. По приезде из Владимира, приблизительно через месяц, ко мне пожаловали ночные гости — жандармский вахмистр Иванов и помощник исправника Войтас — и отобрали кое-что у меня из литературы.

В марте месяце 12 дня 1907 года, по случаю невыдачи жалования, недовольство рабочих вылилось в забастовку. Завод после обеда стал, и Валенкову было пред'явлено требование об уплате жалования, так как за ним было за целый месяц. Рабочие собрались все на дворе. Валенкову было сообщено по телефону, и он приехал на лошади прямо во двор. Приехав, он поставил рабочих в запуганное положение тем, что заявил о возможном закрытии завода и предложил пока расплатиться не более как за 12 дней. Рабочие, хотя и не согласились, но все-таки разошлись. Я за эту забастовку получил предложение уволиться с получением за две недели вперед, но учитывая положение и не желая быть арестованным, я отказался от двухнедельного вознаграждения, а договорился с Валенковым, что через некоторое время рассчитаюсь сам и рассчитался числа 12 апреля 1907 года.

В 1907 г., 28-го мая, после расчета с завода Валенкова я поступил токарем на писче-бумажную фабрику Способина-Кротова на Горбатке. Большинство рабочих было из окружных деревень, мало сознательные и не особенно требовательные. Работа производилась тремя сменами. Жалование было невысокое, за исключением механических мастерских. Среднее месячное жалование квалифицированных рабочих было 25 руб. в месяц. На Горбатке я повел политическую работу, познакомился с слесарем Горелкиным И. и другими. Часто спорили на политические темы, разбираясь в программах. До меня здесь вели работу соц.-революционеры. Рабочие слушали нас со вниманием и часто разделяли мои взгляды. Проработав около двух-трех месяцев, я был предупрежден директором фабрики Будбергом, что если я буду замечен в ведении политической агитации, то буду уволен. Пришлось быть очень осторожным, и, хотя с трудом, но все-таки пропаганда нами велась, завоевывая расположение рабочих. Ввиду обеднения Кротова, фабрика стала делать перебои и в начале 1910 года стала окончательно, и я переехал опять в Муром.

В 1910 году летом я поступил работать на бумаго-ткацкую ф-ку столяром. Заведующий фабрикой был хитрый инженер-технолог Доброгурский, с рабочими обходился ласково, как лиса, но имел и волчьи зубы. Условия работы были неважны, заработки ткачей колебались от 13 до 14 рублей в месяц. В общем работалось тяжело, штрафы за плохую выработку и прочие недостатки больно били по тощему карману. Грубая эксплоатация довела терпеливых рабочих до того, что они не выдержали притеснений.

В 1913 году, в октябре месяце, забастовали, пред'явили требование прибавки утка и надбавки на выработку куска материи. Забастовка велась с упорством около недели—дело доходило до расчета,—и была ликвидирована прибавкой 5 коп. на кусок выработки и утка. За стачку были арестованы трое ткачей: Ивапушкин, Иванова и Воронин. Нащупал почву для политической работы и здесь. Приходилось быть осторожным, ибо все уже знали — кто я. Вскоре я познакомился с товарищами Шепровым, Фурашевым, имевшими большое стремление к приобретению политического знания. Впоследствии примкнули другие товарищи — Румянцев, Карлов, Матвеев. Общими силами стали сеять среди рабочих социалистические мысли. В ту же пору там организовалась больничная касса, куда мы постарались провести дельных работников. Так, проработав до 1914 года, я взял расчет, уверенный, что заложенный фундамент организации будет крепнуть.

И. Чернышев.

Из прошлого.

После смерти отца я поступил работать на фабрику мальчиком. Фабричная работа мне была не по душе, и я постарался уйти на завод, чтобы там подучиться ремеслу.

Мне удалось поступить к Валенкову, где я был определен мальчиком в модельную мастерскую. Жалования получал больше, чем на фабрике, — двадцать пять копеек в день.

С переходом с фабрики на завод жизнь на заводе сначала мне понравилась потому, что таких наглых поступков, как на фабрике, не было: отношения мужчин к женщинам и к мальчикам на заводе были чисто деловые,—приказание ученику со стороны мастеровых: «разогрей клей», «подай какую-нибудь вещь», «выкраси эту мебель», и т. д. Но работать на заводе приходилось гораздо больше, чем на фабрике. Работа начиналась в 7 часов утра и кончалась в 7 вечера, с перерывом два часа на обед, и часто приходилось работать сверхурочные часы, вечера. Жизнь заводская, как мальчику, мне не нравилась, потому что как только не подашь мастеру какую-либо нужную вещь, или не успеешь сделать, то тебя не только изругают, но дадут и подзатыльник частенько. Бывали частенько такие случаи, когда положат работать вечер, то я обязательно должен был приготовить на вечер фунта два-три политуры, которая не столько расходовалась на дело, сколько на выпивку. Если же я не запасал политуры, то вечером мне давали рвань. Отношение самого Валенкова к рабочим было очень строгое, если он что-либо замечал за рабочим с утра, то ругал до самого вечера.

Средний заработок квалифицированного рабочего был 1 р. в день, а ученика— в среднем 40 коп. в день. Ученик, получающий 60—65 коп. в день, считался вышедший из учения, как мастеровой. Таким образом проработал я до призывного возраста.

С ноября месяца 1904 года я был назначен в Ковенскую крепостную саперную роту, а в начале 1905 года был прикомандирован в Усть-Двинскую крепостную саперную роту.

Усть-Двинская рота была составлена из командированных по несколько человек солдат разных крепостей. Жизнь в роте была разнообразна. Много было разных взглядов. Некоторые товарищи имели мысли об освобождении от солдатчины, начальства, и я присоединился к этим товарищам. Было у нас желание устроить какую-либо организацию, и благодаря товарищам: Матвееву, Гвоздиевскому, Зайцеву связались с латышской С.-Д. Р. П., через которую получили связь с военной организацией Рижского гарнизона, откуда получали всю тогдашнюю литературу, как-то: прокламации к солдатам, о значении расстрела 9 января и другие. Читались брошюры и беллетристика издания «Донской Речи».

Литература распространялась между солдатами и читалась по отдельности и группами после занятий. В Усть-Двинской роте был организован ротный комитет С.-Д. Р. П., в который входили тов. Матвеев и Зайцев, а фамилию третьего

товарища забыл. На всех нас также лежала работа по распространению литературы. Личная моя работа была — в связи с минной ротой, которая через меня снабжалась литературой. С самых первых дней сформирования саперной роты, нам, саперам, приходилось продовольствоваться то в минной роте, то в 5 артиллерийской роте в крепости. Жили в палатках, не имея своей казармы, и таким образом прожили мы до наступления осени. Своего начальства у нас также до осени не было, а жили мы под начальством офицеров минной роты. Отношение к нам было халатное. Даже не имели подходящего к нам обмундирования, ходили кто в чем мог. Продовольствие в минной роте было подходящее, а в артиллерии для нас, саперов, готовили отдельно. Щи варили из кислой, с червяками, капусты, и на этой почве частенько во время обеда были протесты. Однажды был такой случай, что обед в артиллерии был сварен из квашеной капусты. Щи казались вкусные и на взгляд были белые, но почему-то капуста была положена большими листами. И каким-то печаяным образом один из товарищей артиллеристов об'яснил, что нам щи сварили из той капусты, которую у них забраковали, потому что в ней черви. И один из наших саперов вытащил из бачка целый корешок капусты, а из него — несколько штук червяков.

На этой почве была ссора. Саперы не стали обедать и позвали начальника крепости. Явился старичек в инженерной форме, полковник (фамилии его я не запомнил). Он обследовал обед, и по его приказанию нам был изготовлен другой обед, но гораздо позже. И вот на таких фактах нам приходилось вести работу в военной организации С.-Д. Р. П. среди солдат. Когда был издан манифест 17 октября, тогда стало работать свободней. Даже были такие случаи, что в свободное праздничное время уходили все до одного солдата на митинг рабочих на соседнюю фабрику в Болдерии. А когда переехали на свои зимние квартиры, тогда у нас появилось свое начальство, которое в первую очередь постаралось усилить работу в своих квартирах. Несмотря на неоднократные заявления во время поверки о выдаче хорошего обмундирования, его не давали. Вскоре манифест был отнят, а солдаты были посланы из Риги на усмирение рабочих. Нам было приказано нести гарнизонный караул, но по уставу все инженерные войска, как мы знали, освобождались от караула. Не желая нести караулы, мы поставили этот вопрос в комитете. Большинство высказалось за протест, который решили подать. Одновременно решили дать знать центральной гарнизонной военной организации С.-Д. в Риге. Не помню в каком месяце, но только зимой, во время одной вечерней поверки из чтения приказа мы узнали, что идем в караул. Но в это же время, после прочтения приказа, было заявлено желание призвать на поверку своего ротного командира для пред'явления требований. Сначала командир не шел, тогда солдаты решили его привести. Был приведен командир, подполковник саперной роты Лихапой-Башевский. Все его увещания, уговоры ни к чему не привели, и по настоянию солдат командиру пришлось ехать с докладом к начальнику инженерных войск. После этой забастовки все наши требования были удовлетворены. Чуть ли не через неделю было выдано обмундирование, и нас не стали гонять в караул. Спустя несколько времени, я захворал и был направлен в Рижский военный госпиталь. По прошествии четырех месяцев я был освобожден от службы, но в результате всех наших выступлений введено было военное положение, и начались репрессии в роте. Ходили слухи, что будут арестовывать солдат, и, боясь ареста, тов. Матвеев, Зайцев и Гвоздиевский убежали за границу.

В 1906 году в январе месяце я возвратился в гор. Муром и тотчас же был принят на работу на Валенковский завод. К несчастью моему, не понравился я мастеру Лихонину и был с завода выгнан. Товарищи, видя неправильность увольнения, задумали меня защитить. Узнал об этом намерении рабочих мастер, постарался донести Валенкову и сообщить жандармскому полковнику. В ночь на 2 февраля я был арестован,—вместе со мной следующие товарищи:

1) Бакулин, 2) Разборщиков, 3) Кононов, 4) Зуев, 5) Кириллов, 6) Крестовников, 7) Никольский,—и посажен во Владимирскую тюрьму, где просидел всего только полтора месяца.

На свободе гулять после ареста пришлось недолго. Вскоре муромский исправник Лучкин вызвал всех нас в полицейское управление и прочитал постановление о высылке на три года в Нарымский край.

Извещение исправника было для нас неожиданным, и ввиду этого мы просили его дать нам сроку три дня, чтобы собраться и проститься со своими родными и отправиться на свой счет. Наша просьба была удовлетворена. В течение этих трех дней, благодаря связи с организацией, удалось всем убежать. Я уехал в Баку.

По приезде в Баку пришлось поступить чернорабочим на большой завод Наумова. Через бакинских товарищей удалось вступить в члены Профессионального Союза Металлистов.

Работая на заводе Наумова, пришлось участвовать в проведении трехдневной забастовки протеста против расстрела матросов.

Это, кажется, было 4 сентября 1906 года, и после проведения этой забастовки мы должны были выехать из Баку в Москву. От пасхи до рождества 1907 г. я жил в Москве. Благодаря членству профессионального союза металлистов, удалось поступить на завод Добров и Набгольц, в литейную мастерскую рабочим. Поступление мое было незадолго до выборов делегатов в Профессиональный Союз Металлистов Замоскворецкого района гор. Москвы.

Насколько мне память не изменяет, в сентябре месяце было местное делегатское собрание, на котором была выставлена моя кандидатура в члены Правления. Таким образом я был избран членом Правления Профессионального Союза Металлистов гор. Москвы. В 1907 году, кажется в октябре месяце, была созвана областная конференция, которую полиция разогнала. После разгона конференции был закрыт Профессиональный Союз, пришлось перейти в подполье. Члены Правления преследовались и подвергались арестам. Началась слежка и за мной, как секретарем Союза. Был такой случай: прихожу, однажды, на квартиру, у меня лежит на столе телеграмма от судебного следователя по особо важным делам с приглашением явиться. Следователь допрашивал о созыве конференции, которая была разогнана, и о существовании самого Союза. На все вопросы я дал отрицательные показания, и меня следователь отпустил. После этого мне пришлось итти в часть, где снова производился допрос приставом. Допрос был произведен в присутствии двух шпиков, которые издевались надо мною и угрожали мне всячески. По выходе из участка, я пошел к себе на квартиру, а оттуда отправился к одному товарищу по фамилии Метелкину, который дал знать обо всем происшедшем кассиру Союза Егорову, и мне предложили выехать из Москвы, чтобы не быть арестованным. Пришлось уехать в Муром. Отношение к Профсоюзу в то время было как к своему детищу и своей защите. В 1907 году в Союзе Металлистов, если мне память не изменяет, было около 7.000 членов, и считался он в то время самым большим и сильным союзом. Даже когда Союз был закрыт, то и тогда были заявления о вступлении в Союз.

В январе 1908 года, в 9 часов вечера, я был арестован в городе Муроме на Касимовской улице, отправлен в жандармское управление и выслан этапным порядком на место пребывания в Нарымский край.

В 1911 году в феврале месяце явился снова в гор. Муром и, в конце 1911 г., поступил на Торский завод. В те годы вплоть до 1917 г. в Муроме никакой политической организации не было. Пришлось участвовать только в организации больничных касс в 1912 г. Был председателем больничной кассы Торского завода, а в 1913 г. поступил на бумаго-ткацкую фабрику и тоже был избран председателем больничной кассы фабрики. В 1917 году, при Керенском, была на фабрике

забастовка на экономической почве. Во время этой забастовки мне с помощью других товарищей, работающих на фабрике, как-то: товарища Вьюнкова и др., удалось сорганизовать первый профессиональный Союз текстилей, который непосредственно был связан с Московским профессиональным союзом текстилей. Мы с тов. Вьюнковым были первые устроители Муромского Союза текстилей, который существует и ныне.

Е. Крестовников.

Инв. 14.

Памятка о подполье.

В начале 1904 года мне исполнилось 16 лет, и я поступил учеником токаря в машиностроительный и механический завод Валенкова.

Здесь я познакомился со следующими товарищами: Шляпниковым, Чернышевым, Крестовниковом, Устиновым (кличка «Черный») и многими другими, а позднее с М. Гальбергом, с которым сошелся близко, так как работать в большинстве случаев приходилось с ним и с Чернышевым [1]). Нужно заметить, что рабочие Валенковского завода были революционно настроены и нам, ученикам, потихоньку давали прокламации, которыми я страшно интересовался. Из боязни быть пойманным и выдачи тех товарищей, которые давали эти прокламации, мне приходилось читать их на «Бучихе» в глубокой яме. Затем меня стали приглашать в кружки, на собрания, где я знакомился все более и более с политикой. Наши нелегальные кружковые собрания, где политически воспитывали и вводили в организацию новых товарищей, намечали планы работ, происходили в различных местах: на квартирах кружковцев, на «Бучихе» в оврагах и т. д. Пробыв некоторое время в кружке, я вошел в боевую дружину. В обеденный перерыв мы обучались стрельбе из револьверов во дворе завода. При этом на меня была возложена работа по распространению революционной литературы и прокламаций среди рабочих фабрик и заводов Мурома, а также и расклейка их в центре города и по окрестностям. Прокламаций приходилось получать до 500 штук, как местной организации, так и центральных, и все эти листки, с большой осторожностью и опасностью, приходилось передавать рабочим фабрик и заводов.

Это делалось во время вечерней смены, от 8 до 10 часов. На фабрику (напр., бумаготкацкую) приходилось попадать окольным путем, через забор, сначала в паровую, а затем в корпус, через помощника машиниста т. Обмайкина, где прокламации раздавались мною непосредственно рабочим, стоящим у станков, или же вставал в проходной и в момент окончания работ незаметно раздавал выходившим рабочим. Раскленвать прокламации приходилось с тов. Щелоковым и Гальбергом, в ночное время, а иногда и днем, часто в субботу, в базарный день. Кроме того, приходилось незаметным образом проводить ораторов в завод перед окончанием работ. Так, напр., я и Гальберг провели тов. Шляпникова на бумаготкацкую фабрику.

В 1905 году, когда по всей России прокатилась революционная волна, начиная с центров Москвы и Петрограда, у нас, в Муроме, в частности на Валенковском заводе, усиленно готовились к вооруженному выступлению, делали холодное оружие, бомбы и т. д. Приходилось установить дежурство в ночное время и следить за спокойствием города ввиду того, что черная сотня и полиция учиняли разные безобразия, выступая под маской революционеров и этим самым натравляя

[1]) Все это имело место не в 1904 году, а в начале 1905 г. В 1904 году я был в тюрьме и у Валенкова не работал. Черный же появился в Муроме в 1906 году.
Примечание А. Шляпникова.

жителей города на нас, «забастовщиков», каковыми нас тогда считали. Спустя некоторое время, когда революция была подавлена, начались повальные обыски и массовые аресты рабочих.

У меня первый обыск был часа в два утра. Пришли местные жандармы, оцепили весь дом, искали литературу, прокламации и оружие. Прокламации лежали обыкновенно в печке, или в трубе, в день же обыска они были в кармане отцовой шубы (так как я часто ее носил). Среди жандармов был участковый полицейский, который, по знакомству с моим отцом, во время обыска его вещи не трогал, ввиду чего я избежал ареста. Кроме этого обыска у меня были обыски еще много раз, но я был более осторожен и прокламации убирал в более надежное место.

В 1905 году, 10 июля был протест против расстрела петроградских рабочих. Митинг был устроен на правом берегу Оки, куда собрались студенты и рабочие всех фабрик и заводов. Собралось более 500 человек. Во время митинга появилась среди рабочих пешая полиция, с которой пришлось вступить в рукопашную схватку. Фараоны схватились за шашки; мы, вооруженные палками и дубинами, дружным натиском заставили их отступить к парому. Вечером все участники митинга пошли в город, переехав реку на лодках и пароме. Около тюрьмы был открыт митинг, на котором выступал тов. Лакин, но закончить митинг не удалось, так как собравшихся провоцировали полиция и жандармерия, путем стрельбы по толпе. Поздно ночью все рабочие стали расходиться.

В конце 1905 и в начале 1906 г. начались повальные обыски и массовые аресты и ссылки рабочих. Во избежание ареста мне, с тов. Гальбергом, Щелоковым и др. пришлось уволиться с завода и уехать на-время в Сормово. Но там поступить на завод нам не удалось, а пришлось работать чернорабочими на берегу, по погрузке и нагрузке дров и угля. За неимением постоянной работы, через два месяца пришлось ехать обратно в Муром, где до 1914 года я не мог поступить ни на одну из фабрик, так как считался политически неблагонадежным, «забастовщиком». В период этого времени пришлось работать у подрядчика Паулина на разных земляных и бетонных работах, по заливке асфальтом тротуаров Мурома и устройству мостов Муром—Меленки. От Паулина был уволен за подготовку забастовки.

Н. Н. Тагунов.

Воспоминания о 1905 годе.

Я, работница бумаго-ткацкой фабрики, могу тоже кое-что сказать о 1905 г у нас в Муроме. Было мне тогда 17 лет. Бывали часто мы, работницы, на митингах за рекой в Бучихе, на площади и в помещении об-ва трезвости.

Здесь выступали т.т. Разборщиков, Шляпников, «Федор Черный» и другие которые призывали нас, рабочих, защищать свои интересы, призывали солдат не восвать и не проливать кровь за кровопийцу Николая.

Я, вместе с другими работницами-ткачихами, Ивановой, Нижегородцевой Любой, Крестовниковой и другими, участвовала в распространении прокламаций. Получала листовки я от Тагунова Николая, рабочего завода Валенкова, и передавала этим подругам. С ними вместе листовки эти, пряча за кофточку, во время смены приносила в мужскую уборную и сдавала рабочим, которые разбрасывали их по всей фабрике. Вся эта агитация способствовала возникновению итальянских забастовок. В 1905 г., когда полиция узнала, что мы распространяем листовки, она взяла нас под свой надзор, а администрация фабрики уволила, как подстрекателей, и не принимала больше года. Потом же, поступив опять туда, мы дружно принялись за старое дело и «мутили» рабочих.

В нашем доме были частые обыски, которые не давали полиции никаких результатов. Помню однажды мне с большим трудом удалось спрятать от зорких глаз полиции револьвер (взятый мною от одного члена местной с.-д. организации).

Однажды был обыск у агитатора с.-д. Варвары Окушко, которая часто собирала нас, работниц, у себя на квартире и говорила с нами о нашем тяжелом положении и необходимости бороться за свои интересы. Полиция, за время обыска у нее, вела себя по отношению Окушко так нахально, что она подняла страшный крик, который услыхала я, так как жила напротив. Хотя и было 2 часа ночи, но мне удалось собрать рабочих Валенкова завода около ее квартиры, которые угрозами и выстрелом по адресу полиции заставили ее уйти из квартиры Окушко.

В 1907 году я укрывала 4 суток тов. «Черного Федора», бежавшего из Сибири, куда он был сослан как соц.-демократический агитатор. Мы уже было похоронили его, так как он из Сибири еще распространил слух о себе, что утонул. Вдруг ночью на крик: «Елена, отопри!» я вышла из дома и, увидав «Черного», приняла было его за привиденье. Когда же недоразумение разъяснилось, то спрятала его у себя. На четвертый день пребывания его в моей квартире случайно увидела его соседка, донесла полиции об этом, но во-время мною предупрежденный о возможности обыска, он скрылся на Выксу. Когда пришла с обыском полиция и с револьверами, под угрозой смерти, потребовала у нас выдачи его, он уже был далеко. Потом его все же словили в Нижнем.

Все наши забастовки на фабрике кончались тем, что рабочих увольняли, ни одного требования не исполнялось. Я и сейчас с обидой вспоминаю о всех наших неудачах и нашем тогда таком беззащитном положении.

В 1905 году мы наравне с другими брали красные знамена и демонстрировали по улицам Мурома.

Ястребова-Васильцова.

1905 год в Муроме.

I.

Вести о рабочей демонстрации в Питере, о расстреле рабочих 9-го января, докатились до Мурома сравнительно быстро. В половине января месяца мы уже имели печатные и гектографированные прокламации, разъяснявшие смысл совершившихся событий [1]). Имели мы и письмо попа Гапона, проклинавшего царя, и много других изданий. Распространить их удалось по всем фабрикам и заводам. Благодаря оставшимся от 1903 года связям среди прядильщиков и ткачей, мне удалось особенно успешно развить агитацию на фабриках. Впечатление от питерских событий было ошеломляющее... Почва для массовой агитации была весьма благодарная. На бумаго-ткацкой фабрике работало тогда 1.000 — 1.200 человек. Рядом на прядильной Т-ва Суздальцева работало человек 200—250. На первой фабрике у нас была очень хорошо поставлена кружковая работа. Вторая фабрика также находилась под влиянием передовых рабочих и работниц с бумаго-ткацкой.

Кружок ткачей, из которых я запомнил лишь одно имя—Кольцова, состоявший из испытанных пролетариев социал-демократов, решил вести агитацию за стачку протеста против расстрела рабочих царским правительством 9-го января. Однако остановить фабрику и вовлечь всю рабочую массу (особенно работниц) в политическую стачку товарищи не решались и задумали выставить кое-какие

---

[1]) См. об этом в материалах, приложенных к этой статье.

требования, чтобы на этой почве легче об'единить работниц. Стачку решили приурочить к 9-му февраля, чтобы и этим числом подчеркнуть политический характер выступления.

На совместном свидании мы разработали маленькую программу требований, как-то: 1) увеличение заработной платы; 2) проведение и соблюдение 9-часового рабочего дня; 3) постройка бани, и ряд других, менее существенных. Но все эти требования носили в данный момент второстепенное значение.

Стачку удалось действительно вызвать 9-го февраля, а через несколько часов присоединилась к ткацкой и соседняя прядильная фабрика. Товарищи ткачи послали гонца за мной, но сметившая полиция силою не подпускала меня к фабрикам. Когда же я попытался пойти в обход и обмануть полицейские дозоры, меня на Спасской горе поймали, побили и силой вернули в город. В материалах Департамента Полиции я нашел относительно этой стачки донесение начальника Владимирского Губернского Жандармского Управления следующего содержания:

«Помощник мой в Муромском, Мелешковском и Судогодском уездах подполковник Сомов, от 10 сего февраля за № 216, донес, что на бумаго-ткацкой фабрике в г. Муроме ткачи в числе 70 человек, прекратив работу, стали просить увеличения заработной платы. По выяснении этого обстоятельства, по имеющимся фабричным книгам оказалось, что расчет рабочих производился по утвержденной 4 января сего года местным фабричным инспектором расценке, которая составляет 42 коп. в день, что и делалось до 9 сего февраля. Об этой справке тотчас же на словах было об'явлено рабочим, которые тогда стали требовать, чтобы им выстроили баню, на что администрация фабрики в лице 3 директоров об'явила рабочим, что хотя бани действительно нет, но рабочим предоставлено помещение для ежедневного омовения лица и пог. где постоянно имеется горячая вода.

Ввиду неприемлемости всех этих требований было вывешено местным фабричным инспектором об'явление о том, что требования рабочих исполнены не будут, и приглашал их встать на работу, но рабочие не согласились и совершенно спокойно разошлись по домам, о чем г. Кречмер телеграфировал старшему фабричному инспектору г. Свирскому, который и прибыл в г. Муром для личного разбора неудовольствий рабочих, но последние итти на работу не пожелали. После чего было составлено под руководством г. Свирского и за подписью г. Кречмера и потом вывешено об'явление, каковое в копии при сем представляется.

Того же числа за № 221 подполковник Сомов донес, что в 4 часа дня еще забастовали в г. Муроме рабочие на ткацкой фабрике т./д. Василия Суздальцева С-вья, о чем также было дано знать как местному, так и старшему фабричным инспекторам, находившимся в то время в г. Муроме. Рабочие в числе 107 мужчин и 65 женщин заявили неудовольствие о том, что, начиная работу с 4 часов утра и кончая в 10 часов вечера, работают в три смены, но имеют лишь два комплекта, почему через день одной смене приходится работать по 12 часов в сутки, зарабатывая от 6 до 12 руб. в месяц, просили увеличить заработную плату и установить рабочее время по 9 часов сряду. Последнее желание с согласия фабрикантов г.г. фабричными инспекторами тут же было удовлетворено, а в увеличении заработной платы—отказано, почему все рабочие и прекратили работу, разойдясь по домам в совершенно спокойном состоянии, после чего было вывешено об'явление, в копии при сем представляемое.

11 февраля за № 232 подполковник Сомов донес, что вчера 10 февраля около 8 часов вечера при наблюдении за настроением забастовавших рабочих было обращено особое внимание на двигающуюся по улицам г. Мурома толпу

человек в 150, бывших в нетрезвом виде и возбужденном состоянии,. Эта толпа подошла к реальному училищу, что-то там кричала, затем направилась по улицам к вокзалу и в фабричном районе разошлась по домам. Рабочие забастовавших двух фабрик до сего времени к работам не приступили, но к зданиям фабрики подходят почти к каждой смене.

12 февраля за № 235 подполковник Сомов донес, что на фабрике т/д. Василия Суздальцева С-вья рабочие явились на работу в 4 часа утра с 11 на 12 текущего февраля и с условием 9-ти часового рабочего времени приступили к работе.

На фабрике Товарищества Муромской бумаго-ткацкой мануфактуры рабочие явились на работу в 8 часов утра 12 сего февраля и на старых условиях приступили к работе.

В настоящее время в г. Муроме совершенно спокойно.

О вышеизложенном имею честь донести Департаменту Полиции.

Приложение: Две копии с об'явлений.

Полковник **Жуков.**

ОБ'ЯВЛЕНИЕ.

1) Сим об'является рабочим фабрики Т-ва Муромской бумаго-ткацкой м-ры прекратившим работу в среду 9-го февраля 1905 года, что если они до субботы не станут на работу, то на основании п. 1 ст. 105 Уст. пр. получат полный расчет по день остановки работы, и фабрика будет закрыта на неопределенное время.

2) Все рабочие, ставшие на работу в течение пятницы и субботы, будут приняты на старые места и на прежних условиях и расценках, и никто из рабочих не будет уволен за участие в забастовке.

3) В случае если рабочие не станут на работу до субботы, то в воскресенье и понедельник будет производится расчет, и выданы на руки паспорта.

4) Паспорта и деньги лиц, неявившихся за их получением до понедельника 14 февраля, будут переданы полиции для отсылки в волостные правления.

5) Правление фабрики уведомляет рабочих на их просьбу о прибавке, что ввиду крайне плохих торговых дел ни о какой прибавке в настоящее время не может быть и речи.

Подлинное подписал заведующий фабрикою К. Засухин, свидетельствую февраля 9 дня 1905 года фабричный инспектор Владимирской губ. У. уч. И. Кречмер.»

Стачка проходила довольно бурно. Рабочие устраивали шествия по городу, пели рабочие песни, кричали «долой». Стачка длилась ровно три дня, и на четвертый все рабочие встали на работу. Настроение рабочих было повышенное. Спустя некоторое время администрация фабрики отплатила рабочим за забастовку, уволив человек десять наиболее развитых пролетариев.

На Валенковском и Торском заводах соц.-дем. работа в это время велась слабо. Кажется, в том же феврале удалось поступить на работу и мне, опять на завод П. Ф. Валенкова. Среди старых знакомых, но уже без провокатора Моисеева, работа быстро двинулась вперед.

Начиная с весны 1905 года, наши ряды пополнились следующими рабочими завода Валенкова: В. И. Разборщиковым, С. П. Бакулиным, И. А. Черныневым, сверловщиком Платоновым, Зуевым, Ал., А. И. Кирилловым, К. П. Чекушкиным, И. Волковым, Я. К. Поляковым и др. Все перечисленные были актив-

ные работники организации. Читали же легальную и нелегальную литературу почти все рабочие завода, за редкими исключениями. Вся литература у нас хранилась прямо на заводе. Когда начали выходить газеты либерального и легально-марксистского направления, мы устроили коллективную подписку и выписали ряд газет (кажется, «Товарищ», «Сын Отечества» и т. п.).

Начиная с послеянварских дней, всю весну и лето по городу, его окрестностям, по окружным деревням и селениям производили мы усиленное распространение нелегальной литературы. По деревням урядники, жандармы и кулаки распространяли басни о «поджигателях», об угрозах сжигать деревни, пытаясь таким обманом направить темный люд на распространителей нелегальной литературы. Но эти махинации им не удавались. Литература распространялась в огромном количестве [1]).

Первое мая мы решили отметить товарищеской массовкой в лесу. Не помню, совпало ли это празднование с первым мая, или же мы организовали эту массовку в первое майское воскресенье, но все же празднество состоялось. Эта маёвка состоялась в Кавардицком лесу и носила исключительно товарищеский характер. Всего участвовало на ней человек сорок рабочих завода Валенкова, бумаго-ткацкой и Слободской прядильной фабрики, а также несколько студентов муромлян. Туда же принесли с собою корзину пива. Время провели чрезвычайно товарищески, весело. Разучивали революционные песни, знакомились, обменивались коротенькими речами. Эта маёвка осталась совершенно неизвестной жандармскому сыску.

Очень часто весною и в начале лета того года нами устраивались кружковые собеседования в лодках, на реке Оке. Нередко эти кружки соединялись в целые флотилии лодок. Примыкала тогда к нам учащаяся молодежь, и по речному простору разносились молодыми голосами задорные мотивы революционных песен. Полиция бегала по берегу реки, но пуститься усмирять нас по воде не решалась.

Настроение рабочих, а также и окрестных крестьян с каждым днем становилось все более и более анти-правительственным, анти-царистским. По окончании работ на фабриках и заводах, рабочие частенько затягивали революционные песни. Это демонстративное пение приняло столь массовый характер, что полиция уже не могла вмешиваться и запрещать. Она находила для себя более благоразумным не вмешиваться.

Одновременно с появлением теплой погоды и зеленых лужаек начали свою просветительную работу наши с.-д. кружки. Для руководства занятиями в кружках были привлечены местные студенты и курсистки. Учащаяся молодежь относилась к этой работе очень серьезно, стремясь совершенствоваться в марксизме. Рабочие кружки посещались охотно. Однако рост революционных настроений заставлял нас перейти от кружковой и воспитательной работы к боевой деятельности: к политическим демонстрациям и массовкам. Массовки устраивались нами в так называемой «Бучихе», в ее оврагах, а репетиции демонстраций мы имели при выходах с фабрик и заводов.

II.

Руководящая группа Муромской организации, или Комитет, состояла весной 1905 года из пяти-семи человек. В него входили рабочие завода Валенкова: М. И. Иванов, модельщик, студент практикант С. И. Гуреев и пишущий эти строки; в него же входили: один представитель от кружка рабочих бумаго-ткацкой фабрики, один—от кружка Слободской мануфактуры. Кроме того, в порядке связи с Кулебаками, на правах членов Комитета, считались у нас товарищи А. В. Крисанов (умер в 1905 году) и Курятников.

---

[1]) См. приложенные к статье материалы.

В начале лета наша партийная деятельность была омрачена чрезвычайно тяжелыми событиями на Кулебакском горном заводе. Очень живо помню, как приехал к нам в город А. В. Крисанов и убитым голосом поведал нам о том, какой необыкновенный погром имел место в Кулебакском поселке. С весны того года в Кулебаках начались пожары, от которых выгорало по несколько маленьких домишек, всегда наносившие большой ущерб рабочим-квартирантам. Пожары происходили от поджогов. Поджигателями были сами мелкие домовладельцы, прельщавшиеся получением высокой страховой премии.

Чтобы отвести от себя всякие подозрения в столь гнусном деле, домовладельцы начали распространять слухи, что поджигают революционеры, желающие этим путем вызвать рабочих на бунт. Полиция, знавшая истинных виновников бедствий, все же поддерживала и сама клевету на революционеров, желая этим путем убить социалистическую агитацию.

Кажется, в начале июня произошел в Кулебаках, очень большой пожар, от которого выгорело около трети всего жилья. Домовладельцы, кулаки, торговцы и полицейские, подговорив наиболее отсталых рабочих, учинили жестокий самосуд над наиболее сознательными рабочими завода, обвиняя их в поджогах. Много товарищей было избито, несколько убито. Некоторые спаслись только тем, что скрылись бегством в леса, где и проживали по несколько дней. К сожалению, наша организация ничего не могла сделать, чтобы во-время помочь товарищам. Даже о самом погроме нам сообщили уже на другой день после него.

В это время организация была достаточно крепкая и располагала своими техническими средствами для размножения — гектографами. Гектографы частью мы делали сами, а один или два были привезены из Москвы. Один, я помню, получили тогда от М. И. Гундобиной. На них мы размножали прокламации местного характера, воспроизводили получаемые из центра а также и революционные песни, спрос на которые был чрезвычайно высок.

Все это время наша организация была связана с Нижним Новгородом и Сормовым. Оттуда приезжали к нам товарищи с литературой. Никакой губернской соц.-демократической организации во Владимире тогда не было, она возникла значительно позднее, в конце 1905 года.

В июне месяце по всему нашему району была развернута агитация за устройство демонстративного выступления в день полугодия январских событий в Питере. Были устроены предварительные массовки, на которых обсуждалось политическое положение страны и одновременно характер подготовлявшегося выступления. Общее мнение сводилось к тому, что в городе никаких выступлений не делать, а попытаться организовать загородное собрание членов партии и сочувствовавших ей рабочих и интеллигенции. Выбор места и все практические меры по организации общего собрания возложили на Комитет. Фактически проведение всей работы выпало на двоих: С. П. Гуреева и меня. За рекой Окой, в лугах, мы облюбовали местечко. Для сходки наметили ближайшее к 9-му июля воскресенье. За несколько дней перед этим выпустили на гектографе следующую прокламацию:

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

«Товарищи крестьяне и рабочие! 9-го июля будет ровно полгода с тех пор, как петербургские рабочие с прошением о своих нуждах пошли к царю к Зимнему дворцу. Им надоело жить в грязи, холоде и голоде, им надоело жить в бесправном положении. Они бросили свои работы, заявили: «так дальше жить нельзя» и пошли к царю. Рабочие говорили: «царь—наш отец; он заступится за нас, он облегчит наше житье и защитит от силь-

ных и богатых» Так думали петербургские рабочие. Мы же, сознательные рабочие, социал-демократы, знаем, что царь в России — главный фабрикант, главный помещик, главный земский начальник, жандарм и полицейский. Поэтому-то он всегда держит руку этих господ. И вот мы стали говорить рабочим: не ходите безоружные к царю, он нехорошо вас встретит. Но они не слушали нас, называли бунтовщиками и выдавали полиции. Между тем царь знатную встречу приготовил беззащитным рабочим. Он вывел на них войска с боевыми патронами, а сам уехал из Петербурга: «Пусть расправляются с моими детками без меня». И действительно, с рабочими расправились по-царски. До трех тысяч их расстреляли. А ведь они шли к царю с прошением, с крестным ходом и портретами царя. И царь знал это. Но ведь он — главный земский начальник, помещик и фабрикант, а поэтому он и не мог принять от рабочих жалоб на самого себя. Теперь петербургские рабочие, а за ними и рабочие всей России (Варшавы, Лодзи, Одессы, Иваново-Вознесенска и т. д.) поняли, что не царь их отец, что не от него надо ждать помощи. Царь и его чиновники только мешают рабочим бороться с капиталистами. Рабочие устраивают забастовки, требуя от капиталистов хлеба, а от правительства свободы. В ответ царь посылает им пули и нагайки. Он только мешает достигнуть рабочим и крестьянам лучшей жизни — царства социализма,—когда все будет принадлежать трудящемуся люду, потому первым шагом рабочих и крестьян должно быть изгнание из России царя, а правление страной передать в руки выборных от народа при помощи всеобщего, равного, прямого и тайного голосования. (Что это значит, товарищи, спрашивайте у сознательных рабочих). Эти выборные с'едутся в одно место, будут править страной все вместе, все дела решать большинством голосов. Такое собрание называется Всенародным Учредительным Собранием. Депутаты этого собрания, выбранные народом, должны хорошо знать его нужды и избирать для него хорошие законы. Это требование было помещено и в прошении к царю петербургских рабочих. И вот уже целых полгода, как идет из-за этого последняя упорная борьба между царем и сознательными рабочими и крестьянами. Силы царя и его чиновников все слабнут, и народное восстание (революция) все растет шире и шире. В субботу 9-го июля в память полугодия великого 9-го января снова выйдут рабочие всей России на улицу и грозно потребуют к ответу царя за 9-е января, они потребуют созыва Учредительного Собрания и окончания несчастной и ненужной для народа войны. Уже более недели назад, как наши Сормовские товарищи-рабочие поклялись бороться за лучшую жизнь до последней капли крови. Они тоже 9-го июля бросят все свои дела и выйдут с оружием в руках. Товарищи! Нас еще слишком мало, чтобы нам открыто появиться в Муроме, выгнать из него царских разбойников и самим завладеть городом. Так бросимте же все свои работы в память 9-го января и хотя бы 10 июля, в воскресенье, соберемтесь в одно место и обсудим все свои кровные, общие дела. Присоединимте же, товарищи, 10-го июля наш голос к общему голосу своего голодного и угнетенного народа».

Муромская Организация Р. С.-Д. Р. П. 1905 г., 6 июля.

В конце июня или в начале июля приехал в Муром М. И. Лакин, участвовавший в знаменитой Иваново-Вознесенской стачке и попавший за это под суд и освобожденный под надзор полиции, с обязательством жить на родине. Лакина в районе еще не знали, и мы решили использовать его, как одного из участников крупной стачки, для ознакомления членов организации с борьбой, и предполагали устроить на сходке живое обсуждение волновавших нас тогда политических вопросов.

О месте собрания мы предупредили товарищей за сутки, назначив сбор в 4 часа дня в воскресенье 10 июля. Погода была весьма благоприятная. К назначенному часу берег той стороны Оки оживился. На ту сторону потянулись рабочие и граждане, в одиночку и группами, в лодках и на пароме. К назначенному часу на лужайке, среди кустарников и стогов сена, собралось более трехсот человек. Принесли заранее приготовленный длинный шест и водрузили на нем красное знамя, обшитое черной каймою в знак печали по жертвам 9-го января.

Местная полиция и жандармерия также приготовились. Наши дозоры сообщили нам, что полиция уже с 2 часов дня находилась скрытой в холерных бараках-барже. Когда открылось собрание, я пригласил несколько товарищей, имея намерение поставить дозорную и патрульную связь и наблюдение. Едва мы успели уйти в кусты, как слышим позади нас раскаты «ура». Повернулись назад, и нам представилась живописная картина: на собравшихся несколько сот человек бежала группа полицейских десятка в два-три, размахивая шашками, крича пьяное «ура».

Внезапное нападение полиции внесло замешательство в ряды мирно сидевших на сходке рабочих. Большая часть бросилась бежать. Полиция прежде всего бросилась на знамя. На защиту красного знамени встала В. О. Окушко, очень малосильная и хрупкая, и, конечно, не могла отстоять его и вместе с ним была взята полицией. Нас, оказавшихся в стороне от сходки, вооруженных двумя револьверами и палками, оказалось человека четыре. Мы быстро решили броситься на выручку и также попытаться внезапно напасть на городовых. Наш пример нападения на городовых увлек и часть бежавших товарищей. Прежде всего мы отбили арестованную девушку. Пока мы шумели, вырывали из рук городовых В. О. Окушко, рабочие вооружились длинными кольями и, в свою очередь, бросились на полицию, видя, что последняя превышает нас числом и обнаруживает намерение окружить нас.

Против полиции со всех сторон пошло наступление рабочих с кольями. Полиция обнажила свои шашки, но они оказались на много короче рабочих кольев и не годились для битвы. Попытались открыть стрельбу из револьверов, но мы, в свою очередь, дали ряд выстрелов, показав этим, что готовы на огонь ответить огнем же. Стрельба внесла большое озлобление в наши ряды, и рабочие ответили дружным натиском на полицию. Полиция была опрокинута, побежала, а главный руководитель, помощник исправника Войтас, был нами взят в плен. Кое-кто из городовых, а также и пристав, получили удары кольями. Войтаса также потрепали. Мне пришлось употребить некоторое усилие, чтобы оградить его от самосуда демонстрантов. Потребовали возвращения красного знамени, но оно уже было отправлено в город.

После разгрома полиции наша сходка стала еще более многочисленной. Стрельба, пение, шум, все это привлекло к нам бывших в лугах крестьян и горожан. Разбив полицию, захватив пом. исправника, победные и ликующие, с революционными песнями, мы двинулись по берегу к парому и лодкам, чтобы всем «скопом» перебраться в город. Подойдя к берегу, мы вынуждены были задержаться, ибо наши враги предприняли ряд хитростей: отрезали нам сообщение с городом, уведя все паромы и оттолкнув от берега все лодки. Пришлось перетягивать на эту сторону паромы.

На городском берегу толпился народ. Вести о рабочей демонстрации, а также о схватках с полицией стали известны всему городу. С некоторых возвышенностей города были видны наши схватки. Поэтому наша демонстрация, наше возвращение в город было буквально триумфальное. Учащаяся молодежь, интеллигенция, рабочие, крестьяне и любопытные обыватели образовали толпу тысячи в две-три человек. В город вошли «Воеводской горой» с пением «Марсельезы», «Дубинушки» и др. революционных песен. Полиция плелась в хвосте. Во главе же демонстрации шла вооруженная револьверами и палками рабочая молодежь.

Когда голова демонстрации взошла на мост через овраг у Городской Думы (ныне здание Отдела Коммунального Хозяйства), полиция, получив подкрепление, решила отрезать головную часть от шедшей массы муромских граждан. Мы решили ликвидировать эту попытку полиции. Быстро повернулись назад и палками погнали полицию с моста. Раздались выстрелы, сначала со стороны полиции, а затем затрещали в ответ и наши бульдоги, которых у нас было тогда всего штук пять-шесть. Однако трескотня получилась весьма внушительная. Шедшая за нами толпа поспешила укрыться и разбежалась. Буржуазные и поповские элементы города впали в панику. Все любопытные поспешили закрыть окна, ворота и двери домов. С улиц скрылись все купеческие и извозчичьи повозки. Полиция также разбежалась. Отстававших полицейских наши пролетарии погоняли стрельбой и палками.

В какой-то газете того времени (возможно, во «Владимирце») была помещена корреспонденция о нашей демонстрации:

> 10 июля 1905 года, около 4-ч. дня, в гор. Муроме, за рекой Окой против Якиманской слободы собралась толпа рабочих, учащихся и женщин, численностью человек в 200, устроившая революционный митинг. Прибывшая к месту собрания полиция нашла собравшихся расположенными вокруг красного флага, воткнутого в землю, при чем отдельными лицами произносились революционные речи. Завязалась борьба между полицией и участниками митинга из-за флага, произведено было несколько выстрелов, полиция обнажила шашки. Перевес оказался на стороне демонстрантов, так что помощник исправника, в конце-концов, обратился к ним с увещанием мирно разойтись. По дороге в город пелись революционные песни, и один из ораторов говорил речи, заканчивавшиеся словами: «Долой правительство, долой самодержавие!» У тюрьмы демонстранты преследовали дальше по Сенной площади. Здесь снова завязалась перестрелка между демонстрантами и полицией, и вскоре после этого толпа разошлась. После описанного происшествия Муром пережил целый ряд тревожных дней. Появились подметные угрожающие письма, неизвестно кем расклеивались по городу оповещения о предстоящих погромах. Повела усиленную агитацию черносотенная партия. Полиция и жандармерия непрерывно сносились с Владимиром, ожидая оттуда инструкций. По предписанию из губернского центра арестованы были и направлены во Владимир главные ораторы и деятели сходки: Мих. Иги. Лакин и Александр Гаврилович Шляпников. Несколько позже лишен был свободы студент Вл. Хряпин».

Для развития партийной работы наша демонстрация имела огромное значение. Факты разгрома рабочими полиции, пленение «самого исправника» передавались из уст в уста по всей округе, революционизируя полу-пролетарское население деревень и сел. На нашу организацию после этой демонстрации обратили большое внимание и партийные центры: Нижний и Москва. Нижегородский Комитет поддерживал с нами связи по традиции, а Московская Окружная организация повела в своем роде конкурентную работу. Мы охотно принимали помощь от той и другой, но ближе всего нам были рабочие-сормовичи, наезжавшие к нам в район. Московская же «Окружка» обслуживалась интеллигентскими силами, по своему удельному весу не выше сормовских рабочих, прошедших суровую школу подпольной работы на крупном заводе и умевших лучше подойти к рабочим, чем те.

Известия о нашей удачной демонстрации распространились далеко за пределы нашего района. Из многих мест мы получали радостные приветствия и пожелания подражать нашим выступлениям. После этого события партийная организация начала быстро расти в численности.

III.

Успех демонстрации оглушил и нашу жандармско-полицейскую власть. Ни в тот день ни после него не произвели никаких обысков и не сделали никаких арестов. Полиция же искала случая отомстить участникам и, особенно «главарям», по местному обычаю—избить втихомолку и из-за угла. Мне тогда передавали, что в ночь после демонстрации, полиция вместе с пожарными ходила по городу, надеясь встретить демонстрантов в одиночку. Устроила засаду в улице, где я жил, задерживала прохожих, но меня не нашла. На второй или третий день полиция все же постаралась отомстить нам за причиненные ей моральные и физические страдания. У меня и в квартире В. Окушко выбили окна. Огромные кирпичи были брошены в окна, но, к счастью, не тронули никого из спавших, выбив лишь рамы, разбив стекла и обычные оконные украшения—цветы. Этому делу исправник Лучкин посвятил целый доклад.

Губернатор спешит оговориться, что муромские жители отнеслись к манифестантам враждебно. Эту вражду можно было встретить лишь среди торговцев. Рабочее же население, а также учащиеся и интеллигенция приняли в этой демонстрации участие. Даже о вражде обывателя мы не могли говорить—эта враждебность ни в чем не выражалась и со стороны торгашей.

Как бы в пояснение действий своего муромского помощника, начальник Губернского Жандармского Управления от 12 июля доносит Трепову:

«В дополнение телеграммы помощника моего в Муромском, Меленковском и Судогодском уездах, подполковника Сомова от 11 сего июля за № 1310, доношу вашему превосходительству нижеследующее:

Утром 9-го июля сего года было получено помощником моим подполковником Сомовым сведение о том, что ввиду исполняющегося в это число полугодия со времени подачи его величеству в Зимнем Дворце Петербургскими рабочими прошения о своих нуждах, будто бы, в селе Сормово, Нижегородской губернии, рабочие призываются 9-го июля к уличной демонстрации. После полудня того же числа подполковником Сомовым были получены от пристава 1-го стана Муромского уезда два гектографированных воззвания, имеющие вместо подписи надпись «изд. Муромской Организации Р. С.-Д. Р. П. с датой 1905 г. июль 6», найденные близ Иоакиманской слободы, по кем подброшены неизвестно. Ввиду выраженного в воззваниях призыва муромских рабочих присоединить 10-го июля их голос к общему голосу всего голодного и угнетенного народа, подполковником Сомовым тотчас же были поставлены в известность о содержании воззваний муромский исправник и местный фабричный инспектор, и им самим были приняты необходимые соответствующие меры.

До 4-х часов дня 10-го июля ничего подозрительного замечено не было, но с указанного часа отдельные личности рабочих и каких-то неизвестных лиц стали переправляться через реку Оку и, гуляя там по лугу, первоначально не обращали ничем на себя внимания. Затем было узнано, что отдельные личности группируются против Иоакиманской слободы, на другой стороне реки, что около 2-х верст от города, и вскоре толпа образовалась человек в 200, среди которой выдавался неизвестный приезжий мужчина, державший к толпе какую-то революционного содержания речь; в толпе были замечены некоторые проживающие в гор. Муроме студенты и женщины, и у одной из последних имелся флаг. Усилиями полиции женщина с флагом была задержана, но толпа, вооруженная револьверами и палками, отняла женщину, но флаг остался у чинов полиции. Во время отбития толпой женщины одному городовому кем-то из толпы был нанесен удар палкою в руку,

а также таковой удар получил по рукам муромский городской пристав. Отбив женщину, толпа стала петь революционные песни: «Дубинушку», «Марсельезу» и другие, и в это же время разбрасывать прокламации, из коих пока подобраны «Товарищи» издания Центрального Комитета Р. С.-Д. Р. П. и песни: «Рабочая марсельеза», «Варшавянка», «Дружно, товарищи, в ногу» и «Похоронный Марш», все оттектографированные на отдельном полулисте бумаги.

После этого вся толпа демонстрантов, вследствие малочисленности полиции, переехала на пароме через реку и направилась по улицам города, подошла к зданию тюрьмы, остановившись против коего тот же агитатор, который был замечен в произнесении речи перед толпой за рекой, указывая на тюрьму, сказал: «Здесь сидят невинные, и я тоже сидел в Иваново-Вознесенске, но меня выпустили, а теперь пусть вновь арестуют, но я все-таки буду стоять за правое дело и свободу», при чем еще что-то говорил о прямых и косвенных налогах. Тут же из толпы были слышны возгласы, требовавшие освобождения арестантов, но никаких для этого насильственных мер предпринято не было. Шедшая до здания тюрьмы впереди демонстрантов, полицейская команда муромских городовых у тюрьмы отошла в сторону, тогда демонстранты бросились на городовых с криком: «Долой полицию!» и тут же ими было произведено три выстрела, на что полицейские чины, укрывшись за ящики и другие предметы, тоже стали стрелять, при чем с обеих сторон было выпущено более 100 выстрелов, но таковыми никто не ранен и не убит. Во время учащенной стрельбы полиции демонстранты, разделясь на несколько партий, стали рассеиваться по городу, а затем в конце 12-ти часов ночи в городе водворилось спокойствие.

Арестов произведено не было, но личности многих участников манифестации известны полиции, и подполковником Сомовым немедленно приступлено к производству расследования в порядке положения об охране для выяснения личностей, участвовавших в этой манифестации.

11 сего июля муромский исправник при отношении за № 285 препроводил к подполковнику Сомову 16 прокламаций, подобранных за рекой Окой, по пути следования манифестантов, и красный флаг, отобранный накануне, состоящий из красного кумача, обшитого черным коленкором, длиною в 3 аршина 5 вершк., шириною 1 арш. 5 вершк.

По содержанию всего вышеизложенного мною сего числа за № 4692 предписано подполковнику Сомову немедленно приступить к производству дознания в порядке 1035 ст. Уст. Угол. Судопр. Полковник **Бурков».**

К обыскам и арестам жандармы приступили уже спустя неделю. У Лакина, Окушко и у меня обыски производились в субботу, 16-го июля. День был рабочий, и я был на заводе. Относительно обыска меня предупредили по телефону. Дома я ничего не хранил. Склады литературы у нас были на заводе, а поэтому я и не торопился домой. Скрываться или переходить на нелегальное положение, как предлагали мне товарищи, я не хотел и пошел на обыск. Вся наша улица была под полицейским оком, а маленькая хибарка, в которой я жил, и двор были переполнены жандармами. Решили обыскать и меня. Все карманы моей блузы обшарили, ничего не нашли. Нужно было обыскать у меня в сапогах. Жандармский подп. Сомов предлагает произвести осмотр в моих сапогах. Я сажусь и протягиваю ему ногу, предлагаю снять и обыскать. Подполковник возмущается, ворочает своими усами и тупыми бычьими глазами, говорит об оскорблении, которое я наношу жандармскому мундиру. Унтера, окружавшие подполковника, решили ему помочь и предложили свои услуги, но я не соглашался предоставить им свои

сапоги, а подполковник Сомов также не позволил им пятнать честь своего мундира снятием сапог у рабочего. Так и остались мои сапоги необысканными.

Окна были выбиты полицией. Моя мать рассказывала мне впоследствии, что она видела и переодетого городового, но не хотела мне сказать об этом, опасаясь с моей стороны каких-либо, по ее мнению, необдуманных шагов.

В документах Департамента Полиции я нашел несколько документов, относящихся ко времени нашей демонстрации. Там имеется телеграмма из Жандармского Управления, донесение о событии:

«С 4 часов дня 10-го июля начался сбор толпы за рекой близ города Мурома; в толпе около 200 человек, были учащиеся, местные рабочие и женщины. Невыясненные приезжие агитаторы, выкинув флаг, произносили речи. Полицией женщина с флагом была задержана, но толпа, вооруженная револьверами и палками, отняла женщину, после этого стала петь революционные песни и раскидывать прокламации; переехав реку, пошла по улицам города, демонстративно пройдя мимо тюрьмы, стала стрелять в полицию, которая тоже стреляла, и в 12 часов ночи (толпа) рассеялась по домам. Раненых и убитых нет. Горожане были недовольны демонстрантами. В городе спокойно. Выясняю агитаторов. Подполковник Сомов».

В ответ на это наши муромские жандармы получили от министра-полицейского выговор:

«На телеграмму 11 июля уведомляю Товарищ Министра Заведующий Полицией находит агитаторов надлежало знать до демонстрации и вы недостаточно бдительны».

Кроме того, треповский выговор был сделан еще и начальнику Губернского Жандармского Управления следующего содержания:

«10 сего июля, в гор. Муроме за рекой Окой, против села Якиманской слободы, собралась толпа около 200 человек рабочих, учащихся и женщин, и, воткнув в землю шест с революционным флагом, начала произносить антиправительственные речи. По прибытии на место полиции с И. Д. Помощника Исправника Войтасом и городским приставом Филатоматовым во главе, между ней и манифестантами произошло столкновение, при чем из толпы было сделано несколько выстрелов в городовых и нанесены им удары палками, что вынудило чинов полиции обнажить шашки, но разогнать собравшихся полиция по своей малочисленности не могла. Затем толпа, с пением революционных песен, разбрасывая прокламации и произнося противоправительственные речи, направилась в город, где также некоторое время продолжала демонстрацию, при чем в чинов полиции было сделано несколько выстрелов. Неизвестного оратора, произносившего революционные речи, не удалось установить. На упомянутом представлении Губернатора Товарищ Министра Внутренних Дел, заведующий полицией, изволил положить резолюцию: жандармский надзор бездействует». О таковой резолюции Свиты Его Величества Генерал-Майора Трепова департамент полиции долгом считает сообщить Вашему Высокоблагородию». За вице-Дир. (подпись). За Зав. отд. **Шиллер.**

Губернаторский доклад таким образом описывает дело:

«10 сего июля, около 4 часов дня, в г. Муроме за рекой Окой против села Якиманской слободы, собралась толпа около 200 человек, состоявшая из рабочих, учащихся и женщин. Немедленно прибыл на место сборища Испол. долж. Помощника Исправника Войтас с Городским Приставом, имея с собой около 15 человек городовых, и обнаружил, что на лугу воткнут в землю на высоком шесту революционный флаг, а кругом его сидела толпа

и произносила революционные речи. При виде полиции, толпа хотела разбежаться, а когда одним из городовых было вынуто из земли древко с революционным флагом, то толпа набросилась на полицию и, отнимая флаг, произвела в нее несколько выстрелов из револьверов и нанесла несколько ударов палками, в том числе и городскому приставу Филоматову. Защищаясь, чины полиции обнажили шашки. Убитых и раненых, как между чинами полиции, так и в толпе, не оказалось. Так как разогнать на месте толпу полиция, по своей малочисленности, не могла, то Войтас обратился к толпе с увещеванием разойтись, после чего толпа направилась по берегу реки Оки к перевозному парому, чтобы переехать в город. По дороге к парому, толпа пела революционные песни, и один оратор говорил речи, в которых произносил следующие слова: «Долой правительство, долой самодержавие!», при чем толпа бросала во все стороны прокламации. Переехав на пароме в город, толпа на берегу собралась в кучу, и снова было произнесено несколько речей того же содержания. Затем толпа с революционными песнями направилась по берегу реки в город и остановилась перед тюрьмой арестованных [1], но речь его не имела успеха, и толпа направилась дальше по Сенной площади и, пройдя таковую, со словами «Долой полицию!», вынула револьверы и стала стрелять в чинов полиции, шедших сзади толпы. Чины полиции, защищаясь, также стреляли в толпу из револьверов, при чем и в этом случае убитых и раненых как между чинами полиции, так и в толпе, не было. После нескольких десятков выстрелов со стороны толпы, — последняя побежала по направлению к Московской улице и там уже сама рассеялась.

Оратор, говоривший революционные речи, не из местных жителей, а приезжий, а потому личность его не установлена. Из числа участвовавших в вышеизложенном революционном движении личности многих установлены. Отобранный от толпы красный флаг, а также и подобранные около места сборища 16 прокламаций препровождены помощнику начальника Владимирского Губернского Жандармского Управления по Муромскому уезду, о чем сообщено г. Прокурору Владимирского Окружного Суда и местному Товарищу Прокурора.

Жители города к толпе манифестантов отнеслись не сочувственно и даже намеревались наброситься на толпу с целью разогнать ее, а главных зачинщиков избить, но Войтас уговорил собравшихся жителей не делать этого, ввиду чего толпа манифестантов прошла спокойно, и нападения на нее со стороны жителей не произошло.

О вышеизложенном имею честь уведомить ваше превосходительство в дополнение к телеграмме от 11 сего июля, присовокупляя, что в городе спокойно, но ходят слухи, что сходка будто бы опять будет ночью после того, как освободятся мастеровые с фабрик.

Губернатор Егермейстер Высочайшего Двора (подпись).

За Правителя Канцелярии (подпись).

После обыска меня пригласили на допрос в Жандармское Управление и арестовали. Вечером направили в местную тюрьму. Жандармерия и прокуратура начали производить дознание по делу о «вооруженной демонстрации в г. Муроме». От 17-го июля тов. прокурора Унтилов доносит своему старшему о начале дознания.

«По дознанию о Муромской демонстрации 16 июля, был произведен обыск у обвиняемой Окушко, ввиду доставленных сведений о продолжающихся

[1]) Пропуск.

в ее квартире противоправительственных собраниях, но ничего явно преступного обнаружено не было.

Того же числа был допрошен в качестве обвиняемого по 1 ч. 121 ст. и 2 ч. 129 ст. Угол. Улож. мур. мещанин Александр Гаврилович Шляпников, 21 года, не признавший себя виновным и давший показание только о том, что прокламаций не разбрасывал.

Ввиду того, что в ночь на 16 июля Шляпников ходил по Мурому с ружьем в руках, с несколькими рабочими, вооруженными палками, а также ввиду деятельного участия, принимаемого им в демонстрации, он заключен под стражу и за неимением мест в муромской тюрьме отправлен во владимирскую вместе с обвиняемым Лакиным, относительно которого мера пресечения изменена,—он заключен под стражу.

Тогда же допрошена в качестве обвиняемой по 2 ч. 121 ст. и 2 ч. 129 ст. Угол. Улож. мур. мещанка Елизавета Николаевна Мошенцева, 21 года, дочь владельца книжного магазина, окончившая местную гимназию. Она виновной себя не признала, об'ясняя, что была около демонстрантов случайно, к ним не присоединялась и вскоре уехала. Указала свидетелей, отдана под особый надзор полиции».

В ту же ночь в тюрьму доставили и М. П. Лакина. Рано утром подняли на ноги. У ворот тюрьмы нас ждала тройка лошадей и пара синих жандармов. Молча усадили в повозку и погнали лошадей. Куда везут—держали в секрете. Подвезли к товарной станции Муромской жел. дор. Там был приготовлен специальный вагон. Меня провели в него и оставили при двух жандармах. Через полчаса или около этого привели ко мне и М. П. Лакина. Он пришел в вагон, вооруженный евангелием, и тотчас же, от скуки, повел «преступную агитацию» среди жандармов, пользуясь цитатами святых отцов.

Прицепили к утреннему поезду. Тут мы поняли, что наши власти не надеются на крепость стен муромской тюрьмы и везут нас в губернскую тюрьму. По дороге наш вагон, охранявшийся жандармами, привлекал общее внимание публики, но переговариваться нам не давали.

Полиция и жандармерия вели усиленные розыски участников демонстрации. К дознанию было привлечено несколько десятков лиц, а всего, вместе со свидетелями, превышало сотню. К сожалению, во Владимире не сохранили, а растащили архив губернского жандармского управления, погибло там и дело о нашей вооруженной демонстрации. Лишь отрывочно удалось собрать кое-что, в том числе и нижеприводимый список лиц, которые, по данным полиции, принимали участие в демонстрации за рекой Окой.

Список участвовавших в противоправительственной демонстрации 10-го июля 1905 года.

1) Студент — Василий Васильевич Федосеев, 2) студент — Семен Иванович Гуреев, 3) студент — Сергей Николаевич Тагунов, 4) мещанин — Петр Николаевич Тагунов, 5) студент — Владимир Владимирович Хряпин, 6) студент — Дмитрий Иванович Гундобин, 7) Варвара Окушко, 8) София Окушко, 9) реалист — Владимир Владимирович Розов, 10) реалист — Вденкопский, 11) мещанин — Александр Гаврилович Шляпников, 12) крест. Якиманской слободы—Михаил Андреевич Сумкин, 13) крест. дер. Озернова—Михаил Ефимович Грудев, 14) мещанин — Михаил Федорович Бабин, 15) мещанин — Николай Николаевич Зуев, 16) крест. дер. Кулаков—Михаил Иванович Синев, 17) крест. Якиманской слободы — Михаил Михайлович Нефедов, 18) крест. Дмитриевской слободы — Александр Михайлович Волгин, 19) крест. Якиманской слободы—Михаил Иванович

Шерстнев, 20) крест. Дмитриевской сл. — Дмитрий Николаевич Беляев, 21) крест. Якиманской сл. — Александр Иванович Соков, 22) крест. Дмитриевской сл. — Василий Иванович Шишков, 23) мещанин—Алексей Васильевич Зуев, 24) Андрей Иванович Фитинов, на заводе Мяздрикова, 25) Елизавета Николаевна Мошенцева.

Лица, по отзывам некоторых городовых будто бы участвовавшие в демонстрации:

1) Чертежник Валенкова завода—Николай Михайлович Волков, 2) студент—Петр Павлович Зворыкин, 3) Николай Петрович Попов, 4) студент — Алексей Александрович Киселев.

Список лиц, участвовавших на сходке за рекой Окой 10-го июля 1905 года.

1) Оратор, крест. дер. Саксино, Новокотлицкой вол., Муромского уезда, Михаил Игнатьевич Лакин, член партии социал-демократов, 2) Аркадий Иванович Гуреев.

С фабрики Муромской мануфактуры при селе Дмитриевской слободы:

3) Сергей Никитич Коларов, 4) Иван Константинович Пырков, 5) Петр Константинович Пырков, 6) Владимир Владимирович Хрянин, 7) Иван Петрович Макаров, 8) Иван Васильевич Баранов, 9) Петр Иванович Коптев, 10) Дмитрий Николаевич Балов, 11) Александр Иванович Волгин, 12) Иван Белов, 13) Петр Прохорович Быватов, 14) Василий Иванович Быков, 15) Михаил Комиссаров, 16) Василий Дмитриевич Амосов, 17) Николай Степанович Кучеров.

Крестьяне села Якиманской слободы:

18) Михаил Андреевич Сумкин, 19) Федор Иванович Ратушин, 20) Иван Петрович Трубачев, 21) Петр Иванович Сарыкалин, 22) Иван Яковлевич Логинов, 23) Павел Иванович Малинин, 24) Петр Яковлевич Князев, 25) Михаил Иванович Мягков, 26) Андрей Васильевич Агапов.

На самом деле список содержит лишь около одной пятой доли всех участников заречного собрания. Некоторые лица оговорены ложно, а другие присоединились во время шествия в самом городе.

В деле имеется весьма любопытный документ—рапорт муромского пристава, свидетельствующий о полном политическом невежестве руководителей полицейской власти, принимавшей всерьез болтовню о «найме людей в революционную партию»:

«Его Превосходительству Господину Прокурору Владимирского Окружного Суда.

Пристава гор. Мурома

Р А П О Р Т.

17 сего июля кр. с. Новоселки, Ковардицкой вол., Василий Григорьевич Рогачев заявил мне, что 16 сего (июля) около 11 ч. ночи на площади против бульвара он побил муромского мещ. Ивана Агафоновича Суслопарова за то, что тот приглашал его присоединиться к их партии против царя. Суслопаров говорил, что на-днях они соберутся, раз собрались, но неудачно; говорил: «Долой самодержавие и царя», обещал ему за переход в партию денег. Суслопаров был отправлен в больницу на извозчике, но бежал дорогой от городового Сангурова. 13 июля, как передал городовой Костаков, был другой случай найма людей в революционную партию: нанимал рабочий завода Валенкова, Коп-

стантин Петрович Чекушкин Ардасского цехового Якова Ивановича Иванова и обещал 50—100 руб., наем происходил на Рождественской улице у винной лавки при муромском мещ. Николае Николаевиче Григорьеве. О сем деле мною вместе с сим сообщено г. Помощнику Начальника Владимирского Губернского Жандармского Управления в Муромском, Меленковском и Судогодском уездах.

О чем имею честь донести Вашему Превосходительству.

Пристав (подпись не разборчива).

№ 3434.
Июля 17 дня 1905 г.

Я не помню деталей дела И. А. Суслопарова, но знаю, что он попал в тюрьму за распространение прокламаций. Во время распространения был побит кулаками-торгашами на базаре. Хитрые кулаки повернули дело так, как будто он «нанимал их в партию». Нужно ли говорить, что ни о каком найме не могло быть и речи. Таких сумм, как сто рублей, у нас, как мне помнится, никогда не было.

IV.

По выходе из вагона нас с М. И. Лакиным немедленно разлучили. Посадили на извозчиков и двинулись в губернскую тюрьму. День был праздничный, но дождливый. Извозчичьи повозки опустили задки на сиденья и скрыли нас от взоров любопытных. В тюрьму нас привезли быстро и поместили в разные концы. Лакину нашли внизу камеру, а меня посадили в полутемную, круглую башню.

Моя круглая камера, в правой башне от входа, имела в диаметре аршина три-четыре. Узенькая под'емная кровать делила камеру ровно на две части. От общего коридора меня отделяли три двери и узкий проход. Кругом тишина могилы, лишь ветер гудел в оконные щели, да солнышко посылало свои бледные улыбки, никогда не достигая пола. Окна, числом три, от пола были на большой высоте и имели круглую форму, света пропускали очень мало. Никто их никогда не открывал, и камера «освежалась» из коридора. Никакой шум из моей камеры, что бы я ни делал, не достигал надзирательских ушей. В гости ходил к нам губернатор Леонтьев, лизал свою губу, задавал несложный вопрос вроде: «Ну, что?»—на что, как по уговору, все отвечали ему: «Ничего, а что?»

Под влиянием роста революционного движения тюремный режим смягчался. Начали пускать гулять, хотя по одиночке. Через пару, приблизительно, недель после сидки в губернском «тюремном замке», нас перевели в недавно отстроенные «исправительные отделения», в специально приготовленный для каторжан одиночный корпус. В эту одиночку привели еще несколько товарищей, взятых за Иваново-Вознесенскую забастовку: Захара Савинова, Мандельштама (Одессея). Через некоторое время привели С. Гуреева и В. Хряпина, по нашему с Лакиным делу.

Первые дни пребывания в одиночке мы потратили на борьбу с тюремным режимом. Сначала повели борьбу за общие прогулки. Добились частичных успехов—нам разрешили гулять группами. За этим последовало требование улучшить нам питание. Об'явили голодовку, но администрация (губернатор и тюремный начальник) пошла на уступки и дала нам приличный стол.

Из Иванова-Вознесенска привезли десятка два-три арестованных в административном порядке товарищей за забастовку рабочих. Их поместили не с нами, «политиками», как называли нас надзиратели и уголовные, а в особом «Польском корпусе». Однако это не мешало нам завести с ними оживленные сношения.

Во время пребывания в одиночках мы решили издавать журнал. Помню, вышло у нас, кажется, всего два номера, но содержание их, а также и самое назва-

ние забыл. Были у нас в тюрьме и дискуссии по аграрному вопросу, но привели, как это часто бывало в тюрьме, к ссорам.

Дознание по делу «о вооруженной демонстрации» подвигалось быстро вперед. Следственные власти, жандармерия и прокуратура подготовляли нам по этому делу каторжные работы. Правительство тогда повело борьбу против «шуток с оружием», как говорили владимирские власти, и решило примерно наказывать.

Известия о революционном движении в стране, особенно усилившемся с осени 1905 года, мы получали от владимирских товарищей, изредка дававших о себе знать кому-либо из заключенных.

Из Муромского района мы получали самые бодрые вести. Начатая нами работа продолжалась другими. На смену нам, сидевшим за железными решетками, Московская Окружная, Нижегородский Комитет, Сормовская Группа, присылали литературу и людей. Работа не останавливалась ни на один день. Да и из местных рабочих выделились уже достаточно инициативные, способные товарищи, сумевшие повести борьбу и взять на себя сплочение организации и руководство ею. Октябрьские дни разбили все замыслы судебных властей. Всеобщая стачка, издание царем манифеста заставили наших судебных чинов освободить нас из тюрьмы. Волны революционного прибоя бушевали даже в самом мещанском городе Владимире. Вечером 19 октября нас, муромлян, выпустили из тюрьмы. В. Хрянин, С. Гуреев, М. Лакин и я направились из тюрьмы в город, на поиски социал-демократов. Приютили нас в тот вечер у Благоправова, работавшего тогда по статистике в земстве.

Вечером пошли мы на предполагавшееся народное собрание, где должны были выступать. Но по дороге пришлось проходить улицы, захваченные черной сотней, которая приняла нас в кулаки. Все мои спутники убежали, а меня, оставшегося позади всех, основательно побили. В первый же день царских свобод я получил синяки под глаза и ранение губ.

Погром за эту ночь принял крупные размеры. Полиция, владимирские торговцы явно поощряли бесчинства черной сотни. Толпа пьяных громил выла около губернаторского дома, вызывала музыку, пела патриотические песни, царский гимн, кричала «ура» властям, а также традиционное: «Бей жидов!» Но так как во Владимире «жидов» почти не было, то их заменили студентами, гимназистами, вольнодумцами-семинаристами и земскими служащими.

Целую ночь мы просидели в квартире Благоправова, ожидая нападения на его квартиру. Вооружились. Но ночь прошла благополучно. Рано утром, переодевшись в рваное, чтобы иметь вид полу-бродяг, мы пошли на вокзал и вернулись благополучно в наш Муром.

V.

По прибытии в Муром тотчас же направился в завод повидать товарищей. Встреча была теплая, дружеская. Рабочие заявили о своем желании отпраздновать однодневной забастовкой наше освобождение. Пришлось уговаривать, чтобы товарищи хоть немного повременили, дали бы нам, прибывшим из тюрьмы, хоть малость оглянуться, почитать газеты, познакомиться с создавшимся положением в стране. Удалось отстрочить забастовку только на один час.

Едва я успел вернуться из завода, как за мной пришел гонец. Слышу—по полям разносится пение Марсельезы. Рабочие завода Валенкова шли снимать своих коллег с Торского завода. На поле, в конце фабричной улицы, произошла встреча рабочих двух заводов. Пришлось выступить с небольшой речью. Рабочие поздравляли с освобождением, с началом побед и, от избытка радости, качали. Постановили на обед разойтись по домам, а к 2 часам дня собраться в здании «Общества Трезвости» (напротив Троицкого монастыря) и там обсудить вопрос о том, что делать дальше.

Оставшимся временем постарался воспользоваться для свидания с членами Комитета. Со времени летней демонстрации организация окрепла еще больше. В районе работали уже два «профессионала», присланные Московской Окружной организацией. Велась работа и среди крестьян. Появилась эсеровская организация, в которой состояли главным образом местные реалисты, гимназисты и кое-кто из интеллигенции.

Среди рабочих эс-эров не было,

С Комитетом условились о расширении движения на все предприятия города. На назначенном в два часа собрании решили это и провести. На этом же собрании решили обсудить и рабочие требования. В первую очередь, мы предполагали выставить требования сокращения рабочего времени, повышения заработной платы. Само собрание являлось крупным политическим событием в городе. Это было первое открытое рабочее собрание в центре города, устраиваемое нелегальной партией, в чужом помещении, явочным порядком. Одним словом, по царским законам—преступление от начала до конца.

К красному зданию на базарной площади, чайной О-ва Трезвости, в назначенный час пришли толпы рабочих. В помещение, рассчитанное на триста человек, собралось раза в два или около трех более. С заведующим чайной, который пытался было протестовать, поступили мягко, устранив его с пути и обещав ему уплатить за уборку помещения после собрания.

Как нужно вести собрание—у нас опыта было еще мало. Желавших говорить было много, и нам с большим трудом удавалось сохранить хоть некоторый порядок в выступлениях. Каждый говорил на свой лад и по своему больному вопросу. Выступали мастера, старшие рабочие с покаянными речами. Когда волна говорливости прошла, приступили к обсуждению создавшегося положения. Рабочие приветствовали дружными одобрениями питерских братьев за их почин. Решили сплотиться в союз и поддерживать всеми средствами передовых рабочих в нашей стране и повести борьбу против местных властей и капиталистов. Все вопросы борьбы решили передать особому совету делегатов от фабрик и заводов. Собрание закончилось предложением устроить шествие с красными знаменами к работавшим фабрикам и заводам, устроить общий митинг, познакомить всех с принятыми на собрании решениями.

По выходе из чайной О-ва Трезвости, к рабочим присоединилось еще несколько сот граждан и любопытных. Выкинули красное знамя и с пением «Марсельезы» направились к Московской улице. Торговцы и купцы переполошились, начали запирать магазины. Наши товарищи ходили по крупным торговым учреждениям и приглашали приказчиков присоединиться к демонстрации. Полиция не показывалась.

Первым предприятием, которое решили «снять с работы» было «винополие», как называли в городе казенный винный завод. Рабочие и работницы «винополки» также присоединились к манифестантам, и все вместе направились на берег Оки, к маслобойне, ткацкой и прядильной фабрикам.

Администрация маслобойки, узнав о том, что рабочие направляются на их предприятие, остановила работу и выпустила рабочих. Мы обратились к ним с обращением требовать 8-часового рабочего дня, учреждения работы в три смены. До этого там работали в две смены, по 12 часов каждая.

На бумаго-ткацкой фабрике администрация также отпустила рабочих без сопротивления. Лишь небольшая стычка с администрацией произошла на прядильной фабрике. Наши товарищи, встретив одного из владельцев, Суздальцева, не могли простить ему предательства одного рабочего, распространявшего прокламации, публично заклеймили его предателем и провокатором. Он слыл либералом и стремился всячески оправдаться перед рабочими.

Когда все рабочие были выведены с фабрик и заводов, был уже вечер. Однако мы решили устроить собрание тут же, на Спасской горе. Несколько тысяч рабочих

и граждан усеяли горку. Предложили собравшимся на другой день приступить к работе, устроить на каждом предприятии общее собрание и выбрать на нем делегатов в рабочий Совет, который должен будет выработать требования и руководить движением. Наше предложение было принято. После нескольких политических речей собравшиеся с песнями разошлись по домам.

Однако возбужденные рабочие не расходились до поздней ночи. Было уже темно, когда группа рабочих, узнавшая от нас об избиении интеллигенции и погромах квартир во Владимире, решила послать владимирскому губернатору телеграмму с требованием прекратить погром, угрожая, в случае неисполнения этого требования, прибыть во Владимир и подавить погром своими силами. Почтовые чиновники весьма неохотно принимали нашу телеграмму, требуя подписи кого-либо из представителей. Меня уполномочили подписать эту телеграмму.

На другой день все встали на работу. Пошел и я на свой станок к П. Ф. Валенкову. Во время работы также устроили собрание и выбрали меня в рабочий Совет. На станке работать приходилось мало: пролетарии осаждали меня сотнями вопросов, интересовались политикой и предположениями на ближайшие месяцы. Вместе с группой передовых металлистов мы выдвинули и пустили в массы мысль об организации профессионального союза. Эта мысль быстро завоевала симпатии даже стариков. Последних прельщала постановка вопроса о защите прав рабочего и взаимная помощь в несчастьи.

Кроме нашей партийной работы развернули свою деятельность в Муроме социал-революционеры и конституционные демократы (кадеты). В дворянском клубе были организованы собрания интеллигенции и купечества. Весьма любопытное сообщение, относящееся к этим дням в Муроме, мы находим в секретном рапорте исправника Лучкина.

«Секретно.

Его Превосходительству Господину Начальнику Владимирской губернии»

Муромского Уездного Исправника

РАПОРТ.

О волнениях в г. Муроме.

В дополнение к телеграммам и к донесению моему от вчерашнего 20 числа за № 477, доношу Вашему Превосходительству, что собрание под руководством Котлецова прошло благополучно, но некоторые лица остались им недовольны, например, Шляпников и Окушко ушли часа за полтора ранее окончания; недовольство в том, что Котлецов все сословия одинаково подвел под слово «народ». Было на собрании столько, сколько могло вместить помещение Дворянского клуба, в котором было собрание; человек более 500. Говорились речи многими и из здешних. Котлецов вчера приехал одновременно с возвратившимися из Владимира, из тюремного заключения, Лакиным, Шляпниковым и Гуреевым. Они, повидимому, были свидетелями всего, во Владимире происходившего и потому были заявления о допущенных там беспорядках, обвинения касались и лично Вашего Превосходительства; собрание обсуждало все, там происходившее. Когда зашла речь об обжаловании действий губернатора, обсуждали куда обжаловать, министру, были возгласы: «На подлеца — подлецу», были голоса, чтоб послать жалобу гр. Витте, жалоба послана будто бы Г. Министру, ходили с телеграммой к почтово-телеграфной конторе большой толпой. В числе речей Котлецов раз'яснил, что теперь никто, ни исправник, ни жандарм не могут вас арестовать. Вчера же, ранее вчерашнего собрания, было

собрание, как бы случайное в Доме Трезвости, и там говорились речи по предмету свободы по в ы с о ч а й ш е м у манифесту, откуда всей толпой ходили к почтово-телеграфной конторе для отправления телеграммы Вашему Превосходительству. От помещения конторы прошли мимо квартиры г. Сомова, здесь пропели вечную память. В вечернем собрании говорилось, что Манифест последовал вследствие волнений и забастовок, и что поэтому нужно итти далее: требовать переделов земли, уравнения сословий, капиталов и имуществ, что без человеческих жертв это не может обойтись, но из-за этого останавливаться нечего. Претензия на меня выражена была, что я не об'являю манифест, что по деревням об нем ходят лишь смутные слухи, что я должен был тотчас его отпечатать и разослать всюду. Нынешний Царский день решено не праздновать, и все фабрики и заводы работают. Предлагались мнения, чтобы город образовал свою милицию, иначе выйдет свалка с черной сотней, и тогда весь город будет разгромлен. Ввиду таких угроз, двое из бывших на собрании купцов, Суздальцевы прямо из собрания в 1 час ночи приехали ко мне. Я им посоветовал устроить частное собрание из немногих именитых, уважаемых граждан и пригласить заводчика Валенкова, так как его завод главным образом и почти единственно один волнует всех, и во главе своих рабочих он сам ходил с ними по городу в толпе, а потому он и может подействовать на своих зачинщиков. Эти двое говорили, что обращались к Городскому Голове, чтобы послать телеграмму Вашему Превосходительству о присылке войск, но Голова ответил, что соберут Думу. Когда шли вчера к Дому Трезвости с песнями «Марсельеза», то были видны три флага: два красных— один с надписью: «Да здравствуют рабочие:» другой—«Да здравствует политическая свобода!», третий черный, с надписью: «За свободу». Назначено завтра собрание на Соборной площади, завтра суббота—базарный день в гор. Муроме, и народу будет масса, и потому вряд ли может обойтись без столкновений.

Рабочие литейного завода Валенкова вчера 20 числа ходили по заводам и фабрикам и требовали прекращения работ, грозили, что в случае неисполнения их требования они приведут еще большую толпу, а на льнопрядильной фабрике Товарищества Суздальцевых сделали два выстрела из револьвера, видимо, чтобы навести на всех страх.

Подписал: И. д. Уездного Исправника **Лучкин.**

Верно: Правитель Канцелярии (подпись)».

№ 477.

Октября 21 дня 1905 года.

По Канцелярии.

Фактическая часть изложена Лучкиным вполне правильно, за исключением места собрания: оно было устроено в ярмарочном саду.

VI.

Стачка рабочих, митинги с участием городских жителей и крестьян, демонстрации, все это показывало нам, что наш город находится под солидным влиянием нашей организации. Беспокоило нас положение в деревнях. В деревенские, крестьянские глубины наша партийная работа не проникала. На одном заседании Комитета, в маленькой комнатушке И. Н. Елизарова, вернувшегося с летних каникул, мы обсуждали вопрос о том, какими путями и средствами втянуть деревню в нашу революционную борьбу. Порешили тогда же выяснить, как обстоит дело пропаганды и организации крестьян у эс-эров. Помню, что в Комитет тогда входили: С. Гуреев,

М. Лакин, И. Елизаров, «Максим» из «Окружки», Разборщиков и пишущий это. Разговоры с эс-эрами и предварительное разрешение вопроса о работе среди крестьян было поручено мне.

Эс-эры в то время были представлены в Муроме интеллигенцией, учащейся молодежью. Они хвастались, что имеют за собой не меньше, как «все крестьянство». Чтобы проверить это, мы решили устроить митинг в базарный, субботний день. На него эс-эры обещали привести свои мужицкие батальоны «сотнями подвод». Мы отнеслись к эс-эровскому хвастовству очень недоверчиво, и наше отношение вполне оправдалось. Эс-эры на собрание не только не привели своих батальонов, но зная о конфузе, который ожидал их, не пришли и сами на собрание.

Одновременно с переговорами о совместном собрании, мы приняли решение выпустить на средства обеих организаций царский манифест о свободах от 17 октября 1905 года. Наши власти держали этот манифест в «секрете», и мы решили с этой царской грамоты начать нашу пропаганду среди крестьян. Возможно, что это был единственный и оригинальный блок с.-д. и с.-р. в истории нашей партии.

К базарному дню нам удалось напечатать 10.000 царских манифестов. Это было сделано по нашему общему с с.-р. заказу типографией Благовещенского, известного тогда в городе регента соборного хора. Крестьяне манифест разбирали охотно, но все же дело не обошлось без приключений: одного или двух распространителей манифеста наши темные мужички побили.

В городе организовалась черная сотня. Во главе ее стояли местные купцы. Они подпаивали мясников, кучеров и лабазников и посылали их на наши собрания, чтобы они срывали их. Однако обо всех этих шагах мы были осведомлены. Пьяных мы гоняли с собраний. Мы знали даже, кто и чем из черной сотни вооружен. Наши товарищи были вооружены, главным образом, железными палками, ножами. Револьверов на весь Муром у нас было едва ли более трех десятков. Жажда же вооружения огнестрельным оружием была чрезвычайно велика.

С владельцем завода П. Ф. Валенковым мне удалось тогда же условиться о том, что он будет «не замечать» наших работ по вооружению, при условии, что мы берем ответственность за это исключительно на себя, он же терпит только материальный ущерб и перед властями не отвечает. Достали мы тогда же около дюжины берданок со штыками и несколько нарезных охотничьих ружей. Владелица этого оружия жила тогда во флигеле Ерошевского, фамилии ее не помню но знаю, что оружие принадлежало ее мужу, большому любителю его и охотнику. Там же мы добыли и патронов к ним. Это оружие мы берегли, держали в секрете, но слух о том, что мы достаточно сильно вооружены, заставлял и черную сотню и полицию быть более «почтительными» с нами.

Наш партийный комитет решил попытаться легализировать нашу боевую организацию путем учреждения городской милиции. Для этой цели мы постановили произвести «моральное давление» на гласных, а также и на городского голову. Для переговоров выдвинули меня, а эс-эры послали А. Ф. Курицына. Вдвоем мы обошли наиболее видных, влиятельных гласных, посетили городского голову и от имени «рабочего комитета» предложили им созвать Городскую Думу, развив перед ними радужные перспективы водворения в городе, силами самих граждан, без полиции, порядка и спокойствия. Гласных уломать удалось, собрание было назначено на один из вечеров октября.

К назначенному для собрания гласных вечеру мы мобилизовали наши силы. На зов пришли рабочие с заводов и фабрик, вооруженные кто чем мог (топорами, палками, охотничьими ружьями, револьверами и пр.), с красными знаменами и расположились около здания Городской Думы. Увидя это, многие гласные побоялись войти, и нам пришлось увести собравшихся, на время прибытия гласных, в Общество Трезвости, там устроить собрание. Это дело поручили М. Лакину. Гласные с'ехались. Голова надел на шею «законную» цепь и открыл заседание.

В порядке дня стоял один вопрос: организация милиции для установления в городе порядка и ограждения граждан от хулиганившей кое-где пьяной черной сотни. Последняя свила себе гнездо в кварталах купцов и торгашей, поэтому они первые и были жертвами своих же духов. Когда собрание открылось, зал наполнился сочувствовавшими нам — интеллигенцией, а также и пришедшими с митинга рабочими.

От имени «Рабочего Комитета» слово было предоставлено мне. Простыми, нескусными словами, понятными всей аудитории, я постарался об'яснить, почему «Рабочий Комитет», обеспокоенный развитием скандалов и насилий над мирными гражданами, постановил обратиться к Думе с предложением реорганизовать, переустроить дело охраны граждан, их имущества и личности от посягательств различных банд, имея в виду черную сотню. Для иллюстрации положения дела в этой области фактов было достаточно много. Полиция умышленно попустительствовала всякому озорству, относя и все безобразия к добытым свободам. На жалобы граждан частенько отвечали: «вот вам и свободы». Поэтому от имени «Рабочего Комитета» я потребовал удаления всей полиции и набор вместо нее городской милиции, по соглашению с рабочими, из кандидатов, предложенных нашим Комитетом.

Гласные были немало удивлены тем, что мы брались за организацию дела охраны. Они не могли даже сдержать своего удивления и тут же запрашивали: «неужели и наше имущество вы будете охранять?». На это мы отвечали, что не имеем никакого интереса покровительствовать ворам и возьмем на себя охрану имущества всех граждан. Только один черносотенный купчина, маслодел Никитин взял на себя смелость выступить против наших предложений. Однако его выступление было столь глупо, а мотивировка отклонения нашего желания носила буквально личный характер, вроде: «мне никакая милиция не нужна, а поэтому я против», дала нам прекрасный повод для разоблачения этого отца города.

После меня выступали еще ряд товарищей, а затем и сами гласные. Наши речи встречались и провожались аплодисментами. Моральное воздействие «революционизировало» и наших купцов. Они высказывались весьма либерально и шли навстречу нашим требованиям. Перешли к практическим предложениям. Наметили общее числе милиционеров в 30 человек, при чем 15 человек набирались через наш Рабочий комитет, а вторые 15 — самой Городской Думой. Принято было предложение и о том, что милиция оплачивается городом.

Об этом заседании Гор. Думы стало известно Владимирскому губернатору, и он высказал осуждение такой слабости гласных, запретив и думать об организации милиции. Очевидно, он дал гарантии нашим купцам, что сумеет оградить и защитить их собственность и личность от нашего воздействия. Вскоре в Муром прибыла небольшая воинская часть и демонстрировала свое прибытие прогулками по городу и осмотром месторасположений фабрик и заводов. Однако, и среди войск, как и в местной команде, мы завели связи и повели революционную работу. Правительство требовало «твердых и решительных мер», но вооруженной силы не хватало, как говорит об этом нижеследующая телеграмма:

Разбор шифрованной телеграммы из Владимира губерн. от Губернатора Леонтьева, на имя Управляющего Министерством Внутренних Дел. за № 485.

Подана 5 ноября, 5 ч. 45 м. пополудни, получена 5 ноября, 7 ч. 30 м. пополудни 1905 г.

«Все возможные меры, во исполнение телеграммы Вашего Высокопревосходительства от сего числа, будут приняты. Войска находятся в Иванове, Шуе, Орехове, Коврове, Муроме, остальные охраняют Владимир. Больше местных войск нет. Согласно Вашему приказанию, вторично обращался к

командующему войсками, до сего времени отказывал. Полиция хотя слаба, но действует усердно. Ввиду отсутствия войск, выражаю сомнение возможности должного воздействия. Сейчас получил сведения о забастовке тревожного положения Меленковской мануфактуре; ничего послать не мог.

Верно: **Ст. Сов. Таточков.**

Вскоре этот недостаток в полицейской силе стремились пополнить наймом стражников, подбирая их из особенно отличившихся солдат.

VII.

Пришло время набора рекрутов. Конец октября был обычным временем для приема новобранцев в царскую армию и во флот. Со всех концов уезда стекались в эти дни рекрута в сопровождении отцов, матерей, жен и других близких. На площади, около здания воинского присутствия (напротив Окского сада) собиралась тысячная толпа. Женщины с заплаканными глазами, мужчины пьяные или навеселе, подбадривали себя гармошками и залихватскими песнями. В первый день «тянули жребий», а в последующие происходили медицинское освидетельствование и приемка.

Царская служба в армии была тяжелым неприятным тяглом. Каждая семья радовалась, когда член ее, по той или иной причине, освобождался от службы. Довольно широко было распространено всяческое знахарство, дававшее рецепты и советы, как освободиться от службы в войсках. Иногда прибегали к членовредительству, вызовам сердцебиения и тому подобным мерам. Об этом даже сложилась маленькая частушка:

„Деревенские мужики,
„Это просто дураки: —
„Пальцы режут, зубы рвут,
„В службу царскую не идут“...

Оплакивание рекрутов начиналось уже во время «жеребьевки». Когда новобранец вынимал номер, его фамилия кричалась из окна в толпу и, если номер был ближний, семья встречала эту весть слезами. И наоборот, если номер бывал далекий, то у семьи или близких рекруту лиц появлялись надежды, что до их близкого очередь не дойдет. Горе родных разделяли и другие семьи, к ним присоединялись и любопытные гражданки Мурома. Часто около приемки был сплошной гул от плача, рыданий и причитаний. Зеленая площадка перед садом, напротив нынешнего помещения Уездного Комитета Р. К. П. (б), является действительно площадью народного горя и слез.

В этом же году был и мой призыв. Добрая половина призывных были моими товарищами. Новобранцы принимали участие в митингах и готовы были, по моему предложению, участвовать в каком угодно выступлении. Но мы в Комитете были против обнаружения наших сторонников среди новобранцев. Мы полагали, что наши товарищи должны пройти в солдатскую семью по возможности без полицейских отметок о неблагонадежности и там в рядах войск повести работу. Поэтому и я поговорился со всеми новобранцами, чтобы они не следовали по моему пути, если на это не будет к ним особого призыва.

Мое положение было ясное. Два раза привлекался по политическим делам. Больше года провел в тюрьме. Мои товарищи из писарской команды воинского начальника сообщали, что обо мне поступали со всех сторон справки о сугубой неблагонадежности. Образовалось уже целое личное дело.

Мне достался ближний жребий — 66-ой. На другой день меня забрили. Воинский начальник очень волновался, когда меня зачислили в число служак. От

приема присяги на верность службы «царю и отечеству» я отказался. Отказался дать и подписку об этом, но заявил, что буду «честно служить моей родине»... Были мысли о моем аресте, но, учитывая мое влияние как среди новобранцев, так и местных рабочих, отказались и оставили меня на свободе.

Работа среди будущих солдат велась широко. Каждый день мы виделись в казармах воинского начальника, куда приходили на обед и для проверки. Там же, в канцелярии у воинского начальника, солдаты-писаря размножали на гектографе прокламации, песни и стихи. Тут же их свежими и распространяли среди рекрутской молодежи. Железнодорожная стачка помешала отправке, и нас распустили до января 1906 года. Мне тогда удалось зачислиться в Балтийский флот.

VIII.

Дело организации местных рабочих быстро подвигалось вперед. Все рабочие заводов и фабрик были об'единены системой делегирования своих представителей в рабочий совет или комитет, как мы его называли. В ноябре месяце мы выработали целую программу рабочих требований, как об уменьшении рабочего времени, так и о повышении заработной платы и другие. Быстро рос организованный профессиональный союз металлистов. При заводе П. Ф. Валенкова нашлось помещение, старая контора, в которой мы разместили библиотеку, правление союза и другие организации. Рабочий Совет, в количестве двадцати-тридцати делегатов, собирался несколько раз в неделю, и его заседания происходили в городе, в чайной О-ва трезвости.

Наша всеобщая забастовка принесла некоторым фабрикам и заводам материальный успех. Так, маслобойный завод Ушакова, по требованию рабочих, ввел третью смену, понизив рабочий день сразу с 12 часов до 8. Кое-какие улучшения были добыты и другими, но деталей уже не помню. На механических заводах (Торском и Валенкова) шли переговоры о 9-часовом рабочем дне. Препятствием к этому являлась конкуренция московских механических заводов, где работали по 10½ часов, несмотря на революционное настроение. В моей памяти остался до сих пор небольшой, но характерный по тому времени случай с благодарностью рабочих маслобойни за успешную стачку.

Под вечер одного из октябрьских дней из окна механического цеха завода Валенкова мы заметили идущую по направлению к заводу группу людей. Мне в эти часы нужно было итти на заседание «Рабочего Комитета» или «Совета делегатов», как мы называли тогда муромский рабочий центр. Пригласив с собой товарищей, мы, кажется, втроем, направились в город. Пройдя полотно жел.-дор. ветки, поравнялись с группой рабочих, которые, завидя нас, внимательно следили за нами. Узнав меня, рабочие тотчас же подошли, протянули руки, а один, самый пожилой, торжественно передал мне благодарность от имени рабочих маслобойного завода Ушакова, за устройство стачки в пользу 8-часового рабочего дня. Рабочие тут же об'яснили, как они услышали мою речь, призывающую к стачке, уловили требование — третьей смены и 8-часового рабочего дня и на другой же день пред'явили эти требования хозяину. Так как рабочие были на хозяйских харчах и жили в заводском общежитии, то они добавили еще, чтобы уменьшение рабочего времени не было бы в ущерб их столу. — «Мы ему сказали», — передавали мне бородатые рабочие, — «чтобы щи и каша и все прочее было не хуже того, что было раньше». Хозяин помялся, но уступил.

Чтобы подкрепить свою благодарность, рабочие предложили мне «спрыснуть их победу». Под полой у одного из них оказалась четверть ведра «казенного» вина, у другого селедка, а третий имел папиросы «Трезвон». Все эти виды угощения даром были предложены нам. Однако разделить их торжество выпивкой я не мог. Водки я никогда не пил, не любил ее. Табак тоже не курил. Пришлось

все же, по русскому обычаю «пригубить» чарку водки, а выпил ее кто-то другой. Тут же на лужайке устроили маленькую беседу на различные политические и экономические темы. Но ввиду того, что мы спешили на собрание Рабочего Комитета, долго беседовать нам не пришлось. Маслобойщики также поднялись и направились всей кучей в город, под звуки рабочих песен.

«Рабочий Комитет», хотя и состоял в большинстве из беспартийных делегатов, но авторитет социал-демократии в то время был велик. В городе мы были настолько сильны, что могли легко и свободно взять власть в свои руки. Однако, мы прекрасно понимали, что наш район решающего значения не имеет, и взятие власти нами тогда было бы быстро ликвидировано силами соседних городов.

В ноябре месяце мне пришлось совершить путешествие в Москву и Коломну. Дело заключалось в том, что на пред'явленное нами требование о понижении рабочего времени до 9 часов, предприниматель П. Ф. Валенков давал согласие на 9½, а меньше не хотел, мотивируя свой отказ длинным рабочим днем в московском промышленном районе. Чтобы убедить рабочих в своей правоте, он предложил рабочим, на общем собрании, послать делегатов в Москву к Бромлею и в Коломну, на машиностроительный завод и там выяснить положение дела с рабочим днем. Рабочие выдвинули для этого путешествия меня, а сам Валенков со стороны администрации в свою очередь предложил еще одного — чертежника Волкова.

В Москве мы пробыли дня два. Посещали собрания, виделись с представителями организаций. Были и на заводах. У Бромлея тогда работали 10½ часов. На других заводах рабочий день также был не ниже 10 часов. Порядки всюду, даже в то время, были довольно суровые, и администрация встречала нас весьма враждебно. В самой Москве организованности было мало, и она произвела на нас, провинциалов, привыкших к организованности и порядку, впечатление пустой суетолоки и хаоса.

Добрались и до Коломенского завода. Там нас не пожелали принять, а на все наши вопросы дали в ответ расчетную книжку, из которой и предложили нам получить нужные сведения. При этом за нами учредили зоркое наблюдение, чтобы мы не проникли в завод и не вошли в контакт с рабочими завода. Из этой поездки мы убедились наглядно, что наши рабочие опередили на много рабочих заводов Москвы и ее окрестностей. Мы уже имели свой профессиональный союз, крепкую соц.-дем. рабочую организацию и прочное влияние в городе и в окрестных деревнях. В Москве дело было хуже, хотя и шумнее и крупнее, но сами-то широкие рабочие массы были организованы слабо. Это чувствовалось на всем, а особенно нами, на заводах.

Приехав домой, мы все же не были обескуражены Москвой и Коломной, а повели свою работу еще усиленнее. Рабочий день, помню, мы все же довели до 9 часов, при старой заработной плате. На других заводах и фабриках были также пред'явлены требования экономического характера и получили частичное удовлетворение.

В округе было разбросано много терочных заводов, работавших временно, в зависимости от картофеля. На этих маленьких заводах рабочие также пытались вести борьбу, но крестьянские элементы оказывались слишком мало солидарны, и большого успеха движение среди терочников не имело. Обращались к нам, в Комитет, все обиженные капиталистами, все, кто нуждался в защите против сильного. Комитет организации рос с каждым днем.

Для усиления своего влияния, а также и в целях расширения организационного захвата, мы поставили весьма хорошо дело размножения революционной литературы. Гектографы, мимеографы имелись у нас в изобилии, но они уже не были в состоянии удовлетворять спрос на литературу. Мне удалось убедить владельца типографии Н. Я. Благовещенского, что он может без особого риска печатать наши издания. Свои сношения с типографией мы скрывали, но внутри ее

оказались люди, которые впоследствии показали и подтвердили на следствии, что Н. Я. Благовещенский печатал нам прокламации и пр. литературу. Благодаря Н. Я. Благовещенскому, за время с октября по декабрь месяц включительно, мы сумели размножить много десятков тысяч листков. Для конспирации на листках в типографии Муром не указывался. На нашей технике (гектограф, мимеограф) мы размножали лишь мелкие вещи, как напр.: песни, отчеты. К сожалению, в архивах не уцелело оригинальных изданий Муромской организации того времени.

Получали мы литературу и из Москвы. Владимирская Окружная Организация еще только приступила к работе, большими силами и в самом Владимире не располагала. Социал-демократическая и революционно-сатирическая литература также разбиралась на-расхват. Продажа революционных газет становилась для газетчиков уже доходным делом, печатное слово революции находило обширный круг читателей в городах и в деревнях.

В конце ноября месяца Муромская организация понесла большую потерю. Один из наших работников, Михаил Игнатьевич Лакин, совершавший по поручению Владимирской Окружной Организации агитационный об'езд текстильного района, был зверски убит в местечке Ундол черносотенными служащими фабрики Бажанова.

Памяти убитого было посвящено несколько собраний, и был выпущен специальный печатный листок.

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

На смерть Лакина.

Вы жертвою пали в борьбе роковой
Любви беззаветной к народу.
Вы отдали все, что могли за него —
За честь его, жизнь и свободу.

Братья рабочие!

К великому потоку народной крови прибавилась еще кровь борца за свободу, кровь дорогого товарища Михаила Игнатьевича Лакина.

Ночью на 29 ноября в с. Ундол, Владимирск. у. совершилось варварское убийство. Дикая толпа, подкупленная полицией и фабрикантами, в числе 30 челов. подошла к квартире, где ночевал товарищ, вызвала и зверски растерзала.

М. И. Лакин по происхождению крестьянин д. Соскино, Муромского уезда. С ранних лет товарищ испытал на себе голод и холод. Последние годы своей жизни ему пришлось скитаться с одной фабрики на другую из куска черного хлеба. Горе и страданье угнетенного народа воспитали в нем сильного и стойкого борца за освобождение народа. Преданный всей душой делу рабочего класса, он везде находил себе работу и всюду вносил свет и сознанье в ряды рабочей партии. Великая Иваново-Вознесенская стачка выдвинула товарища Лакина в первые ряды. Своими смелыми искренними речами он приковывал к себе десятитысячную толпу. Своими простыми и правдивыми речами он заставлял ненавидеть рабство и позор. Каждое его слово заставляло слушателей бороться за свободную человеческую жизнь.

За призыв к борьбе его арестуют и держат в тюрьме несколько недель. Из тюрьмы его отправляют в деревню на родину. Здесь он снова начи-

нает работать среди крестьян и рабочих. 16 июля Лакина опять арестуют за демонстрацию в память 9 января. 18 октября он выходит из тюрьмы на свободу и энергично принимается за агитацию. Он ходит из одной деревни в другую, с одной фабрики на другую и призывает на борьбу с царским правительством.

Недолго он поработал на пользу рабочего класса. Смерть его застала в проклятом селе Ундоле, куда он приехал от Владимирской Окружной Организации Р. С.-Д. Р. П.

Перестало биться честное дорогое сердце. Не слыхать нам больше его горячих и смелых речей в защиту угнетенного народа.

Товарищи! Гнусное правительство собирает всюду черную сотню из темных сил и натравляет на всех, кто старается научить народ правде и истине. Царские хулиганы, чтобы спасти титулованное разбойничье гнездо воров и грабителей, не брезгуют никакими средствами. Они прибегают к штыкам, казацким нагайкам, пулеметам и подкупу темных сил, чтобы раздавить дело освобождения рабочего класса и удержать народ в рабстве и позоре. Сколько опричники принесли горя и страданий уже вконец изголодавшемуся народу! Сколько слез и крови пролилось в нашей истерзанной стране по милости нагаек и пулеметов! Нет счета павшим борцам за счастье народа!

Товарищи! Вдумайтесь, за что царское правительство проливает кровь тех, которые своим потом и кровью создают все богатства, а сами живут впроголодь.

Товарищи! Вдумайтесь, за что кровожадные Ироды убивают стариков и малых детей; вдумайтесь, за что эти проклятые злодеи порют и морят голодом сотни тысяч крестьян.

Товарищи! Вся эта братоубийственная война делается по приказу наших министров и генерал-губернаторов, за то, что рабочий класс вместо душной и темной тюрьмы, требует света и свежего воздуха; вместо хлеба с грязью, песком требует настоящего здорового хлеба; вместо нагаек, пулеметов и царского произвола требует воли народной, свободной человеческой жизни.

Товарищи! Царские опричники заливают страну кровью и думают этими мерами удержать за собой теплые насиженные места и продолжать грабеж народных денег. Воровством и насилием правительство думает спасти старый порядок, который выгоден только для воров-чиновников и фабрикантов.

Товарищи! Ни черная сотня во главе с Треповым и Дурново, ни массовые расстрелы не вернут старое время. Безвозвратно прошли те времена, когда безнаказанно можно было грабить и убивать. Ни отдельные убийства, ни пулеметы, ни приказы «не жалей патронов» не спасут притона убийц. На место одного убитого товарища в рабочие ряды войдут десятки сотен новых товарищей, которые доведут дело рабочего класса до полной победы.

Товарищи! Посмотрите, что делается в нашей стране. Нет местечка, где бы народ не требовал себе прав человека и гражданина. Из миллиона грудей рабочих, крестьян и солдат вырвется призыв к борьбе против самодержавного правительства. Во всех концах раздается: долой преступное царское правительство!

Товарищи! Вся Россия имеет вид громадного пожара. Огненное пламя народного гнева скоро дойдет до притона воров и насильников и уничтожит всех, кто мешает делу освобождения, делу рабочего класса. Все попытки опричников спасти августейшее змеиное отродье разобьются о ряды рабочей партии. Великое пламя народного гнева делается все грознее и грознее. Близок час, когда наши груди свободно вздохнут на свежем воздухе при солнечном свете.

Товарищи! Сделаем еще сильный удар нашим врагам, еще напор стройной колонной под красным знаменем Р. С.-Д. Р. П., и откроется перед нами широкая светлая дорога в царство свободы, братства и равенства, в царство социализма.

Долой преступное царское правительство!
Да здравствует учредительное собрание!
Да здравствует Демократическая Республика!
Да здравствует Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия!

Организация Социал-Демократической Рабочей Партии.

Тело убитого мы не могли получить в Муром, он был похоронен в Ундоле. Убийство М. И. Лакина, хорошо известного текстильным рабочим района, вызвало глубокое возмущение рабочих, работниц и знавших его с детства односельчан.

IX.

Весь 1905 год Муромский Комитет Р. С.-Д. Р. П. поддерживал самые тесные связи с Кулебаками, Выксой, а отчасти и с Меленками. В эти районы наша организация посылала своих работников и литературу. Проникла революционная волна и в Вачский рабочий район. Во главе движения в этом районе стояла интеллигенция,—врачи, учителя и земские деятели. В исторических документах Департамента Полиции имеется кое-что и о рабочих волнениях в Вачском районе. Так, один полицейский рапорт исправника Лучкина Владимирскому Губернатору доведен до сведения Петербургской оберохранки. Рапорт доносит, конечно «секретно», что:

«17-го числа сего ноября, около 2-х часов дня, в село Вачу, Новосельской волости, здешнего уезда, прибыл жандармский унтер-офицер, младший из с. Зяблицкого Погоста (фамилия коего еще не выяснена), и остановился в квартире городового села Вачи Волкова. В это время к названному дому подошла толпа рабочих, числом около ста человек и послала одного из рабочих — Сергея Тюрина в квартиру Волкова, где он требовал, чтобы жандарм вышел на улицу: когда он вышел к ним, то слесарь Иванов, рабочий Писцов, Тюрин и Павел Савин требовали от имени всех рабочих, об'яснить им — зачем он приехал в с. Вачу, когда жандарм отказался дать им на это требование об'яснение, тогда те лица просили его больше не ездить, в противном случае угрожая расправиться с ним. Может-быть, и в это время они бы что-либо учинили, но так как при нем были городовые Волков и Белов, то их видимо постеснялись и, только сделав насмешку по адресу жандарма и полиции, разошлись.

Об этом приставом 2 стана здешнего уезда сообщено Помощнику Начальника Владимирского Губернского Жандармского Управления по Муромскому уезду и донесено г. прокурору Владимирского Окружного Суда и местному Товарищу Прокурора».

В начале декабря предполагалась отправка новобранцев. От'езд рекрутов в казармы, по местам назначения, обычно обставлялся некоторым торжеством и громогласным плачем и причитаньем женщин. Но в назначенный день поездка не состоялась — была об'явлена всеобщая железно-дорожная забастовка. Всех нас опять решили отпустить по домам.

О ходе московского вооруженного восстания мы получали отрывочные сведения. Чем помочь Москве, — мы не знали, и нашей помощи никто не искал. Сами

мы использовали московские события для усиления нашей агитации. Когда мы узнали о жестоком подавлении московских рабочих, то решили провести у себя всеобщую стачку, а также организовать демонстрацию протеста против царской расправы с восставшими рабочими.

Реакционные силы в стране организовались и повели решительное наступление. Сопротивление рабочего класса было сломлено. По всей стране происходили расправы и массовые аресты рабочих, крестьян и интеллигенции. Всех, кто имел хоть маленькое отношение к революционной борьбе,— немедленно заметали в тюрьмы. Владимирский губернатор издал особое «обязательное постановление», запрещавшее собрания, демонстрации и владение оружием. Был издан министерский приказ об аресте «главарей». Однако наша организация решила не подчиняться губернаторским приказам и продолжать вести свою работу по-старому, устраивая явочным путем собрания и продолжая вооружаться.

Мне было известно, что первые удары репрессий будут направлены против меня. Между воинским начальником и исправником происходила по поводу меня переписка. Ввиду того, что я был принят на военную службу, полицайские власти ходатайствовали перед воинским начальником о разрешении меня заарестовать. На имя воинского начальника был отправлен протокол, содержащий ряд обвинений против меня, а также постановление о моем аресте.

«1905 года, декабря 17 дня я, Муромский городской пристав П. П. Филоматов, имея в виду, что Муромский мещанин Александр Гаврилович Шляпников со времени освобождения из-под стражи (под стражей он состоял за государственное преступление и освобожден по высочайшему манифесту 17 октября 1905 года) состоит во главе Муромской организации Российской социал-демократической рабочей партии и ведет постоянную против правительства и всего существующего государственного порядка агитацию: так, 22 октября в г. Муроме в ярмарочном саду на митинге говорил, что настоящее правительство не может управлять страной, просил не бояться ни штыков, ни пушек, призывал к вооруженному восстанию, предлагал вооружаться, кто чем может. 23 октября в Городской Думе предлагал организовать от города милицию, об'являя, что от рабочих таковая организована. 20 ноября в с. Карачарове на тайном собрании крестьян возбуждал все население делить и рубить помещичьи леса, сменить старшину и нового выбрать. 21 ноября в таком же тайном собрании без всякого разрешения в г. Муроме (в чайной общества трезвости), им же собранном, произносились речи вышесказанного содержания при чем со многих лиц, не принадлежащих к организации рабочей партии, сбирал плату за вход. 29 или 30 ноября являлся к г. Члену Муромской земской Управы Росту, требовал помещения земской Управы под митинг и, выслушав отказ Роста, об'явил ему, что они разгромят Управу. 1 декабря по собственному усмотрению раздавал населению составленные им и неизвестно где отпечатанные об'явления (экземпляр об'явления при сем прилагается). 15 декабря по предложению им же раздавались фабричным рабочим прокламации (экземпляр прокламации прилагается) и, руководствуясь распоряжением Управляющего Министерством Внутренних Дел, изложенных в телеграмме Владимирского Губернатора от 14 декабря 1905 года постановил: Шляпникова арестовать и препроводить с городовыми к Начальнику Владимирского Исправительного Арестантского Отделения. Копию же с сего представить Г. Прокурору Владимирского Окружного Суда.

Пристав—**Филоматов.**

«Верно» П. д. Старшего Помощн. Прав. Канцелярии: **(Ионов)**».

При этом протоколе была препроводительная бумага от исправника.

Секретно.

Муромскому уездному Воинскому Начальнику.

Препровождая при сем Вашему Высокоблагородию составленный Городским Приставом протокол по предмету вредной агитаторской деятельности в Муроме принятого на военную службу и находящегося в отпуску вследствие железнодорожной забастовки Муромского мещанина Александра Гавриловича Шляпникова, прошу зависящего распоряжения о заарестовании Шляпникова в отвращение дальнейшего вреда и о последующем меня уведомить. Если вы признаете арестование его возможным на основаниях, изложенных в настоящем протоколе, то прошу протокол мне возвратить.

Уездный Исправник — **Лучкин».**

Воинские власти не хотели брать на себя дело по заарестовыванию меня и предоставляли это местной полиции. Характерен в деле документ—ответ воинского начальника на запрос уездного исправника.

Муромскому Уездному Исправнику.

«Так как новобранец города Мурома Александр Гаврилович Шляпников находится в отпуску и присяги не принимал, то он, на основании распоряжения Правительствующего Сената на представление Военного Министра о том, что преступления, учиненные уволенными в годичный по болезни отпуск и. ч. по истечении срока отпуска, но до явки к освидетельствованию, и не относящиеся до нарушения военных обязанностей, признаются неподсудимыми военному суду (Решение общего собрания Правительствующего Сената 1890 г. № 2).

Шляпников же, по моему мнению, должен подходить под это решение тем более, что он не только не состоял еще в рядах войск, но даже и отказывался в принятии присяги на верность службы Царю и Отечеству, о чем был поставлен в известность Начальник Владимирской г. б. председателем присутствия по воинской повинности; а потому, мне кажется, Шляпников должен быть задержан, как вредный политический агитатор, гражданскими властями.

Отношением от 10 декабря с. г. за № 7.084 я уведомил полицейское управление о роспуске новобранцев по домам, вследствие забастовок ж. д., следовательно, я этим извещением как бы передал их в ведение гражданских властей».

Муромский Уездный Воинский Начальник Полковник (подпись)».

Декабря 17 дня 1905 г.

Полиция торопилась с производством ареста, потому что на 17 и 18 декабря у нас были назначены массовые собрания и предполагалась демонстрация. Полиция об этом знала и надеялась дезорганизовать нашу деятельность путем ареста. Для борьбы с полицейскими набегами мы решили организоваться и использовать наши боевые силы. Между всеми боевиками было условлено, что при всякой тревоге (выстрел) они должны немедленно собираться около моей квартиры.

Ночью 17-го декабря полиция пожаловала ко мне. Стучали в окошки хибарки и очень вежливо просили открыть им дверь для производства обыска. Открыть дверь я отказался и предложил меня не беспокоить ни стуком в окна.

ни хождением около дома, угрожая открыть стрельбу. Этого заявления было достаточно, чтобы пристав уехал, очевидно к исправнику, оставив у дома городовых. Городовые же вели себя очень тихо. В ожидании атаки я стал готовиться к обороне. Мать свою спустил в подпол, кое-какие документы, компрометирующие других, уничтожил. Приготовил винтовку и револьвер,—всего у меня было до полсотни зарядов,—и приготовился дать решительный отпор. Огонь потушил. Жду час, другой. Стало рассветать. Слышу, как шум шагов полицейских затих совершенно. Нападать не посмели, засаду сняли при появлении дня. По этому случаю исправник сообщает воинскому начальнику «совершенно секретно», что «с возвращением настоящего сообщения уведомляю г. Муромского уездного воинского начальника, что означенный протокол в исполнение не удалось привести. Шлянников заперся и в дом не пустил пристава с полицейскими нижними чинами и, как можно полагать, при дальнейших насилиях войти в дом стал бы стрелять, поэтому могли бы оказаться человеческие жертвы и потому исполнение протокола отложено. Если будет приведено в исполнение, то я уведомлю Ваше Высокоблагородие».

И. д. Уездного Исправника **Лучкин.**

№ 578. 20 декабря, 1905 г.

На другой день у нас было многолюдное собрание и весьма удачная демонстрация, в которой принимало участие до двух тысяч человек. О попытке произвести у меня арест стало известно всем. Полиции не давали проходу. Во время демонстрации полиция совершенно не показывалась. Войска же,—стояла у нас в то время одна рота,—не выпускали. Эта демонстрация в 1905 году была последней. После этих дней я чувствовал за собой неустанное наблюдение, но скрываться почему-то не хотелось. Дома я уже не ночевал, а из Мурома выезжать и не думал. По городу ходил всегда с двумя-тремя вооруженными товарищами, и взять меня, в таких условиях, не решались.

В донесениях от 19 декабря Муромский исправник доносит о событиях 17 и 18 декабря следующее.

Секретно.

Его Превосходительству Господину Начальнику Владимирской губернии

Муромского Уездного Исправника

РАПОРТ.

«С 17 числа сего декабря прекратились работы на бумаго-ткацкой фабрике Товарищества Муромской Мануфактуры в г. Муроме, вследствие забастовок железных дорог по неимению пряжи для производства и по прекращению сбыта выработанного товара. О прекращении работ на фабрике за две недели было вывешено об'явление. Рабочие, каковых на фабрике до 950 человек, подстрекаемые разными агитаторами, начали волноваться, говорили, что хозяева с умыслом прекращают работу, как бы забастовывают, что рабочие должны остаться без хлеба, что пряжи у фабрики достало бы для работ на неделю, и заявили требование, чтобы им плата выдана была за месяц вперед, чтобы хозяева дали обязательство, что при возобновлении работ будут приняты все те рабочие, которые работают в настоящее время, предлагали, что они согласны, чтоб фабрика работала хотя бы три дня в неделю. Правление Товарищества не согласилось на эти требования, тогда рабочие стали еще больше волноваться, угрожали разгромить фабрику, грозили, что они будут работать самовольно без хозяев, подсылали по прочим

фабрикам и заводам, чтоб сделать общую забастовку всех в городе и в ближайшей к городу льно-прядильной фабрике. За болезнию фабричного инспектора 16 числа было собрание в его квартире директоров фабрики и депутатов рабочих, был приглашен и я, но согласия между сторонами не установилось и убеждения на рабочих не подействовали, рабочие об'явили, что они не желают получать платы в окончательный расчет за последние дня. 17 числа в субботний базарный день, рабочие наэлектризованной толпой, человек в 70, ходили по всем заводам, собирали своих сторонников для общей забастовки. Можно было полагать, что они желали вызвать столкновение с властями, чтоб потом свалить вину на властей. Вчера 18 числа у рабочих было собрание, на котором было до 700 человек. Говорились речи. После собрания всей толпой с песнями прошли по улице и разошлись большими толпами. В толпе были четыре флага. Полиция была осведомлена, что рабочие имеют целью сделать разгром, лишь бы вину свалить на властей, и потому полицейские чины, находясь по близости во всеоружии на всякий случай, и секретно наблюдая, ничего не могли предпринять. В ночь на 18 число из полицейских чинов во главе с Городским Приставом был сформирован отряд для арестования главного агитатора, здешнего мещанина Александра Гавриловича Шляпникова, принятого в октябре месяце текущего года в военную службу и находящегося в отпуску вследствие железнодорожных забастовок, но Шляпников заперся в доме и не пустил и очень понятно решился отстреливаться в дверь; если бы даже и можно было выломать и двери сенную и домовую, можно входить лишь по одному человеку, для чего приходилось жертвовать жизнью и может быть даже и не одному человеку; потому арест не состоялся, а это еще более ставило в опасность войти в какие-либо пререкания с собранной по его Шляпникова наущению толпой рабочих, так как он и состоит главным агитатором и направляет по своему усмотрению всех рабочих. По некоторым данным можно полагать, что у него в означенную ночь в доме находился приезжий оратор, который говорил на собрании вчерашнего числа, хотя говорили там некоторые и из местных ораторов. Что говорилось, прилагаю при сем на отдельном листе, записано со слов одного из бывших на собрании из числа городовых. Ораторы так хранятся на собраниях, они проходят туда одетыми в женское платье, там тесно окружает их толпа, они в толпе раздеваются, выходят в рубахе, и при выходе их вновь окружает толпа, и оратор выходит на улицу женщиной.

О вышеизложенном доношу Вашему Превосходительству.

И. д. Уездного Исправника **Лучкин.**

Верно: И. д. Старшего Помощн. Прав. Канцелярии: **(Ионов).**

№ 575. Декабря 19 дня 1905 г. по Канцелярии».

Совершенно неверны сведения полиции о переодевании агитаторов. В это время массового движения полиция не осмеливалась приходить даже близко к месту собрания, не говоря уже об арестовывании кого-либо. После поражения московского восстания, почувствовалось, сильное духовение реакции. Замерла революционная печать. Мы чувствовали и понимали, что наступает конец свободам и в наших захолустьях. Революция оказалась недостаточно сильной, чтобы одним ударом опрокинуть царизм, но все же достаточно могучей, чтобы вырвать у него ряд существенных уступок. Эти уступки удовлетворяли часть русской буржуазии, пролетариату же и крестьянству они дали только призрачное представительство в Г. Думе.

После первой попытки арестовать меня, я протянул конспиративно до 24-го Декабря. Вечером 24-го решил, что накануне праздника Рождества все православные шпики и городовые не будут заниматься греховной крамолой, и я пошел в город один, зашел в парикмахерскую. Только успел побриться, как был окружен городовыми, обыскан и торжествующими полицейскими усажен в санки. В сопровождении многочисленной ватаги городовых меня повезли полем, вдоль жел. дороги. Так везли верст двадцать, до так называемой «Бурцевской платформы», а там в ожидании прихода поезда посадили в дом будочника. Пришел и поезд. Меня поместили в отдельном вагоне, в котором я встретил жандармов, во главе с местным начальником управления. Направили меня во Владимир. Владимирского же губернатора, который очень интересовался искоренением крамолы, исправник известил особым рапортом, что направляет меня в арестантские роты. Дело обо мне было передано судебному следователю.

Значительная доля материалов по этому делу сохранилась в делопроизводстве Московской Судебной палаты. В основание всего дела были положены полицейские документы. Так, исправник Лучкин сообщает судебному следователю, от 10 Января 1906 года за № 14 следующее.

Секретно.

Г-ну Судебному Следователю 1-го участка Муромского уезда.

«Вследствие сообщения Вашего Высокоблагородия, от 3 числа текущего января за № 10, имею честь уведомить, что обвинения по делу Шляпникова, с указанием данных, имеются в протоколе Городского Пристава об арестовании его. Арестование Шляпникова последовало по телеграмме Г. Владимирского Губернатора, полученной мною 24-го числа минувшего декабря; Шляпникова имел намерение арестовать и Помощник Начальника Владимирского Губернского Жандармского Управления по Муромскому уезду г. Сомов, Шляпников и переправлен был в гор. Владимир к Начальнику Исправительного Отделения при протоколе г. Сомова, а не Городского Пристава, ему переданы были Приставом и найденные при аресте Шляпникова заряженный револьвер и записная книжка с прокламациями. Следовательно, сведения об агитационной деятельности Шляпникова имеются и не у одной Полиции, тем более Шляпников и ранее Жандармским ведомством привлекался к политическим делам. Шляпников состоял во главе партии, как называл ее он сам «Муромской организации Российской Социал-Демократической рабочей партии», ею он руководил, созывал и устраивал собрания и митинги. Что он состоял во главе революционного движения, знают почти все жители города, все благонамеренные обрадовались его аресту, и весть об аресте разнеслась с необыкновенною быстротою, и, конечно, потому, что его все считали главным руководителем революционного движения в городе. Бывший 28-го ноября инцидент в канцелярии Городского Пристава, известный и местному Товарищу Прокурора, по предмету взятия с улицы пьяного, за которого к полиции пристал без всяких оснований мастеровой Муромский мещанин Алексей Васильевич Зуев, инцидент, в котором Шляпников явился в канцелярию пристава и заявил, что он от всех рабочих завода Валенкова требует об'яснений о причинах арестования Зуева. Здесь же в Канцелярии, при об'ясненниях с Товарищем Прокурора, он называл Полицию и Суд «партийными», т.-е. Правительственной Партии. Рабочие завода Валенкова и составляют главное звено агитаторской деятельности партии. В свидетели против революционной деятельности вообще

Пленум Уездного Комитета Партии (Р. К. П. (б) 1923 г.)

(Слева направо): Ленса, внизу: Секретарь Укома Уваров, Тимофеев (зав. домами отдыха), Бузин (инструктор Орготдела), Щелоков (Зам. зав. Агитоделом). Сидят: Жулин (секретарь ячейки водников), Бобров (член Укома), Гусев (член к-та, редактор „Луча"), Голыгин (член к-та, зам. зав. Агитотделом Губкома), Васильцов (секретарь Укома), Майоров (зав. Орготделом), Маркичев (член комитета, председатель УИК), Овсов (член Комитета секретарь вол'ячейки), Неаполитанский (секретарь вол'ячейки).

никто пойдет, так как всем хорошо известно, что агитаторы не церемонятся с теми, кто им становится преградой, и потому-то все боятся и потому-то Полиция лишена всякой возможности к указанию очевидцев. В большей части бывает так, что Полицейскому чину, чтоб узнать что-либо, чтоб быть осведомленным, предварительно приходится давать клятву, что-де о словах свидетеля не будет знать никто никогда. Очень понятно, кому захочется переносить мщения от целой и довольно большой организованной партии, тем более все рабочие завода Валенкова и в обыденные дни ходили без стеснения вооруженными железными палками с заостренными концами, носили при себе железные перчатки, ножи и заряженные револьверы. Так с железными перчатками был случай в июле месяце с рабочими завода Валенкова Александром и Сергеем Серпуховитиными, ножем 6 ноября рабочий Валенкова Михаил Иванович Егоров причинил рану мещанину Ивану Сергеевичу Коробкину; из револьверов было несколько выстрелов в разных местах и по разным случаям. У вышепоказанного Зуева, при его осмотре в Полицейских казармах, был найден заряженный револьвер; и Шляпников, заарестованный 24 декабря случайно на улице при выходе из парикмахерской, тоже был с заряженным револьвером. Шляпников от'езжал и по селениям, так было собрание в селе Карачарове 20-го ноября, где он говорил рубить помещичьи леса, сменять по своему усмотрению старшину, научал настаивать чтоб в фабриках и заводах хозяевами были рабочие, а не владельцы, рассказывал, как крестьяне, чтоб выгнать войска, жгут их квартиры. Крестьянин села Карачарова Кузьма Горшков понял, что Шляпников намекал на усадьбу графинь Уваровых, и вместе с прочими крестьянами потребовал раз'яснений о том, как крестьяне узнают, где войско остановится, чтоб сжечь его. После завязался шум и крик чуть не до драки, и Шляпников вынужден был скрыться. Должны бы подтвердить об этом крестьяне села Карачарова Иван Чумаков, Федор Горованов, Александр, Сергей и Василий Пуховы.

Где именно и кем были отпечатываемы Шляпниковым прокламации, Полиция озабочивалась все время розысками, но ничего не могла добыть, равно разыскивала и мастичный штемпель «Муромская организация Российской Социал-Демократической партии». Хотя обыска в доме Шляпникова и не было произведено при аресте его, но он не из таких, чтобы стал хранить при себе то, что может служить уликами, обыски у него в доме бывали и ранее, но ничего не находили, и потому, где хранится штемпель,— неизвестно. Как надобно полагать, знакомство с типографщиками вел именно он, так как с арестом его не появлялось в городе ни прокламаций, ни других каких-либо воззваний с наложением штемпеля, несмотря на то, что дни были праздничные, в каковые чаще были всякие собрания. Весь завод рабочих Валенкова, составлявший главное основание революционной партии, безусловно вооружен железными палками, перчатками, ножами и револьверами. Пояснением к этому могу присовокупить то, что когда у Градского Головы и у Думы члены агитаторской партии просили в городе учреждение милиции, то заявили, что они милицию между собой уже учредили и вооружили. Никакой другой партии в городе, никакой так называемой «черной сотни» в городе не было даже никаких признаков, и потому и бояться было совершенно некого, напротив партия шла к своей цели и вооружалась прямо, чтобы уничтожить полицию и начальство, мешающие ее деятельности к достижению конечной цели. При таком положении, полиция своим составом не могла и не имела силы вступить в открытую борьбу с агитаторской партией, на собраниях их собиралось от 150-ти до 700 и более человек, но и нельзя было оставаться при незнании, к

чему готовится партийная деятельность, а так как полицейские чины не допускались на собрания под угрозами насилий, и для острастки их в городовых было несколько выстрелов в разное время, то мною один из городовых унтер-офицер Жуков откомандирован был в отпуск, чтобы он в качестве рабочего ходил на собрания, посредством этого очевидца-свидетеля полиция и была знакома с деятельностью. Жуков бывал на всех собраниях и вполне знаком, что там происходило, в подробностях знает, что говорилось и к какой деятельности партия готовилась. Единственный митинг был с извещением меня 17-го ноября в чайной Муромского Комитета Общества Трезвости и то потому, что Комитет постановил допускать собрания в здании Общества под условием иметь разрешения полиции, об этом собрании и прилагаю при сем собственноручную записку Шляпникова, в которой он и сам называет себя и распорядителем и ответственным лицом.

И. д. уездного исправника **(Лучкин)».**

В этом сообщении приведены лишь полицейские пустячки, вроде отобрания револьвера у Зуева. При этом неверно, что рабочий Зуев был пьян. Полицейские с него начали свою попытку разоружения рабочих по отдельности. По моему настоянию револьвер был возвращен, а на виновников задержания был составлен протокол. Характерно признание полиции, что даже обыватели не шли в свидетели против революционеров. Против меня им удалось мобилизовать жандармов, городовых и бывших кабатчиков.

Вскоре после моего ареста, кажется в половине января, был взят и Н. Я. Благовещенский, как владелец типографии, в которой печатались наши издания. Особая экспертиза, а также один из рабочих типографии, установили, что заказы приносил я, и что печатались прокламации шрифтом типографии Благовещенского.

Между полицией и жандармерией были пелады. Со стороны жандармов полиция не получала содействия. Особенно ярко видно это из сообщения помощника начальника Владим. губернского жандармского управления Сомова судебному следователю, от 22 января 1906 г. за № 259.

Секретно.

Господину Судебному Следователю Владимирского Окружного Суда 1-го участка Муромского уезда.

«На ваше отношение от 20-го сего января за № 89 имею честь уведомить Ваше Высокоблагородие, что возбужденное мною дознание по обвинению Потомственного Почетного Гражданина Николая Яковлевича Благовещенского по 132 ст. Угол. Улож. со всей уличающей его в этом деянии перепиской на основании предложения г. Прокурора Владимирского Окружного Суда, мною представлено ему 20-го текущего января за № 214-м, в коем, насколько припоминаю, имеются нужные Вам сведения, копии с которых у меня не осталось.

Что же касается мещанина гор. Мурома Александра Гавриловича Шляпникова, то после его ареста никаких данных мною о нем получено не было; обыска в его квартире произведено не было, так как Шляпников был задержан на улице гор. Мурома и, принимая во внимание его популярность среди рабочих, был тотчас же отправлен во Владимирское Исправительное Арестантское Отделение и, наконец, что о дея-

гельности Шляпникова и его сообщниках у меня сведений тоже не имеется, а таковые были собираемы чинами местной полиции, которыми и было начато о нем дело, о чем, кажется, и упомянуто в приложенном к дознанию протоколе Муромского Городского Пристава.

Сверх сего считаю нужным сообщить, что, ввиду переживаемого крайне тревожного времени, подведомственные мне унтер-офицеры, находясь постоянно в различных командировках, как и лично я, не могут вести систематического наблюдения за каждой скомпрометировавшей себя в политическом отношении личностью, но при получении каких-либо сведений о названном Шляпникове, таковые мною будут тотчас же сообщены Вашему Высокоблагородию.

Подполковник **Сомов».**

В вагоне городской пристав и жандармский подполковник перессорились. Жандармы были явно недовольны вмешательством полиции в их дело и открыто выражали свое негодование.

Во время ареста у меня отобрали некоторое количество документов, но ни один из них не мог служить к провалу какой-либо работы организации, компрометируя лишь меня. Опись всего найденного имеется в судебном следствии. В перечне приведены выдержки из прокламаций, а также упоминается проект устава «профессионального рабочего союза металлического производства».

ПРОТОКОЛ.

1906 г. января 21 дня, г. Муром, судебный следователь 1 уч. Муромского уезда, при нижеподписавшихся понятых и в присутствии участкового товарища прокурора А. К. Унтилова, произвдил осмотр вещественных доказательств, отобранных у Шляпникова и присланных в неопечатанном конверте при отношении помощника начальника Владимирского губернского жандармского управления, подполковника Сомова, от 3 января с. г. за № 62, при чем оказалось: вещественные доказательства состоят из разных печатных и писаных бумаг и записок, вложенных в корешок от записной книжки; среди этих печатных бумаг находится: 1) воззвание к рабочим, солдатам и гражданам, отпечатанное на полулисте белой бумаги типографским шрифтом, такого содержания: «Товарищи рабочие, солдаты и граждане! С 17 октября, когда рабочий класс силой вырвал у царского правительства обещание разных свобод и «действительную» неприкосновенность личности, насилия со стороны правительства не только не прекращаются, но усиливаются, и по-прежнему льется человеческая кровь. Свободные собрания, где можно слышать свободное слово, разгоняются оружием, профессиональные и политические союзы жестоко преследуются. Свободные газеты закрываются уже сразу десятками. За стачки грозят тюрьмой. А над действительной «неприкосновенною» личностью русского гражданина учиняются такие издевательства и насилия, от которых кровь стынет в жилах. Снова тюрьмы набиваются борцами за свободу. Об'являются на военном положении целые области и губернии. Без пощады избиваются и расстреливаются голодные крестьяне. Матросов и солдат, не желающих быть братоубийцами и примкнувших к своему народу, гноят в тюрьмах, топят и убивают. Если бы собрать всю кровь и слезы, пролитые по вине правительства лишь в октябре, оно бы утонуло в них, товарищи. Но с особой ненавистью царское правительство обрушивается на рабочий класс, заключив союз с капиталистами. Оно выбрасывает на улицу сотни тысяч рабочих, обрекает на нищету и голодную смерть. Оно десятками и сотнями сажает в тюрьмы депутатов

и вождей рабочих. Оно грозит принять против представителей соц.-дем. раб. партии и партии соц.-рев. какие-то исключительные меры. Оно снова организовало черные сотни и грозит новыми массовыми убийствами и погромами. Революционный пролетариат не может дольше терпеть издевательства и преступления царского правительства и об'являет ему решительную и беспощадную войну. Товарищи рабочие, мы, избранные вами депутаты, Московский Комитет, Московская группа, Московская Окружная организация Российской Социал-Демократической рабочей партии и Московский Комитет партии Социалистов-Революционеров об'являем всеобщую политическую забастовку и призываем вас в среду 7 декабря в 12 часов дня бросить и остановить работу на всех фабриках и заводах, во всех городских и правительственных предприятиях. Да здравствует беспощадная борьба с преступным царским правительством! Товарищи - солдаты, вы наши кровные братья, дети единой с нами матери, многострадательной России. Вы уже сознали и подтвердили это участием в общей борьбе. Ныне, когда пролетариат об'являет ненавистному народному врагу—царскому правительству—решительную войну, действуйте и вы решительно и смело. Отказывайтесь повиноваться своему кровожадному начальству, гоните его прочь и арестуйте, выбирайте из своей среды надежных руководителей и с оружием в руках присоединяйтесь к восставшему народу. Вместе с рабочим-классом добивайтесь распущения постоянной армии всенародного вооружения, добивайтесь отмены военных судов и военного положения. Да здравствует союз революционного пролетариата с революционной армией! Да здравствует борьба за общую свободу! И вы, граждане, искренно жаждущие широкой свободы, помогите восставшим, рабочим и солдатам, чем только можете: и лучным участием и общими средствами. Пролетариат и армия борются за свободу и счастье всей России и всего народа. На карту поставлено все будущее России. Жизнь или смерть; свобода или рабство. Соединенными силами мы свергнем, наконец, преступное царское правительство, созовем учредительное собрание на основе всеобщего, прямого и тайного избирательного голосования и утвердим демократическую республику, которая одна может нам обеспечить широкую свободу и действительную неприкосновенность личности. Смело же в бой, товарищи рабочие, солдаты и граждане! Долой преступное царское правительство! Да здравствует всеобщая забастовка и вооруженное восстание! Да здравствует всеобщее учредительное собрание! Да здравствует демократическая республика! — Моск. совет раб. депутатов, Московск. комитет, Моск. группа, Р. С.-Д. Р. П., Моск. окр. орг., Моск. ком. партии соц.-рев.». 2) Кроме того, среди печатных бумаг находится листок, состоящий из двух страниц, на которых отпечатана «программа Российской социал-демократической рабочей партии», на первой странице листа сверху находится оттиск мастичного штемпеля: «Российская социал-демократическая рабочая партия, муромская организация», а на обороте второй страницы, снизу, напечатано: «Издание района типо-литографских рабочих и городских предприятий Московского Комитета Рос. Соц.-Дем. Рабочей Партии», и еще ниже мелкими буквами отпечатано: «Т-во типографии Мамонтова в Москве». Из текста программы видно, что Российская Социал - Демократическая партия ближайшей политической задачей ставит низвержение царского самодержавия и замену его демократической республикой. 3) Две брошюры, озаглавленные: «Наши требования», издания Центр. Ком. Р. С.-Д. Р. П., печатанные в типографии Центрального Комитета, 1905 года; на них сверху значится: «Российская Социал-Демократическая рабочая партия» и «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», на одной из них имеется оттиск штемпеля «Муромская организация. Российская Социал-Демократическая рабочая партия» и заголовок: «Царская казна и народный карман» (Долой косвенные

налоги!». На второй имеется такой заголовок: «Ближайшие требования и конечная цель» («Демократическая свобода и социализм»). 4) Маленькая книжечка без переплета с заголовком: «На первое время», издание Московского Комитета Р. С.-Д. Р. П., июль 1905 года, и с означением сверху: «Российская соц.-демократическая рабочая партия. Пролетарии всех стран, соединяйтесь». заключает в себе сборник разных стихов и песен: «Красное знамя, Интернационал, Варшавянка (польская революционная песнь), Марсельеза, Смело, друзья... Призыв (с подписью—рабочий), Не скорбным, бессильным, остывшим бойцам... (из Уатта Уитмана), Вы жертвою пали в борьбе роковой... и Смело, товарищи, в ногу...». 5) Листок, заключающий в себе обращение муромской городской управы и жителям Никольской, Воздвиженской и Пятницкой улиц. по поводу бывших случаев повреждений уличных фонарей и пропажи ламп из них. 6) Гектографированный листок с оттиском штемпеля: «Российская социал-демократическая рабочая партия. Муромская организация», заключающий в себе собрание таких же стихов и песен, какие имеются в книжечке: «На первое мая». — Писаные бумаги и записки следующие: 1) «проект Устава профессионального рабочего союза металлического производства». написанный рукою Шляпникова, подписавшегося «организатор А. Шляпников» и за подписью 9 членов; 2) листок с надписью: «Общие требования союза бумаго-ткацкого производства», без подписи; 3) листок, видимо, заключающий в себе программу «Союза 17 октября 1905 года» или «Союза правового порядка; 4) листок почтовой бумаги с песнью: «Говорила сыну мать...»; 5) записка, написанная карандашем и заключающая в себе перечисление расходов на уплату за «уставы», книги, на выдачу денег Судакову, Карпову и другим, в записке этой имеется отметка: «расход по устр. (очевидно — устройству) пом. (очевидно — помещения) отнести на счет союза». записка эта, видимо, написана рукою Шляпникова; 6) записка от 13 декабря 1905 года, за подписью Е. Игнатов, такого содержания: «газет «Вперед»— 12 шт., «Борьба»—5 шт. Билетов входных на митинг—100 штук, на записке карандашем сделана отметка: «для продажи раб. в заводе»: 7) записка. заключающая в себе перечисление «кружков» на разных заводах и фабриках, а именно: «на прядил.—1 кр., Валенков—3 кр., Монополька—2 кр. и т. д. 8) записка, написанная рукою Шляпникова и содержащая в себе перечисление расхода «из сумм Союза»: 9) записка, заключающая в себе указание расхода на газеты, журналы «Жупел» и книгу для каталога, 10 и 11) две записки с перечислением разных фамилий, а именно — Яковлев, Харламов и т. д., Алексеев Ал., Хитров Вас. и т. д., при чем на одной из записок против фамилии И. Т. Зиновьева значится: «им. нож за пр. голенищей». 12) наконец, записка с перечислением разных заводов и такой записью: «9 янв. — 300 Крест. Марс. Нов. Варшавянку — 200 + 100. Бюллетень и сост. прок. к 9 янв. И. Н. 10 шт. сборов». — В протоколе между строк вписано «преступным», «только» и «армия».

Судебный Следователь **Семеновский**

Понятые:
Потомственный дворянин Николай Ант. Р.. . . . . .
Крестьянин Степан Васильевич Воронцов. . . . . .

Товарищ Прокурора **Унтилов».**

Союзный устав был напечатан и, помнится, имелся у меня в корректуре. Записи же означали распределение литературы, а также учет кружков. Поименованные в протоколе, как записанные мною Яковлев, Хитров, Харламов, Алексеев и Зиновьев были известны нам, как черносотенцы, а последний, кажется мясник, подготовлялся черносотенцами для всякого разбоя. Этих лиц полиция и муромские

торговцы посылали на митинги для устройства беспорядков, но мы быстро приводили их к смирению и, в конце-концов, приручили.

Во Владимир приехал в рождественскую ночь. Жандармы сдали меня в арестантские роты. Тюрьма была переполнена политиками и аграрниками, как назывались в то время сидевшие там крестьяне за попытки делить землю «по справедливости». Оказывалось, что наш Муромский уезд продержался гораздо дольше других, не допуская арестов. После меня начали привозить и других.

В начале февраля месяца 1906 года жандармерия и полиция совершили ночную облаву всего завода Валенкова. В судебном следствии по нашему делу сохранилось сообщение помощника начальника Владимирского губернского жандармского управления судебному следователю, со всеми деталями и результатами обыска.

Секретно.

Господину Судебному Следователю Владимирского Окружного Суда 1-го участка Муромского уезда.

«Начальником Владимирского Губернского Жандармского Управления, по соглашению с г. Владимирским Губернатором, было возложено на меня производство, в порядке Положения о Государственной Охране, обысков при содействии чинов полиции у рабочих механического завода П. Ф. Валенкова, что в гор. Муроме, для отобрания оружия и огнестрельных припасов.

Вследствие сего, мною и чинами местной полиции были произведены обыски в ночь с 1-го на 2-ое текущего февраля у более обративших на себя внимание 49-ти рабочих названного завода, при чем, кроме отобрания оружия, мною имелось в виду при обысках и содержание Вашего отношения от 20-го минувшего января за № 89-м, в коем вы просите сообщить вам сведения об антиправительственной деятельности ныне арестованных: Александра Шляпникова и Николая Благовещенского, а потому и согласно предписаний упомянутого Начальника Управления от 7 и 13-го сего февраля за №№ 1.085 и 1.258, за исключением конфискованного оружия, разных патронов и другого орудия, но нелегально-революционное, отобранное у нижеперечисленных лиц и указывающее на агитаторско-организационную деятельность Шляпникова, который, видимо, нелегальные воззвания заказывал в типографии Благовещенского, при сем имею честь препроводить Вашему Превосходительству, а именно: у Николая Николаевича Тагунова отобрано Женевского издания лиги русской революции социал-демократии брошюра «Самодержавие и стачки» с клеймом: «Библиотека Городского района» и три гектографированных прокламации; у Константина Петровича Чекушкина — листового формата переплетенная «Книга для записи членов и их взносов» с указанием на страницах под особыми номерами количества денег, полулист бумаги о выдаче каких-то экземпляров, обозначенных против имеющихся 41-й фамилии лиц рабочих и законченных припиской—из средств библиотеки уплатить 40 коп. в союз; лист бумаги с заголовком: «Получение за песенники», четвертушка бумаги с заметкою о каких-то деньгах, полулист бумаги с записью некоторых фамилий, две записки с фамилиями и обозначением против них каких-то денег, заметка «о расходе из сумм союза», клочок бумаги с обозначением какого-то сбора 11 руб. 71 коп., «запись о взаимообразной выдаче денег», записка о собрании денег за 1-ю половину декабря и выдаче таковых обратно, два экз. об'явлений с предложением приобрести записные книжки, список рабочих с обозначением взноса денег с 1-го января по август 1906 года, список с обозначением против фамилий каких-то денег, две мелкие записки с обозначением против фамилий каких-то денег, экзем-

пляр книжки члена за № 20-м Чекушкина, гектографированные песни: «Призыв» и «Интернационал», четыре брошюры под «красным знаменем», «о социализме», «политические партии» и «теням умерших», листок программы «Российской социал-демократической партии», с клеймом «Муромской организации», газета «Вперед» № 1» и тут же в книге лежащими 11 руб. 80 к. денег; у Константина Павловича Хряпина отобран подпилок (не прилагается), сделанный в виде кинжала и, по его словам, он его сделал для самозащиты от товарищей рабочих, взгляда которых он не разделяет и из союза коих он вышел; у Василия Ивановича Разборщикова, в его отсутствие, отобрано 20-ть брошюр разных наименований, но все с клеймом «Муромской организации», брошюры, по словам его жены, ее муж получил из рабочей библиотеки завода Валенкова, а также прокламация «Кровавый царь»; у Александра Дмитриевича Крылова — два гектографированных листка с революционными песнями и один с рукописной «Марсельезой», а также на листе карандашем написан первый куплет «Марсельезы», по заявлению бывшей при обыске его дочери, окончившей курс Муромского 2-го городского училища Марии Крыловой, эти прокламации раздавали Василий Разборщиков и Александр Шляпников, от коих она и получила таковые, а писаную «Марсельезу» она получила от подруги своей Зинаиды Кононовой, у которой таковых имеется много, но по произведенному обыску у Зинаиды Коноповой ничего не найдено; у Ивана Александровича Чернышева — четыре книжки, которые, по его заявлению, получены им из заводской библиотеки, организатором коей, с разрешения хозяина завода П. Ф. Валенкова, был рабочий Александр Гаврилович Шляпников; у Ивана Ивановича Бажина—три брошюры, полученные им из библиотеки завода П. Ф. Валенкова, три целых прокламации и отрывок с заголовком «9-е января 1905 года», что по словам Бажина им получено от того же Шляпникова; у Александра Петровича Алексеева — книжка издания «Буревестник», озаглавленная «О программе работников», со штемпелем «Муромской организации», данная ему рабочим завода Валенкова Семеном Гуреевым из библиотеки с завода; у Гаврилы Васильевича Гордеева—прокламации: «Кровавый царь», «Перед дворцом», (9 января 1905 г. на улицах Петербурга...), журнал — «Нагайка» № 27, «Книжки под красным знаменем» и «В пути»; у Николая Волкова — шесть лоскутков чертежа, каковой чертеж им был разорван при задержании его близ дома Чулошникова на улице; у Константина Ивановича Иванова — фотографическая карточка женщины с подписями, книжки «Кто чем живет» со штемпелем «Муромская организация», «Наемный труд и капитал», «Пролетариат и его стремления», прокламации — «Три конституции», «Ко всем рабочим, солдатам и гражданам», со штемпелем «Муромская организация», «На смерть Лакина» со штемпелем «Муромская организация», «К населению г. Мурома» со штемпелем «Муромская организация», «Социал-демократия» и «Черная сотня», «Наша всеобщая забастовка...» со штемпелем «Муромская организация», «Правительство на краю банкротства» со штемпелем «Муромская организация», «Чего хотят люди, которые ходят с красным флагом», «Похоронный марш» и на обороте «Новая Марсельеза», об'явление о воздержании петь песни, со штемпелем «Муромская организация», проект организации аграр. рабочего союза металл. производства, № 2 «Молот», № 1 «Утро», «Как должны расходоваться народные деньги». «Что такое всеобщее... избирательное право», «Что нужно рабочим»; у Алексея Васильевича Зуева — две книжки партии социалистов-революционеров, под заглавием: «Чем обирают и закабаляют трудящийся народ» и «Кончился».

Сверх сего при обыске самого завода П. Ф. Валенкова в ящиках нижепоименованных рабочих найдено: у рабочего слесаря Алексея Васильевича

Зуева была отобрана, повидимому, библиотека, а именно—11 переплетенных разного наименования книг, 111 разного наименования брошюр, из коих некоторые имеют штемпель «Муромской организации», 19 штук с надписью В. Вденконский и 4 брошюры, явно революционного содержания, а именно: «Революционный броненосец», «Извещение о 3-м с'езде Российской Социал-демократической рабочей партии», «Национальный вопрос», Казань 1902 г. и печатная брошюра «Вестник союза типографских рабочих», с мастичным союза штемпелем; революционные газеты: Женевского издания «Вперед»—три номера, «Революционная Россия»—тоже три номера, «Освобождение»—1 номер, и 8 номеров газеты «Искра», пять печатных разных наименований прокламаций, 31 экземпляр гектографированной революционной песни «Интернационал» с приложенным на каждой из них штемпелем «Муромской организации» и экземпляр гектографированной программы занятий с крестьянами, печатный экземпляр статистических сведений, собираемых «Северным Комитетом» рабочей партии, рукописная, повидимому, лекция «о конституции» на 8-ми страницах, заметка о выдаче книг, список книг, вписанных в библиотеку, четыре номера газеты «Вперед» за 1905 год, пять экземпляров изданий «Молот» под заглавием «Организуйтесь», 4 экземпляра того же издания «Государственная Дума» и экземпляр того же издания «Сословие, класс, партия», при чем на всех этих изданиях карандашем написано «возвратить», конторская книга со списком рабочих, повидимому, написанных рукою Шляпникова, а далее идет выдача для чтения книг; книга прихода, в которую вписываются всякие приношения и следуемые по уставу членские взносы, что, повидимому, тоже написано рукою Шляпникова, такая же книга расхода в ящике рабочего Константина Петровича Чекушкина, где также держал свои вещи и рабочий Егор Яковлевич Журков найдено: копия проекта устава местного рабочего союза с перечислением членов совета такового и 10 разных списков о взносе денег в кассу союза, об'явления постановления совета об управлении библиотекою; в ящике Михаила Матвеевича Садунина—найдено: гектографированная прокламация издания «Муромской группы Р. С.-Д. Р. П.» и печатная брошюра «К деревенской бедноте», издание центрального комитета «Р. С.-Д. Р. П.»; в ящике Сергея Петровича Бакулина найдено: печатная брошюра, издание «Колокол», «За веру, царя и отечество», № 1 газета «Утро», постановление делегатского с'езда Всероссийского крестьянского союза, гектографированная прокламация о 9 январе 1905 года, издание «Молот» №№ 2, 4 и 5-й, прокламация «К крестьянам», прокламация партии социалистов-революционеров «С новым годом»; у Николая Петровича Попова—газета № 4 «Рабочий» и брошюра «Черная сотня»; у Ивана Петровича Копонова—30 экземпляров прокламаций «Товарищи», призывающая к оружию, 6 экземпляров прокламаций «На смерть Лакина», экземпляр прокламации «Ко всем рабочим, солдатам и гражданам», резолюция об отношении к тактике правительства накануне переворота, экземпляр прокламации «Три конституции», рукописное стихотворение и газета «Утро»; у Алексея Ильича Кириллова—семь гектографированных прокламаций на 9-е января 1905 года издания «Муромской организации», экземпляр «От матроса к солдату», два экземпляра «Ко всем рабочим, солдатам и гражданам», экземпляр «программы», два воззвания «К населению гор. Мурома», два экземпляра «На смерть Лакина» и два экземпляра «Российская социал-демократическая рабочая партия»—все эти издания имеют штемпель «Муромской организации», рукописное письмо «Микады к Николаю II Кровавому» и записка с обозначением некоторых слов; у Егора Яковлевича Журкова—экземпляр «Муромского союза рабочих», крестьянская «Марсельеза», брошюры «Красное знамя», «О социализме» «Наши требова-

ния» и два экземпляра «О втором и третьем с'езде рабочих партий», а также «О всеобщем избирательном праве», «Антисемитизм» и «Общественное движение в России», список разных книг и рукописные по статистике вопросы о фабриках и заводах; у Якова Кириловича Полякова — рукописные стихи на 9-е января, экземпляр «На смерть Лакина», экземпляр «Российской Социал-Демократической рабочей партии», издания «Молот» № 4 и брошюра «К свету», с надписью В. Вдзенконского; у Василия Ивановича Разборщикова—найдено: разных наименований изданий печатных 66, прокламаций 13, разных наименований и изданий гектографированных прокламаций, газета «Рабочий»—2 и 4 номера, 15 разных названий и изданий брошюр революционного содержания, шесть рукописных записок и писем, экземпляр издания «Колокол», «Капитализм» и «Коммунизм» и пять книжек корешков каких-то билетов. При осмотре помещения, находящегося при заводе, в коем сложены товары закрытой лавки потребителей, найдено: 96 экземпляров разных прокламаций, три революционных брошюры, брошюра «Великая Хартия Вольности» и брошюра «Конституционно-демократическая партия», семь разных газет и листков, из коих на некоторых приложен штемпель «Муромской организации», 10 сатирических журналов «Жупел», «Зритель» и т. д. и семь разных записок и об'явлений.

Все перечисленное препровождается в особом тюке.

Справка. Дознание мною было препровождено Вам 3 января сего года за № 62-м.

Подполковник **Сомов.**

Справка. Оказавшиеся в числе присланных судебному следователю при настоящем отношении книг, брошюр и т. п., деньги 11 руб. 80 коп., найденные в книге, отобранной у рабочего Чекушкина, отосланы судебному следователю на хранение в Муромское уездное казначейство того же 17 февраля за № 181.

Судебный следователь **Семеновский».**

Из этого следственного документа видно, какую огромную организующую роль играл Валенковский завод в то время. После этого жандармского погрома прекратила свое существование легализованная и организованная мною библиотека.

Обыск дал обширный материал против нескольких десятков рабочих. Однако власти не решились производить массовых арестов. Вскоре после этого было арестовано только семь человек. Их тоже привезли во Владимир, но продержали там всего, кажется, с месяц и освободили под надзор полиции, по месту жительства. В апреле того же 1906 года, распоряжением Особого Совещания при министерстве внутренних дел они были приговорены к ссылке в Сибирь. В нашем следственном материале имеется следующий документ, относящийся к этому делу.

Секретно.

Господину судебному следователю 1-го участка Муромского уезда.

«По рассмотрении в Особом Совещании, образованном согласно ст. 34 Положения о государственной охране, обстоятельств дела о рабочих завода Валенкова, Муромских мещанах: Егоре Ивановиче Крестовникове, Алексее Ильиче Кириллове, Василии Павловиче Никольском, Алексее Васильевиче Зуеве и крестьянах села Велетьмы, Нижегородской губернии, Василии Ивановиче Разборщикове, сельца Мало-Степанькова, Муромского уезда, Иване Петровиче Конопове и села Кравского, Сергее Петровиче Бакулине, обвиняемых в противоправительственной

агитационной деятельности, г. министр внутренних дел, постановил: выслать вышепоименованных лиц в Нарымский край, Томской губернии, под гласный надзор полиции, на три года, считая срок с 22 марта 1906 года. Об этом г. Владимирский губернатор, предписанием от 10 сего апреля за № 1.476, давая мне знать, предписал, выдать всем означенным лицам установленные проходные свидетельства и маршруты на следование их в Нарымский край.

Вследствие всего вышеизложенного мною, 14-го числа сего апреля за № 215, и выданы каждому из поименованных лиц проходные свидетельства на следование их в Нарымский край по маршруту через г.г. Нижний-Новгород, Самару и Томск.

О чем и имею честь сообщить Вашему Высокоблагородию.

И. д. уездного исправника **Лучкин»**.

Весь 1906 год мне пришлось просидеть в одиночном корпусе Владимирской каторжной тюрьмы. Будучи в тюрьме, мы поддерживали самые оживленные связи с волей. О работе в Муромском районе меня осведомляли друзья. Узнали мы и о расстреле муромлян на Окском бульваре.

В тюрьме за эти годы перебывали сотни работников революции и десятки случайных людей. Много раз мы делали попытки бежать из тюрьмы. Перепиливали железные решетки, подбирали ключи от тюремных дверей, поили тюремную стражу морфием, чтобы усыпить.

В январе 1907 года нам был суд. Обвинительный акт был составлен сравнительно умеренно.

ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТ

о мещанине города Мурома Александре Гавриловиче Шляпникове и потомственном гражданине Николае Яковлевиче Благовещенском.

«В период времени с октября по декабрь 1905 года в Муроме на площадях, в общественных садах и в помещении попечительства о народной трезвости был устроен ряд собраний. Главным руководителем и устроителем большинства из этих собраний был муромский мещанин Александр Гаврилович Шляпников, ораторами же на них, с ведома этого последнего, выступали разные, оставшиеся необнаруженными лица, которые, касаясь в своих речах государственного переустройства, указывали на необходимость замены самодержавия республикой с выборным президентом во главе государства. Те же ораторы призывали присутствовавших на собраниях к насильственному захвату и разделу частно-владельческих земель, которые должны всецело принадлежать трудящемуся классу, а также побуждали к неповиновению и противодействию местным властям (л. д. 15, 83, 45 — 46, 43).

На двух собраниях, происходивших в здании попечительства, Шляпников, кроме того, раздавал посетителям печатное воззвание с мастичным штемпелем «Муромская организация социал-демократической рабочей партии», выпущенное советом рабочих депутатов и призывающее к свержению существующего правительства и к борьбе с ним путем отказа от платежа податей и повинностей и лишения его таким образом финансовых доходов.

Одновременно то же воззвание и преступного содержания прокламации: «На смерть Лакина» и «Чего хотят люди, которые ходят с красным флагом», появились в обращении в Муроме: они были найдены в разных местах города, а также представлены частными лицами. Из рассмотрения первого воззвания, снабженного штемпелем Муромской организации, видно, что, будучи посвящено смерти «товарища-революционера», оно заключает в себе

призыв к борьбе с царским правительством и к ниспровержению его с заменой демократической республикой. Второе же воззвание, излагая ряд социалистических требований, среди них, между прочим, указывает на передачу частных земель трудящемуся классу.

При расследовании по настоящему делу, свидетели Умнов, Бугров, Иванов и жандармский унтер-офицер Изюмов указали, что прокламации эти, по поручению Шляпникова, в большом количестве экземпляров изготовлялись в муромской типографии потомственного гражданина Николая Яковлевича Благовещенского, лично заведующего приемом и исполнением заказов, и хотя, по обыску у этого последнего ничего, явно преступного, не оказалось, но от него были отобраны образцы типографских шрифтов, по сличении которых со шрифтами, коими отпечатаны вышеуказанные прокламации, те и другие шрифты оказались вполне схожими (л. д. 80 — 81, 97 — 98, 163, 123, 151 и 152).

24 декабря был арестован Шляпников. При нем были бумаги и разные печатные социалистические и революционные издания, большею частью со штемпелем Муромской организации, среди которых оказался один экземпляр программы «Российской социал-демократической рабочей партии», при чем из обозрения программы видно, что эта партия своей ближайшей политической задачей ставит низвержение царского самодержавия и замену его демократическою республикою. Найдено было также воззвание «к рабочим, солдатам и гражданам», изданное социалистическою и революционною партиями и призывающее рабочих, солдат и весь народ к совместному вооруженному восстанию против царского правительства. Это воззвание, судя по его шрифту, напечатано тоже в типографии Благовещенского.

При рассмотрении бумаг Шляпникова, среди них был обнаружен ряд написанных преимущественно его рукою заметок о числе рабочих «кружков» на местных фабриках и заводах, о разных расходах за счет «союза», о приобретении социалистических газет: «Вперед» и «Борьба» в нескольких экземплярах и проч. Независимо от этих документов, несомненно указывающих на деятельность Шляпникова, как члена Муромской организации, по делу было установлено, что Шляпниковым от имени той же организации и с ее штемпелем раздавалось, повидимому, отпечатанное в типографии Благовещенского, воззвание к муромским «товарищам» о необходимости воздерживаться от уличных демонстраций, когда таковые не организованы «местной социал-демократической организацией».

Привлеченные ввиду этих данных к следствию в качестве обвиняемых, Шляпников и Благовещенский не признали себя виновными, голословно отрицая взводимые на них обвинения (л. д. 108 — 111).

На основании изложенного, мещанин города Мурома Александр Гаврилович Шляпников, 21 года, и потомственный почетный гражданин Николай Яковлевич Благовещенский, 39 лет, обвиняются: первый в том, что с осени 1905 года в г. Муроме вступил в сообщество, заведомо поставившее целью своей деятельности ниспровержение существующего в государстве общественного строя, при чем в период времени с октября по декабрь названного года там же в Муроме устроил несколько собраний, на коих разные лица, оставшиеся необнаруженными, произносили публично речи, заведомо возбуждая в них присутствовавших к ниспровержению общественного строя, а равно распространял различные печатные сочинения, также заведомо возбуждающие к учинению бунтовщического деяния и ниспровержению существующего в государстве общественного строя, второй в том, что тогда же, там же в Муроме, заведомо сообща с обвиняемым Шляпниковым, печатал в принадлежавшей ему, Благовещенскому, типографии возбуждающие к учинению бун-

товщического деяния и к ниспровержению существующего в государстве общественного строя прокламации под заглавием: «На смерть Лакина» и «Чего хотят люди, которые ходят под красным флагом», призывавшие к борьбе с царским правительством, к ниспровержению такового, к замене его демократическою республикою, а также к требованиям передачи частновладельческих земель трудящемуся классу, каковые прокламации заведомо для Шляпникова распространялись в г. Муроме.

Описанные преступления предусмотрены для Шляпникова 1 ч. 126, 1 и 2 п. 129 ст. Угол. Улож., а для Благовещенского — 51 и 1 и 2 п. 129 ст. того же уложения, почему и на основании 2 п. 1.032 ст. уст. угол. суд. мещанин Шляпников и потомственный почетный гражданин Благовещенский подлежат суду Московской судебной палаты с участием сословных представителей.

Составлен в Москве, октября 17 дня, 1906 года.

Исполняющий обязанности Товарища Прокурора Судебной Палаты
(подпись не разборчива)»

СПИСОК

лиц, подлежащих вызову в судебное заседание.

ОБВИНЯЕМЫЕ:

1. Александр Гаврилович Шляпников . . . . . л. д. 108
2. Николай Яковлевич Благовещенский . . . . . л. д. 110

СВИДЕТЕЛИ:

1. Иван Андрианович Жуков . . . . . л. д. 41 и 82
2. Василий Дмитриевич Кольчугин . . . . . л. д. 15
3. Иван Иванович Ашин . . . . . л. д. 60
4. Михаил Иванович Умнов . . . . . д. 80 об. и 155 об.
5. Александр Алексеевич Григорьев-Бугров . . . . л. д. 97 и 154
6. Иван Ермолаевич Бирюков . . . . . л. д. 116
7. Иван Григорьевич Изюмов . . . . . л. д. 123 и 153
8. Иван Дмитриевич Иванов . . . . . л. д. 103 и 155

ЭКСПЕРТЫ:

1. Наборщик Василий Васильевич Иванов . . . . . л. д. 151
2. [illegible]сил Николаевич Акимов . . . . . л. д. 118

Исполняющий обязанности Товарища Прокурора
Судебной Палаты (подпись не разборчива).

Дело слушалось во Владимире, выездной сессией Московской судебной палаты, при открытых дверях. Обстоятельства на суде сложились для меня очень благоприятно. 126 статью—о принадлежности к тайному сообществу—мне неожиданно удалось опровергнуть. Осужден был только по 129 ст. на два года крепости, без зачета тринадцати месяцев предварительного заключения.

Через несколько дней меня освободили под залог в 300 рублей до приведения приговора в исполнение. Этим я воспользовался и уехал в Москву. Работая там в 1907 г. организатором в Лефортовском районе, я быстро, хотя и случайно, снова сел, но удалось через месяц получить вновь свободу. Не теряя времени, побывав в Муроме, я уехал в Петербург, где весь 1907 г. прожил на нелегальном положении, работая в партии, был членом Петербургского комитета. В начале 1908 года я был вынужден покинуть Россию, эмигрировал за границу.

А. Шляпников.

Дело Е. Н. и Н. П. Мошенцевых.

В 1905 — 1906 годах в городе Муроме существовал небольшой книжный магазин Н. П. Мошенцева, который производил торговлю разными книгами, в том числе распространял в большом количестве политическую литературу и нелегальные, бесцензурные, политического характера брошюры. Но в один прекрасный день Н. П. Мошенцев, со своей дочерью Елизаветой Николаевной, 19 лет, по доносу местных буржуазных лакеев, которым не понравились, или вернее, не по вкусу пришлись книжки, купленные в магазине Мошенцева, были арестованы местной полицией и посажены в тюрьму.

Дело было так:

В Муром приехал губернский секретарь Смирнов, и совместно с мещанином Гладковым, однажды, зашел в магазин к Мошенцеву и купил 2 экземпляра бесцензурной брошюры под заглавием: «Чего хотят мятежники»; эта брошюра по содержанию возбуждала рабочих и крестьян к свержению существующего государственного строя путем вооруженной борьбы с властями и требовала созыва Учредительного Собрания, которое должно будет решить относительно царя, и призывала солдат быть на страже мятежников и бороться с правительством.

П. С. Смирнов, прочитав вышеуказанную брошюру, как защитник жандармских порядков, немедленно сейчас же донес жандармскому подполковнику Сомову, отдал ему брошюру и сообщил, где купил.

Н. Ф. Гладков, по прочтении брошюры, пошел к Смирнову и советовал ему написать заявление с приложением брошюры, а сам тем временем самостоятельно послал брошюру владимирскому губернатору, а сына своего посылал еще купить одну брошюру, но ему не продали.

После этого по поручению старшего стражника—сторонника И. А. Жукова, через двух переодетых агентов, Е. Н. Калишкина и А. Н. Мартынова, были приобретены в магазине у Мошенцева «Что такое свобода» и «Хватает ли на всех земли», в первой брошюре трактуется о политической свободе, ее конечных целях — борьбе рабочих и крестьян за таковую, а также говорится о необходимости свержения монархического строя и введения новых законов, а потому народ требует созыва Учредительного Собрания.

Во второй брошюре «Хватает ли на всех земли», говорится о необходимости переустройства русского государства на социалистических началах и распределения всей земли между трудовым крестьянством и призывает к немедленному насильственному отнятию земли у помещиков, удельных князей, царя и правительства.

Один из полицейских стражников, которые ходили покупать брошюры, спросил у продавщицы Елизаветы Мошенцевой, книжку «Чего хотят мятежники», Елизавета пошла к отцу Н. П. Мошенцеву и спросила, можно ли продать такую книжку, но отец ей ответил возбужденно громко: «Теперь нельзя продавать незнакомым людям такие книги», и в результате переодетому стражнику в

такой книжке было отказано. С доносом на Мошенцева приходил в полицию купец Яковлев, который говорил, что раньше его рабочие покупали только священные книги и читали их, а теперь они ходят к Мошенцеву, и тот им продает книги «о земле», «о свободе» и т. д.

Некто А. Голубев говорил в полиции, что дочь Мошенцева, Елизавета, есть революционерка и что она даже распространяет прокламации.

При аресте Мошенцевых у них на квартире было обнаружено много политической литературы.

В результате состоялся суд, который оправдал Мошенцевых, так что не увенчались успехи доносчиков-предателей.

В заключение нужно отметить, что Мошенцев вполне сознательно распространял политическую литературу среди рабочих.

(По материалам Московской судебной палаты по Владимирскому округу.) Москва, Революционный Архив Республики.

А. Шахрай.

10 июня 1923 г.

Дело Варвары Осиповны Окушко.

6 августа 1906 года, в городе Муроме, у Варвары Осиповны Окушко агентами муромской полиции был произведен обыск на квартире, в результате был найден гектограф и два листа восковой бумаги, на которых были следы химических чернил от отпечатанных прокламаций, которые делались на мимеографе.

Были также найдены три листа писчей бумаги с написанными на них химическими чернилами двумя прокламациями, призывающими к восстанию и революционной борьбе, а также и сборник революционных песен, издания Муромской организации Российской социал-демократической рабочей партии.

Кроме того, у товарища Окушко было обнаружено большое количество нелегальной литературы и разного рода прокламации, отпечатанные преимущественно на гектографе, и некоторое количество печатных изданий, а именно: сто два экземпляра прокламации, изданной Муромской организацией; эта прокламация заключает в себе резкое осуждение правительственных властей за отдельные действия и гонения на рабочий класс, а также осуждается наглое действие высшего монархического правительства за роспуск Государственной Думы. Прокламация заканчивается призывом к свержению преступного правительства.

Найдено было также: сто двадцать шесть гектографированных прокламаций и 20 прокламаций, изображающих манифест ко всему российскому крестьянству, в котором крестьяне призывались стать, как один человек, для спасения родины от произвола, который творило правительство над рабочим и крестьянским классом.

Далее были обнаружены: 6 проектов резолюций, отпечатанные на гектографе, в которых говорилось о задачах текущего момента, принятые Областным бюро Центрального района, в резолюциях своих Областное бюро признавало необходимость вооруженной борьбы за Учредительное Собрание и предлагало выработанные им тактические приемы этой борьбы; рекомендуется вносить революционное сознание в широкие массы крестьян и солдат, деятельно подготовляться к вооруженному восстанию, устраивая боевые ячейки, запасая огнестрельное оружие.

Три экземпляра прокламаций с обращением к гражданам России; эти прокламации были перепечатаны Муромской организацией, в тексте было обращение бывших членов Государственной Думы к народу, который прокламация призывала отказываться от платежа налогов и отбывания воинской повинности.

Два экземпляра, без заглавия, издания Муромской организации, обращенного к крестьянам, чтобы они не платили податей, в заключение призыв к вооруженному восстанию.

Помимо всего вышесказанного у товарища Окушко были найдены разные рукописи, преимущественно конспекты лекций и заметки по социально-политическим вопросам, писанные ею от руки.

Среди рукописей было обнаружено также печатное воззвание, которое было обращено к крестьянам и заканчивалось так:

«Товарищи крестьяне! Говорить о том, что надежды, возложенные на Государственную Думу, оправдались, нельзя. Ни земли, ни воли крестьянство не получило. А когда наши избранники начали протестовать и требовать землю и волю, то царь и министры их разогнали, они выполнили свой долг перед народом, за это правительство об'явило народу войну. Народ должен повсюду сменить власти.

Встанемте же разом дружно и сильно.

Долой народных врагов!

Долой царское правительство!»

Кроме того, была масса разной политической литературы. После обыска товарищ Окушко была арестована и посажена в губернскую тюрьму, в которой она сидела до суда 8 месяцев.

В апреле месяце ей был суд, на котором она обвинялась в том, что имела нелегальные издания и распространяла их, а также ей пытались пред'явить обвинение за участие 10 июля 1905 года в гор. Муроме в демонстрации, в которой были красные флаги и выстрелы.

Была приговорена к тюремному заключению в крепость на 8 месяцев, с зачетом того, что просидела в предварительном заключении.

Была освобождена за 300 рублей на поруки гр. Войнова, (но выслана на 2 года в Вологодскую губернию под гласный надзор полиции).

(По материалам Московской судебной палаты по Владимирскому округу.)

Москва, Революционный Архив Республики.

А. Шахрай.

5 июня 1923 г.

Воспоминания о подпольной работе [1]).

(За период с 1905 по 1907 г.г.)

Работая на заводе Валенкова, мне пришлось познакомиться с более передовыми и сознательными рабочими, от которых стал получать революционную литературу. Это сразу меня заинтересовало. Я стал искать знакомства с рабочими, распространявшими листки. В конце 1905 года я попал на собрание кружка, на квартире тов. Нижегородцева и там познакомился с некоторыми товарищами, уже работавшими в подпольной организации на других фабриках и заводах.

С этого момента я стал посещать собрания кружка и работать по распространению революционной литературы, которой тогда было очень мало.

Во всех предприятиях в это время велась исключительно подпольная работа.

После событий 9-го января 1905 г. по постановлению комитета Р. С.-Д. Р. П. в гор. Муроме было решено создать боевые дружины из более надежных, смелых товарищей, могущих выполнять боевые задачи организации [2]).

Руководителем боевой дружины первое время был А. Шляпников. Вооружение боевиков состояло из огнестрельного и холодного оружия. Боевики сами запасались оружием при помощи рабочих. Кинжалы, ножи, бомбы — все это готовилось на муромских заводах. Рабочим литейщикам Торского и Валенковского заводов было дано задание изготовлять бомбы. Это задание быстро было выполнено. Взрывчатые вещества приобретались через провизора муромской аптеки М. Каплан, который состоял членом организации. Итак, все оружие готовилось самими членами организации.

Перед боевой дружиной стояла не только задача вооружения рабочих масс, но и другие, как-то: 1) освобождение арестованных, 2) охрана митингов, собраний и кружков, 3) охрана пропагандистов и агитаторов и сопровождение их на митинги в деревни. Эти задачи были вначале, а затем в обязанность боевых дружин стало входить: 4) недопущение еврейских погромов, 5) слежка за работой «союза русского народа». Вся боевая дружина состояла из нескольких десятков человек, это были рабочие разных фабрик и заводов. Дружина разбивалась на десятки.

После ареста Шляпникова (в июле 1905 г.) начальником дружины был тов. Разборщиков, а после его ареста (февраль 1906 г.) руководил

---

[1]) Ввиду крайней спешности в составлении этого воспоминания о подпольной работе, плохо соблюдалась последовательность событий, т. к. крайне трудно восстановить в памяти все сразу, за десятки лет.

За недостатком времени совсем не указываю работы на Гусе-Хрустальном и в Покровском уезде, а также о работе октябрьских и июньских дней по снабжению красной Москвы огнеприпасами. *Примеч. автора.*

[2]) Неточность. Организация дружины ни в какой связи с событиями 9 Января не стояла. Организована она была в начале лета 1905 г. под влиянием развития в стране черносотенного движения. *Примеч. ред.*

дружиной приехавший слесарь из Сормова Федор Черный, он же Устинов. С первых же дней организации боевики приступили к учебе, к тренировке.

После подавления в декабре московского восстания волна репрессий докатилась и до Мурома. Начались обыски и аресты. 2 февраля ночью были повальные обыски, как по квартирам, так и в самых зданиях завода. Были вскрыты все сундуки и верстаки, где хранились инструменты рабочих. Была обнаружена нелегальная библиотека, хранившаяся в железном сундуке Зуева, а также была закрыта официальная библиотека для рабочих. В это время на заводе Валенкова уже работал приехавший из Сормова Федор Черный, он же Устинов, который на заводе изготовлял бомбы, и сделанные им запальники лежали у него в столе, но жандармерия их не взяла, видимо не зная их назначения. Результатом этих обысков был арест 7 человек: Кириллова, Конопова, Крестовникова, Разборщикова, Бакулина, Никольского и Зуева, которые впоследствии скрылись в Баку. В то же время были взяты все дела профсоюза металлистов и списки членов, уплативших членские взносы, а также была арестована касса союза. Впоследствии рабочие ходатайствовали о возвращении библиотеки и денег профсоюза, но получили ответ, что деньги пойдут на Красный Крест, а кто хочет получить библиотеку, тот сам себя сгноит в тюрьме. Литература почти вся была арестована, и организация вынуждена была снова тратить средства на приобретение большого количества революционной литературы. Были организованы нелегальные библиотечки на отдельных заводах и фабриках.

Весной 1906 года по постановлению Муромского комитета Р. С.-Д. Р. П. некоторые товарищи назначались для проведения митингов в деревнях. Между прочим был назначен для проведения митинга в целом ряде селений тов. «Михаил». а вместе с ним послали членов боевой дружины: меня и Щелокова Николая. Митинги велись на тему: «что дает Государственная Дума народу», «о земельном вопросе» и т. д. Митинги были произведены в целом ряде селений. В селе Репище мы собрали большой митинг (день был праздничный), раздавали литературу, и вообще митинг продолжался часа два. Когда кончился митинг, мы пошли из села к Мурому. Не доходя до одного имения, нас догнали конные стражники и жандармы, видимо вызванные и посланные нас арестовать. Под'езжая к нам, они стали нам кричать — остановиться, но мы не исполнили их желания, а начали от них уходить. Они открыли стрельбу, мы ответили тем же и завязалась перестрелка. Полицейские вернулись в село, а мы, изменив направление, стали уходить.

Впоследствии, в том же 1906 г., тов. «Михаил» был арестован, и перед боевой дружиной встал вопрос о его освобождении из тюрьмы. Был составлен план. Был назначен день. План его освобождения был таков: в местной тюрьме выпускали на прогулки 2 раза в день: до обеда и после обеда. Освободить его решили во время второй прогулки. Когда он будет гулять на дворе, то один из дружинников должен ему передать узел с едой. Когда откроется калитка, то двое должны были схватить и обезоружить охранника. И в этот момент Михаил должен был бежать. Другие же члены боевой дружины должны были быть в это время наготове и охранять всю базарную площадь. Но этим планом воспользоваться не удалось, т.-к. Михаил воспользовался другим случаем и бежал во время утренней прогулки, воспользовавшись поездкой уголовных с бочкой за водой. Бочка в воротах, случайно, остановилась, а Михаил и воспользовался этим, с разбегу перепрыгнул бочку и бежал.

С приближением праздника 1-го мая 1906 года в организации встал вопрос о порядке проведения этого дня. Стали обсуждать организационную сторону: как провести этот день и как избегнуть столкновения с полицией. Решено было распределить активных работников по фабрикам и заводам для проведения предварительной устной агитации.

План проведения праздника 1-го мая был таков: все рабочие на фабриках и заводах должны были находиться в предприятиях до прибытия представителя, с которым должны были выйти из зданий фабрик и присоединиться к манифестации. Шествия были намечены в таком порядке: завод Валенкова должен был выступить первым. За ним Торский, бумаго-ткацкая фабрика, льнопрядильная, винный склад, Слободская фабрика и маслобойный завод Ушакова.

Выступление на Торском заводе было поручено Мурзе, Нижегородцеву и Селихову; на винном складе — Волкову, Гальбергу; льнопрядильной фабрике (бывш. Суздальцева) — Гофману, Щелокову и Пашину; на бумаго-ткацкой фабрике — Соломогу и Чернышеву, которые должны были снять и маслобойный завод Ушакова.

Согласно порядку шествия первыми вышли на улицу рабочие завода Валенкова и под красными знаменами направились к винному складу. Рабочие последнего, несмотря на все уговоры администрации, тотчас же присоединились к манифестантам и отсюда направились к бумаго-ткацкой и другим фабрикам. На развевающихся красных плакатах и флагах были начертаны первомайские лозунги:

«Да здравствует 1 е мая!» «Да здравствует 8-часовой рабочий день!» и другие.

Вышли с пением революционных песен. У Спасской горы устроили митинг, на котором выступавшие ораторы говорили о значении 1-го мая.

В деревни были также посланы два агитатора, которые были снабжены первомайскими воззваниями-прокламациями, изготовленными на гектографе. Воззвания были распространены в большом количестве также и на фабриках и заводах. Намеченное организацией празднование 1-го мая протекало благополучно, несмотря на то, что полицейские и жандармы, переодетые в штатскую одежду, сновали по всем направлениям города, около фабрик и заводов, прислушиваясь и следя за каждым движением рабочих. Но все прошло спокойно, придраться было не к чему.

Вечером того же 1-го мая, на городском бульваре собралась публика, в большинстве молодежь и учащиеся, которые запели революционные песни. Раздались револьверные выстрелы и ружейные залпы без предупреждения, вызвавшие страшную панику. Гуляющие бросились к выходам, которые были заняты полицией, стражниками, и подвергались избиению шашками и прикладами. Была сильно ранена дочь воинского начальника Будкевича и др. граждане. После этого события аресты и обыски среди рабочих Мурома усилились, и некоторым товарищам пришлось временно выбыть из города.

В 1906 году в июне месяце в кор. Муром приехал из Иваново-Вознесенска член профессионального союза металлистов для организации в Муроме отделения профсоюза. Под руководством нашей организации были выбраны делегаты от Торского и Валенковского заводов и устроили собрание в поле, около коровьего кладбища. Приехавший член профсоюза инструктировал рабочих и дал директивы по работе союза.

На этом собрании было намечено правление союза, в которое вошли — Игнатов Евгений — слесарь Торского завода, Селихов — слесарь того же завода, Нижегородцев, Пашин и один модельщик, фамилии которого не помню. Устав профсоюза был принят общим собранием рабочих и послан на утверждение губернатору. Союз ровно через 2 недели начал функционировать. Членов в союзе тогда было человек 35. Согласно устава, собрания созывались не менее одного раза в месяц, чем и воспользовалась наша организация для своей деятельности.

Все время, начиная с 1905 года, было стремление организовать союз приказчиков, и с большим трудом это удалось. Был организован небольшой союз приказчиков человек в 12, в котором велась также партийная работа. Работа в этом союзе велась через члена партии тов. Пряхина, работавшего в магазине Соколова: у тов. Пряхина находилась и библиотека специально для союза приказчиков.

В начале 1907 года был организован союз сапожников и была открыта сапожная мастерская, которой руководил тов. Михаил Соколов. После 2—3 месяцев своего существования, по предписанию Владимирского губернатора, она была закрыта.

Хотя поступление членов в союз приказчиков и сапожников и было очень слабое, ибо все боялись значиться в списках союзов, но симпатии к союзу были сильные, и очень многие, не будучи членами, постоянно вносили в союз свои гривенники, урывая их из крайне скудного жалования.

Настала предвыборная кампания в 1-ю Государственную Думу. Муромский комитет с.-д. партии участил собрания и кружковую работу. Ставился и обсуждался вопрос о выборах и участии в них Р. С.-Д. Р. П. До этого времени Муромская организация была единая, а с момента предвыборной кампании наметились два течения — ленинское и плехановское. Плехановцев было гораздо больше, и когда ставился вопрос на голосование, то большинство голосов всегда оставалось за плехановцами. Когда назначены были выборы, то на Валенковском заводе в выборные был проведен Чернышев Ив. Ал., который должен был ехать во Владимир. После этих выборов состоялась районная конференция, которая отклонила решение муромской организации и высказалась против участия в выборах в Государственную Думу, и кандидатура Чернышева была снята. На заводе же Валенкова снова произвели выборы, на которых был выбран и послан во Владимир беспартийный.

После роспуска 1-й Думы в выборную кампанию во II Думу снова ставился вопрос об участии в выборах. В то время состоялась опять партийная конференция, на которой высказались за участие в выборах и выставление своих самостоятельных кандидатов. На этот раз, насколько помню, были выставлены кандидатами в выборщики: Чернышев, Нижегородцев; они и были посланы.

Перед организацией стал вопрос, вступать ли в блок с другими партиями: эс-эрами, кадетами и др. Было решено, чтобы меньше прошло крайних правых, войти в блок с кадетами, о чем велись переговоры через Гуреева, Арк. Ив. и Щелокова Н. По этому вопросу было собрание в реальном училище, во время студенческого вечера. Собрание было в классе без огня. Полиция совершенно недоумевала откуда набрались на этот вечер рабочие, и началась слежка, почему собрание скоро разошлось, недостаточно обсудив вопрос о предвыборных соглашениях с другими партиями.

Перед Лондонским с'ездом в Муромской организации особенно сильно наметились оба течения—большевиков и меньшевиков. На собраниях поднимались споры, с каждым разом все усиливавшиеся, чувствовался неизбежный раскол и окончательное разделение партии. В то время тов. Шляпников, находясь на нелегальном положении, поддерживал связи с Муромской организацией. Своими письмами и советами помогал работе организации и этим предохранил ее от распада.

В 1907 году я был арестован в «Бучихе» и привлечен к ответственности по делу Пономарева о принадлежности к Муромской организации Р. С.-Д. Р. П. После судебного процесса пришлось оставить город Муром и уехать на Кавказ, а оттуда в Среднюю Азию. Там служил слесарем на железной дороге под фамилией Толстого, жил в Асхабаде, откуда, после убийства начальника депо, пришлось переехать в депо Морф-Кушка-Чарджуй, на станции Челкарь.

В 1914 году я возвратился на родину и поступил на железную дорогу в Муром. Жандармерия потребовала не допускать меня к службе. После этого я уехал из Мурома на Гусь-Хрустальный, в Рязань, но места нигде не нашел. Возвратившись обратно, поступил на вновь строившийся Владимирский пороховой завод, при ст. Черусти Моск.-Казанск. ж. д. На заводе был народ пришлый. Организации создать не удавалось до 1916 года, момента, когда завод начал работать постоянными рабочими, когда приехали латыши из Риги. Были завязаны знакомства и

повелась осторожная агитация. Я познакомился с некоторыми товарищами, уже состоявшими в партии и работавшими в подполье, как Михаилом Шилиным, Василием Любезновым, Василием Мирошиным, Петром Жарковым и латышем Сальнисом Яном, который был выслан. Мы организовали кружок и повели работу. Почва была хорошая, так как большинство рабочих были пролетарии.

Не вдаваясь в подробности о работе на пороховом заводе, скажу коротко, что февральская революция застала нас за работой по организации кооперации. После февральской революции марта 2, начала функционировать ячейка большевиков, выйдя из подполья. В ячейку быстро вошли до 30 человек латышей, приехавших из Риги. Повелась широкая работа, и в ячейку стали входить молодые силы из рабочих. К июню месяцу в организации уже было 45 человек. В первое же время после февральской революции был организован Совет, в котором я был секретарем. К октябрьской революции все было подготовлено, и власть сразу перешла к рабочим. Сразу была налажена связь с Московским Областным Комитетом Р. С.-Д. Р. П. Затем были организованы все советские учреждения. В ноябрьские дни Владимирский пороховой завод уже снабжал Москву взрывчатыми веществами и в достаточном количестве порохом, пироксилином для вооружения рабочих Красной Москвы.

М. Гальберг.

Из жизни Муромской организации Р. С.-Д. Р. П.

(1907-й год.)

Весною 1907 года должен был состояться 5-й Об'единительный с'езд Р. С.-Д. Р. П. С января месяца наша организация стала готовиться к созданию условий, обеспечивающих на таковом представительство революционной соц.-дем., в данном случае — большевиков. В конце января состоялась конференция Муромской организации в помещении мастерской по Овражной улице, в подвале одного сапожника, фамилии коего теперь не помню. На конференции были представлены предприятия: Торский, чугунно-литейный, Валенковский, механический и маслобойные заводы (Ушаковых) и фабрики: бумаго-ткацкая, льнопрядильная и слободская, а также группа местных интеллигентов, в лице учителей Альбицкого, Елизарова и студента Гуреева Аркадия, — а всего около 30 человек.

Основным вопросом на этой конференции был вопрос о тактике, и, как следовало ожидать, вследствие представления на конференции различных течений по этому вопросу разгорелись крупные и долгие дебаты, между фракциями большевиков и меньшевиков. Со стороны меньшевиков выступали Елизаров и Гуреев, а со стороны большевиков — Кульпин, Пряхин и профессионал «Михаил». В результате споров, собравшиеся делегаты примкнули к позиции большевиков, и на окружную конференцию в город Владимир были избраны: профессионал «Михаил», служащий магазина Ивана Соколова—Пряхин и от масло-завода—тов. Кульпин.

Владимирская окружная партийная конференция состоялась в конце масляной недели, и на нее муромским представителям пришлось ехать, преодолевая целый ряд препятствий. Дело было так: за неимением средств в организации комитет мог снабдить деньгами на дорогу только профессионала «Михаила». Прихину пришлось ехать за свой счет, используя по службе отпуск на родину в Шую. Скверно дело обстояло со мной: жалованье, получаемое в то время мною, 5 рублей в месяц, не давало возможности ехать за свой счет во Владимир, а потому мне пришлось воспользоваться услугами знакомого товарища Живновского Виктора, который, сочувствуя революционному движению, решился на преступление по службе, лишь бы дать возможность мне доехать до Владимира. Живновский, пользуясь отсутствием старшего телеграфиста по телеграфу, выписал подложную депешу от имени контролера-механика телеграфа на вызов для экзамена ученика телеграфа Васильева. Получил от начальника станции Маштакова резолюцию на компостирование означенной депеши, наложил компост и усадил меня в вагон. Дорога до Владимира прошла благополучно. Мы приехали ночью и сразу же отправились на конспиративку, находившуюся в Солдатской слободе, недалеко от Мальцевского ремесленного училища.

По приходе на конспиративку, товарищем «Михаилом» был пред'явлен пароль, и нас переотправили на ночлег в одну из квартир, находившуюся около больницы слепых. Как оказалось потом, мы ночевали у бывших моих товарищей по училищу. На утро пришедший товарищ отвел нас на место, где должна быть

Окружная конференция. Конференция происходила в маленьком флигеле, отстоящем вдали от других строений на обрыве узко-колейной железной дороги, за церковью Вознесения. На конференции присутствовало человек 15.

Представлены были четыре крупные организации: Ковровская, Муромская, Иваново-Вознесенская и Гусевская, а также несколько мелких, как, например, Ундольская, Шуйская, фабрика Дербенева (Новки) и другие.

Работа конференцией была проделана громадная и благодаря единодушию (были представители большевиков), в один день.

Конференция закончилась в половине двенадцатого ночи. Чтобы не задерживаться, мы отправились прямо на поезд, но перед уходом получили сведения, что полиция о конференции осведомлена, а потому нам пришлось принять некоторые предосторожности. По приходе на станцию мы убедились, что там полицией приняты меры для задержания конферентов, а потому товарищи Пряхин и «Михаил» решили окольными путями пробраться на перрон и ехать без билетов до первой станции. Я же, не имея денег, должен был рискнуть на проезд по той же подложной депеше, что мне и удалось. Ввиду того, что при совместной поездке нас могли, так или иначе, задержать, — нам пришлось разместиться в разные вагоны — я попал в пустой нетопленный вагон и чуть не замерз, пока доехал до Коврова. Желая найти место в более теплом вагоне, пошел искать по поезду, но, проходя, одним вагоном, был заподозрен каким-то крестьянином в краже у него мешка. Видя безвыходное положение, мне пришлось обратиться к жандарму станции Ковров с просьбой оградить меня от ни на чем не основанных подозрений, принимая во внимание мою службу на железной дороге. Жандарм, проверив пред'явленную ему мною депешу, предложил мне составить протокол на задержавшего меня гражданина, на что мне пришлось согласиться. Затем, обещая выслать копию протокола мне в муромский телеграф, усадил меня в вагон. Остальную часть пути я проехал благополучно.

Николай Кульпин.

К двадцатилетию существования Кулебакской организации.

Кулебакский горный завод, насчитывающий более пятидесяти лет со дня своего существования, расположенный среди бывших, так называемых «Муромских лесов» и оторванный от центра, к концу прошлого столетия имел до 2.000 постоянных рабочих.

Главное производство сосредоточивалось в сталелитейном, прокатных, бандажном, доменном и других вспомогательных цехах. Условия труда рабочих были весьма несовершенны, продолжительность рабочего дня доходила до 12 часов в сутки. Мастерские находились в дурном состоянии, не отапливались. Освещение было керосиновое и работа производилась с лампочками-коптилками, праздничного отдыха не было и заведующие были полными хозяевами над рабочими в своих цехах. Общественная и политическая мысль рабочих до этого времени находилась еще в сонном состоянии и их быт сводился к чисто мещанскому образу жизни.

Но вот наступает 1896 год, год коронации Николая II, с последовавшими при этом событиями в Москве, на Ходынке. В Кулебаках появляются летучие листки (прокламации) революционного характера. В связи с их появлением производятся первые в Кулебаках обыски, следствием чего является арест трех товарищей, так называемых, «поликапов» или «скубентов»: слесаря Крисанова, А. В., студента Никитина и служащего Александрова. Факт ареста послужил темой политических бесед между рабочими завода. Но масса была темна и слишком плохо разбиралась в политических вопросах. Одни говорили с глубоким сожалением, что товарищи арестованы за дело рабочих, другие равнодушно порицали за то, что взялись за «недозволенное дело» — распространение запрещенных книг, а третьи даже враждебно порицали за то, что они участвовали в заговоре против «царя-батюшки». Факт ареста сыграл свою роль: вопрос — за что? — долго стоял перед рабочими массами. Нет фактов, которые бы говорили о существовании в то время Кулебакской организации, но арест в 1896 году взбудоражил массы, не было заметно работы, но политическое прояснение мысли рабочих, раз уже вызванное к жизни, не заглохло, а постепенно начинает пускать ростки. Арестованные через несколько времени освобождаются. Крисанов, отданный под надзор полиции, вновь появляется в Кулебаках и начинает понемногу будировать массы.

Через несколько времени после этих событий, возникает кружок из рабочих, из коих помню т.т. Анфимова, Исакова, Курятникова, Мискова, Капаева и др. Читаются брошюры революционного характера, а позднее заграничная «Искра» и т. п., но планомерной организации еще не существовало. Из Нижнего приезжает пропагандист т. Гордеев, но вскоре арестовывается и высылается. И только в 1903 г. с приездом тов. Вейнштока (студента), вернувшегося из ссылки из Сибири, положено начало Кулебакской организации. Тов. Вейншток входит в контакт с т.т. Курятниковым, П. Д., Масловым, В. А. и Кри-

сановым, А. В. (последний в это время страдал туберкулезом и проживал последние два—три года в с. Липне). С величайшей осторожностью стали подбирать первую группу из рабочих, которая составилась из т.т. Гусева, Капаева, Гладкова, Тарблева, Чубарова. В этом кружке тов. Вейншток начинает пропагандистскую работу, постепенно подготавливая его к предстоящей работе среди рабочих. Одно из собраний было посвящено исключительно организационному вопросу. Для ведения организационной работы ответственным организатором был избран тов. Курятников. На собрании, после всестороннего обсуждения, было признано необходимым расширить сферу деятельности кружка на более широкий слой рабочих и обратить самое серьезное внимание на вербовку новых членов.

Долгому испытанию и изучению подвергался вступающий, или, вернее, намеченный в партию товарищ. Подходили к нему осторожно, при всяком удобном случае рассуждали на политические темы, знакомились с его взглядами и т. д. Знакомили испытуемого с элементарным пониманием классового неравенства и необходимости политических свобод, затем давалась, литература с предупреждением, что его может ожидать, если он попадет в руки полиции. Но ни слова не говорили о существовании самой организации. Убеждаясь в дальнейшем в стойкости и постоянстве товарища, его вводили в организацию. В противном случае работа с намеченным товарищем постепенно и незаметно для него прекращалась и, в конце-концов, замирала совершенно. С увеличением числа членов кружка явилась потребность в выработке организационного устава в 10—15 параграфов. Основные положения его были таковы: Кулебакская организация является частью Р. С.-Д. Р. П. и в своей работе руководствуется директивами Ц. К. партии и областными органами. Для ведения всей организационной и агитационной работы избирается коллектив, в который входят по одному представителю от каждого цеха. Коллектив выделяет из своей среды ответственного организатора, секретаря и казначея, устанавливаются членские взносы и в этом же уставе намечается линия работы, как коллектива, так и цеховых представителей, входящих в него. Нижегородскому комитету заказывается печать организации. Организация начинает сеять свои идеи правильно организованным путем. Идет политически-воспитательная работа с новыми членами до тех пор, пока новый товарищ не начнет более или менее правильно марксистски мыслить.

В 1903 году организация крепнет, работа усиливается. При помощи распространения прокламаций и брошюр начинается работа в массах. Завязываются сношения с Нижегородским комитетом. Цеховые представители организуют свои цеховые кружки, вербуя новых членов. Взаимоотношения внутри организации были полны взаимного доверия. Дисциплина, не заставляющая желать ничего более лучшего, давала возможность выполнять работу планомерно. Руководящим органом являлся коллектив, составлявший ядро организации, который был строго конспирирован даже от членов организации, но связь между коллективами и цеховыми кружками была самая тесная. Члены коллектива приобретали вместо имени кличку. Коллектив следил за выдачей литературы, соблюдал порядок чтения от простого к сложному. Круг чтения не был узок. Помимо литературы чисто политического содержания товарищи пользовались книгами общеобразовательного характера. В этом немалую роль сыграли местная интеллигенция и муромское студенческое землячество, снабжая организацию печатной литературой.

В кружках вели пропагандистскую работу тов. Курятников, студенты: Д. Засухин, А. Серебренников, Д. Зворыкин. Тов. Вейншток покончил в Нижнем самоубийством в 1904 г. Появляется и примитивное приспособление для печатания гектографическим способом, появляется своя собственная литература.

В выпускаемых листках описывалась жизнь рабочих и различные инциденты, происходившие с цеховой администрацией, а также выпускались прокла-

мации политического содержания. Организация, таким образом, постепенно стала приобретать маленькие литературно-политические и технические силы, как в лице коллектива, так и в лице части местного учительского персонала и практиковавшегося на заводе студенчества.

Условия работы были самые благоприятные. Росла, развивалась и крепла молодая организация под прикрытием дремучего леса. Полиция, уже раньше насторожившая уши, начала беспокоиться. Происходят обыски, — но безрезультатно, полиция старается запугивать угрозами и т. п., но это не помогает. С весны 1903 года завязывается тесная связь с г. Муромом, где работает т. Шляпников. Для координации работы Приокского района в Муром приезжает из Нижнего тов. Козин, который, затем, арестуется. (В этом же году умирает т. Исаков.)

С этого времени связь с Муромом не прерывается. Наступает 1904 год, организация решает праздновать великий пролетарский праздник весны — 1 мая — и в первом своем выступлении теряет часть своих товарищей. Несколько человек — Анфимов, Гусев, Догадин, Маслов и др. выбивают из рядов организации (вследствии арестов), но через несколько времени возвращаются вновь. В 1905 году в Кулебаках умирает от туберкулеза тов. Крисанов, рабочие с пением похоронного марша провожают его до могилы.

14 февраля того же года происходит второе выступление, которое было отзвуком на волны забастовок, прокатившиеся по всей России в 1904 году, но докатившиеся до нас только в феврале 1905 г. Часть требований чисто экономического характера была удовлетворена, и рабочие стали на свои места.

В смысле удовлетворения рабочих забастовка дала немного, но она имела огромное воспитательное значение для рабочих масс, углубляя их политическое самосознание. В особенности это отразилось на рабочей молодежи, которая стала считать себя не только простым придатком к своему станку, но почувствовала необходимость своего духовного роста и горячо отдалась освободительному движению. Рост этой духовной силы почувствовала, очевидно, и полиция. Усилив свою охрану, она всячески старалась противодействовать, подыскивая случай нанести организации решительный удар, убить в корне начавшееся движение рабочих.

Долго ждать не пришлось, весной 1905 года случай к такому нападению представился. Начались пожары, которые устраивались ради значительных страховых премий зажиточными крестьянами, лавочниками. Жадная погоня за наживой заставляла их сжигать дома. Пожары приносили большой ущерб крестьянской бедноте и рабочим, а потому раздражение масс против неизвестных поджигателей росло. Был пущен провокационный слух, что поджигателями являются «поликапы», (так называли политических работников), и когда Кулебаки вспыхнули с разных концов, получилось сплошное море огня.

Раздражение и злоба достигли своего апогея. Разразилась страшная катастрофа дикого самосуда толпы над всею сознательною частью рабочих. Это была дикая бойня, которой могли наслаждаться кулаки, торговцы и полиция. Били чем попало, ломали ребра и разбивали черепа. От кошмарной картины леденела кровь. Бессильные сделать что-либо, товарищи пытались уговаривать толпу, но, безумно-озверевшая, она бросалась на уговаривавших, которые подвергались еще большим избиениям. Избиты были три брата Догадиных, Лобанов, Лыков и др. От сознания своего бессилия остановить провокацию мутился рассудок. В настоящее время немногие из пострадавших находятся в Кулебаках. Одни умерли, другие добровольно сошли со сцены жизни, потеряв веру в себя, а третьи не вынесли тюремного заключения, погибли в застенках. Но память о них не умерла. История не забывает борцов, погибших на посту борьбы за светлое будущее. И проклятие вырывается всем Ковровским, Маскиным, Рыжовым, Гуреевым и всем, кто был причиной безвременной гибели товарищей.

Болезненно переживался этот факт организацией. К этому времени разногласия между с.-р. и с.-д. доходят до наивысшего предела, вот-вот должен произойти исторически необходимый раскол. Московское восстание и 17-е октября, наконец, приводят к окончательному расколу организации, часть членов вышли и образовали организацию с.-р., а другая часть, большинство, осталась в организации Р. С.-Д. Р. П.

17-е октября 1905 г. ознаменовалось демонстрациями и митингами массового характера. На митингах в Народном доме выступали местные силы, а также и приезжие ораторы. Так было до конца 1905 года. Наиболее сильное впечатление произвел агитатор с.-д. т. «Максим». С наступлением реакции 1906 года организацию снова загоняют в подполье. В 1906 году работа идет усиленным темпом, 9-го января проводится однодневная забастовка, 1-е мая ознаменовалось забастовкой с большим митингом.

1907 г. проходит без особенных событий, за исключением 9-го января, которое было ознаменовано митингами и демонстрацией, разогнанной полицией; при этом были арестованы тов. Чудакова в Кулебаках и т. Калинин на стан. Ковров, при командировке в Вязники. Завязываются более прочные связи с деревнями. Массовые обыски продолжаются, но безрезультатно.

1908 г. — расцвет организации. Выпускается много своей собственной литературы, которой снабжаются также окрестные деревни. Связь с деревнями уже не случайна, а постоянна. Завязываются сношения с заграницей через т. Шляпникова. Появляется заграничная литература, которая распространяется по кружкам. Кружковая работа ведется в кружках низшего, среднего и высшего типа. Довольно приличная библиотека обслуживала вполне всех членов кружков. Все время происходили массовые обыски, которые не давали благоприятных результатов полиции и не могли, следовательно, особенно влиять на работу организации.

В этом же году т.т. Курятникова, Смирнова, Рыжкова, Щаднова, Мясникова и других выездная сессия Московской судебной палаты в Нижнем Новгороде судит по делу разгрома квартиры пристава и приговаривает к тюремному заключению на разные сроки, от 3-х месяцев до 2-х лет. В конце 1908 г. и в начале 1909 г. работа организации начала падать, благодаря докатившимся до Кулебак волнам реакции и начавшимся арестам. В феврале происходят аресты членов коллектива т.т. Калинина и Горячева, после чего казаки почти безвыездно находятся в Кулебаках. Вследствие лихорадочно напряженной работы у оставшихся членов коллектива стали наблюдаться пробелы в работе. С одной стороны отсутствие сил, с другой—постоянные обыски и слежки, тормозившие работу организации. Реакция делала свое дело: полиции удалось напасть на верный след, провал конспиративной квартиры был неизбежен, и пришлось найти другое помещение, чтобы отпраздновать 1-е мая первомайской прокламацией. Накануне 1-е мая были арестованы остальные члены коллектива — т.т. Пантелеева, Демидов, Чудакова и Коган, после чего работа замерла вплоть до 1917 г. Изредка лишь вспыхивала работа в виде забастовок—отклики на Ленские события в апреле м-це и 1 мая 1912 г. и 1914 г. В этом же 1914 г. была попытка поднять работу организации, но за неимением сил трудно было провести план в жизнь.

Наступила февральская революция, свержение царизма подняло рабочую Россию. Всколыхнулись после долгого сна и Кулебаки. Образовалась коалиция, об'единившая все революционные течения. В мае месяце часть организации, большевистски настроенная, выбрасывает лозунг «долой войну», «долой десять министров-капиталистов», другая, и большая, часть организации выбрасывает лозунг «война до победного конца». На общем собрании партии происходит раскол. Организуется комитет с.-д. большевиков и в назначенный день происходит регистрация членов. Зарегистрированных оказалось 19 товарищей: Народия, Зиновьевы И. и В., Сухов В., Гусев Е., Бандин М., Мясников Ф., Захаров И. и др. 11 июня все члены

партии вышли на демонстрацию для подсчета своих сил. Большевики со своим лозунгом направились в одну сторону с пением «Интернационала», увлекая за собой часть рабочих, соглашатели — в другую — в значительно большем количестве. Наступили времена Керенского, засилья эс-эров. Выступать большевикам почти было невозможно. Но в это время большевистская организация налаживает свою работу и почти подпольно организует «Штаб Красной Гвардии». Приобретенное оружие захватывается эс-эрами и меньшевиками. Тогда члены партии большевиков обращаются в завод к рабочим, забирают ломики и отправляются к месту нахождения оружия. Оружие отбирают обратно. Во время муромского белогвардейского восстания оно отдается на борьбу с восставшими, бежавшими через Выксу, и по его ликвидации передается в Ч. К.

Наступают великие дни пролетарской революции. Живо, ярко, одушевленно проходят огромные демонстрации и митинги. С чувством глубокого сознания свершившегося, гордо поднято красное знамя, на котором красуются лозунги: «Вся власть советам», «Да здравствует совет рабочих, крестьянских, солдатских депутатов». Но еще не окончательно уничтожен и сломлен враг. Он стережет за каждым углом и ждет удобного момента, чтобы задушить народившуюся Советскую власть — мечту пролетариата. Предатели решаются бросить бомбу в штаб Красной Гвардии. Завязывается борьба, в результате — несколько человек ранено. Убиты т.т. Бутов, Шипов и Есин.

А дальше — Кулебакская организация отдает свои лучшие силы на защиту советской власти как в тылу, так и на фронте. До 25-ти человек красных офицеров выходят из рядов Кулебакской организации, из них многие отдали свою жизнь на защиту диктатуры пролетариата. Но борьба далеко еще не закончена. Пролетарий, взявший власть в свои руки, вступает в новую сферу борьбы с экономической разрухой, которая не менее трудна. Кулебакская организация ныне проявляет на этом фронте максимум энергии. Но критический момент уже миновал, жизнь поправляется. Но Кулебаки не погрязают в тине мещанского благополучия. Сознание, что еще много борьбы впереди, не оставляет организацию ни на одну минуту и держит наготове к бою.

Такова, в общих чертах, история возникновения и развития Кулебакской организации, как по личным воспоминаниям, так и по материалам, взятым из Нижегородского журнала «Коммунист», № 2, за январь месяц, 1923 года.

Курятников.

О Кулебакской организации.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Воспоминания о Кулебакской организации являются действительно только воспоминаниями оставшихся в живых товарищей. Никаких документов о существовании подпольной организации не сохранилось и не могло сохраниться, так как не представлялось возможным записывать события «подпольной организации». Воспоминания подтверждаются фактами с указанием даты, приводятся имена товарищей, фигурирующих в том или ином событии. Неизгладимые впечатления прошлого останутся навсегда в памяти работавших товарищей и дадут возможность восстановить картины безвозвратно ушедшего прошлого, унесшего с собою не одну жизнь лучших, светлых товарищей. Таким образом ни один крупный факт из истории организации не забыт и живет в мозгах и сердцах оставшихся товарищей. Не изгладились и имена участников в более крупных событиях, по чем более росла организация, чем больше было число ее членов, чем больше развивалась работа, тем год от году становится туманнее деятельность каждого в отдельности. Воспоминания, данные товарищами Гусевым Еф., Гусевым А., Капраловым, Манжетовым, Суковым, Козиным, Калининым, Народня и напечатанные в статье «К двадцатилетнему существованию Кулебакской организации РКП (б), помещенной в Нижегородском журнале «Коммунист», были проверены общим собранием подпольных работников всех течений, на котором воспоминания были дополнены, но как бы сильны ни были впечатления подполья, все они тушуются перед еще более глубокими переживаниями последних шести лет, и поэтому, возможно, есть неточности, неизбежные во всякой, устно передаваемой истории. Люди отдавали свою жизнь на алтарь революции, умирали, шли в застенки, исчезали в рудниках и снегах далекой Сибири, но мысль их оставалась, жила и звала к борьбе. Для нее нет цепей, нет застенков, она еще ярче горит там, за затворами тюрьмы. Свободная, она восторжествовала!

Кулебакский завод, находящийся среди болот и лесов на границе губерний Нижегородской и Владимирской, вдали от железных дорог и водных путей, 20 лет тому назад жил обособленной жизнью. Ничем почти не оживлялась серенькая бесцветная жизнь рабочего болота и не волновалась его поверхность, подернувшаяся плесенью. День за днем, тянулась двенадцатичасовая работа в тяжелых заводских условиях труда, нарушаемая пьянством в дни получек, драками и даже увечьями. Среди этого мрака, невежества и рабства начинают появляться искры сознания, которые теряют след своего происхождения, но, очевидно, они существовали еще в то раннее время. В 1896 году неожиданно врывается яркий луч сознания, на-

сквозь прорезывающий темноту, заставивший очнуться и задуматься над впервые выдвинутым на сцену рабочей жизни общественно-политическим вопросом, вопросом, пока еще смутно понимаемым рабочими, вопросом—загадкой, который глубоко взволновал их, заставив думать, говорить, обсуждать. Этим стимулом явился арест 3-х товарищей: студента Никитина, рабочего Крисанова и служащего завода Александровского. Студентом Никитиным была привезена нелегальная брошюра, которая была передана им для чтения служащим завода. В среде служащих завода, как оказалось впоследствии, находился служащий охранки Соколовский. Благодаря доносу полиция со всего уезда была поднята на ноги, произведены обыски у всех, читавших эту брошюру, а три товарища были арестованы, хотя при обыске не было ничего найдено, кроме вполне легальных книг и газет. Самый факт ареста этих пострадавших товарищей послужил темой политических бесед между рабочими завода и всего населения Кулебак. Толпы народа стекались к квартире арестованных, где стояли подводы с жандармами и полицейскими. Небывалое зрелище привлекало массу, заставляя ее думать и говорить так, как она понимала в данный момент. Одни говорили с глубоким сожалением, что они арестованы за нас, за рабочих, другие, что они распространяют запрещенные книги, а третьи, что они участвовали в заговоре против царя. Во всех этих толках была доля правды, той правды, которую инстинктивно почувствовали рабочие, которая так и взволновала их, поставив перед ними вопрос—за что? Разошлись только тогда, когда товарищи были увезены.

Мысль была брошена в массы; нет данных, которые бы говорили о существовании Кулебакской организации уже в это время, но арестованные товарищи несомненно работали в этом направлении, подготовляя почву для создания подпольной организации. В 1897 году арестованные товарищи Крисанов и Никитин освобождены, и мы снова видим появление нелегальной литературы в рукописном виде. Политическое самосознание растет, и плоды кропотливой подпольной работы стали замечаться. В 1902 году [1]) в апреле месяце, начинается привлечение рабочих в организацию товарищем Крисановым, который совместно со студентом Вейнштоком начинает свою работу. Товарищ Крисанов присматривается к рабочим, вступает с ними в беседы. Интересующиеся товарищи получают от него первые понятия о своем классовом положении, а желающие продолжают свое политическое самообразование. Для углубления и расширения круга своих познаний рабочие направлялись тов. Крисановым к тов. Вейнштоку, который уже начинает регулярно, по нескольку часов в неделю вести занятия. Тов. Вейншток, давая политическое образование направленным к нему товарищам, не ограничивался вполне правильными ответами и теоретическими познаниями своих учеников. Весь отдавшийся революционной деятельности в подполье, такой же преданности делу он искал и в других. Прежде чем приступить к работе, он серьезно, долго и всесторонне заставлял задуматься, обсудить и взвесить свои духовные силы, которых так много требуется в революционной борьбе. В августе месяце состоялось первое собрание народившейся Кулебакской организации, где присутствовало 9 человек: Крисанов, Вейншток, Гусев, Курятников, Догадин, Анфимов, Чубаров, Канаев, Исаков. Собрания посвящаются исключительно организационному вопросу, в особенности обращено внимание на вербовку членов. Долгому испытанию и изучению подвергался вступающий член, вернее, намеченный в партию товарищ.

Осторожно подходили к нему, при удобном случае рассуждая на политические темы, знакомились с его взглядами, уровнем развития, знакомили его с элементарными понятиями классового неравенства. Давалась литература с предупреждением,

---

[1]) В подлиннике очевидно по ошибке указан 1889 г. По сверке со статьей т. Курятникова исправлено на 1902. *Примеч. ред.*

что его может ожидать, если он попадет в руки полиции, но ни слова не говорилось о самой организации. Убедившись в дальнейшем в стойкости, постоянстве товарища, его вводили в организацию. В противном случае работа с намеченным товарищем постепенно, незаметно для него, прекращалась и, в конце концов, замирала совершенно. На первом же собрании был выработан устав организации в нескольких параграфах и определены членские взносы.

Только что создавшаяся молодая организация начинает сеять свои мысли правильным организованным путем. Идет политическо-образовательная работа с новыми членами до тех пор, пока новый товарищ не начнет более или менее правильно политически мыслить. В конце года организация лишается на время своего первого вождя Крисанова, который высылается из пределов Нижегородской губернии. В 1903 [1]) году организация значительно выросла и окрепла. Несмотря на трудность работы, последняя стала разнообразнее и интереснее. Этому помогали взаимоотношения внутри организации, которые были полны доверия, и дисциплина, не оставлявшая желать ничего лучшего, давала возможность выполнять работу планомерно. Начинается работа в массах при помощи распространения брошюр и прокламаций, которыми в достаточной степени снабжалась Кулебакская организация из Мурома. Своей литературы в это время Кулебакская организация еще не выпускает за отсутствием силы. Получаются прокламации различного содержания, распространяются, главным образом, на заводе среди рабочих в значительном количестве, до 200 шт. максимум. Прокламации читались рабочими с большим интересом и горячо обсуждались. Члены партии прислушивались к этим суждениям, где нужно было, вступали осторожно в разговор, давая правильное освещение, и при этом намечали более подходящих товарищей к вербовке в члены партии. Намеченный товарищ не упускался из виду, и по ранее намеченному плану о порядке вербовки членов начиналась работа с намеченными товарищами. В организацию входят новые члены: И. Лобанов, Попотин, Додонов, Соколов, Суслов, Плеханов, у которых было также по нескольку товарищей, намеченных к вербовке. С ними занимались отдельно с каждым, подготовляя их для вступления в кружок. У каждого из них впоследствии был также кружок в 5 и 6 человек, с которыми велась политическо-образовательная работа. Так организовались кружки, число которых постепенно увеличивалось. Руководящим органом являлся коллектив, составлявший ядро организации, которое строго оберегалось от личностей, могущих войти в партию с целью провокаций, и поэтому конспирировалось даже от членов организации. Но эта конспирация не мешала самой тесной связи между кружками и коллективом. Член коллектива, приобретающий вместо имени кличку, под видом вновь вступающего, посещает кружки для дачи директив организатору. Члены кружка до тех пор не знали организаторов, пока сами не вступали в коллектив. Руководители кружка строго следили за выдачей литературы, соблюдая порядок—от простого к сложному. Круг чтения не был узок. Помимо литературы политической пользовались книгами и общеобразовательного характера. Условия работы были самые благоприятные. Полиция, состоящая из пристава и двух невежественных жандармов, хотя и знала о существовании организации, но добраться до нее не могла благодаря вышесказанной технической постановке организации. Растет, развивается и крепнет молодая организация под прикрытием дремучего леса. В 1903 г. появляется впервые в Кулебакской организации примитивный печатный станок—гектограф и своя собственная литература. Выпускается еженедельный листок, в котором описывается жизнь рабочих, с различными инцидентами, происходящими с цеховой администрацией. Перепечатывается «Кривая доля». Было организовано корреспондентское бюро для «Нижегородского листка», связь с которым была начата и упрочена тов. Вейнштоком Ильей. Стали

[1]) В подлиннике указан 1900 год. Однако в этом году никакой организации в Муроме еще не было. Не было ее и в Кулебаках. *Примеч. ред.*

появляться статьи в «Нижегородском листке», который распространялся не только среди партийных, но и беспартийных масс. Автором этих статей полиция и администрации подозревали почтового чиновника Федорова, который писал в разных газетах, в том числе и в «Нижегородском листке», а также был сотрудником какого-то исторического журнала. И когда прокламации стали попадаться в руки полиции, которая установила существование в Кулебаках довольно сильной организации, то заподозрила опять-таки чиновника Федорова, который был убран из Кулебак неизвестно куда. В конце года еженедельный листок заменяется прокламациями, уже носящими более серьезный политический характер. Теперь уже организация имеет свои маленькие литературные и технические силы. Но вместе с появлением своих собственных молодых сил появляется и другая, темная сила, которая до сих пор не коснулась организации,—полиция. Происходит первый неприятный инцидент. Один из товарищей, С у ш к и н, уличается в чтении нелегальной литературы. Вызывается на допрос группа товарищей, но благодаря удачным умелым показаниям не удается установить какого-либо серьезного факта, и дело ограничивается простым запугиванием в форме предупреждения на будущее время и пропагандой ротмистра остерегаться политической литературы, которая издается, по его мнению, с целью выкачивания денег из рабочих. В 1903 г. впервые выявляются разногласия, хотя в очень слабой форме, между соц.-революционерами и соц.-демократами—т. Крисановым (с.-р.) и Вейнштоком (с.-д.).

1904 год начинается разбрасыванием уже регулярно, каждую неделю, прокламаций, которые получаются в достаточном количестве из Муромской организации, но не легко было доставлять эту литературу. Много нужно было затратить энергии, чтобы пробраться с нею благополучно. Несмотря на железнодорожное сообщение между Муромом и Кулебаками, не всегда можно было пользоваться им, так как это было связано с большим риском—потерять не только приобретенную литературу, но рисковать провалом целой организации, т.-к., проваливая себя, организация попадает под известный надзор полиции. Поэтому были назначены ходоки за литературой. Такими ходоками являлись Гусев и Канаев Дмитрий.

В 1904 году организация лишается своего лучшего тов.—Вейнштока Ильи, который ни одной минуты своей сознательной жизни не потерял даром, а отдал ее в жертву за счастье рабочего класса и который по распоряжению властей лишается постоянного местожительства,не имея права прожить на одном месте более 3 дней. Волчий билет, суровая унизительная мера наказания, сломили силы товарища, и в феврале 1904 года тов. Илья Вейнштоκ покончил с собою, застрелившись на одном из бульваров г. Нижнего [1]). Вместо тов. Вейнштока Ильи был прислан другой тов., «Березка», который за невозможностью устроиться в Кулебаках—жил в Муроме в штаб-квартире, которую так часто посещали наши ходоки за литературой. В одно из обычных путешествий Ефим Гусев в марте месяце, подходя к штаб-квартире, встретил околодочного с 3-мя надзирателями. Не решаясь сразу войти, тов. Гусев проходит дальше и, обойдя кругом квартал, убеждается, в конце-концов, в безопасности. Войдя в квартиру, товарищ был поражен беспорядком, царившим в квартире. Оказалось, что его подозрения были не напрасны, полчаса прошло с тех пор, как кончился обыск, по доносу Моисеева, сына жандарма, состоявшего некоторое время членом партии. Арестованы были т.т. Шляпников и «Березка» [2]). Немедленно нужно было предупредить Кулебакскую организацию, т.-к. провал Муромской организации должен был отразиться и на Кулебакской. В эту же ночь действительно в Кулебаках был арестован Д. Канаев, подлежал аресту также т. Исаков, который в

---

[1]) Сведения о смерти т. Вейнштока не совсем точны. Смотрите об этом же в статье т. Шляпникова. *Примеч. ред.*

[2]) Аресты происходили 23 Января 1904 г. „Березка“ — Г. Я. Козин, нижегородский рабочий.

этом году переехал в Кулебаки, но арестовать его не удалось, так как тов. Исаков накануне был похоронен.

1 мая организация празднует великий праздник Труда и в первом своем выступлении, хотя на короткое время, теряет часть своих товарищей. Арестовываются: Анфимов, Гусев Е., Догадин, Маслов, Пугачев, Глотов и другие, а всего около 18 человек, которые через несколько дней возвращаются. Кружковая работа ведется своими силами. К концу 1904 года уже имеется несколько новых молодых работников из своей Кулебакской организации, как: Пугачев, Петров Д., Рыжев, Галанин П., Рахманов, Мясников, Слепов В., Горячев, Кирюхин, Лашманов, Садовников. Имеется около 8 кружков, в каждом минимум 8 членов. В общем количество всех членов доходит до 100 человек. Происходят также массовки с дискуссиями между С-Д и С-Р. От С-Д выступает Зиновьев Иван, из Сормова и местный С-Д Додонов.

Волны забастовок, прокатившиеся по всей России в 1904 году, доходят до нас только в 1905 году. Военное положение на Востоке, события 9 января, приезд некоторых рабочих из Петербурга, все это имело большое влияние на рабочую молодежь Кулебакского завода, и начавшееся рабочее движение не обошло Кулебак. 14 декабря об'является первая забастовка, пред'являются заводоуправлению экономические требования. Утром дан был тревожный гудок, всколыхнувший весь рабочий поселок. Часть требований удовлетворена, как повышение платы на 50% за сверхурочную работу и увольнение мастера бандажного цеха Коломенского. Рабочие приступают к работе, но не без последствий. За деятельное участие в забастовке арестовывается т. Догадин Степан. Немного дала забастовка в смысле удовлетворения, пред'явленных требований, но она имела огромное воспитательное значение для рабочих масс, углубляя их политическое самосознание, в особенности это отразилось на рабочей молодежи, которая стала считать себя не простым придатком своего станка, но почувствовала необходимость своего духовного роста и горячо отдалась освободительному движению. Кружковая работа по цехам продолжается. В марте месяце получается т. Курятниковым литература из Мурома, знакомящая с программами различных партий, в том числе устав организации, прокламации в 7 различных экземплярах. Очевидно рост этой духовной силы почувствовала и полиция. Были присланы казаки. Усилив свою стражу, она всячески старалась противодействовать, горя желанием нанести решительный удар, убить в корне самосознание рабочих. Долго ждать не пришлось. Весною 1905 года случай к такому нападению представился. Начались пожары, причиной которых были значительные страховые премии, получаемые зажиточным крестьянством, лавочниками и кулаками. Жадная погоня за наживой заставила их палить дома. Пожары, приносившие страшный вред рабочим и крестьянской бедноте, заметно учащались. Раздражение масс против неизвестных поджигателей росло. Этим настроением воспользовалась полиция, и уволенный мастер Коломенский пустил провокационный слух, что поджигателями являются «поликаны»,—так называли политических работников. И когда Кулебаки вспыхнули с разных концов, получилось сплошное море огня. Раздражение и злоба достигли своего maximum'а. Разразилась страшная картина дикого самосуда толпы над всею сознательною частью рабочих. Это была бойня политических, которой вполне могли насладиться кулаки, торговцы и полиция. Били чем попало, ломая ребра и разбивая черепа. От кошмарной картины леденела кровь, мутился рассудок. Бессильные сделать что-либо, товарищи пытались уговаривать толпу, но, безумно озверевшая, она бросалась на уговаривающих, которые подвергались еще большим избиениям. Были избиты Догадин. Ивсеев, Лобанов, Кондратов, Ябриков, Лыков, Козлов, Храменков. От сознания своего бессилия помочь, охватывало отчаяние.

В настоящее время немногие из них находятся среди нас. Одни умерли, другие добровольно сошли со сцены жизни, потеряв веру в себя, а третьи не вынесли тюремного заключения и погибли в застенках. Из пострадавших умерли: Лобанов.

Догадин, Маслов, Анфимов. Но память о них не умрет. Их имена останутся на страницах истории. Новое поколение, идущее на смену уставшему, не забудет борцов, погибших на посту стремлений к светлому будущему.

После пожаров была выпущена прокламация с об'яснением причины этих пожаров. В сентябре месяце приехал товарищ из центра, состоялось общее собрание на квартире тов. Шатагина.

Наступает 17 октября. Эти дни были ознаменованы демонстрацией, в которой принимали участие не только члены партии, но и многие из либералов. Шествие направлено было с одного конца села «Елозги» к народному дому с пением революционных песен. В это время работа развертывается в более широком масштабе. Приезжают товарищи агитаторы из Муромской организации, Владимирской окружной, различных течений. Происходят митинги и диспуты в народном доме. Особенной популярностью пользуется тов. «Максим», который привлекает массу рабочих. Получается порядочное количество литературы издания «Донской речи», «Молот», Труд», газеты: «Красное знамя», «Начало», «Земля и Воля», «Борьба», «Новая жизнь». Митинги продолжаются вплоть до декабря. В это время вся партийная группа более сознательных товарищей раз'яснила рабочим конституцию, как обман царского правительства. В это время разногласия между С-Д и С-Р доходят до наивысшего развития. Исторически необходимый раскол неминуем. Московское восстание и 17 Октября дают повод к окончательному расколу организации, и она раскалывается. Часть образует организацию С-Д, другая—организацию С-Р. С подавлением рабочих на Пресне начинается реакция, и Кулебакская организация не остается безучастной зрительницей треповского приказа: «Патронов не жалеть», и дает на баррикады члена партии тов. Малова А., который добровольно идет, чувствуя в этом необходимость, и умирает на баррикадах в Москве. С наступлением реакции организация уходит снова в глубокое подполье. В этом же году умирает тов. Крисанов, положивший вместе с Вейнштоком и свою жизнь за дело рабочего класса. Аресты, тюрьмы, ссылка, вечный надсмотр полиции, безработица в силу неблагонадежности,—все это, вместе взятое, свело тов. Крисанова преждевременно в могилу. Он умирает в Кулебаках. Все население присутствует на его похоронах. На могиле происходит митинг, говорят тов. «Геннадий» из Владимира и другие товарищи. Полиция присутствует во время похорон, но арестов не было. Все внимание было направлено на тов. «Геннадия», но он благополучно был изолирован и немедленно отправлен на лошадях в Муром. В это время организация присоединяется к Владимирской Окружной. 1906 год работа идет усиленным темпом. 9 Января проводится однодневная забастовка-протест. Организация в это время пользуется большим авторитетом среди рабочих масс:

Все конфликты, экономические требования проходят по директивам партии. На выборах во вторую Государственную Думу организация проводит своих кандидатов. как-то: Киселева, Шашкина. По поводу разгона I Государственной Думы был выражен протест. После Выборгского воззвания начинают развиваться фракционные течения среди более развитых активных работников партии. Но эти фракционные течения незаметны для рядовых членов организации. Руководящий орган—коллектив, не дает им выявляться, считая это преждевременным, ввиду недостаточной подготовленности масс. Организация продолжает оставаться единой.

В феврале месяце приезжают два представителя из Н. Новгорода—т.т. Никольский и Сахаров, которые арестовываются в Кулебаках. Привезенная ими литература во-время исчезает, не попадая в руки полиции. Не были найдены и паспорта. Ничем не скомпрометированные в глазах полиции товарищи, просидев 2 месяца, были освобождены. Приезжают т.т. из Мурома—Гундобин Д. и Гуреев А., благополучно проходит собрание. Первое мая ознаменовано забастовкой с большим митингом. Вскоре после I мая приезжает тов. «Михаил» из Мурома, уже не раз бывавший в Кулебаках, и на этот раз—с двумя товарищами: Вейнштоком Львом (братом погиб-

шего) и тов. Александром. Товарищ Михаил пользуется глубоким доверием масс, на его митинге присутствует не менее 1.000 человек. С его приездом проводятся массовки и митинги с большим количеством собравшихся. Его горячая, живая и доступная пониманию речь действовала неотразимо и увлекала не только рабочих, но и казаков, которые присутствовали на последнем митинге. После митинга тов. «Михаила» выдает Ст. Глазков, по прозванию Горелый. Товарищ арестовывается с квартиры Е. Н. Зуевой вместе с Вейнштоком Львом и тов. Александром и препровождается в арестные помещения при квартире пристава. Арест оратора производит сильное впечатление на рабочих и вызывает бурю негодования среди членов партии, которые проводят агитацию по заводу за освобождение арестованных. Наэлектризованная масса рабочих пошла к квартире пристава на защиту любимого оратора. Происходят переговоры с приставом об освобождении товарища, но безрезультатно. Раздраженные рабочие требуют освобождения и получают категорический отказ. Ожесточенные, они начинают громить каменьями квартиру пристава, и раздражение массы грозит вылиться в крайнюю форму мести: взрыва бомбой, или поджега помещения пристава. И только влияние коллектива удерживало эти порывы, придавая движению относительно организованный характер. Полицией был дан залп, на что последовал ответ градом камней. Полиция испугалась настойчивости рабочих и освободила арестованных товарищей. После этого тов. Михаил отправился в Муром.

После погрома начались аресты, арестованных было около 48 человек. Когда стало известно об аресте товарищей, утром был дан свисток, и все двинулись к квартире пристава, с намерением освободить арестованных, но они были увезены из Кулебак тайно в Ардатов, по несколько человек, через разные деревни. Рабочие снова протестуют, требуя вернуть арестованных. Пристав предлагает обратиться с телеграммой к исправнику. Избирается тройка для подачи телеграммы, и после подачи ее все расходятся по домам. В 5 часов вечера снова сбираются. Был получен отрицательный ответ на телеграмму. В это время происходит неприятный инцидент. Один из полицейских словами оскорбляет рабочего. Рабочие не выдерживают издевательств, и инцидент кончается разоружением полиции. Отнятое оружие было спрятано. Назначается штат охраны. Фактически охрана спокойствия жителей Кулебак переходит в руки партии. Сборные пункты назначаются у Чевелева и Рыжова. На всех углах были расставлены посты. Руководит П. Д. Курятников. Так продолжается около 2 недель. 7 июня пришли гренадеры из Владимира и сотня казаков. В одну ночь последовало до 30 арестов. Арестованных отправляли в Ардатскую тюрьму, где они пробыли от 1½ до 3 месяцев и вновь возвратились, за исключением Долбилкина, Рыжова, которым был суд, приговоривший их к заключению в тюрьму на 3 года, а некоторых на 8 месяцев. Работа приостанавливается за отсутствием сил. Но здесь приходят на помощь студенты. Началась кружковая работа, диспуты с эс-эрами, и с этого времени вступает в коллектив молодежь. В октябре арестовывают т.т. Петрова, Рахманова, Демидова, находят оружие. В ноябре за хранение прокламаций арестовываются Шекалов, Канаев Д., Мартынов, Акимцев. В декабре за распространение литературы арестуют Ерошкина и Матчинскую. Начинается связь с заграницей, с тов. Шляпниковым [1]).

1907 год начинается неудачно. Предполагавшаяся демонстрация 9 января срывается. Надежда на поддержку беспартийных масс не оправдывается, ввиду массовых обысков и большого количества шпионов. Небольшая кучка партийных рабочих вышла из завода с пением марсельезы и была разогнана полицией. В январе месяце происходит арест Чудаковой за хранение литературы и, на ст. Ковров, арестовывается Калинин, при командировке в Вязники, по постановлению

---

[1]) В 1907 г., я поддерживал связи с Кулебаками из Питера, где работал нелегально. Заграничная связь со мною началось в 1908 г., когда я был в Париже. *А. Шл.*

организации. В феврале месяце происходят столкновения в отдельных цехах между рабочими и мастерами, вылившиеся со стороны рабочих в форму мести за грубое обращение—вывозка мастеров на тачке. За это высылается тов. Шмелов. В этом году Кулебакская организация начинает принимать участие в культурно-просветительной работе, вступив в члены правления о-ва народных развлечений. Через своих членов в правлении организация проводила лекции научного характера, которые читались в Народном доме широким массам, привлекая для этой цели учительский персонал. Постановлено было также удалить полицию из народного дома и заменить ее милицией, что и было проведено в жизнь. Полиция была устранена, и наблюдение за порядком было передано в руки рабочих, кандидатов в организации, под руководством тов. Калинина. Рабочее правление существовало 5 месяцев, до июня 1908 года.

В марте месяце арестовываются товарищи: Фадеев, Чевелев, Амилов, Акимцев по подозрению в эксе в Муроме на железнодорожной станции. Осужденных не было. Но во время суда один из участников бежал из зала суда и был расстрелян на улицах гор. Владимира. Первое мая празднуется демонстрацией. При выходе из завода были казаки, но столкновения не произошло. В этом же месяце приезжает тов. «Максим». В доме Догадина Степана происходит полемика между С-Р и С-Д. Собрание накрывает полиция. Собравшимся в большинстве удается бежать, за исключением Зайцевой, Просвиркиной и Рожнова. Происходит обыск, ничего не находят, оставшиеся арестовываются.

Налаживается связь с деревней. Для этой цели командируют т.т. Седова и Калинина в Саваслейку, и в пути 28 мая оба арестовываются. Была также установлена клеточная таблица, где в горизонтальном столбце вместо фамилий, был № товарища. Каждый член знал свой номер. По этим номерам отмечались ежемесячные взносы, на которые исключительно и существовала организация. Хотя в 1907 году касса партии пополнялась еще устройством подписок по цехам в пользу пострадавших и семей умерших рабочих, из суммы которых 50% шло в пользу организации. По этой же клеточной системе происходила раздача литературы, которая по прочтении возвращалась для обмена.

Количество членов организации по учету 1907 г. было от 150 до 180 человек. В октябре месяце бегут из Ардатовской тюрьмы т.т. Догадин Степан, Галанин И., Петров Дмитрий, он же Неведин. С получением паспортов от своей организации, товарищи уехали дальше, кто куда считал удобнее. После благополучных проводов товарищей, высылаются из пределов Нижегородской губернии Ябриков, Туманов и Гуляев—за прием, оказанный бежавшим. В конце 1907 года арестовывается ряд товарищей по подозрению в эксе и убийстве помещика Пономарева: т.т. Акимцова, Ерошкина, Чевелева, Ястребова, Грудцева. Оправдывается один Акимцев, остальные осуждены на 10 лет каторги. Массовые обыски продолжаются, но безрезультатно.

1908 год представляет расцвет Кулебакской организации. Выпускается много своей собственной литературы, которая распространяется за-раз по 200 экземпляров. Своей же собственной литературой снабжаются также окрестные деревни. Связь с деревней существует уже не случайная, а постоянная. Сношения с заграницей продолжаются. Получается заграничная литература. В это время существует уже богатая библиотека, которой заведует тов. Сумкин Д. И., распределяя литературу по кружкам низшего, среднего, и высшего типа организации. Так же распределяется им и заграничная литература. Кружковые представители обменивали литературу у библиотекаря Сумкина для всего кружка и распределяли ее между его членами.

1-ое мая празднуется однодневной забастовкой. За снятие с работ арестовываются и высылаются административно на 3 месяца: Пивоваров, Ивлев, Воронков. Яхонов, Монахов, Хальзов, Осипов, Фадеев, Мартынов и другие. В этом же году за

участие в эксе (экс был совершен без ведома организации, не признававшей последних), в деревне Полдеревке арестовываются товарищи: Рахманов, Роженцев, Суков и др. Тарасов убит при эксе. По суду Рахманову и Роженцеву дали по 8 лет каторги, Сукову 5 месяцев тюрьмы. Репрессии усиливаются, происходят поголовные обыски в цехах по ящикам рабочих, но обыски не дают благоприятных для полиции результатов и не могут, следовательно, влиять особенно на работу организации.

В конце 1908 года арестовывается член коллектива тов. Горячев, у которого при обыске находят печать организации Р. С.-Д. Р. П., а также литературу, после чего казаки почти безвыездно находятся в Кулебаках. Благодаря постоянным обыскам и слежкам собрания стали невозможны. Общая реакция по всей России порвала связь с другими организациями. Прекратилось общение, и Кулебакская организация очутилась заброшенной далеко от всего живого.

1909 год начинается арестами. Снова выдергиваются члены коллектива, арестовываются т.т. Калинин, в связи с арестом Горячева, и Корюхин, у которого находится фотографическая карточка одного из арестованных товарищей. Работа не остановилась окончательно, но, сжимаясь в тисках реакции, с одной стороны, недостатка сил, с другой—суживалась, несмотря на лихорадочно напряженную работу оставшихся членов коллектива. На происходящие массовые обыски отвечали прокламациями. Эта литература поддерживала бодрое состояние духа рабочих, но бесила полицию. С особенным рвением, сбиваясь с ног, старалась она отыскать головку организации и печатный станок, т. е. гектограф. Но снова не находя ничего существенного, полиция начинает сбиваться с верного пути и принимается за интеллигенцию. Арестовывается инженер Тагунов В. Н., у которого находят нелегальную литературу. Но реакция делала свое дело, и, наконец, 1 мая, которое организация решила отпраздновать выпуском первомайской прокламации, полиции удается напасть на верный след. Конспиративная квартира была провалена. Приходилось найти другое помещение, где бы можно было выполнять решения коллектива. Для этой цели было дано помещение сочувствующим партии С-Д Коганом, где и были арестованы оставшиеся члены организации—Демидов, Чудакова, Пантелова, вместе с хозяином квартиры Коганом Ф. Н. Этот арест выхватывает всех членов коллектива и убивает правильную регулярную работу окончательно. Но огонь, тлеющий среди оставшихся членов организации, прорывается с силой. Происходит срыв заводской администрации, вводится восьмичасовой рабочий день в субботу, что продолжается недели 4—5. За участие в этом завоевании в августе месяце удаляются с завода несколько товарищей: Шеканов, Пивоваров и др. Снова замирает работа, изредка лишь вспыхивая, в виде забастовок.

1910 год. Развал организации полнейший. Реакция усиливается. Аресты продолжаются. 1911 год проходит так же бесследно, как 1910 год.

В этом году происходит суд над участниками погрома квартиры пристава и разоружения полиции в 1905 году. Осуждены Милютин, Гусев, Капаев Г., Воробьев, Ивлев на 8 месяцев, Долбилкин, Рыжов, Сергеев—на 3 года арестантских рот—как инициаторы.

В ноябре этого года происходит суд над Кулебакской организацией в количестве 7 человек: Калинина Е., Горячева В., Чудаковой Е., Волкова И., Когана Ф., Демидова В., Пантелеевой Л.; осуждаются в ссылку на поселение с лишением прав: Коган, Волков, Калинин, Демидов. Остальным дали крепость от 3 до 4 лет.

В 1912 году происходит первомайская забастовка в связи с Ленскими событиями. Последствием ее явилось следствие над некоторыми товарищами, но дело было прекращено амнистией.

В 1913 году возникает работа больничной кассы, в которой принимают участие: Шершаков, Слепов, Зиновьев И., Жбанов и Козин. Первое правление больничной кассы было распущено директором завода Вавиловым, как неблаго-

падежное. Происходят выборы 2-го правления. Производятся добровольные взносы в пользу бастующих рабочих гор. Петербурга, Путиловского завода и других. В двух цехах—сталелитейном и бандажном—происходят кратковременные забастовки, пред'являются требования экономического характера. В 1914 году также происходит однодневная экономическая забастовка. В этом году приезжает тов. Петров Д., он же Неведин, со стороны которого были попытки поднять организацию. Наладить работу, за отсутствием сил не удается. Дело ограничивается организацией кружка из 6 лиц—3-х эс-эров и 3 С-Д-ов.

1-е мая ознаменовалось однодневной забастовкой. Работа организованного кружка хотя продолжает существовать и в 1915 г., но не развивается глубже. Замечается усиленная работа среди учеников коммерческого училища, организованная тов. Захаровым И. Н., учителем.

1-е мая 1915 г. не празднуется, настроение масс патриотическое. Идет усиленная работа на оборону, но под влиянием неудач в 1916 году замечается направление мыслей в сторону, противоположную патриотизму, и начинает усиливаться работа по созданию кружков. Организационная работа по созданию кружков идет вплоть до 1917 года.

Л. Пародня.

Революционное движение в Выксе до 1917 года.

В Выксе революционное движение, если можно употребить такое выражение, не отличалось широким размахом; обособленность от других рабочих центров вследствие географического положения, отсутствие просвещения, отсутствие путей сообщения, глушь—вот причины, способствовавшие замкнутой мещанской жизни.

До начала 900-х годов никакого революционного движения не существовало; доходили иногда слухи о каких-то «страшных» социалистах, но они были где-то далеко, и до нас, дескать, не дойдут. С 900 годов появляются в Выксе отдельные личности, выражающие «вольные» мысли, читающие революционную, главным образом легальную, литературу, например,—журналы, в которых помещались марксистские, а иногда и псевдо-марксистские статьи; они старались эту литературу распространить между своими знакомыми к таковым личностям относятся, например, врач Вознесенский.

В 1903 и 4 годах одним из приезжих на службу в завод химиком Зубковым начались устраиваться совместные чтения, на которые приглашались, главным образом, рабочие местных заводов; рабочие приглашались избранные, наиболее грамотные, а главное такие, на которых можно было положиться, что они не проговорятся. Собрания были немногочисленные, от 5 до 10 чел., происходили в частной квартире, окна тщательно завешивались, чтобы скрыться от взоров полиции (правда, местная полиция мало понимала толку в революционной опасности; она была занята разыскиванием шинков, чтобы в них напиваться); уже эта конспиративность революционизировала собравшихся. На собраниях без разбору читалось все, что казалось организации полезным: статьи из сочинений Добролюбова, Писарева, Эрфуртская программа, брошюры, и даже в сущности невинные передовицы из «Русских Ведомостей». Химик Зубков уехал, но рабочие не бросили занятий, они одни организовали такие чтения, собираясь по 5—6 чел., число читающих увеличилось. Чтения сопровождались беседами—о существующем политическом строе, о бедности, о бесправии масс и т. п., летом чтения происходили где-нибудь на лужайке в лесу.

В 1905 году в Выксу приезжали социалисты из организаций других городов, напр., из Н.-Новгорода, из Мурома. Тогда устраивались общие собрания передовых рабочих, где-нибудь в лесу,собиралось человек до 70 (вот как выросли кружки), и происходил митинг.

После манифеста 1905 года, в следующем году, приезжавшая на каникулы (летом) учащаяся молодежь с'организовала Выксунскую молодежь в партию соц.-революционеров, довольно многочисленную, человек до 50. Тогда и рабочие кружки более или менее об'единились и назвались партией соц.-демократов. Но члены той и другой партии не разбирались в вопросах—чем одна партия отличается от другой; даже и руководители партий хорошо не представляли себе этих различий, главное различие заключалось просто в следующем: рабочие были соц.-демократы, не рабочие—соц.-революционеры; впрочем, в числе последних были и рабочие из молодежи по чувству товарищества. Во всяком случае 1906 год дал возможность местным

революционерам собраться чаще, и большими группами, для чтений и бесед. Полиция знала об этих собраниях, но, благодаря своей растерянности, ничего не предпринимала. В 1905 году было издано масса революционной литературы, очень много, конечно, ее появилось и в Выксе, она воспитывала местных социалистов, распространялась ими между массами. Той и другой партией читалась литература без разбора—соц.-революционеров, соц.-демократов, даже кадетов, но вся эта литература так или иначе вырабатывала оппозиционное настроение участников, различия между той и другой партией стали выясняться, та и другая партии старались вербовать в свои ряды новых членов. С 1905 г. получалось много прокламаций из Мурома, из Н.-Новгорода, которые распространялись между рабочими массами и знакомили их с сущностью царских порядков.

Когда началась в России черная реакция, после 1907 года, когда полиция зорко начала следить за собраниями, партии постепенно замирали, собрания происходили реже и малочисленнее, пока не прекратились совершенно.

Ленские события не произвели впечатления в Выксе, и Выксунские рабочие ничем не реагировали на эти события, разве только у отдельного рабочего вызвали тяжелый вздох и судорожное сжатие кулаков.

Однако толчок, данный 1905—6 годам, не прошел бесследно: рабочие в одиночку продолжали заниматься частным исканием новых путей жизни, мировоззрение их вырабатывалось, крепло, делалось прочным.

Революция 1917 года нашла уже подготовленную почву для организаций рабочих. Быстро с'организовались вновь две партии: соц.-революционеров, и соц.-демократов.

Но организаторы партии соц.-демократов на организационном собрании большинством постановили принять тактику меньшевиков, и под этим именем организовалась партия. Нужно заметить, что разницу между большевиками и меньшевиками понимали только организаторы и потому впоследствии, после октябрьской революции, рабочие, тяготевшие всегда к большевикам, легко к ним перешли.

И. Т.

К истории Муромского землячества в Петербурге (1894—1914).

Вечером 20 октября 1894 года у дверей всех театров С.-Петербурга были спешно вывешены траурные аншлаги, извещавшие публику об отмене спектаклей по случаю кончины Императора Александра III в Ливадии, в Крыму.

Со смешанным чувством тревоги и радости публика читала это об'явление и молчаливо уходила прочь. В числе лиц, натолкнувшихся на такое об'явление у под'езда Панаевского театра, был и я, тогда студент Горного института. Быть одному не хотелось, чувствовалась потребность обменяться мыслями с друзьями, было ощущение того, что что-то оборвалось и ушло безвозвратно, и начинается неизвестное и новое.

В квартире у студента Академии Художеств А. В. Зворыкина, куда я отправился от театра, я встретил и студента-технолога Н. В. Кондратова.

Трудно передать все наши тогдашние разговоры, но хорошо помнится одна мысль, об'единившая нас: «Прошли, канули в вечность восьмидесятые годы, прошли без возврата».

Это значило, что прошла и реакция этих годов, и что мы стоим на пороге грядущих событий нового царствования. Пусть оно будет плохим, но только бы не было этой безнадежной стены, этой духоты последних годов царствования Александра III.

Таковы были наши, если не мысли, то смутные ощущения.

Я не сомневаюсь, что мы разделяли их с большинством тогдашнего русского общества.

В самом начале 90 годов два громовых удара потрясли его сознание: холера, а с нею поволжские бунты 1891 года и голод, официальный «недород» 1892 г.

К мысли о нашей нищете примешалось и острое сознание нашего народного невежества.

Общество всколыхнулось; последние могикане из народовольцев, вроде Астырева, томились в Петропавловской крепости; социал-демократическое рабочее движение еще не выступало на широкую сцену русской действительности, таясь в кружках, носивших еще неопределенный характер, зачастую с руководителями из бывших народовольцев (М. Бруснев и др.). На поверхности общества оказались либералы и реформисты разных оттенков, очень многие из которых примкнули впоследствии к трудовикам, народным социалистам и конституционно-демократической партии. Этим людям выпало на долю вписать славную страницу в истории русского просвещения своей интенсивнейшей и бескорыстной работой в известном Комитете Грамотности, состоявшем при Императорском Вольно-Экономическом Обществе еще с 1861 года.

С 27 апреля 1893 года, после выбора нового Совета в составе председателя Н. А. Варгунина, а за отказом его В. Ю. Скалона, товарищей председателя—А. М. Тютрюмова и Г. А. Фальборка и секретарей—Э. Э. Анерта, М. А. Лозинского, Д. Д.

Протопопова и В. И. Чарнолусского [1]), старинный белый зал Вольно-Экономического Общества в его здании на углу 4 роты Измайловского полка и Забалканского проспекта, этот «Парламент на 4-ой роте», как его любя и в шутку тогда называли, становится притягательным центром для чуткой молодежи из петербургского студенчества.

В Комитет Грамотности бросились помогать при его работах по издательству дешевой и здоровой литературы для народа, составлению и рассылке библиотек, устройству читален и статистике народного образования, предпринятой и проведенной Комитетом при дружном содействии учащихся...

В то время Комитет уже разрабатывал планы внешкольного образования, задумывал устройство библиотек при фабриках и заводах и намечал вопрос о создании народных музеев (будущих народных домов).

Число членов Комитета к 1 января 1894 года достигло цифры 644, возросши на 256 человек; к 1 же января 1896 года оно составляло 1.025 человек.

На вопрос каждого мало-мальски прогрессивно мыслящего студента: «Что делать, чтобы выйти из современного тупика?» — Комитет Грамотности давал точный и ясный ответ: «Всячески помогать народному просвещению!» и указывал всем своим примером, как это надо делать.

Можно ли удивляться поэтому, что студенчество, еще неприобщившееся к революционной борьбе, с головой уходило в просветительную работу, другим ярким примером которой была в Петербурге в то время деятельность вечерних Смоленских и Обуховских общеобразовательных классов для рабочих при Фарфоровском попечительстве за Невской заставой.

Вот почему в тот памятный вечер 20 октября 1894 года, когда со смертью Александра III с плеч России свалилась огромная тяжесть, мы, случайно собравшиеся студенты земляки-муромляне из трех разных и столь непохожих по специальности друг на друга высших учебных заведений, как Академия Художеств, Технологический и Горный институты, пришли к одной, далеко не случайной, мысли наладить работу по народному просвещению силами нашего маленького и неоформленного еще тогда землячества.

К этому склонял нас и пример уже возникших в университете, Технологическом и Горном институтах своих нелегальных, как и все, впрочем, тогдашние студенческие учреждения,—комиссий по составлению и рассылке народных библиотек. Комиссии эти питались ежемесячными сборами среди студентов, участвовавших в них, и уже делали свое дело, все более и более расширяя его в сторону устройства рабочих библиотек, т.-е. прямой помощи рабочему движению Петербурга и остальной России.

По примеру этих комиссий, нами принята была мысль, что землячество наше, целью которого, подобно некоторым другим, могла бы быть прежде всего экономическая взаимопомощь и кружковое саморазвитие и устройство собственной библиотеки для членов, должно сразу отбросить эту полезную, но, так сказать, эгоистическую цель и перейти к цели иной — альтруистической, обратить свои взоры на родной край, на свою провинцию и содействовать ее просвещению и политическому пробуждению.

Короче сказать, мы самонадеянно, но быть может справедливо, на общем фоне народного невежества признали свое образование достаточным для того, чтобы помогать другим, совсем не получившим его, выбраться на свет и свободу.

Из этой предпосылки произошли все наши дальнейшие действия и вся последующая эволюция землячества, как неоформленной еще политической и социальной группы студентов высших учебных заведений Петербурга.

---

[1]) К. Диксон и Б. Кетриц. С.-Петербургский Комитет Грамотности. (1861—1911). Исторический очерк и воспоминания. С.-Петербург., 1912 г., изд. газеты „Школа и Жизнь“.

Не помню, были ли у нас и часто ли бывали правильные собрания земляков-студентов, но скоро идея создания земляческой работы по рассылке народных и, как в первое время мыслилось, школьных библиотек по Муромскому уезду, Владимирской губернии, была принята и другими земляками (назову среди них, кроме трех указанных, студентов-технологов М. Н. Гладкова и А. А. Лебедева, студента Учительского института И. М. Губкина, студента-путейца А. В. Заорского и слушательницу Высших Женских Курсов В. В. Гладкову).

После этого были установлены членские взносы, кажется в 20 коп. в месяц, и было приступлено к сборам пожертвований среди всех муромлян, сочувствовавших нашей идее, в самом г. Муроме во время рождественских каникул 1894—1895 г.

Эти сборы, давшие около 20 руб., показались нам успешными, и по возвращении из Мурома члены землячества принялись за подбор и рецензии книжек и рассылку их по добытым адресам некоторых сельских учительниц, согласившихся и имевших мужество принять наш столь опасный в то время дар, чтобы раздавать книжки по знакомству крестьянам.

В первую очередь библиотечки, насколько мне помнится, были отправлены в школы ближайших к г. Мурому сел, расположенных за Окой, напр., Яковцево и Окулово.

Библиотеки эти составлялись из изданий Комитета Грамотности и других дешевых книжек, тщательно прочитывавшихся и рецензировавшихся нами во избежание какой-либо «ереси», за какую мы считали всякую мистику, суеверие и проповедь монархических начал, при этом мы пользовались нашим опытом по работе в своих комиссиях по учебным заведениям, а также помощью Комитета Грамотности и книжного склада А. М. Калмыковой на Литейном проспекте близ Невского. Там вечно кипела работа по подбору народных библиотек, и среди груды книжек, наваленных на пол и стоящих на полках и по стенам магазина, можно было видеть А. М. Калмыкову и пользоваться ее ценными советами.

Но уже и в то время мы вносили в посылаемые нами библиотеки нечто свое, путем подбора таких книг, какие являлись любимыми среди читателей земляческих и подобных им студенческих и рабочих нелегальных библиотек, как «Углекопы» Золя: «Овод» Войнича: «Черные богатыри» Конради: «На рассвете» Ежа и др.

Удивительно ли, что при таком социально-политическом уклоне мысли основной группы нашего землячества, в ней очень скоро возникли те же вопросы и споры, которые волновали в то время и Петербург. и Москву, и всю Россию.

Напомню, что в 1894 г. П. Струве выпустил свои известные «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России», кончавшиеся призывом «пойти на выучку к капитализму», а в самом начале 1895 года появилась в магазинах и книга Н. Бельтова (Г. В. Плеханова): «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», изданная А. Н. Потресовым и продававшаяся уже на новогодних студенческих вечеринках.

К сожалению, уничтоженный цензурой, сборник «Материалы к характеристике экономического положения России» со статьями левых марксистов (Тулина. т.-е. Н. Ленина—В. И. Ульянова и др.) был почти недоступен для широкого круга читателей и ходил по рукам студентов, как величайшая редкость, иногда по отдельным листам. Немудрено поэтому, что споры о народничестве и марксизме проникли и в наше землячество, отразившись в нем конкретно в постановке вопроса, куда посылать книги: крестьянам на руки, учителям в школы, или на фабрики и заводы рабочим.

Я позволю себе напомнить, что это было время широкого и быстрого распространения марксизма в русской интеллигенции: недаром, В. Вересаев озаглавил названием «Поветрие» свой нашумевший тогда рассказ.

П. Струве, Г. В. Плеханов и никому еще неизвестный Тулин (Вл. Ильин-В. И. Ульянов, Н. Ленин) разрозненными, но общими усилиями поражали народников и

субъективных социологов (В. Воронцов и Н. К. Михайловский) во всех их легальных и еще более нелегальных выступлениях.

Это было настоящее «поветрие», носившееся над Невой и всей Россией.

При таком настроении было естественно, что вопрос о посылке книжек на фабрики и заводы был решен в землячестве утвердительно, и, припоминаю, я настаивал, чтобы к библиотекам в 1896 году, когда уже существовал «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» присоединились и его прокламации и тогдашняя марксистская и иная нелегальная литература («Кто чем живет», Дикштейна, «О штрафах», «Что должен знать и помнить каждый рабочий», «Царь-голод», «Ткачи», Гауптмана, изданные подпольно в виде книжки малого формата в зеленой глянцевитой обложке).

Наши возможности были, однако, весьма ограничены: в Муроме была только одна большая льнопрядильная фабрика в Дмитриевской слободе, куда у нас имелась слабая возможность посылать книги чрез С. В. Хряпина. Не помню, однако, была ли тогда же использована эта возможность для нелегальных изданий; легальная же библиотечка послана была.

Для меня лично такое смешение легальной и нелегальной работы весьма скоро окончилось печально. Благодаря провокации студента Горного института Пономарева, принимавшего участие в работе комиссий по рассылке библиотек в Горном институте, где участвовал и я,—я был арестован 5 октября 1896 года, на следующую же ночь после предложения послать вместе с одной из библиотек и майский № «Работника». Не лишне напомнить, что это был тот самый Пономарев, который впоследствии сделал видную шпионскую карьеру; будучи, по настоянию студентов, исключен из Горного института, он сделался жандармским офицером, был замешан затем в дело провокационного перевоза нелегальной литературы через немецкую границу и появился, наконец, после революции 1905 года, в качестве помощника коменданта Государственной Думы.

Тот же Пономарев имел впоследствии удовольствие допрашивать в Петропавловской крепости и отправить в Шлиссельбург главного виновника своего исключения из Горного института б. студента Горного института Степ. Мих. Романова, анархиста, издававшего в Париже анархистскую газету и вернувшегося во время первой революции 1905 года в Россию.

Но оставим тяжелой памяти Пономарева в покое.

По освобождении из кратковременного заключения и окончании института весной 1897 года, я был выслан из Петербурга, чем и прервалась моя деятельность по землячеству. Годом раньше меня, покинули Петербург и М. Н. и В. В. Гладковы. Мне кажется, вместе с тем отошел и первый организационный период работы землячества, занявший 1894—1897 годы и приведший в конце его, после опыта легальной работы, к сознанию необходимости для землячества принять участие в все более и более развивающемся рабочем движении нашего местного края.

Вторым периодом деятельности землячества можно считать 1898—1901 годы.

После петербургских забастовок 1896 года, когда русское общество впервые узнало из правительственного сообщения о существовании нелегального «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» и Ветровской демонстрации 4 марта 1897 г., определенно наметились социальные и политические стремления назревающей и еще многим неясной тогда революции. В политическом сознании молодежи они отразились рядом студенческих волнений, забастовок, обструкций и демонстраций, когда сами студенты в большинстве своем полагали, что они борются за академическую, а не политическую свободу.

На этот же период падает и образование Р. С.-Д. Р. П. (1898) и несколько позднее партии С.-Р., а также пресловутые кружки Маркса в Горьковской «Жизни» и увлечение ревизионизмом Эд. Бернштейна.

Число студентов-земляков увеличивается в это время многими новыми членами (студент-технолог В. Н. Рябинин, путеец П. В. Суздальцев, курсистка А. К. Зворыкина, сестры Засухины, Е. П. и М. П. Суздальцевы и др.).

Вместе с тем землячество, с целью расширения своей деятельности, в 1898 году становится частью одного целого Владимирского землячества, в котором большую роль играли студенты - технологи С. Д. Кирпичников и В. А. Белоцветов.

Благодаря личной связи в этом землячестве завязываются у муромлян и тесные сношения со студентами-ивановцами, также вошедшими в общий состав Владимирского землячества, как-то: со студентами-технологами А. И. Павлычевым, В. А. Носковым, впоследствии под именем Бориса Николаевича известным в русской эмиграции в Швейцарии и бывшим в 1905 году членом Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. примиренческого направления, и В. С. Бубновым, побывавшим в 1902—1904 г.г. в Вятской ссылке. Все указанные ивановские студенты уже в это время принимали участие в местном с.-д. рабочем движении, и с 1898 года начинается поэтому усиленная посылка книжек и нелегальной литературы в г. Иваново-Вознесенск и с. Кохму.

Пределы деятельности муромлян об'емлют таким образом всю рабочую Владимирскую губернию.

В 1899 и 1900 г.г. к посылке библиотечек присоединяется посылка в те же районы и прокламаций Р. С.-Д. Р. П., особенно майских. Нельзя сказать, что эта последняя сторона деятельности землячества была удачной, так как в это время «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» принял экономическую окраску и сильно затушевывал политические требования рабочего класса.

В доставке прокламаций помогала в 1899 году «Комиссия по рассылке библиотек в Технологическом институте», которая в сущности была настоящей студенческой с.-д. организацией института.

Кроме того, использовались и личные связи земляков. Таким образом, уже в это время, оно состояло в определенной дружественной связи с с.-д. организацией Петербурга.

После высылки студентов за беспорядки 1899 года деятельность землячества временно замерла.

В 1900 году к землякам присоединился студент-технолог К. И. Гладков, на долю которого, за высылкою и за раз'ездом многих студентов после беспорядков 1901 года, вместе с одним из старейших членов землячества художником-архитектором А. В. Зворыкиным, выпала роль держать в своих руках все нити, связующие земляков в группу, занятую просветительно-революционной деятельностью. Некоторый разброд и ослабление этой деятельности землячества были совершенно естественными в это время, когда были разбиты силы студенчества.

Период 1902—1908 годов можно считать третьим и наиболее интенсивным периодом просветительно-революционной деятельности землячества.

На эти годы падает революция 1905 года, делящая его на две, почти равные части: дореволюционную и последующую, вплоть до времени реакции 1908 года, внесшей весьма сильное изменение и в направление деятельности Муромского землячества.

К началу третьего периода работы с 1902 г. и особенно с осени 1903 г. Муромское землячество сильно расширяется по составу, так как к старым студентам, выброшенным из Петербурга волнениями в высших учебных заведениях и теперь возвращающимся обратно, примкнули и молодые студенты, только что окончившие курс в Муромском реальном училище и приехавшие в Петербург. По приблизительному подсчету земляков-студентов, принимавших участие в землячестве, в это время собирается в Петербурге от 20 до 25 человек (сюда входят, из наиболее деятельных, А. А. Серебренников, Мих. Вальц, Д. Засухин, К. В. Кондратов, Л. Фанталов, Н. К. Леошкевич, А. И. Лебедев и др.).

В это время землячество, благодаря влившейся в него с приездом завзятого библиофила А. А. Серебренникова энергии, усиленно перестраивается, и старые его члены отходят в сторону. Впоследствии, после 1904 года, уже не студенты, они имеют возможность участвовать в землячестве в качестве почетных его членов (художник-архитектор А. В. Зворыкин и я).

В студенчестве в это время появляются лица, материально нуждающиеся, поэтому членские взносы устанавливаются по желанию и возможности для каждого, в 10, 25 и 50 коп. в месяц.

Вместе с тем у землячества налаживается постоянная связь с учениками Муромского реального училища, где формируются кружки для самообразования, и при содействии землячества значительно пополняется вольная ученическая библиотека. Свои средства землячество, кроме взносов, черпает в это время из денежных отчислений, поступающих нуждающимся студентам с концертов, ежегодно устраивающихся в г. Муроме в реальном училище во время рождественских каникул с'езжающимися туда студентами из Петербурга, Москвы и Киева.

В Петербургском кружке деньги эти передавались студентами в кассу землячества, и значительная часть их поступала на расширение его средств для закупки библиотек, а с 1904 г. также для оказания помощи заключенным землякам.

Мало-по-малу, муромское землячество, освободившись от опеки Владимирского землячества, зажило снова своей самостоятельной жизнью, но из общения с более обширной группой земляков—собственно владимирцев из г. Владимира и из г. Иваново-Вознесенска,—оно усвоило себе расширенные взгляды на характер и область своей деятельности. С этой поры Муромское землячество вышло из области рассылки книжек и нелегальных изданий в пределах собственно Муромского уезда, что бывало и раньше, но в виде как бы исключения, и распространило свою посильную деятельность на всю губернию и преимущественно на ее фабрики и заводы.

Такая его деятельность не осталась незамеченной среди студенческих высших учебных заведений, оставаясь, к счастью для членов землячества, скрытой от глаз жандармского начальника и полиции.

Различного рода революционные группы входят в это время в сношения и связи с муромлянами, при чем связь с с.-д. организациями поддерживается через художника-архитектора А. В. Зворыкина, имевшего сношения со студентом-«искровцем» Ник. Эссеном, ныне членом Р. К. П. В то же время заводится и кратковременная связь с технологами, представителями с.-р. журнала «Революционная Россия», связь, скоро прекратившаяся вместе с известным провокационным провалом типографии журнала в Сибири.

С другой стороны новые члены сами усиленно ищут связи с революционными кружками Петербурга, чтобы откристаллизовать свое миросозерцание и заполнить бреши, которые являлись при чтении легальной литературы. Усиленно читается и даже перепечатывается на гектографе нелегальная литература. Некоторые земляки входят в партийные кружки для самообразования. С 1903 г. зем-во начинает испытывать некоторые утраты (в феврале арестуют, правда без всякой связи с деятельностью землячества, студента-технолога К. Н. Гладкова и, после заключения, в июле высылают в гор. Муром, откуда он возвращается для отбытия военной службы в лейб-гвардии Семеновском полку в ноябре 1904 года.

За лето 1903 г. заводятся сношения с рабочими кружками в самом г. Муроме, и землячество становится на еще более широкий путь землячества для всех муромлян в Петербурге, не ограничивая их рангом студентов. Осенью на большом организационном собрании порываются сделавшиеся затруднительными и излишними земляческие связи с ивановцами, и муромское землячество становится снова вполне самостоятельной организацией, уже очень близко подходящей к типу революционной. На этом собрании определенно формулируется задача зем-ва—революционно-про-

светительная деятельность среди рабочих кружков своего края путем подбора и рассылки библиотечек.

Впервые посылаются библиотеки и нелегальные издания в рабочие кружки г. Мурома и Кулебакского горного завода (Кулебаки, Нижегородской губ.), как смежного с Муромом и тяготеющего к нему.

Бюджет землячества за год к этому времени определяется в сумме 100 руб., примерно, слагающийся: из членских взносов—30 руб., пожертвований разного рода—20 руб. и доходов от ежегодного концерта в гор. Муроме—50 руб., т.-е. весьма по тем временам достаточный.

Кроме того, через петербургских студентов-муромлян приходили единовременные сборы с концертов в Муроме, достигавшие иногда 300 руб., употребляемых на пополнение соответственной литературой городской и других библиотек г. Мурома.

В землячество за это время входили студенты Технологического, Горного, Политехнического, Электротехнического институтов, института Путей Сообщения, Института Гражданских Инженеров, одно время Академии Художеств, Высших Женских Курсов, Курсов П. Ф. Лесгафта, Лохвицкой-Скалон, Женского Медицинского Института и др. учебных заведений, университетских не было, так как из Муромского реального училища нельзя было в то время поступать в университеты.

С 1904 года окрепшая организация муромских земляков занялась посылкой больших библиотек в рабочие районы, а именно в с. Вачу, Новоселки, Казаково, в центр муромской ножевой промышленности в район фабрики Кондратовых. К концу 1904 г. относятся связь з-ва с кружком Шляпникова в Муроме, выразившаяся в усиленном снабжении его книгами.

В библиотеки ценой 15—20 руб., частью в переплетах, входили революционная беллетристика (Зола, Джиованнолли, Войнич, Еж, а впоследствии Горький «Мать» (загр. изд.) и пр. книги), книги по политической экономии (Свидерский: «Труд и Капитал», А. Богданов: «Курс политической экономии») и другие легальные и нелегальные издания.

В том же году земляки приняли деятельное участие в работе Политического Красного Креста, требовавшей много мелких хлопот о заключенных и не всегда безопасной.

Вместе с тем у зем-ва являются новые заботы о своих заключенных земляках. Летом 1904 г. в Петербург привозят из Киева в дом предварительного заключения земляка с.-р. Ф. Казанского. К Казанскому командируется «двоюродная сестра» Н. Леошкевич. В этом же году арестуют М. Вальца. Позднее Дмитриевскую. Землячество организует им помощь деньгами, передачами, книгами.

В 1904 г. в землячестве принимали значительное участие А. И. Хавская, которая вместе со студентом-путейцем А. П. Лебедевым, электротехником Кильдишевым и электротехником Мих. Вальцем организовала среди земляков с.-р. группу: группа эта пользовалась частью средств землячества пропорциональную числу членов ее. Насколько мне известно, деятельность земляков социалистов-революционеров состояла также в рассылке библиотек по своим собственным адресам, а также в поддержке экономического течения в землячестве в сторону материальной взаимопомощи.

Конец 1904 года, ознаменовавшийся в политике расцветом «эпохи доверия», повлек за собою новый под'ем деятельности землячества. К этому времени относится и мое возвращение из ссылки в Вятской губернии в С.-Петербург, сначала на временное жительство, сделавшееся после революции 1905 года постоянным.

Занятый большими политическими событиями 1905 год еще более оживил работу землячества. Забастовки в высших учебных заведениях Петербурга заставили земляков постоянно передвигаться из Петербурга на родину и обратно. Комитет з-ва учел это обстоятельство и теснее связался с районом своей деятельности. Помимо более интенсивной пересылки литературы, комитет деятельно информирует

места о каждом значительном политическом событии этого года. До провинции отклики этих событий докатывались с большим опозданием. Так, в день Татьяны 12 янв. 1905 г. в Муроме состоялась вечеринка, на которую собрались все местные педагоги и чиновники—бывшие университанты. Пригласили и студентов. Лились сладко сантиментальные речи об единении между «отцами» и «детьми». Говорили тосты, пили... В то время, когда в моргах Петербурга лежали трупы павших 9 янв. И вот диссонансом в общее благодушно-умиленное настроение врывается речь К. Кондратова о пролитой крови петербургского пролетариата. Прочитывается письмо члена комитета с подробностями о дне 9 января.

Позднее з-во посылало своих членов для участия в выборной кампании в Государственную Думу. Кстати сказать, что социал-демократический кружок землячества в большинстве своем примыкал к большевикам. Получив с места информацию о засилии меньшевиков в Муроме, петербургский кружок обсудил все обстоятельства и командировал своих членов, снабдив точными инструкциями о проведении большевистской линии и книгой литературы по тому же вопросу.

Землячество постепенно усваивает методы деятельности и дисциплину партийной организации. Ни один земляк не смеет отказаться от возлагаемых на него поручений. Командировки эти не всегда были безопасны. Подбор литературы, наличие нескольких экземпляров одной и той же книжки, нелегальная литература—все это могло служить достаточным материалом для ареста и привлечения к суду. Поэтому бывали случаи, что тот или иной земляк пытался увильнуть от исполнения поручений. Но дисциплина брала обычно верх, и литература попадала куда надо. Об одной такой поездке со своим обычным юмором рассказывает К. Кондратов. Он отправился в Гусь-Хрустальный... жениться. Комитет з-ва не преминул вручить ему литературу и разные поручения в кружок рабочих, с которыми были связи. В день свадьбы К. направился с литературой по указанному адресу и только по счастливой случайности встретил знакомого, который предупредил, что в этом доме засада. «Вот так женили бы!» — вспоминал он впоследствии.

Бывали случаи, что земляческие транспорты накрывались жандармами. Так было с кипой книжек, направленных в Меленки с гимназисткой М. Леошкевич, сестрой Н. Леошкевич. Квартирная хозяйка Ольдероге, у которой проживала М. Леошкевич, нюхом опытного сыщика сразу почуяла в этой невинной пачке книжек посягательство против существующего строя и донесла. Перед самым от'ездом в Меленки, когда уже были поданы лошади, нагрянули синие мундиры, и зловредные книжки были отобраны.

В 1905 г. усиливается рассылка библиотек.

Расцвет книгоиздательской деятельности с 1905 года, весьма повлиял на состав земляческих библиотек, влив в них целую серию книжек марксистских изданий «Нового Мира», «Молота», «Колокола», а из с.-р'овских—«Русскую историю», Шишко, в то время заменить которую было нечем, так как ни книги Н. Рожкова, ни книги М. Покровского еще не было и в помине [1]). З-во закупает эту литературу большими партиями и транспортирует ее с земляками целыми корзинами.

В самом землячестве к тому времени была организована библиотека для земляков, состоящая сначала исключительно из нелегальных изданий (журналы: «Искра», «Освобождение», «Заря», несколько позднее «Пролетарий» и «Вперед»; Бурцев «За 100 лет», П. Кропоткин «Записки революционера», Плеханов «Наши разногласия» и др. работы,—Степняк: «Подпольная Россия», «Андрей Кожухов»); затем к этой библиотеке начали присоединяться книги по новой беллетристике.

---

[1]) При составлении библиотек землячество пользовалось указателями: А. В. Попов. Домашние библиотеки, изд. 2 е, в переработке А. А. Сребренникова для нужд землячества, Платон Лебедев. Библиотека социал-демократа, Струмилин. Краткий указатель литературы марксизма и другими.

В течение после революционного промежутка 1906—1908 г.г., совпавшего с открытием и разгоном Государственной Думы первого и второго созывов, землячество стало на совершенно нелегальную работу и посылало книги в рабочие районы в 1906 году в Гусь Хрустальный (по нескольким адресам), в 1907 году в Шую и Кохму и в 1908 году в Ковров, Вязники и Меленки. Связавшись с с.-д. организациями этих местностей, оно в свою очередь получало от них деньги с просьбою высылать новые библиотеки. Его средства составлялись в это время, кроме членских взносов и отчислений с концертов, из денег, присылавшихся с мест и от разного рода земляческих предприятий, из которых, мне помнится, было изготовление разного рода революционных открыток,—что практиковалось, кстати сказать, и раньше, когда, кроме открыток, в 1902—1903 г.г. землячество пыталось заниматься издательской деятельностью, печатая на гектографе в квартире К. Н. Гладкова «Историю революционного движения в России» Туна и отдельные статьи из «Подпольной России», Степняка, а также размножая нелегальные стихотворения на злобу дня разного рода (напр., против князя Мещерского и пр.).

С открытием 2-й Государственной Думы землячество издало и пустило в продажу открытку с портретом своего земляка по Владимирской губернии члена Думы от Иваново-Вознесенска с.-д. рабочего Н. А. Жиделева, и, надо признаться, потерпело, почему-то, на этой операции убыток, вероятно, вследствие краткости существования 2-й Думы.

Точно также землячество занималось продажей в свою пользу и открыток с портретом С. А. Воронина, ивановца, члена 3-й Государственной Думы.

В 1906 году вступили в землячество студенты С. И. Гуреев, Л. Вденкопская, Над. Фридберг и в 1907 г. Е. Мошенцева и А. Пропина, относившие себя к с.-д. меньшевикам, но дружно работавшие в общей с.-д. группе землячества и не вносившие в нее никаких трений.

К тому же периоду относится вступление в число земляков и А. Г. Шляпникова, появившегося в Петербурге в 1907 году, перед побегом за границу, и осуществившего этот побег с помощью и по паспорту на имя технолога П. И. Гундобина, а также и другого земляка П. А. Галанина, рабочего металлиста из Кулебак.

Члены землячества в это время настолько вовлеклись в революционную работу, что хранили нелегальную литературу, бумагу для типографий, часто и сами занимались печатанием с.-д. прокламаций, давая сплошь и рядом приют нелегальным работникам.

Трудно перечислить в небольшой заметке все многообразие деятельности землячества и отдельных земляков; напомню лишь об одной, ныне совершенно утраченной стороне ее. При сношении с рабочими организациями велась строго конспиративная переписка. Письма, по свидетельству А. А. Серебренникова, писались лимонным соком или молоком, рассыпаясь после проявления их на огне на мельчайшие частицы от малейшего прикосновения. Кроме того, они, конечно, уничтожались ради конспирации. Но отрывки некоторых из них, наивных и порывистых, сохранились в моей памяти. Так, товарищи из Гуся Хрустального свою просьбу выслать поскорее книжек и литературы, сопровождали указанием, что книги читаются ими «с львиной жадностью». Это простодушное выражение, вошедшее у нас впоследствии в поговорку, мне кажется очень характерным для революционно-борющегося пролетариата: его жадность к свету и стремление к свободе были поистине л ь в и н ы м и!

В сущности этот уклон землячества в сторону революционной работы обошелся ему весьма дорого. За время занятия революцией, неизбежно конспиративного, связи с земляками у руководящей группы землячества (А. А. Серебренников и другие) сильно утратились. К тому же после революционного периода настала эпоха реакции, и землячество на своих общих собраниях с 1908 года стало отказывать в выдаче средств на рассылку библиотек, переходя постепенно к принципу эконо-

мической взаимопомощи, столь упорно отвергавшемуся частью земляков во имя иной революционной работы.

Это же обстоятельство, в связи с легализацией землячества с 1907 года, послужило и вообще к упадку его деятельности. Земляческая анкета, разосланная землякам с просьбою заполнить ее к 10 ноября 1908 года, весьма любопытна тем, что в ней очень хорошо отразились все нужды и стороны деятельности Муромского землячества. Одним из пунктов ставился в ней вопрос: «Что является по Вашему мнению важнейшей задачей землячества в настоящий момент (материальная взаимопомощь, поддержание оппозиционного настроения в студенчестве, культурно-просветительная пропаганда»?).

Землячество остановилось на первой задаче.

В связи с этим, оно в 1908 году в последний раз ассигновало деньги на рассылку библиотек.

Этим можно бы и закончить обзор просветительной деятельности землячества, если бы она персонально и по инерции не продолжалась группой лиц с А. А. Серебренниковым во главе, вплоть до лета 1914 года, на свой страх и риск, пользуясь деньгами, присылаемыми от местных с.-д. рабочих партийных организаций.

Этот период, с некоторой натяжкой, но по справедливости,—можно было бы назвать четвертым и последним периодом революционно-просветительной деятельности Муромского землячества. Прекратив и эту работу, война, а затем от'езд А. А. Серебренникова из Петербурга поставил точку на этой любопытной странице из жизни и деятельности учащейся молодежи в Петербурге до времен Великой русской революции 1917 года.

Мне остается только подвести некоторые итоги.

Начавшись, как либеральное движение, связанное с пробуждением политической самодеятельности русского буржуазного общества, проявившимся со средины 80 годов прошлого века,—просветительная работа Муромского студенчества в Петербурге, возникшая в первой половине 90 годов, быстро приняла революционную окраску в связи с развитием и успехами рабочего движения России. При буржуазном составе своих членов, землячество нашло в себе силы и мужество отвернуться от буржуазной идеологии, включить в свой состав и с.-д. рабочих и поставить себе, в конце-концов, чисто партийные задачи.

С этой точки зрения просветительная работа Муромского землячества, не могущая быть не отмеченной и забытой в широком русле просветительной деятельности русского общества, приобретает особое значение и для с.-д. партийного рабочего движения России, как один из маленьких ручейков этого движения со всеми его горями и радостями, удачами и неудачами, имея право на внимание пролетариата России.

А. Рябинин.

5 июня 1923 г. Петербург.

Ученическое движение в средне-учебных заведениях (1900—1908 г.г.).

Переверните страницу истории и приглядитесь к условиям развития русской общественной жизни конца XIX века и вы увидите, что дореволюционное движение молодежи в наших высших и средних учебных заведениях не было чем-то самобытным, особым и оторванным от этих условий; вы увидите, что оно тесно связано с ними, что оно явилось лишь прямым следствием, прямым оттолоском того движения, и главным образом, рабочего, которым знаменательна грань между двумя столетиями, девятнадцатым и двадцатым.

Необычайный под'ем нашей промышленности, сменивший кризис 90 г.г., вызвал к росту и все силы, таившиеся в глубине помещичьей России. Начинают строиться фабрики, расти заводы, население городов увеличивается за счет деревни. Деревня тает... И земледелец, оторванный от земли, под влиянием фабрики превращается в пролетария. Рабочий класс растет и ширится... Условия жизни его с непомерно низкой заработной платой, с безграничю-длинным рабочим днем, с отсутствием почти всяких законодательных мер по охране труда его, с самой жесточайшей эксплоатацией, наконец,—пробуждают все больше и больше его классовое сознание, развивают в нем чувство солидарности, организуют его. Рабочий класс зреет и крепнет, вступает в борьбу. Подпольные организации социал-демократии зарождаются в рабочих районах, на фабриках, на заводах, ведут политическую работу и поднимают рабочих на стачечную борьбу.

К концу XIX столетия стачка делается обычным и даже непременным условием рабочей жизни. Она быстро бежит с одного промышленного края России на другой, захватывает то рабочих Петербурга и Москвы, то южных промышленных центров, перебрасываясь до самых отдаленных окраин России.

Рабочий класс бурлит и борется. Борьба все более и более из экономической переходит в политическую, в борьбу против самодержавия. И если до 90 г. г. существование рабочего класса, как класса, подвергалось у нас сомнениям, то могучее развитие рабочего движения за последнее десятилетие XIX века окончательно разрушило эти сомнения. Мысли первых марксистов, Г. В. Плеханова в частности, подтверждались с каждым годом.

Рабочий класс оставался единственным, способным двигать революцию до победы над царизмом. Развитие революционной борьбы, образование рабочих политических организаций «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» (1895 г.) «Бунда» (1897 г.), борьба с ними царского самодержавия, начало царствования Николая II, ознаменовавшееся Ходынкой; Петербургская стачка 1896 года, вспыхнувшая немедленно же после коронации, с тысячами искалеченных трупов,—все это были такие события, которые не могли быть скрыты от внимания так наз. общества, а следовательно, и учащейся молодежи.

Революционное движение не могло не затронуть подрастающее поколение и не могло не оказать своего влияния на него, тем более, что ни семья, ни школа не

удовлетворяли запросов юношеских натур. Семья с ее патриархальным главенствованием, а следовательно, и деспотизмом, не могла воспитать ребенка для общества.

Общество же, построенное на классовом принципе, с постоянно развивающейся классовой борьбой, имело лишь определенную цель—создание таких членов, которые не могли бы посягнуть на разрушение основ этого общества. Каждый же глава семьи понимал эту цель гораздо проще: являясь сам благонамеренным членом этого общества, при воспитании ребенка он ставил для себя определенную задачу—выработать из ребенка точный тип, точную копию или самого себя, если он был доволен своим положением в обществе, или того лица, которого он считал самым счастливейшим на жизненном пути окружающей его среды.

Со всем непониманием детской натуры, со всей грубостью и жестокостью старших, обладающих неограниченными правами в буржуазной семье по отношению к совершенно бесправным младшим, семья воспитывала молодое поколение, при чем все «воспитание» сводилось к стремлению убить в ребенке его личную жизнь, его личное «я», подавить его развивающуюся волю, выработать в нем покорность, беспрекословно-рабское подчинение воле старших и сделать его отблеском окружающей среды.

С наступлением же школьного возраста, коверкание натуры ребенка происходило с двух сторон: и со стороны семьи и со стороны школы, и при полном их взаимодействии и согласия;—то, чего не могла сделать семья, доделывала школа, и наоборот. При чем на прямой обязаности школы лежало не только продолжение «воспитания» ребенка в том же направлении, в каком оно было начато в семье, но и дальнейшее развитие и укрепление принципов бюрократического общества. Школа должна была уже окончательно выработать будущих членов бюрократического государства, она должна была окончательно выделить из всей массы юношей только самых восприимчивых к усвоению бюрократического управления; и, являясь лишь ступенью к чиновнической карьере, этого непременного придатка самодержавного строя, должна была дать новые, молодые кадры чиновников на смену старым, уходящим бюрократам. И если низшая и средняя школы должны были дать общее развитие и укрепление в юношеских натурах принципов бюрократического мышления, то высшая—должна была уже отшлифовать, отделать окончательно юношеские натуры, разбить их по специальности, дать уже надежные кадры чиновников высших категорий.

Отсюда то громадное внимание к учащимся всех учебных заведений со стороны «начальства»—особенно внимание не на учебную сторону, а на сторону политической благонадежности, уродливой, скверной, столь необходимой для самодержавного режима.

Отсюда и то наблюдение, та система сыска, где, начиная от помощника классного наставника до директора, от городового до губернатора, десятки глаз, не отрываясь ни на одну минуту ни днем, ни ночью [1]) следят за каждым проявлением характера развивающегося маленького существа, копаются своими руками в их душах, записывают изо дня в день свои наблюдения и в результате их, выбрасывают за стены школ всех непокорных, всех упрямых, всех своенравных. Для этого существовала целая система «черных» списков, рассылавшихся попечителями округов по всем учебным заведениям,—целая система поощрения ученического сыска, подхалимства и пр.

Сыск был основой всей воспитательной работы учебных заведений. Всему училищному начальству постоянно предписывалось немедленно сообщать о всех признаках влияния агитации среди учащихся, предписывалось немедленно принимать «самые неуклонные меры к устранению всякой возможности агитации в стенах за-

---

[1]) Ночные обходы ученических квартир, практиковавшихся в гор. Муроме при директоре реального училища Г. Ф. Макарове.

ведений; заботиться, чтобы воспитанники высших учебных заведений не могли оказывать вредного влияния на учащихся средней школы; иметь особо бдительный надзор за учениками, живущими на ученических квартирах, и даже переговорить с начальником губернии о совместных действиях ведомств к ограждению учащихся в средней школе от всяких агитационных попыток» [1]).

Школа была лишь государственным орудием, государственной фабрикой для обработки юношеских натур, поэтому и ведение школьного дела могло быть поручено только чиновникам, искушенным в борьбе за свою карьеру, с их чиновнически бездушно-формалистическим отношением к делу, но опытных в деле сыска. Благодаря этому, школа никогда не пользовалась никаким авторитетом у учащихся; учащиеся никогда не относились к ней с полным доверием и любовью; в учебном персонале не видели своих ближайших советников и руководителей. В мягкой, честной, не искушенной еще в жизненных передрягах, натуре ребенка, с ее громадной наблюдательностью и впечатлительностью не могла не отразиться вся уродливость домашнего и школьного воспитания, не могла пройти незаметно мимо, и ребенок сначала открыто, а затем тайно, протестовал против существующего положения дел, протестовал всеми фибрами своего существа, протестовал всеми силами, всеми мерами, доступными ему. Протестовал и тогда, когда ломал училищные пособия, когда обливал чернилами или тушью стены классных комнат, когда бил стекла у особо нелюбимых преподавателей, когда рядом насмешек и иногда очень злых поступков доводил особо нервных учителей до сумасшедшего дома; когда, наконец, после длинных, тайных наблюдений, ловил и избивал их; одним словом, протестовал всегда и всюду против ненормальностей постановки школьного дела.

Неудовлетворительность и несостоятельность всей школьной системы особенно заметна была для более старшего юношеского возраста—студентов; отсюда наряду с революционным движением, в конце XIX столетия и возникает ряд студенческих «беспорядков», в результате которых тысячи студентов были изгнаны из университетских городов, лишены права обучения и по разным городам отданы под надзор полиции.

Революционное движение рабочих, несостоятельность школьной системы, общение с ссыльными «крамольниками» студентами вызвали революционное движение и в средней школе. До конца XIX столетия ученическое движение в средних учебных заведениях не носило характера правильно-организованного движения, и только с 1899 г. делаются попытки создания одного мощного союза ученических организаций, «с целью подготовки себя для жизненной борьбы», под названием «Всероссийского Гимназического Союза». Устав «Всероссийского Гимназического Союза» и воззвание «Нашим товарищам», выпущенное «Киевским Центральным Отделением Союзного Комитета об'единенных организаций и кружков» в 1900 г., были разосланы по всем учебным заведениям крупных городов России.

Устав «Всероссийского Гимназического Союза» ставил своей задачей поддержку и пропаганду организационного дела среди учащихся средней школы «с целью поднять их умственный и общественно-нравственный уровень» (§ 1). Воззвание «Нашим товарищам» указывало путь, по которому должно итти организационное дело среди учащихся.

«В жизни человечества», говорится в воззвании: «на каждом шагу встречается много явлений, которых нельзя коснуться слегка, а которые, напротив, требуют детальной разработки, тщательного размышления. Развитие общественных форм, возрастающая сложность человеческих отношений увеличивают число подобных явлений, выдвигают все новые и новые вопросы, ответ на которые требуется немедленно, неотложно». Но ответа школа дать не может. И целый ряд неразрешимых

---

[1]) Секретное отношение попечителя Москов. Учебн. Округа за № 1588, от 12 Мая 1900 г., на имя директора Муромского Реального училища.

вопросов в конце-концов, образует сильную преграду, которую можно взять только приступом.

А для приступа нужны силы, нужна боевая организация в виде всестороннего систематического образования», которое и можно получить только в том возрасте, в каком находятся учащиеся средней школы. Школа же может дать лишь груду ненужных исторических фактов, теорем, цифр и формул без всякой об'единяющей идеи, без всякой систематической, последовательной связи. «И помните», говорит дальше воззвание, что «никакие реформы, которые желает теперь предпринять правительство, этому злу не помогут, т. к. теперешняя система, даже все основание этой системы, глубоко коренится в условиях современного строя, является совершенно негодною». А потому «мы должны выставить оппозицию против окружающей нас рутины. Мы должны сами подавать друг другу руку помощи, поэтому смело принимайтесь, товарищи, за дело!» организуйтесь, составляйте кружки, воспитывайте себя, «готовьте себя к бою» и, «идя рука об руку с угнетенным классом, мы только тогда сможем:

«помочь горю великому — горю народному»,
«сослужить службу великую — службу народную».

Далее воззвание дает программу ведения занятий в кружковых организациях. К 1903 г. «Всероссийский Гимназический Союз» имел уже крупные «противоправительственные ученические организации»: 1) в Петербурге — «Организация средне-учебных заведений», 2) в г. Харькове — «Союз учащихся» и 3) в Киеве «Центральное отделение об'единенных кружков и организаций средне-учебных заведений» и второстепенные: в Москве, Н.-Новгороде, Пскове, Минске, Иркутске, Ярославле, Новгороде, Пензе, Орле, Туле, Костроме, Серпухове, Саратове, Чите, Белостоке, Вильне, Варшаве, Симбирске, Самаре, Калуге, Витебске и Екатеринбурге [1]).

В одном из городов средней полосы России (Н.-Новгороде!) имелась даже ученическая боевая организация.

Все эти организации поддерживали постоянную связь с петербургской «организацией средне-учебных заведений» и, кроме того, общение достигалось и путем с'ездов в Перми, Москве, Ростове, Киеве, Саратове, Варшаве, на которых вырабатывались программы дальнейших действий Союза.

Конечной целью являлось образование единого Всероссийского Союза. Некоторые кружки юга России включили в свою программу изучение и пропаганду идей социализма.

Имелись и периодические издания: в Петербурге — «Свет», Орле — «Юное слово», Москве — «Вперед», Н.-Новгороде — «Юность» и др.

Движение распространялось и даже вызвало тревогу среди высшего учебного начальства Округа, откуда сейчас же посыпались запросы начальникам ср.-учебных заведений относительно «мер противодействия развитию среди учащихся средне-учебных заведений противоправительственных кружков [2]). Не имея под руками достаточного материала и времени, мы не можем сказать, какова дальнейшая судьба этого Союза, но для нас важен факт, что ученическое движение существовало, что оно развивалось, что оно явилось следствием всего уклада государственной жизни царской России. И Муромские средне-учебные заведения не могли остаться в стороне: общее движение захватило и их.

В 1900 г. на запрос Округа о том, известно ли ученикам содержание устава «Всероссийского Гимназического Союза», и воззвания «Нашим товарищам», ди-

---

[1]) Конфиденциальное отношение Министра Внутренних дел Плеве за № 1865, от 25 мая 1903 г., на имя попечителей учебных округов.

[2]) Секретное отношение Попечителя Московского Округа за № 777, от 26 марта 1903 г. на имя начальников средних учебных заведений.

ректор реального училища г. Марков пишет, что «прямых и явных указаний на это не имеется, но вместе с тем признает «тот грустный факт», что под влиянием неизвестных ему причин с некоторых пор стало замечаться в общем направлении учеников старших классов «нечто», чего прежде не было, а именно: в обращениях учеников к преподающим проявляется какая-то резкость, высказывание недовольства постановкой дела в средней школе, о неудовлетворительности методов, о рутине и пр. В поведении же учеников стало обнаруживаться больше нарушений ученических правил и классной дисциплины и как бы игнорирование распоряжений и т. п. Эти обстоятельства побудили Педагогический Совет принять довольно серьезные «карательные» (так пишет директор!) меры, как-то: заключение в карцер на 24 часа и даже удаление некоторых учеников».

Далее директор жалуется, что вредное влияние оказали некоторые студенты, что они может быть после концерта в зале реального училища 29 декабря 1899 г. сообщили ученикам Устав и обращение «Всероссийского Гимназического Союза», что он и инспектор бороться против этого влияния не могут, что студенты и учащиеся реального училища—родные по семье, а потому родители замалчивают о поведении учеников; полицейские власти не сообщают ему своих наблюдений, а большинство учебного персонала относится индифферентно к учащимся вне класса и, таким образом, директор и инспектор остаются совершенно одинокими в деле наблюдения за учениками [1]).

Директор и инспектор одиноки в деле сыска!.. Они одиноки!.. но, однако, «оставаясь всегда верными долгу службы, все зависящие меры для достижения благих воспитательных (?!) целей принимаются и неуклонно приниматься будут».

Директор г. Марков, сообщал, что он и инспектор одиноки в деле наблюдения, очевидно, преуменьшал из-за каких-то, ему только известных, целей, свои способности в деле сыска. Никогда еще сыск не был так развит, как при нем: поголовные обыски учеников, одиночные допросы всего класса, неожиданные посещения учеников днем и ночью, даже живущих у родителей,—вот те воспитательные меры, какие принимались им в деле достижения «благих воспитательных целей».. Наследство этих «воспитательных» мер оставалось в муромских учебных заведениях вплоть до 1905 г. И, несмотря на удивительно-громадные способности в деле сыска, директор все-таки проглядел: уже несколько лет при нем крамола гнездилась среди учащихся. В 1896—1897 г.г. учениками старших классов реального училища была создана нелегальная ученическая библиотека, просуществовавшая около 20 лет, и только после февральской революции 1917 г. переданная в фундаментальную библиотеку муромского реального училища, правда, в страшно истерзанном и растрепанном в годы реакции жандармскими обысками виде. Вокруг этой библиотеки об'единились все лучшие ученические силы. Библиотека была настоящим детищем членов ее. Все лучшее, что было на легальном и нелегальном книжных рынках всех концов России, сосредоточивалось в этой библиотеке. Это достигалось следующим образом: каждый, окончивший реальное училище и уезжавший в какое-либо учебное заведение, связи с библиотекой не порывал и считал своей обязанностью все новинки книжных рынков привозить или присылать в свою библиотеку. Библиотека, за исключением различных пожертвований, существовала на членские взносы, сберегаемые по копейкам от ученических завтраков.

В члены библиотеки новички вербовались очень осторожно, и только после предварительного ознакомления с кандидатом, двое поручителей выдвигали кандидатуру на общем собрании членов, и, только после тщательного обсуждения кандидатуры нового члена, знакомили с ученической тайной. Все протоколы собраний и

---

[1]) Секретное отношение директора муром. реального училища за № 453, от 18 июня 1900 г., на имя попечителя Московск. Учебн. Округа.

устав библиотеки хранились у секретаря. Кроме секретаря существовали и др. особо-почетные должности, так наз. «мытарей» — сборщиков членских взносов.

Библиотека имела свою печать, в форме черной звезды, которой отмечались книги где-нибудь среди страниц. Библиотека просуществовала нелегально около 20 лет, благодаря, во-первых, тому, что члены библиотеки подбирались очень осторожно, и ученическими фискалам она была подоступна, во-вторых, тому, что она всегда помещалась на квартирах таких учеников, родители которых были выше всяких подозрений со стороны училищного и жандармского сыска, в большинстве случаев, в домах самых благонамеренных горожан гор. Мурома: Гладковых, Гундобиных, Дубовых, Засухиных, Зворыкиных, Мошенцевых и др. Представляю себе, сколько грома и шуму было бы, если бы какой-нибудь из этих благонамереннейших папаш-купчин узнал бы, что он является покровителем ученической крамолы, поощряя посещение товарищами его сына. В третьих, тому, что библиотека обладала, так сказать, большою гибкостью и, самая ценная часть ее могла быть в любую минуту переброшена в любой конец города. Так, в 1907 г. библиотека, помещавшаяся в кв. братьев П. и А. Дубовых по Вознесенской ул., чуть ли не рядом с общежитием стражников, быстро исчезла оттуда на Никольскую улицу, при чем, чтобы не возбудить подозрений, самая ценная часть ее была перенесена в полах ученических шинелей между верхом и подкладкой, куда книги опускались через прорезанные карманы.

У библиотеки были и очень тяжелые моменты, заключавшиеся в том, что при малейшей опасности она растаскивалась сразу по нескольким квартирам и на некоторое время переставала существовать. Члены библиотеки являлись в то же время и членами ученических кружков. В большинстве случаев кружки до 1904 г. определенных программ не имели, и занятия в них велись в виде чтения нелегальной литературы, изучения программ социалистических партий и споров, сплошь и рядом совершенно бесплодных.

Но на почве общения и обладания общей тайной, в некоторой части учащихся развивалось чувство товарищеской солидарности, вырабатывалась привычка к сохранению тайны и отзывчивость к нуждам рабочих организаций. Чувство это сохранилось и впоследствии в студенческих организациях, в форме «землячеств». В обычае учащейся молодежи было устройство в залах реального училища традиционного студенческого концерта, сбор с которого поступал в распоряжение земляческих касс, но поступал не целиком, а значительная часть его отчислялась обычно на партийную работу. Эти отчисления не всегда являлись тайной для училищного и жандармского надзора и вызывали соответствующую переписку между ними. В 1904 г., в период наиболее проявленной организационной партийной работы, большая часть сбора с концерта поступила в пользу партийных организаций, что не ускользнуло от бдительного ока жандармского подполковника Сомова, и он запросил от директора реального училища список лиц, между которыми был поделен сбор студенческого концерта, кем сбор распределялся, по какой сумме выдано каждому лицу и какими данными руководствовались при выдаче пособия [1]). Часть студентов была допрошена жандармами, но выяснить им ничего не удалось.

Период ученической жизни до 1905 года никакими активными проявлениями не отмечен: ученическое движение ограничивалось лишь подпольной работой, исключительно воспитательного характера.

События первых же дней 1905 г. не могли пройти бесследно для жизни учеников. Первые же прокламации, связанные с событиями 9 января, стали наполнять классы, при чем эти прокламации переписывались карандашем через переводную бумагу и раскладывались по партам, или раскидывались по уборным, коридо-

---

[1]) Отношение пом. начальника Владимирского губ. жандармского управления от 23 марта 1904 г., за № 1484, на имя директора муром. реального училища.

рам, залам и пр. Общее настроение захватило всех и стало прежде всего проявляться в целом ряде различных выходок против особо нелюбимых учителей. Дисциплина упала до того, что педагогический совет, на целом ряде своих заседаний, стал изыскивать меры для поддержания ее в классах и вообще в школе, но об'ективные условия были сильнее педагогического совета [1]). В начале февраля выходки стали учащаться и принимать все более и более боевой характер. Революционные события, развертывающиеся с необычайной быстротой по всей России, масса нелегальных воззваний, брошюр, постоянное общение со студенчеством, делали настроение учащихся все нервнее, все требовательнее, все напряженнее, и достаточно было самой ничтожной причины, чтобы вызвать учащихся на самые решительные действия. Такой причиной послужило постановление педагогического совета от 23 февраля об увольнении из училища за появление на улице не в трезвом виде 2-х учеников: А. Сигачева, учен. V-го класса и А. Декатова, учен. VI-го класса, при чем педагогический совет мотивом увольнения выставил то, что «подобные ученики марают честь училища» [2]). Лишь только 24 февраля утром стало известно ученикам о состоявшемся постановлении педагогического совета, немедленно же учениками IV, V и VI классов реального училища были прекращены занятия и пред'явлено педагогическому совету требование об обратном приеме Сигачева и Декатова, под угрозой, в случае не исполнения требования, об'явления общей забастовки. Решение бастовать было принято учениками IV, V и VI классов единогласно; VII же класс, за весьма небольшим исключением, был против забастовки. Положение, ввиду нежелания VII класса примкнуть к забастовке до 28 февраля, было страшно неопределенным: ученики ходили в школу, сидели на уроках, но заданного не учили, никаких работ не производили и отказывались совершенно отвечать всякие уроки (V класс). Пять дней велись переговоры с VII классом и когда окончательно определилось, что он категорически отказывается бастовать, было решено сорвать занятия во всей школе.

1 марта настроение учеников окончательно определилось. Вместо панихиды по убитому в 1881 году царю Александру II, ученики группами с самого утра стали собираться по уборным и, заперев туда двери, чтобы никто из надзирателей не мог проникнуть, устроили ряд летучих митингов. Здесь окончательно было принято решение о забастовке. Разойдясь по классам, ученики сдвинули все парты к дверям, устроили баррикады—и на всякие попытки кого-либо из классных наставников проникнуть в класс, отвечали криком и гамом. До 12 часов дня по классам вырабатывался план дальнейших действий; связь между классами поддерживалась через особых делегатов. В 12 часов ученики старших классов собрались в коридоре старшего отделения и потребовали прекращения занятий во всем училище. На всякие просьбы инспектора В. Гончарова разойтись, они отвечали криками и свистом.

Видя, что авторитет училищного начальства пал, оно, в виде совета, предложило выбрать делегацию по 2 ученика от каждого класса, начиная с 4-го, для бесед с начальством и пред'явления ему своих требований. Но так как у учеников не было еще определенных требований, относящихся к школьной жизни, за исключением уже пред'явленного об обратном приеме в училище уволенных, то ученики и отказались от всяких разговоров с начальством, впредь до пред'явления ему своих общих требований. Решено было поручить выработку этих требований особым представителям. Выбрав представителей и сорвав занятия в младших классах, ученики демонстративно толпой вышли из училища и, пройдя по Касимовской улице, разошлись по домам. Вечером состоялось собрание представителей на кв. ученика Н. Засухина, по Ивановской ул., где и была выработана петиция, сводившаяся к следующим пунктам:

---

[1]) Протокол педагогического совета, за 15, от 23 февраля 1905 г.
[2]) Протокол педагогического совета, за № 15, от 23 февраля 1905 г.

1. Допущение в педагогический совет представителей из учеников.
2. Отмена всякого внешкольного надзора над учениками.
3. Введение лекционной системы преподавания.
4. Введение пятичасового учебного дня для младших классов, вместо шестичасового.
5. Отмена форменной одежды.
6. Свободное посещение учениками во внешкольное время земских собраний, заседаний думских, судебных, спектаклей и пр.
7. Отмена обысков, допросов и перлюстрации писем учеников.
8. Внимательное отношение ко всем просьбам и жалобам учеников.
9. Свободный доступ в залы реального училища для совместных чтений и развлечений.
10. Беспрепятственная выдача книг по усмотрению учеников из училищной фундаментальной библиотеки.
11. Свободный сбор пожертвований в пользу недостаточных товарищей.
12. Принятие уволенных Сигачева и Декатова

Кроме того в этой же петиции было выражено порицание инспектору В. Гончарову и учителям: Беру, Барковскому, Мюнстеру, Чижову и Лесюку.

На этом же совещании обсуждалось и поведение учеников VII класса, хотя и прекративших занятия, но к забастовке не примкнувших. Поведение VII класса вызвало большое негодование и среди учеников и среди студентов. Было выработано особое воззвание «К товарищам», разъясняющее всю подлость предательства учениками VII класса своих товарищей и призывающее к бойкоту их.

2 марта утро в школе началось обсуждением пунктов, выработанной накануне петиции. Настроение было очень бодрое. Тогда училищное начальство решило сразу запугать забастовщиков; собрав учеников в залу, директор огласил им какой-то циркуляр министра народного просвещения «о мерах успокоения учащихся в средних учебных заведениях и взысканиях, которым они могут подвергаться в случае продолжения забастовки». Эта устрашающая бумага не оказала никакого влияния на учащихся, наоборот, по ее прочтении, раздались возгласы, что бумага сфабрикована самим училищным начальством, посыпались обвинения его в подлогах, насмешки и т. д. В ответ на эту бумагу учеником VII-го класса А. Щелоковым была подана директору петиция. Директор Шольц, В., человек в высшей степени нерешительный и слабовольный, всецело находившийся под влиянием инспектора Гончарова, петиции не принял и, внезапно заболев, удалился на квартиру. Ученики потребовали принятия петиции инспектором. Инспектор, В. Гончаров под влиянием учеников согласился принять петицию, и принял ее, как он выразился, «неофициально».

После вручения петиции инспектору, ученики разошлись по классам в ожидании ответа на нее. После продолжительного, напрасного ожидания, ими стало овладевать нетерпение, скоро это нетерпение вылилось в буйное настроение: началась порча ученических столов, чернильницы полетели через форточку на улицу. Все учителя скрылись в учительской комнате. Когда же случайно учитель Борковский показался в коридоре, то был осыпан целым градом обломков парт; с тех пор никто из преподавателей не рискнул показаться в коридорах старшего отделения. Не дождавшись ответа, ученики ушли из училища.

Вечером стало известно, что ученицы женской гимназии ничего не имеют против забастовки у себя в гимназии, но бросить занятия и уйти из гимназии не могут, так как начальница гимназии, Н. Буеракова, на время занятий запирает на ключ все выходные двери гимназии. Было условлено с гимназистками сорвать занятия и у них.

3 марта ученики, собравшись в училище и узнав, что вечером начальством училища созывается родительское совещание для обсуждения ученической петиции

и мер воздействия на учеников с целью прекращения ими забастовки, всей массой двинулись из училища. Дойдя до угла Касимовской и Сретенской ул. часть учеников двинулась по Сретенской улице к женской гимназии и, подойдя к ней, вызвала начальницу гимназии и потребовала открытия дверей гимназии и свободного выпуска учащихся. Начальница со слезами на глазах просила «не трогать ее девочек», но гимназистки, узнав, что пришли реалисты, сами бросили занятия и примкнули к забастовке В этот же день было выпущено воззвание «К родителям», с просьбой к ним, встать на защиту их детей.

Днем 3 марта по городу определенно стали циркулировать слухи, что полиция организует «черную сотню», подпаивает различных подозрительных типов и натравливает их на учеников с целью избиения, как бунтовщиков. Тогда было решено вооружиться. Вооружались всем, чем можно: огнестрельным оружием, кортиками, финскими ножами, гирьками на шнурах, палками и пр. Часть этого «вооружения» впоследствии, по окончании забастовки, была найдена в реальном училище. Слухи о готовящемся избиении подтвердил и исправник Лучкин на родительском совещании вечером 3 марта. Что это не было простое запугивание с целью прекращения забастовки, впоследствии показали события 1 мая 1906 года.

Вечером 3 марта, в зале реального училища состоялось многолюдное собрание родителей (более 100 человек).

Отношение учеников к результатам этого совещания было заранее критическим, поэтому была сделана попытка сорвать его. С этой целью во время совещания в 9 часов вечера были выбиты стекла в учительской комнате (со стороны так наз. Антоновского сада). И ученики, действительно, не ошиблись в решениях своих «папаш» и «мамаш». Сначала родители держались храбро; большинство требований учеников, изложенных в петиции, признали справедливыми и постановили ходатайствовать об удовлетворении их перед высшим начальством. Когда же при обсуждении пункта, основного для учеников, с выражением порицания инспектору и учителям, инспектор и учительница немецкого языка Зиберт, бывшие на совещании, неожиданно заявили, что они не желают присутствовать на суде над своими сослуживцами, и демонстративно ушли из зала, то родители растерялись и, избрав комиссию из 5 лиц, прервали суждение до следующего дня [1]).

4 марта совещание родителей, прерванное накануне, вернулось к обсуждению пункта с выражением порицания учителям. Но едва только оно опять приступило к суждению, как директор Шольц заявил, что он не может допустить обсуждения этого пункта, и в случае, если родители позволят касаться этого пункта, он немедленно выйдет в отставку, чему последуют, вероятно и другие члены педагогического совета. Бедным, окончательно запуганным родителям так и не удалось обсудить этот пункт: путем закрытой баллотировки большинством 46 против 3, обсуждение этого пункта петиции было снято с повестки. Вместо него поднялся вопрос о выражении благодарности училищному начальству, и совещание после обсуждения постановило: «ознакомясь с деятельностью г. г. директора и инспектора при возникновении беспорядков в училище и убедясь, что только благодаря их мягкости (?!), такту (?!) и любви (?!) к ученикам, беспорядки не приняли непоправимых размеров, совещание считает своим долгом выразить им полную и глубокую благодарность» [2]). Такой конец родительского совещания был уже полной неожиданностью и для учеников, всего-всего ожидавших от своих родителей.

4-го же марта состоялось заседание и педагогического совета, который изъявил готовность удовлетворить «весьма немногие, самые безобидные и притом невыходящие из пределов прав педагогического совета пожелания учеников».

---

1) В состав комиссии вошли: П. Ф. Валенков (заводчик), Н. В. Суздальцев, Н. В. Кондратов, А. Д. Способин (все трое фабриканты) и А. А. Петров (Управ. отд. Г. Банка).

2) Докладная записка комиссии родителей министру народ. просвещения от апреля 1905 г.

5-го марта ученики собрались в школе, чтобы выслушать решения родительского совещания и педагогического совета. По выслушании постановления родительского совещания, ученики попросили дать протокол совещания, чтобы ближе и точнее с ним познакомиться и, когда им в этом было отказано, все, за исключением VII-го класса, демонстративно ушли из училища. Завидев на улице инспектора Гончарова, они устроили ему «кошачий» концерт. Такой же «концерт» был устроен перед квартирой начальницы гимназии, Буераковой. Вечером решено было забастовку прекратить, и с 7-го марта занятия в школе возобновились. Частичные уступки училищного начальства, натиски родителей, боявшихся всякой смуты и измена VII-го класса сделали свое дело. Юношеского пыла хватило не надолго. Ученики седьмого класса изменили общему ученическому делу и по официальному докладу инспектора «вели себя во все время волнений степенно, мягко, даже предупредительно, показав этим свою выдержку и нравственную устойчивость. Почти все они обращались ко мне за советом и руководствовались в своем поведении моими указаниями. Ни на каких сборищах участия не принимали» [1]). Мало того, что многие из них, как напр., Григорьев, Александр, были явно против забастовки, другие просто явились шпионами училищного начальства. Ученик VII-го класса, Жигулев Дмитрий, в среду 2 марта, в 9 часов вечера в статском платье являлся на квартиру инспектора Гончарова и осведомлял его о ходе забастовки [2]).

Являлся в статском платье к инспектору Гончарову!.. в то время, как инспектор Гончаров был ужаснейшим формалистом и не допускал ни малейшего нарушения формы, вплоть до ученических галстуков. Для шпионов же почему не сделать исключения, ради «воспитательных» целей! Вторично Жигулев Д. осведомил директора и инспектора 10 марта после уроков о расколе между учениками VII-го класса [3]). Очевидно, что через него уже поздно вечером 1 марта инспектор Гончаров получил и копию выработанной на ученическом совещании петиции [4]).

Первая забастовка была окончена. Но мы, ученики, уже начали пользоваться некоторой свободой: приходили к любому уроку, отвечали их по своему желанию, носили неустановленную форму, обыски прекратились и пр. Училищное начальство на первых порах, напуганное забастовкой, не решалось сразу применять крутые меры. Но в то же время забастовки в средне-учебных заведениях обратили на себя внимание высшего начальства и повели к целому ряду указаний начальникам средних учебных заведений о борьбе с забастовками. Попечитель московского учебного округа рекомендует: «ввиду происходящих в последнее время волнений и настойчивых стремлений со стороны врагов порядка к прекращению занятий в учебных заведениях, применять меру, к которой должна стремиться деятельность педагогов и которая состоит в воспитании юношества в духе веры в бога, любви к отечеству и преданности исконным началам русской государственности» и обращает внимание на полезный прием привлечения родителей к помощи в деле воспитания юношества. Опыт последнего времени показал,—пишет он,—что со стороны родителей в большинстве случаев проявляется полное содействие к выполнению учащимися требований начальства» [5]).

Училищное начальство также не вполне еще успокоилось и обратилось с следующей просьбой к испавнику: «ввиду недавно бывших волнений между уче-

---

[1]) Заключение инспектора Гончарова о характере волнений согласно предложения поп. моск. учебного округа за № 344 от 7-го марта 1905 г.

[2]) Заключение инспектора Гончарова о характере волнений в мур. реальн. учил.

[3]) Заключение инспектора Гончарова о характере волнений в Муромском реальн. училище.

[4]) Там же.

[5]) Конфиденциальное отн. поп. моск. у. округа за № 342 от 7-го марта 1905 г. всем начальникам средних учебных заведений.

никами вверенного мне училища, прошу не отказать мне на будущее время в уведомлении, если полицией будет замечено нарушение учениками общественной тишины и спокойствия, а также констатировано существование между ними сходок и каких-либо недозволенных сборищ» [1]).

Но кое-как учебный год закончился.

Начало нового учебного 1905—1906 года сразу показало, что правильных занятий вести не придется, что революционные события захватили школу, захватили все молодое поколение и повлекли его по своему руслу. Развитие событий началось с незначительного случая: 18 сентября 1905 г. у купца Н. В. Зворыкина-Якорь по случаю какого-то семейного торжества был бал. На этом балу присутствовали студенты и ученики рельного училища. Играл оркестр музыкантов из рабочих Кулебакского горного завода. В середине бала кто-то из учеников попросил музыкантов сыграть «Марсельезу,» музыканты просьбу исполнили; по окончании ученики зааплодировали, тогда музыканты повторили «Марсельезу» еще раз. На гостей, главным образом, купцов г. Мурома игра «Марсельезы» не произвела никакого впечатления: они не поняли, чему аплодирует молодежь. По окончании бала молодежь запела русскую марсельезу; бывшие в почетном наряде городовые Шаронов и Суходыров, услыхав слова: «Вставай, подымайся, рабочий народ» и «вперед, вперед, вперед», ворвались в дом и хотели арестовать поющих, но те успели скрыться [2]).

Этот незначительный случай сейчас же послужил поводом для разговоров о забастовке. Слухи о забастовке достигли жандармов, а от них попечителя московского учебного округа.

Постоянные митинги, речи, демонстрации, воззвания, стачки сделали свое дело, и 24 октября ученики старших классов реального училища, вместо занятий по классам, потребовали открытия зала для обсуждения ученических нужд. Сейчас же явились свои ученические ораторы, и собрание вылилось в громадный ученический митинг, после которого ученики, пред'явив требования, аналогичные петиции в марте месяце, об'явили забастовку и, сорвав занятия в младших классах, демонстративно ушли из училища. Педагогический совет оказался бессильным пред ученическим движением и признался в своем бессилии перед высшим начальством: обсуждая циркуляр поп. моск учебн. округа от 19 октября 1905 года о мерах, которые должны быть приняты в случае волнений в школе, педагогический совет «единогласно пришел к убеждению, что в настоящее время он не может взять на себя ответственность за возможность явлений, которые с точки зрения циркуляра являются недопустимыми в школе, а равно не может взять на себя, по обстоятельствам времени, применение тех карательных мер, которые указаны в циркуляре от 26 февраля 1905 г. за № 4155» [3]).

II раз педагогический совет оказался бессилен, то ему ничего не оставалось делать как, «ввиду возбужденного состояния учеников» ходатайствовать о закрытии училища до 1 ноября [4]).

31 октября забастовали и ученицы V, VI, VII классов женской гимназии. Октябрьская забастовка вызвала соответствующую переписку между тов. мин. внутренних дел и гр. И. П. Толстым. В этой переписке говорится, что муромский исправник донес, что дальнейшее «невозобновление занятий окончательно озлобит родителей, желающих чтобы дети их учились, и что можно ожидать мщения и столкновений, так как были уже случаи выражения родителями неудовольствия на учеников, заставивших своих товарищей подстрекательством и застращиванием прекра-

---

1) Секретное отношение исправнику исп. д. директора в 1905 г.

2) Отношение н-ка жандармского управления за № 6792 от 30 сентября 1905 года на имя попечителя моск. учебн. округа

3) Протокол педагогического совета за № 9 от 24 октября 1905 года.

4) Протокол педагогического совета за № 10 от 26 октября 1905 г.

тить занятия» [1]). Муромский же исправник Лучкин сообщил и директору реального училища, что некоторые ученики пристают к толпам, ходящим по улицам с песнями, и что подобные сборища возбуждают жителей против учеников» [2]).

Владимирский губернатор Сазонов также сообщил директору, что «ученики муромского реального училища, одеваясь не в форменную одежду и в громадные шапки-папахи, ходят по улицам г. Мурома группами, держа себя крайне вызывающе, производят на улицах и в садах города стрельбу, о чем местным исправником было письменно сообщено вам, но ввиду нахождения вашего в то время в отпуску, инспектор классов Гончаров только об'явил ученикам, что полиция требует приличного держания себя на улице, на что ученики ответили тем, что постовых городовых и чинов полиции чуть ли не в глаза стали называть «селедками» и до сих пор не изменили своего поведения» [3]).

16 ноября опять забастовали IV и V классы, и когда к началу декабря они вернулись к занятиям, то московские события не могли остаться без отклика среди учащихся и занятия, хотя и не прекращались, но срывались каждый день: вошло в обычай регулярно опаздывать на уроки, уходить с уроков целыми классами (несколько случаев с IV и V кл.), тянуло на улицу к шуму, к речам. Тогда училищное начальство сделало попытку овладеть ученическим движением. Пример Зубатовщины нашел своих подражателей и в среде педагогического совета (кого здесь не найдешь!). Кто из учителей играл роль Зубатова,—это скрыто сухим протокольным постановлением, которое гласит: «педагогический совет нашел необходимым знакомить учеников старших классов с общественно-политическими вопросами, имея в виду, с одной стороны, этими чтениями научно знакомить учеников с указанными вопросами, с другой — противодействовать увлечению учеников взглядами крайних партий» [4]). Были разрешены вечеринки с рефератами учеников, допускалось пение революционных песен, при чем «Марсельезу» можно было петь без слов. Разрешены были товарищеские суды для предварительного разбора проступков.

Однако училищному начальству овладеть ученическим движением не удалось, так как в это время получилось известие из Н.-Новгорода, связи с которым имелись постоянно, о забастовках в учебных заведениях, и 13 декабря ученики опять забастовали. Училище было закрыто на неопределенное время. Занятия в школах были возобновлены только после рождественских каникул 12 января 1906 г.

Революция была раздавлена... Всякие надежды на реформу школы рухнули... Жесточайшая реакция обрушилась и на школу и вызвала ответ среди учащихся. Ответ этот заключался в терроре против особо нелюбимых преподавателей и выражался в стройно-организованных стеклобитиях. Эти стеклобития не могли быть обойдены молчанием и вызвали на свет особую докладную записку группы преподавателей следующего содержания: «Текущий учебный год в нашем училище открылся при обстановке совершенно исключительной: почти половина преподавателей в прошлом году принуждена была оставить училище из-за отрицательного отношения к ним учеников. Такой процент не мог не отозваться на отношениях учеников к учителям вообще. Стремление оказывать давление на преподавателя, в случае неудовлетворительности отметки, или в случае недовольства по какому-либо поводу, выражалось еще в предыдущем году битьем стекол камнями. Ни в одном случае виновные не были обнаружены, и подобные факты становятся традицией нашего училища. В текущем году были случаи разбития стекол в здании училища.

---

[1]) Доверительное отношен. тов. министра внутр. дел за № 15071 от 24 ноября 1905 г гр. И. И. Толстому.

[2]) Секретное отношение исправ. Лучкина за № 539 от 29 Ноября 1905 года на имя директора муромского реального училища.

[3]) Секретное отн. влад. губ. от 3 декабря 1905 г. за № 1559 на имя директора Муромского реального училища.

[4]) Протокол педагогического совета за № 17 от 12 декабря 1905 года.

в квартирах отца законоучителя, преподавательницы немецкого языка и последний раз 18 и 19 февраля, два дня подряд были разбиты палкой стекла у преподавателя математики А. М. Васильева. Такое положение не может, конечно, не отозваться на работе преподавателей, а полная безнаказанность превратила это печальное явление в традицию. Мы, нижеподписавшиеся преподаватели муромского реального училища, находим необходимым обратить внимание Совета на тяжесть установившихся в школе отношений учащихся к преподавателям и, в случае невозможности обнаружить и наказать виновных, предлагаем прибегнуть к самым экстренным мерам, способным обеспечить преподавателю личную безопасность и тем гарантировать училищу постоянство педагогического совета. Г. Муром. 20 февраля 1906 г.».

В связи с содержанием этой записки на педагогическом совете 20 февраля 1906 года был поднят вопрос о целом ряде резких выходок учеников IV, V и VI классов: несоблюдение ими классной дисциплины, нежелание подчиняться школьным требованиям, крайне небрежное отношение к своим занятиям, массовые манкировки по неуважительным причинам и посещение уроков по своему выбору, поэтому постановлено было произвести какое-либо моральное (?!) воздействие, а потому закрыть IV, V и VI классы и считать учеников этих классов уволенными с правом подачи прошения о принятии их вновь, при чем поданные прошения подлежат обсуждению в педагогическом совете в каждом отдельном случае [1]).

Педагогический совет этой «моральной» мерой хотел запугать учеников, процедить особо неспокойных и... ошибся. В течение недели почти не было подано ни одного прошения. Не оставаться же школе без трех старших классов!—поэтому пришлось всех принять обратно; тем более, что этой мерой остался очень недоволен и попечитель Московского Учебного Округа и предписал выделить из этих классов действительно виновных учеников и принять против них надлежащие меры. Но выделить было нельзя: после целого ряда забастовок ученики приобрели сплоченность, спайку, и разбить их было трудно.

Безнаказанным остался и организованный ряд последовательных взрывов шутих, связанных фитилями, и подожженных свечей на уроке «закона божия» в V классе 17 апреля.

1 мая 1906 г. проходило при самом деятельном участии учащихся. Во время демонстрации вечером на Окском бульваре исправнику Лучкину представился самый удобный случай расправы и с рабочими и с учащимися; расправы, о которой он мечтал и не отрицал раньше и на открытых собраниях и в официальных бумагах. Во время расстрела и нападения полиции на толпу, певшую революционные песни, пострадали многие из учеников, бывших в толпе.

После этого расстрела члены педагогического совета и родительского комитета не возмутились поступком исправника Лучкина, не запротестовали, не закричали о всей низости расстрела их воспитанников и детей. Лишь педагогический совет ограничился сухим формальным постановлением следующего содержания: 1 мая несколько учеников нашего училища получило ушибы от стражников. Как и при каких условиях это произошло, сколько учеников пострадало, пока сказать трудно. Для восстановления истины Совет постановил опросить пострадавших учеников, вместе с тем донести г. Мин. Нар. просвещения о происшедшем с учениками, просить произвести следствие со стороны прокурорской власти и при следствии просить участвовать члена Педагогического персонала» [2]). Из учащихся особенно сильно была ранена ударом шашки в левую щеку ученица VII класса женской гимназии Буткевич, Н. Удар, очевидно, пришелся концом шашки, рассек щеку и, срезав несколько зубов, повредил челюсть. Н. Буткевич явилась совершенно случайной жертвой, никакой видной роли в ученическом и рабочем движении она не играла и была совер-

[1]) Протокол педагогического совета от 20 февраля 1906 г. за № 22.
[2]) Протокол педагогического совета от 3 мая 1906 г. за № 31.

шения далека от рабочей среды (Н. Буткевич была дочь подполковника). Но учебному начальству нужно было оправдать себя, нужно было очистить свою совесть и снять ответственность, поэтому попеч. московского учебного округа, по секретному приказанию деп. нар. просвещения, в виде отношения, дает директивы председателю педагогического совета муромской женской гимназии следующего содержания: «В вечерней демонстрации участвовали многие из учащихся и в том числе Наталья Буткевич, которая, как утверждали в городе, была во главе демонстрантов с револьвером в руках и которая вообще являлась деятельной участницей митингов и собраний рабочих, пользуется в городе крайне неодобрительной репутацией; принадлежа к среде молодежи, зараженной идеями современного революционного движения, она известна в гимназии в качестве пропагандистки этих идей и, как таковая, имела весьма вредное влияние не только на своих подруг, но и на всю гимназию так как, будучи не лишена некоторого дара слова, зачастую являлась для своих подруг истолковательницей всех современных политических событий, рисуя их в окраске своих крайних воззрений» [1]). Для исполнения формальных обязанностей было назначено следствие, но, конечно, виновные не были обнаружены. В среде учеников в это время уже существовали вполне определившиеся кружки политического характера. В. с.-д. группу входили: Гундобин, И., Рождественский, С., Гуреев, П., Пронин, И., Васильев, С., Васильев, И., Вдзенкопский, В. и из учениц женской гимназии: Серебренникова, К., Киселева, А., Пантелеева, Л. Группа с.-р. была значительно больше, но не так спаяна, как с.-д. При первых же обысках у с.-р. группа разлетелась прахом, и от нее остались лишь одиночные члены.

Кроме программных расхождений борьба между с.-д. и с.-р. иногда развивалась на почве влияния в ученической нелегальной библиотеке и среди членов ее. Эта борьба служила большим вредом для библиотеки, так как отголоски этой борьбы долетали до жандармов, и библиотека несколько раз подвергалась опасности быть арестованной. Члены группы с.-д. имели постоянную связь с партийной организацией и оказывали ей посильную помощь, выполняя поручения по перевозке литературы в Кулебаки, в Касимов, с которым была связь, или в качестве технических работников при напечатании и размножении различных прокламаций. Группы с.-д. и с.-р., если и расходились в вопросах программных, то разногласий в области протеста против условий школьной жизни у них не было. Расстрел и избиение учащихся на демонстрации 1 мая ученики решили отметить каким-нибудь выдающимся проступком, уже не носящим протеста против училищного начальства и условий школы. Скоро этот случай представился.

15 ноября 1906 г. в самом начале 4 урока ученики VI класса за замечание классу за неспокойное поведение свистом и криком выгнали из зала, где происходил урок, учителя естественной истории Кандаурова. Кандауров побежал к директору, и директор вместе с Кандауровым явились в зал улаживать конфликт. Когда директор ушел, об'яснения Кандаурова с учениками возобновились; ученики сошли со своих мест, окружили Кандаурова, и в это время был облит серной кислотой портрет Николая II, нарисованный во весь рост и висевший тут же в зале. Кислота изъела все лицо царя. «Возмущенный таким дерзким поступком, Педагогический Совет постановил принять меры к обнаружению виновных». Всякие меры к обнаружению виновных ни к чему не привели, и Совет обрушился на весь VI класс: на педагогическом совете 24 ноября он констатировал неспокойное поведение класса и решил исключить совершенно невиновных учеников: В. Бохонова, Н. Валенкова, В. Иванова, В. Кондратова, А. Румянцева (все из группы с.-р.). Сейчас же вспыхнула общая забастовка, и 27 ноября уволенные были приняты обратно.

---

[1]) Секретное отношение поп. моск. учеб. округа от 27 октября 1906 г. за № 676 на имя пред. педагог. совета муромской женской гимназии.

Виновные были не обнаружены. Попечитель же московского учебного округа требовал обнаружения их, и педагогический совет опять оказался бессилен перед ученической массой. В ответ на запрос попечителя, совет постановил: «Совет опять подтверждает, что факт этот крайне возмутительный, и энергично продолжает разыскивать виновных, хотя, правда, пока безуспешно. Но со стороны Совета сделано все, что возможно только сделать. Нельзя винить Совет за то, что те лица, на которых падает подозрение, не сознаются, а ученики, хотя и знают кто сделал, не выдают виновника по чувству, хотя бы и ложно понимаемого, товарищества. Мало того, помимо опроса учащихся, Совет старается найти виновника и окольными путями, даже некоторые родители обещались посодействовать в этом, и некоторые ученики, возмущенные этим фактом, обещали выдать виновника, даже вопреки правилам товарищества, в случае, если они откроют его, но до сих пор все принятые меры ни к чему не привели» [1])

И директор А. Лебедев, отписываясь, очень сожалел, что «иных средств для открытия виновника, кроме опроса учеников, они не имеют в своем распоряжении». А уж очень хотелось училищному начальству иметь эти «иные» меры и открыть виновных, но ничего не оставалось делать, как чинить лицо царя. Но едва только портрет царя был исправлен, как 15 января 1907 г. бомбой, подложенной ночью, этот же портрет был разорван на несколько частей. Взрыв бомбы был так силен, что массивный подоконник закрытого портретом окна оказался вывороченным и как бы изрубленным: кафедра, стоявшая вблизи портрета, изломана. Все стекла в окнах актового зала, аванзала и некоторых шкафов, расположенных в актовом зале вдоль стен, от сотрясения разбиты; одна из ламп в люстре упала, в трех местах в потолке осколками разорвавшегося снаряда были сделаны выбоины. Портрет Александра III был изрезан ножем. Педагогический Совет в этот же день, 15 января, по причине «холода» в школе, постановил прекратить учение на неопределенное время. Виновные во взрыве портрета не были обнаружены. Подозрение могло падать на многих и прежде всего пало на группу с.-р. учеников VI класса, но фактического материала для формального обвинения их и у училищных и у жандармских властей не было.

Но училищному начальству предстоял большой труд: отписаться перед начальством округа о происшествии, выразившемся «в разрушении казенного имущества и в частности, в истреблении царского портрета» [2]).

«Проще всего»,—пишет директор,—«можно это (происшествие) об'яснить, как проявление крайней грубости и невоспитанности учеников, своего рода удальства крайне грубого свойства, об'ясняемого грубостью среды, из которой происходит большинство учеников [3]). Но об'ясняя взрыв портрета «грубостью среды», директор А. Лебедев в то же время не может не признать, что «на начальство училища и вообще на педагогический персонал многие смотрят как на представителей реакционного направления правительства, как на представителей самодержавно-монархического режима или «произвола», как выразился ученик Н. Засухин», и таким образом взрыв является актом мести общего характера, как бы протестом против общественно-политического строя [4]). Учение возобновилось 18 января. Со стороны училищного начальства по отношению к ученикам не было предпринято ни допросов, ни каких-либо других мер, как будто жизнь училища не прерывалась и текла тихо, мирно. Но это было лишь затишье перед бурей. И буря скоро, очень скоро, разразилась, но только с другой стороны. В конце января вдруг на учеников полился целый поток жандармских обысков; в большинстве случаев эти обыски кончались ничем, и только ученик V класса реального училища Апарин, Николай за хранение у себя без раз-

[1]) Протокол педагогического совета за № 14 1906 года.

[2]) Секретное донесение директора Муромского реального училища от 20 января 1907 г. на имя управляющего московским учебным округом.

[3]) Т о ж е.

[4]) Там же.

решения охотничьего ножа и кинжала 29 января, постановлением Владимирского губернатора, был подвергнут аресту при полиции сроком на 3 месяца. Вскоре после взрыва бомбы в училище, было совершено два покушения: одно на исправника Лучкина, другое на городового Шаронова. И оба неудачно: ученик VI класса, В. Иванов, стрелявший в Лучкина через окно квартиры Лучкина, промахнулся; ученик же В. Бохонов, переодетый в штатское платье, стрелявший в городового Шаронова около земской больницы по Рождественской улице, ранил его слегка в голову и когда хотел стрелять во второй раз, то городовой схватился за «наган»; чтобы не дать выстрелить городовому, В. Бохонов бросился на городового и у них завязалась борьба. Во время этой борьбы Шаронов укусил Бохонова за палец. Бохонову удалось скрыться; но подозрение в покушении пало на учеников; немедленно же последовал ряд обысков и осмотров рук учащихся, так как городовой утверждал, что он откусил палец у стрелявшего в него.

В феврале попечитель московского учебного округа предписал директору реального училища найти виновного взрыва; тогда директор донес попечителю, что «двое учеников В. Иванов и Н. Валенков давно уже обращают на себя внимание отрицательным отношением к порядкам училища и подозреваются в увлечении политическими вопросами и только недостаток фактического материала для увольнения и ареста их заставляет еще держать их в школе» [1]).

Реакция не пощадила и школы: рядом постановлений Педагогического Совета было запрещено носить неформенную одежду, посещать рестораны, маскарады, спектакли; начались накладываться самые жестокие кары за проступки отдельных учеников. В ответ на это последовало очередное стеклобитие: 1 марта в квартире инспектора М. Мухина были выбиты все стекла [2]). Поведение учеников делалось все более и более буйным. «Какая-то дикая удаль замечается среди учеников V и VI классов», так характеризует педагогический совет настроение учеников. На обсуждение становится вопрос: «какие меры следует принять для обуздания произвола учеников V и VI классов. Коверкание мебели, выкидывание за окна самодельных бомбочек, битье стекол делается самым заурядным делом [3]). Грубое отношение к училищному начальству возрастает до того, что «г. инспектирующий даже опасается входить в VI класс» [4]). Но начальство опасается еще принять какие-либо крупные меры по отношению к ученикам, опасается, что крайние меры вызовут учеников на решительные действия, а это станет известно в округе, а потому смотрит на все сквозь пальцы и выжидает.

10 апреля, очевидно, на основании донесения директора попечителю в феврале, ученик VI класса В. Иванов увольняется из училища, согласно циркуляра министра народного просвещения от 21 июля 1883 года за № 9408, а 30 апреля на основании ст. 34 положения о государственной охране, по постановлению министра внутренних дел. В. Иванов и Н. Валенков были высланы из пределов Владимирской губернии с лишением права жить в столицах и столичных городах на один год подгласный надзор, полиции, как изобличенные в принадлежности к партии с.-р. Начался разгром ученических политических групп.

В августе 1907 г. непосредственно министром народного просвещения с какими-то особыми полномочиями присылается новый директор В. Комарницкий, и начинается дикая расправа при полном содействии жандармов. Прежде всего опасности подвергается ученическая библиотека, и она на время перестает существовать. Вся-

---

[1]) Секретное донесение директора Муромского реального училища от 8 февраля 1907 года за № 78 на имя Управляющего московским учебным округом.

[2]) Секретное донесение Влад. губ. от 5 марта 1907 г. за № 957 в Департам. пол.

[3]) Протокол педагогического совета от 15 марта 1907 г. за № 24.

[4]) Там же. Инспектором в это время был М. Мухин, при чем его фамилия не совсем отражала очень крупный рост его, что постоянно служило поводом насмешек учеников.

кие допросы учеников жандармским ротмистром Нартовым не дают положительных результатов. Днем 17 декабря и ночью на 18 по распоряжению помощника начальника Владимирского жандармского управления в Муромском уезде полицией производятся обыски у быв. ученика Муромского реального училища А. Былинского, реалистов: А. Китаева, П. Дубова, А. Дубова, А. Орловского, А. Клевцова, И. Пронина, Н. Пронина, С. Александровского, В. Александровского; в квартире местных гимназисток: Е. Изерович, Э. Изерович, гр. г. Самары А. Винокурова и у К. Александровского. При обыске у Дубовых, Орловского, Изерович, Прониных, Александровских была найдена нелегальная литература, а у И. Пронина нелегальная рукопись [1]). Во время обыска в кв. Александровских разыгрался инцидент; по официальным данным этот инцидент рисуется так: когда явилась туда полиция, то находящиеся там К., В. и С. Александровские, И. Пронин и А. Былинский «заявили помощнику пристава Бойчевскому, что к производству обысков в их квартирах они не допустят, при чем произносили различные насмешки по адресу Бойчевского и бывших с ним нижних чинов городской и жандармской полиции, но, несмотря на это, обыски полицией были произведены» [2]). Очевидно, эти официальные данные, взяты из донесения самого Бойчевского, потому что здесь нет никакого указания на то, как Бойчевский орал на учеников, что у них «на губах молоко не обсохло», что он их «нагайкой запорет» и т. д. Нет указаний на то, что после обыска всех находящихся в квартире Александровских учеников он арестовал и под конвоем конных стражников отвел в городскую тюрьму, откуда они были через день освобождены под угрозой общей забастовки в реальном училище.

В результате этих обысков возник ряд судебных процессов: 1) по сопротивлению учеников в кв. Александровских полиции при исполнении ею служебных обязанностей, окончившийся ничем; 2) по обвинению уч. VI класса И. Пронина по 132 ст. уг. улож. и 3) по обвинению ученика VI класса П. Дубова по 129 ст. уг. уложения.

При чем и И. Пронин и П. Дубов оба были отданы под особый надзор полиции [3]). Педагогический совет не мог обойти молчанием этих массовых обысков и 18 января 1908 года обсуждал извещение полиции, что у С. Александровского, уч. IV класса; В. Александровского, П. Дубова, А. Дубова, и П. Пронина, К. Орловского,— учеников VI класса и А. Орловского, уч. VII класса при обысках найдена нелегальная литература, хотя не указано, какая именно. Затем Совет констатировал, что Александровские и Пронин делали «неуместные замечания по адресу низших чинов полиции». Совет постановил суждение об учениках, за исключением братьев Александровских и Пронина, отложить до выяснения следствия; Пронину же и Александровским за «неуместные замечания во время обыска сделать выговор от Педагогического Совета и уменьшить балл по поведению за вторую четверть» [4]). Вот тесное единение-то педагогов с жандармами! И действительно, на педагогическом совета 12 февраля «поведение было оценено баллом 4» [5]). Тут люди под суд попали, а педагоги занялись сбавлять им балл за поведение.

Ученическая группа с.-р. этими обысками была разбита, наиболее неустойчивые, испугавшись, оставили группу, и она перестала существовать.

Группа же с.-д., правда, уменьшившаяся, благодаря от'езду окончивших училище в высшие учебные заведения, была еще жива. И, по прежнему, оказывала

---

[1]) Секретное отношение Влад. губернатора от 21 декабря 1907 г. за № 6782 на имя попечителя моск. учеб. округа.

[2]) Там же.

[3]) Секретное отношение пом. н-ка Владимирского губернского жандарм. управления от 2 мая 1908 г. за № 689 и от 12 мая за № 787 на имя директора Муромского реального училища.

[4]) Протокол педагогического совета от 18 января 1908 г. за № 14.

[5]) Протокол педагогического совета от 12 февраля 1908 г. за № 15.

помощь рабочей организации. А помощь эта была нужна. После разгрома с.-д. организации в 1906 г. и ссылки наиболее деятельных членов ее: В. Окушко, В. Разборщикова, А. Кириллова, Кононова, Крестовникова, Н. Волкова, С. Бакунина, В. Никольского, группа была очень обессилена. Из оставшихся членов ее в то время в Муроме были: Пашин, Нижегородцев, А. Гуреев, Ф. Курицын, Д. Гундобин, Каплан, И. Альбицкий и в конце 1907 г. приехал И. Елизаров (Никитич). Сил было недостаточно, да и оставшимся нельзя было работать, благодаря бдительному надзору. Здесь к пригодилась помощь ученической группы. Благодаря членам ее явилась возможность выпускать гектографированный журнал «Отклики» об'единенной Муромской и Кулебакской с.-д. организации, так как всю техническую работу на гектографе исполняли исключительно ученики. На квартире братьев Васильевых, помещающейся по Рождественской ул., в д. № 25, днем и ночью кипела работа по выпуску журнала. Здесь же помещалась и конспиративная квартира. Явка была в магазине Мошенцева, на Московской ул., а вся почта шла по адресу П. Альбицкого.

С от'ездом старших бр. Васильевых из Мурома организация лишилась последней конспиративной квартиры, и печатание журнала «Отклики» прекратилось. Всего было выпущено три номера: № 1—в августе, № 2—в сентябре и № 3—в декабре. Жизнь организации совершенно замирала под давлением реакции. В 1907 г. была еще сделана попытка перевести работу в рабочие массы, и в конце года удалось т. Нижегородцеву добиться разрешения на открытие в Муроме отделения Иваново-Вознесенского Профессионального Союза Металлистов, председателем которого, после неутверждения губернатором т. Нижегородцева, был т. И. Селихов. Но при трудности условий работы, при складывающихся обстоятельствах, деятельность этого отделения ничем ярким не проявлялась и скоро совсем замерла.

Возвращаясь к ученическому движению необходимо отметить, что 1907 г. был последним славным годом в истории его. Правда, после сравнительно долгого перерыва, волнения в реальном училище опять возобновлялись в конце 1908 г. Причиной этих волнений послужили следующие обстоятельства: 1 сентября 1908 г. между вторым и третьим уроками в коридоре старшего отделения в стену была брошена петарда, разорвавшаяся с сильным шумом. На предложение начальства сознаться, никто не сознался. Педагогический совет, созванный по этому поводу 2 сентября, постановил «удалить учеников, которые в прошлом учебном году имели по поведению хотя одну тройку в треть и за весь год не более четырех, а также и таких, которые за последние дни вели себя дерзко и вызывающе» [1]). Таким образом, за «грехи прошлого года» удалены были: уч. V класса И. Васильев, Н. Германов, К. Ялышев и VI класса Ю. Валенков, В. Зворыкин и Г. Русаков.

3 сентября, по об'явлении ученикам V и VI классов постановления педагогического Совета, ученики V, VI и VII классов после первого урока об'явили забастовку, ушли из училища и устроили по окраинам гор. Мурома ряд митингов. Митинги, «по распоряжению действительного статского советника Сазонова, были разогнаны, при чем арестованы главные зачинщики, в числе коих оказалось 8 учеников училища» [2]).

И этими «главными зачинщиками», арестованными на митинге в Гофманском саду, были ученики: V кл. М. Волков, VI кл. К. Кржечковский, А. Милов, Н. Смылов. С. Фридберг, VI кл. В. Алексеев, Ф. Кабанов и П. Коряев.

К началу занятий 4 сентября ученики забастовавших классов не явились: только родителями приведены были в училище два ученика V класса, при чем родительский авторитет был подкреплен толстой дубиной в руках (Вишняков). К 12 часам стало известно, что и. д. директора П. Погорелов якобы собирается послать

---

[1]) Протокол педагогического совета от 2 сентября 1908 года за № 3.

[2]) Секретное донесение исп. об. вице-директора департамента полиции от 17-го ноября 1903 г. на имя А. А. Макарова.

попечителю округа телеграмму с просьбой о разрешении уволить всех забастовавших. Напуганные родители привели насильно еще 16 учеников. Забастовка была сорвана. После же обращения «представителей общества» к родителям об оказании влияния на детей своих и освобождения арестованных, 4 же сентября ученики по одному, по двое, все явились в училище, и с четвертого урока занятия были уже во всех классах.

5 сентября уроки шли нормально. Уволенные постановлением педагогического совета 2 сентября приняты обратно не были и вернулись к занятиям только 12 сентября, когда бросивший петарду ученик сознался. Училищное начальство победило и сейчас же принялось закреплять свою победу рядом репрессий по отношению ко всем ученикам [1]). За участие же на митинге всех арестованных полицией Совет постановил и в свою очередь «подвергнуть аресту каждого на 6 часов в карцер и принять во внимание их проступок при обсуждении вопроса об освобождении от платы за учение и при обсуждении поведения учеников в конце 1 трети» [2]). И на радостях своей победы и расправы с учениками, кроме того совет постановил «о таковом постановлении уведомить г-на попечителя Округа и Его Превосходительство г-на Владимирского губернатора» [3]). Эта последняя забастовка возникла стихийно, в ней уже не чувствовалась былой спайки, организованности, и при малейшем натиске родителей, учителей и жандармов она потухала. Это были лишь отголоски предыдущих революционных событий, вскоре эти отголоски сменились другим направлением: молодежь ударилась в пьянство. Гибель революции 1905 г., разочарование в легкости достижения надежд, большую часть молодежи привели в полное уныние, безнадежность и бросили ее в разврат. В конце 1908 г. Владимирский губернатор Сазонов созывает даже особое Совещание из представителей учебных заведений для совместной выработки мер «в деле водворения порядка в поведении учащихся». И опять начинается совместная борьба, но уже в другом направлении.

Ученики все больше и больше отходят от общественных вопросов и устраивают драки из-за ухаживания за гимназистками; и слухи об этих драках достигают даже до высшего начальства. Так в 1910 г. тов. министра внутренних дел П. Курлов сообщил А. Н. Шварцу, что ученики Муромского реального училища: В. Торговцев, А. Замешаев, Н. Гарманов и Д. Назаров за драку, произведенную ими из-за ухаживания за гимазисткой VI класса Е. Воронцовой, были посажены директором реального училища в карцер, каждый на 8 часов [4]). По традиции стеклобития еще продолжаются, но они уже носят характер не общего протеста против непормальностей школьной системы, а личной обиды кого-либо из учеников.

Это новое направление среди молодежи сплошь и рядом поддерживается и самим училищным начальством. При самом деятельном участии его, учащимися иногда постигаются все тайны флирта, кокетства, науки завязывания бантиков, пудрения носов и пр. [5]).

Но юношеской здоровой энергии у молодежи много, и при первых ударах революции 1917 г. молодежь опять в первых рядах ее бойцов, молодежь опять рядом со своими старыми товарищами. Революционные события опять увлекли ее, организовали и дали начало новому, светлому направлению — комсомольскому движению.

Растите, зрейте и распускайтесь красными цветами, юные товарищи!

И. Пронин.

---

[1]) Протокол педагогического совета от 12 сентября 1908 г. за № 5, пункты В, а, б, г, д, е.

[2]) Протокол педагогического совета от 16 сентября 1908 г. за № 6.

[3]) Там же.

[4]) Доверительное отношение за мин. внутр. дел от 13 апреля 1910 года № 54408 на имя А. Н. Шварца.

[5]) Напр., начальница Муромской женской гимназии М. Попова.

Приложение к статье „Ученическое движение“.

1910 года мая 13 дня, в присутствии товарища прокурора А. Ф. Микулина и при помощнике секретаря Ю. В. Залесском, приговор сей об'явлен, на основании 829 ст. Угол. Суд., с соблюдением порядка, указанного в 832—842 ст. того же устава.

При об'явлении приговора из участвующих в деле лиц никто не находился.

Члены Палаты (подпись).

ПРИГОВОР

1910 года, апреля 27 дня,

по указу Его Императорского Величества Московская Судебная Палата по 3 Уголовному Департаменту в публичном заседании, происходившем под председательством председателя Департамента Ранга, в составе членов Палаты С. Ф. Мальцева и Д. П. Стремоухова, при товарище прокурора Палаты А. М. Лопатине и и. д. помощника секретаря Ю. В. Залесском.

Слушала: Дело о крестьянине Иване Логиновиче Пронине, обвин. по 2 час. 132 ст. Угол. Улож.

По обвинительному акту к крестьянину Зубцовского уезда, Дорожаевской волости, села Дорожаева, Ивану Логгиновичу Пронину, 17 лет, пред'явлено было обвинение в том, что он зимою 1907 г. в гор. Муроме, хранил у себя, с целью распространения, шесть экземпляров печатного листа под заглавием «Извещение о Лондонском С'езде Российской Социал-Демократической Рабочей Партии в 1907 г.», четыре экземпляра листка, озаглавленного «Программа Российской Социал-Демократической Рабочей Партии», три экземпляра воззвания, начинающегося словами «Слушайте, рабочие и солдаты», два экземпляра воззвания, озаглавленного «Ко всем рабочим, солдатам и гражданам» и два экземпляра гектографированного журнала под заглавием «Отклики», заведомо для него, Пронина, возбуждающих к учинению бунтовщического деяния, к ниспровержению существующего в России государственного и общественного строя и к неисполнению воинскими чинами обязанностей военной службы, так как в этих произведениях доказывается необходимость вооруженного восстания, низвержения царского самодержавия, созыва учредительного собрания и учреждения Демократической Республики, перехода всех земель, фабрик и заводов ко всему народу и замены постоянной армии всеобщим вооружением народа, а солдаты призываются не стрелять по приказанию своего начальства в народ при усмирении беспорядков, арестовывать своих начальников и с оружием в руках переходить на сторону восставшего народа, т.-е. в совершении преступления, предусмотренного 2 ч. 132 ст. Уголов. Уложения. Основание для пред'явления к крестьянину Ивану Логгиновичу Пронину этого обвинения послужили нижеследующие обстоятельства, выясненные формальным дознанием:

17 декабря 1907 г. в городе Муроме в квартире дворян Александровских помощником пристава 2 участка Бойчевским был произведен обыск, при чем, между прочим, в столовой под буфетом было найдено пять экземпляров печатного листка под заглавием «Извещение о Лондонском С'езде Российской Социал-Демократической Партии в 1907 г.» о которых находившийся в квартире во время обыска ученик VI класса Муромского реального училища Иван Логгинович Пронин об'яснил, что эти листки были принесены им и под буфет спрятаны при появлении полиции; арестовав Пронина, помощник пристава Бойчевский произвел обыск в его квартире; по обыску в компате, занимаемой Прониным, были найдены следующие печатные издания: четыре экземпляра листка, озаглавленного «Программа Российской Социал-Демократи-

ческой Рабочей Партии, припятая на втором с'езде», три экземпляра листка, начинающегося словами: «Слушайте рабочие и солдаты», издания Московского Комитета Россійской Социал-Демократической Партии, два экземпляра листка под заглавием «Ко всем рабочим, солдатам и гражданам», два экземпляра гектографированного журнала под заглавием «Отклики», издания Муромской и Кулебакской организации Россійской Социал-Демократической Партии, один экземпляр названного листка под заглавием «Извещение о Лондонском С'езде Россійской Социал-Демократической Рабочей Партии в 1907 г.» и по одному экземпляру воззваний, озаглавленных «К гражданам», «Избирательная платформа Россійской Социал-Демократической Рабочей Партии», «Нужно организовываться», «Граждане» и пр.

Привлеченный к формальному дознанию в качестве обвиняемого в хранении с целью распространения сочинений, возбуждающих к учинению бунтовщического деяния, ниспровержению государственного и общественного строя и к неисполнению воинскими чинами обязанностей военной службы, Иван Пронин не признал себя виновным в этом преступлении, об'яснив, что большинство отобранных от него изданий были найдены им в разное время на улицах города Мурома, экземпляры же «Извещения о Лондонском С'езде», он получил от своего товарища, имени которого назвать не пожелал; по словам обвиняемого, эти издания он собрал и хранил лично для себя, без всякой цели распространять таковые (л. д. 21—22).

На суд подсудимый Иван Пронин, явка коего была признана необезательной, не явился, защитник его заявил, что он не признает Пронина виновным по пред'явленному к нему обвинению.

Спрошенные свидетели Григорьев и Рожков подтвердили данные ими на дознании показания (л. д. 15 и 18 об).

Рассмотрев обстоятельства настоящего дела и выслушав прения сторон, Судебная Палата находит, что подсудимый Иван Пронин, фактом нахождения у него значительного количества однопменных изданий противозаконного содержания, вполне изобличается в хранении этих изданий с целью их распространения, зная о их противозаконном содержании, и что приведенное Прониным в свое оправдание об'яснение о хранении им сочинений лично для себя, без всякой цели распространять таковые, не заслуживает уважения; а потому Судебная Палата признает крестьянина Ивана Логгиновича Пронина 17 лет виновным в означенном преступлении, предусмотренном 2 ч. 132 ст. Уголовного Уложения, карающей виновного заключением в крепости на срок не свыше трех лет; однако, Судебная Палата, находя, что по обстоятельствам дела, Пронин заслуживает снисхождения, признает справедливым смягчить ответственность подсудимого, согласно 53 ст. Угол. Уложения и назначить ему в пределах, указанных 132 и 19 ст. Уг. Улож., заключение в крепости на три недели, с сокращением времени сего заключения на одну треть на точном основании 3 п. 57 ст. Угол. Улож. по причине несовершеннолетия подсудимого Пронина, т.-е. подвергнуть Пронина крепости на две недели. Уплату по делу судебных издержек следует согласно 991 ст. уст. Угол. Суд. возложить на осужденного Ивана Пронина, а в случае несостоятельности его к платежу этих издержек, они подлежат принятию на счет казны по силе 999 ст. Уст. Угол. Суд.

Что же касается вещественных по делу доказательств, то таковые следует уничтожить: сочинения противозаконного содержания—на основании 36 ст. Угол. Улож., а прочие—по их малоценности.

Вследствие всего вышеизложенного Судебная Палата определяет: крестьянина Зубцовского уезда, Дорожаевской волости, села Дорожаева Ивана Логгиновича Пронина, 17 лет, признав виновным в преступлении, предусмотренном 2 ч. 132 ст. Угол. Улож., на основании этой статьи Уложения, а также 53, 19 и 57 ст. того же Уложения заключить в крепость на две недели; судебные по делу издержки возложить на осужденного Ивана Пронина, вещественные доказательства уничтожить.

О тов. К. Ф. Никитине.

Константин Федорович Никитин родился 8 ноября 1885 г. (по метрич. выписке, в с. Бутылицах, Меленковск. уезда). Отец его, из крестьян д. Пестенькина, по окончании военной службы, служил в низших должностях (почтальоном) по почтовому ведомству. После смерти оставил семью — вдову и двоих детей. Старшему, Константину, было 10 лет, младшему 2 года. Для дальнейшего образования старшего сына вдова переехала в Муром, где Константин определен был в 1-й класс реального училища, но учиться удалось недолго: через полгода умерла мать, и сироты перешли на жительство к старушке-бабушке. Старший Константин должен был закончить образование и поступить на работу, — «кормить» бабушку и маленького брата. Его определили в типографию Милованова (11 лет от роду). Сначала годы учения (4 года), затем К. Ф. наборщик в той же типографии. Через год он переходит наборщиком в типографию Зворыкина и остается в ней до 1913 г. (с двумя перерывами: в 1906 г. на два месяца и в 1912 г. на 5 месяцев, когда он работает: в 1906 г. в Петербурге (типография при Экспедиции заготовления государственных бумаг) и в 1912 г.—в Бологом).

С 1913 г. по 1918 г. заведует типографией Синицына. При национализации муромских типографий, сначала заведует государственной типографией, затем, по болезни, переходит в той же типографии на должность корректора и занимает ее до самой смерти.

Скончался 18 февраля 1922 г. от туберкулеза легких, осложнившегося крупозным воспалением. После него сталась вдова и 7-летняя дочь.

В 1905 году примкнул к Муромской организации Р. С.-Д. Р. П. Как партийный работник был использован, главным образом, по своей специальности (работал на «подпольном» типографском станке). Постоянно был под надзором полиции и неоднократно подвергался обыскам. В революциях 1917 г. активного участия не принимал и к партийной работе не возвращался, хотя интереса к политической жизни страны не потерял до самой смерти. «Не хочется умирать в такое интересное время», — говорил он за месяц до смерти, а в предсмертной агонии бредил Генуэзской конференцией, открытие которой ожидалось в это время, и до начала заседаний которой он все-таки не дожил.

О тов. И. Н. Елизарове.

Иван Никитич Елизаров, — из крестьян Покровского уезда, Владимирской губ. (точно года рождения не знаю, но приблизительно, родился в 1884 г.). Образование получил в Кинжачской учительской семинарии. По окончании курса в 1904 г. был назначен учителем приходского училища в Муром. Приехал в Муром в сентябре 1904 г. и в конце того же года примкнул к местной организации Р. С.-Д. Р. Партии. Являлся одним из самых активнейших работников ее и идейным руководителем. Работал как пропагандист в рабочих кружках, состоял казначеем организации. Квартира его была главным штабом партийной работы: местом собраний, складом нелегальной литературы, оружия. Через нее переправлялись с места на место типографские станки. Исполнял работу и по пропаганде среди крестьян. Находясь под постоянным наблюдением полиции, неоднократно подвергался обыскам. В 1908 году после обыска распоряжением губернатора был уволен от должности учителя с возбуждением против него судебного процесса по обвинению в распространении нелегальной с.-д. литературы. По суду был оправдан, но к педагогической деятельности возвратиться более не мог. Оставался в Муроме до 1912 года, занимая место в конторе одного магазина.

В 1912 г. переехал в Москву, где поступил на службу в контору «Общества костеобжигательных заводов». Несвойственная ему канцелярская работа, оторванность от любимой педагогической деятельности, одиночество среди незнакомого, шумного города, гнетущая правительственная реакция — сильно отразились на его нервной системе. В сентябре 1916 г. он кончил жизнь самоубийством (повесился) в Москве.

„ОТКЛИКИ“

№ 1.

1907 год.

(Рукописный журнал.)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

„ОТКЛИКИ“.

Орган Муромской и Кулебакской организации Р. С.-Д. Р. П.

Свобода слова, собраний, союзов—вот воспоминания славных октябрьских дней 1905 года.

17-е октября — день выпуска лживого царского манифеста, признавшего, якобы, за народом права — был днем выступления черносотенных сил во главе с самодержавным правительством. Пролетариат, как злейший враг самодержавия, Совет рабочих депутатов, различные профессиональные и политические клубы и союзы рабочих и пр., были разбиты; выдающиеся товарищи шли в Сибирь, в тюрьму и на виселицу; произвол больших и маленьких царьков рос. Все, что говорит смело и открыто о нуждах рабочего класса и крестьянства, немедленно уничтожается. Народные представители в Государственной Думе — социал-демократы — с депутатской скамьи идут в крепость; свободное устное и печатное слово тщательно вытравливается представителями самодержавного строя; свобода собраний, слова, союзов свелись указами и раз'яснениями царскими и сенатскими, губернатора и урядника, но более штыками и пулеметами — к свободе слова, истинно-русского, к свободе собраний, истинно-узких и к свободе союзов не менее узких, как «союз 17-го октября».

Но тщетны потуги крепостников.

Политические и гражданские права рабочему классу в его борьбе за социализм необходимы, как воздух, и у него хватит сил и мужества отвоевать их. Если на поверхности все тихо, то это не значит, что там — в глуби — кладбищенский покой. И если буржуазная печать не дает картины рабочей жизни и только извращает ее, то пусть «ОТКЛИКИ» будут хоть слабым откликом трудовой жизни рабочих.

МУРОМ.

Широкая волна профессионального движения, захватившая все слои рабочего класса России, встрепенула и наших муромских рабочих. Несколько более энергичных и сознательных товарищей, видя, какой гнет и насилие царят на наших

фабриках, заводах и в мелких промышленных заведениях, сознавая все бессилие неорганизованного рабочего класса, обратились с призывом к товарищам об'единиться для борьбы в профессиональные союзы, хотя бы в рамках теперешнего закона. Как ни подлы эти законы самодержавного гнета, всегда защищающего интересы эксплоататоров, как ни скована тяжелой цепью деятельность профессиональных обществ, все-же рабочий класс и их может использовать для настоящей и будущей борьбы. И мы видим, что пролетариат это сознает. Все уголки обширной России покрылись густой сетью профессиональных обществ. Призыв товарищей не остался без ответа: более сознательные всколыхнулись, и им, после долгих мытарств, удалось получить разрешение на открытие профессионального общества. Теперь, имея перед собой организованную силу, наши заводчики, фабриканты и т. п. не смогут так эксплоатировать и так нагло и грубо обращаться с своими рабочими.

Один из этих господ, Валенков, страшно долго задерживает получку, а в это время хоть голодай, и если некоторые, более сознательные рабочие, начали протестовать, они были рассчитаны, при чем этот расчет сопровождался угрозами и площадной бранью по адресу рабочих со стороны Валенкова. Но еще более бесчеловечный произвол и эксплоатация царят в средних и мелких промышленных заведениях. Например, из типографии видного члена «Союза русского народа» Милованова был перед Пасхой рассчитан, без предупреждения и без выдачи за 2 недели вперед жалования, несколько лет служивший наборщик, оставшийся на Пасху, с семьей в 8 человек, без куска хлеба; он был принужден обратиться в попечительство о бедности. Но вот еще возмутительные факты в этой же типографии. Почти с основания ее, вот уже 36 лет, служит переплетчик. Когда он был молод, то получал 18 рублей, но чем он дольше служил, чем он более старел, тем более и жалованье его... уменьшалось; таким образом, он дошел до 12 руб. Вот до чего могут быть подлы и низки эти эксплоататоры. Человек, из которого так много было высосано крови, должен на старости лет чуть не голодать с семьей, а он, этот варвар, будет наслаждаться на те деньги, которые добыл ему своим потом и кровью этот старик и ему подобные пролетарии. Лишь тогда рабочий класс сможет бороться с такой бесчеловечной эксплоатацией и произволом, когда он будет сорганизован, сплочен в одну боевую силу, готовую всегда выступить в защиту своих интересов.

КУЛЕБАКИ.

Жертвы капитала.

В июне месяце 1907 года на Кулебакском горном заводе был убит поднятой домкратами платформой 16-летний рабочий.

После выяснения причин оказалось, что один из домкратов нужно было сначала отремонтировать, а потом уже пускать в употребление. К сожалению, администрация завода не сделала этого, видимо, потому, что ремонт домкрата стоит денег, а убитого рабочего можно заменить другим.

Не успели рабочие забыть этого убийства, как 1 августа совершилось другое. Паровозом задавлен 50-летний рабочий-кровельщик и только потому, что не расслышал свистка паравоза, так как одновременно с паровозным свистком был заводский. И только после этого несчастного случая директор распорядился во время заводского свистка прекращать движение паровозов. Но ничто не возвратит жизнь убитым товарищам.

Жажда добычи заставляет работать неотремонтированными домкратами и пр. И сколько убийств, сколько увечий видит рабочий класс, тогда как истинный виновник—капитал (лица, владеющие капиталом), мало потеряет. Жалкими по-

дачками спешит отделаться в подобных случаях буржуазия от рабочего, и только социализм может вывести рабочий класс из такого бесправного, приниженного, рабского положения.

Произвол.

30 июня, в 6 часов вечера, ехавшим на лошади пьяным казаком был задавлен 3½-летний мальчик, по доставлении которого в больницу, обнаружилось поранение головы, груди и ноги. Этот возмутительный факт не был не замечен. Собравшаяся толпа человек в 40 рабочих отправилась к казачьему офицеру. По дороге толпа увеличилась человек до 300. Рабочие требовали от офицера, чтобы он шел с ними к приставу, и только настойчивые требования заставили его согласиться и пойти к приставу с очевидцами. Здесь был составлен протокол, копия с которого была вручена отцу малютки.

Этим временем толпа отправилась к казакам, чтобы хоть взглядом выразить свое негодование по поводу случившегося. Казаки, почуяв здесь крамолу, вооруженные, приготовились встретить толпу.

«Для порядка мы и поставлены»,—говорили они.

«Малютка-то не чинил беспорядка»,—было ответом из толпы.

«Дураки-мужики и трусы»,—кричали бабы,—«с нами—бабами—умеете воевать, а небось, казаков бы гнать — так вас нет».

Но что значит ребенок, когда казак смело борется с врагами нашего самодержавного правительства — рабочими.

Рассеянные по всей нашей необ'ятной родине саповники, чиповники, исправники, казаки, стражники и проч., стараются крепко держать в своих руках народ.

И если вздумал хоть ребенок стать на дороге, то, «смерть ему», скажут они.

«Долой царское самодержавие», ответит рабочий люд... «Да здравствует самодержавие народа».—«Пусть сам народ устраивает свои дела без всяких опричников»...

Нехотя разошлась толпа, предварительно обменявшись угрозами с казаками.

Милостыня.

У нас, в Кулебаках, строится новая железная дорога. У рабочих, как у мужчин, так и женщин, заработная плата слишком ничтожна. Женщина получает 30 коп. в день, мужчина—не более 60 коп.; рабочий же день слишком продолжителен. Когда к ним приезжал акционер Лессинг, то они просили прибавки. Господин Лессинг не заставил себя ждать; направил свою руку в миллионный кошелек и достал 13 руб., которые и предложил вместо прибавки. И просящие, (в количестве 100 человек), не только не отказались от подобной милостыни, но выразили особую благодарность, бросали шапки вверх, кричали «ура». Кричали «ура» за то, что выстроенная железная дорога г-ну Лессингу дает возможность ежегодно загребать миллиончики, а нашим товарищам-робочим—за все труды получать лишь грошевую плату. Недаром г-н Лессинг, как только отошел от рабочих, то сказал своему спутнику-инженеру: «вот как обделывают».

Скоро-ли восходящее солнце рассеет тьму и в этой несчастной сотне рабочих?

Отчет конференции В. О. О. Р. С.-Д. Р. П.

В начале конференции дано право решающего голоса делегатам Муромской и Владимирской организаций, хотя они и являются представителями менее, чем 75 человек. Дан совещательный голос одному товарищу, заведующему техникой.

Всего было 9 делегатов от след. организаций: 2—с Хрустального Гуся, 3—из Коврова, 4—из Кулебак, 1—из Владимира и 1—из Мурома. Обсуждался следующий порядок дня: 1) Отчет Исполнительного бюро: техника не работала до 15 июля. Издан на ней «Солдатский путь»—1,500 экземпляров и печатается до 7,000 предвыборных воззваний. Издан на гектографе протокол окружного комитета. Исполнительным бюро была поставлена организация в Соблинке и Ундале, в последнем на митинге арестовано человек 40. На конференции обнаружилась масса промахов Исполнительного бюро, напр., не были напечатаны во-время резолюции с Лондонского с'езда, не были даны адреса Муромской и Кулебакской организаций и пр. Конференция решила принять во внимание все промахи Исполнительного бюро и перейти к следующим очередным делам: 2) Отчет с мест: а) Кулебаки: 20 кружков — около 200 организованных рабочих. Рабочие требуют собраний, но нет совершенно пропагандистов. Организация старается жить жизнью рабочих и принимает деятельное участие во всех событиях на заводе. Ведет агитацию за профессиональные союзы, принимает деятельное участие в организации общества народных развлечений для поднятия умственного развития рабочих.

б) Ковров: Организованных до 300 человек. Недурно поставлены профессиональные союзы, где с.-д. пользуются влиянием.

в) Гусь — 250 организован. С.-д. организация пользуется заметным влиянием.

г) Муром. Прежняя организ. распущена, осталась лишь группа с.-д., которая ведет всю работу, поддерживает образование профессиональн. союзов.

д) Владимир. Дела идут очень плачевно. Союз портных запущен. Нет никаких собраний. В других местах идут дела тоже плохо. В Судогде была забастовка. Там был член Исполнительного бюро и устроил митинг. Стражники разогнали его, при чем арестовано до 7 человек. Забастовка окончена. В Суздале организация распущена. Конференция признала пониженное настроение.

3) Предвыборная кампания: Издается листок предвыборный, около 7.000 экземпляров. Исполнительное бюро обязано сорганизовать уполномоч. для выборов. Конференция решила вынести в широкую массу рабочих социал-демократические взгляды на Гос. Думу и на выборную кампанию.

4) Пересмотр организационного устава: Отменен Окружной Комитет. Все дела организации решает Окружная конференция, которая собирается в разных местах округа не реже одного раза в два месяца.

5) Бюджет на август месяц В. Окр. Орг. Р. С.-Д. Р. П.

Приход: С Мурома—2 р. 50 коп., с Кулебак—20 р., с Коврова—30 р., с Владимира—12 р., с Гуся—24 р. Всего—88 р. 50 коп. Расход: долгу по технике—26 р. 50 коп., проезд Ген. до Москвы—5 руб.

На почтовые расходы 10 р., на профессионала — 19 р., долгу—6 р., на технику 16 р. Всего — 82 р. 50 коп.

МУРОМ.

(Хроника.)

Скучные раз'езды свои стражники хотят несколько разнообразить. Так, недавно, пошутили над одним рабочим, что крик последнего был слышен квартала за три. Оказывается, рабочие-маляры во дворе одного дома, где они работали, дозволили себе такую дерзость, как петь «коробушку» и при появлении стражей не прекратили. Хотя, по требованию стражников, песни были прекращены, но тем не менее один был отхлестан. Это не первый случай.

Вызванная страшно-низкой заработной платой и грубым обращением хозяев, забастовка крючников на пристани Зворыкиных в июле месяце собрала защитников престола и кармана буржуазии всех родов орудия. Тут и шпики, тут и стражники во всеоружии и пр. Картина была довольно интересная и, главное, поучительная.

Чувствуя за собою вооруженную силу самодержавия и силу своего кармана, администрация завода Суздальцева-Ушакова прибегает к таким выходкам, как расчет всех рабочих, что было перед Пасхой. Этот возмутительный случай лишь говорит о бесправном положении рабочего класса и необходимости организации, как профессиональной (проф. союз.), так и политической — единой соц.-дем. раб. партии.

О партийной и Советской работе в Муроме и уезде (1917—1920).

В Муром я приехал из Петрограда. Поступил в Муромские мастерские, откуда через три дня был избран на порайонный с'езд рабочих и солдатских депутатов, а на с'езде выбран в Крестьянский Исполком. В то время Совет еще не был об'единен хотя и находился в одном доме, где теперь находится типография. Коммунистов в то время в крестьянском Исполкоме никого не было. Председателем к-та большевиков в то время был Никифор Тагунов. При Исполкоме солдатских и рабочих депутатов был Революционный Комитет, я состоял членом такового. Средств на содержание Исполкома, а также создаваемых отделов не было, из центра также не высылались. Посылаемые нами товарищи в разные учреждения, в то время еще пропитанные бюрократическим духом, вели борьбу с теми, кто пытался игнорировать революцию. Комитету приходилось бороться с саботажем, пресекая его в корне штрафными и различными административными взысканиями. В конце ноября 1917 года по предложению нашей партии был созван об'единенный с'езд рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, на котором нами было предложено создать единый Исполком. Социалисты-революционеры, в лице Ивана Степановича Мамченко, горячо протестовали. В Президиум с'езда подана была резолюция эс-эров, отрицающая всякое об'единение, и моя резолюция за об'единение и, несмотря на две трети, даже больше, беспартийных, плюс эс-эров (меньшевики в то время уже не фигурировали), наша резолюция прошла большинством, и работа была об'единена. Но при скудных средствах, можно сказать, совершенно без средств, при отрицательном отношении к власти известной части городского населения, с противосоветской агитацией эс-эров, работа протекала в трудных условиях. Были времена, когда мы по целым неделям не показывались в семье, работая с утра до ночи по организации советов. Благодаря нашим усилиям и усилиям красной гвардии, состоявшей в то время из рабочих Муромских мастерских, работа шла. В 1918 году нами был создан отряд для борьбы с германским империализмом, количества не помню. Наш отряд был первый из посланных на границу для защиты Республики Советов. Организатором отряда был Пронин. Я очень хорошо помню, когда отряд был готов к отправлению, то провожать его вышли только рабочие. Буржуазия посмеивалась в окна, а часть чахлой интеллигенции, работающей теперь на ответственных постах, также или смеялась или клеветала на нас.

Было время, когда средств совершенно не было. Из волостей требовали денег на школы, для служащих и т. д. На одном из заседаний исполком постановил: все капиталы, находящиеся без движения в банке, т.-е. не принадлежащие никаким предпринимателям, заводам, фабрикам и т. п., конфисковать в пользу Уездного Исполнительного Комитета, что и было сделано. Указанное постановление было вынесено только тогда, когда на предложение Уисполкома местная буржуазия определенно от-

казалась что-либо дать. Сумма конфискованная, насколько мне помнится, была около трех миллионов. Это было в начале 1918 года. Исполком в это время помещался в винном складе. На складе было 35.000 ведер спирта, находившегося в баках. Контр-революционная агитация не замедлила воспользоваться спиртом; солдаты 205 пех. полка, стоявшего в это время в Муроме, начали сперва тихо, а потом уже на своих собраниях специально поднимать вопрос о распределении спирта. Комиссару указанного полка тов. Ерлыкину и др. приходилось энергично сдерживать массу от нежелательных выходок.

Однажды—не помню когда—через Муром проходили два эшелона солдат с артиллерией, и солдаты 205 полка передали, что в Муроме есть спирт, и вот вся эта масса приходит к складу и требует ключи и отпуска спирта. Приняты были все агитационные меры, уговаривали, что сегодня этот вопрос экстренно разберется в Исполкоме и завтра будет об'явлено постановление. В эту ночь рабочие муромских мастерских, вооруженные, посменно заняли винный склад. На окнах склада были поставлены пулеметы и в ночь, по постановлению Исполкома, весь спирт был выпущен в колодезь. Когда на утро пришли солдаты и крестьяне с базара с ведрами, кувшинами и разной посудой, было об'явлено, что спирта нет. Дали ключи, открыли все склады. Несмотря на озлобление массы, все обошлось благополучно, не считая маленьких инцидентов.

9 июля из Москвы по аппарату Юза на имя Исполкома была получена депеша такого содержания: «После ликвидации эс-эровского восстания в Москве несколько автомобилей прорвались по Владимирскому шоссе. Городам, находящимся по этому пути, быть в боевой готовности». Я тут же послал нарочного за военным комиссаром. В то время их было двое: Лашков и Жуков. Приходит один Лашков, которому я прочел телеграмму и предложил сделать все, чтоб не быть застигнутым врасплох. Сам уехал на квартиру, в поселок, при мастерских. В 12 часов ночи дежурный член Исполкома Ерлыкин мне передает, что по уездному совету стреляют и кричат от имени временного правительства «сдавайся». Я думал, что это хулиганит какая-либо толпа реалистов, так как выходки такие были. Но когда начальник Красной гвардии Мякша сделал им отеческое внушение, они уже больше не повторяли таких выходок. Когда я позвонил в 8-ю роту, мне с телефонной станции сказали, что рота арестована и ее повели в тюрьму, телефон не работает. Тут я понял, что это не шутка реалистов. Звоню в гараж Высшего Военного Совета, чтобы взять автомобиль и ехать в город, но мне ответили, что и там арестованы. В это время ко мне приехал тов. Новов и через несколько времени Уездвоенком Жуков, которые мне передали, что город оцеплен; ж.-д. станции как Нижегородская, так и Казанская заняты. Итти в город—это означает отдаться в руки белогвардейцев, и мы решили отправиться до ближайшей ж.-д. станции, откуда можно было бы сообщить о случившемся в центр. Тов. Новов отправился на велосипеде, а мы трое: Комиссар труда Усов, Военный комиссар Жуков и я взяли в Кавардицах лошадь председателя волисполкома. Доехали до Климова, но ст. уже заняли белогвардейцы. Решили отправиться в Селиваново, откуда с Ковровским отрядом прибыли в Муром. Белогвардейцы уже бежали, был создан Революционный Комитет.

Арефин.

История партийной организации (при станции Муром Моск. Каз. ж. д.).

До конца 1918 года при станции и прилегающих к ней депо мастерских, в строительном поселке и службе пути не было организованной партийной единицы. Были лишь одиночки, члены Р. С. Д. Р. П. большевиков, которые входили в общегородскую организацию.

Но, надо сказать, влияние их на рабочую массу чувствовалось, что показало Муромское белогвардейское восстание в июле 1918 года, когда из партийцев и рабочих, стоявших на платформе Советской власти, были созданы революционная коллегия и боевая дружина (отряд красногвардейцев).

Это же восстание натолкнуло членов Партии на мысль о необходимости создания на Казанке организованного партийного ядра.

Инициативу организации его берут на себя т.т. Печенко и Стацевич, появляются об'явления по службам и цехам, открывается среди рабочих запись в члены Р. К. П. (б), и 4 сентября этого же года возникает на Казанке ячейка с количеством членов до 200 человек.

15 сентября созывается участковый с'езд железнодорожников, на котором преобладают меньшевики и эс-эры: С-р Ракушин (председатель с'езда) Мозилкин—меньшевик и т. д.—естественно боряются против большевиков.

В результате с'езда—избирается «ЛЧ» (участковый Исполнит. Комитет) в составе 7 человек, из которых два—большевики.

Через несколько времени, постановлением ГВРК ж. д. «ЛЧ» распускается и создается вместо него участковый Военно-Революционный Комитет, в который вошли все коммунисты, т.т. Стацевич, Кириллов, Орехов, Акутин, Амосов, Мартынов, Косолапов и Устюхин. Таким образом ячейка сразу становится во главе всей работы по участку. Необходимость выделить людей, преданных революции,—коммунистов—на различные ответственные комиссарские посты по участку (Стацевич назначается комиссаром района, Кириллов—комиссаром мастерских, Амосов—транспортного Ч. К., Мартынов—комиссаром движения и т. д.,) а также исключение из партии одного из членов Революционного Комитета Акутина (комиссар продовольствия), как эс-эра и саботажника, заставили выделить другой состав Революц. Комитета из новых лиц.

В новый состав вошли:

Тов. Косолапов—председатель; тов. Сорокин—тов. председателя; тов. Васильцов—ОНО. Тов. Демин—жил.-строительный отдел, тов. Моргунов—Комиссар продовольствия; тов. Коцелябов—Дисциплинарный Суд; тов. Орехов—секретарь; тов. Белозеров—отдел труда.

Только-что возникнув, ячейка быстро отзывается на угрожающее Республике чехо-словацкое выступление, создав боевой коммунистический отряд из 7 человек и отправив его на фронт, а потом добавляет туда же еще 6 человек. Были в организации и слабые, невыдержанные товарищи. Выявились они во время очередной отправки на фронт выходом из партии.

1919 год. В организации остается партийцев около 40 товарищей. Вскоре организуется Всеобуч, и все железнодорожники привлекаются к обучению, в комитете вводятся дежурства. Дежурные особенно много оказывают содействия проходящим через станцию войсковым эшелонам, одновременно ведя агитационную работу, раздачу брошюр, листовок и т. п.

Создается железнодорожная Чрезвычайная комиссия.

Необходимое проведение в жизнь новых законов и боевая обстановка 1919 года ставят на очередь реорганизацию некоторых местных железнодорожных организаций: ЖЧК, Военно-Революционного Комитета, Милиции, Профсоюза.

Создается Районное Железнодорожное Управление.

Все новые и новые революционные задачи в мае 1919 года вызывают создание с большими правами Политотдела, вместо сыгравшего свою роль Военно-Революционного Комитета; председателем Политотдела назначается тов. Елисеи.

Все это делается силами партии. В Профсоюзе, который до этого работал сам по себе, завоевывают места члены партии, т.-е. вливаются и проходят на с'ездах наши кандидаты.

Но, надо сказать, что все же в этот период, т.-е. до конца 1919 года, всего 1920 и 1921 г.г., все агитационные работы, политпросветительная, профессиональная и др. проводятся партией через Политотделы.

В сентябре 1919 года в организации проводится чистка карьеристов и шкурников. Несколько человек выброшены из членов Р. К. П. (б). Этим ликвидируется бывшая небольшая склока. В октябре 1919 года в партийную неделю наблюдается усиленный прилив сил, правда, некоторые вскоре же, будучи не в состоянии выдержать массы обязанностей и дисциплины, выбывают из организации, особенно семейные, под тяготами материальных недостатков. Но все же, в ноябре 1920 года Муромский железно-дорожный Райком РКП (б) имел 161 членов партии, из них в ячейке мастерских 56 ч., материальной службы 6 ч., пути 7 ч., поселка 10 ч. телеграфа 6 ч., депо 23 ч., ст. Арзамас 12 ч., Мухтолово 13 ч., Железнодорож. милиция 13 ч., Стенурино 8 ч., Заколпье 20 ч. Затем прибывают мобилизованные на транспорт члены Р. К. П. (б) из других организаций. В конце 1920 г. ликвидируется Политотдел, и многие из активных товарищей, там работающих назначаются на административно-хозяйственную и техническую работы. В мае 1921 г. с переходом к НЭПУ, наблюдается выход из членов партии интеллигенции и спецов. (Буйлов, Данковский, Дунаевский и др.) В августе 1921 года в партии остается 92 человека. В заслугу Муромской организации Р. К. П. (б) надо поставить также массовые субботники, начавшиеся еще в мае 1919 года.

В общем же история Муромской железнодорожной организации Р. К. П. (б) целиком связана с историей возникновения и развития деятельности железнодорожной революционной организации профсоюза. Да и люди то были одни и те же.

Период жизни последнего времени местной партийной организации занят уже плановой работой. Агитпропагандистская работа носит более углубленный научный характер. Теперь нет пожара гражданской войны, и работа идет не по-пожарному. Из членов организации Мурома многие выбыли на уездную работу в губернию, в Москву. Но и за оставшимися членами имеется много революционного прошлого.

В марте 1923 года имеется 45 активных членов; балласту, прямо надо сказать, нет. Есть у казанцев и смена—насчитывающий в своих рядах до 100 человек Комсомол. Он организовался немногим позже партийной ячейки, в марте 1919 года, также пережил военные времена, отдав лучшие силы на фронт, также был в первых рядах на субботниках и сейчас, имея в партийных организациях много комсомольцев, вышедших из его рядов, готовит новую смену для Коммунистической Партии.

Васильцов.

Возникновение организации Р. К. П. (б) при станции Муром Моск. Каз. ж. д.

Возникновение организации Р. К. П. (б) при ст. Муром Казанской ж. д. надо отнести к 4 Сентября 1918 года. До этого работа велась одиночками партийцами, которые находились в Муромских ж.-д. мастерских. Первые члены Р. К. П. (б), которые упорно вели свою агитацию, были Гоголев Тим. и Поляков. Здесь необходимо приходится отметить, что вести работу одиночкам было очень тяжело, что можно об'яснить следующими данными: С Февральского переворота здесь сразу появились довольно таки сильные агитаторы эс-эры, как то: Зимин, который приезжал из Москвы, и ряд других, а также и меньшевики, которых было достаточно в муромских мастерских и не только называвших себя меньшевиками, а довольно долго работавших в подполье, и вполне понятно, что рабочие массы пошли за ними. Этому способствовали и меньшевики, которые блокировались с эс-эрами. Что же касается администрации, то последняя оказывала большую поддержку эс-эрам, не только представляя им помещения для собраний, но шла дальше, и тех рабочих, которые сочувствовали большевикам, всячески старалась изолировать. Рабочих большевиков, которые старались поступать на работу, не принимали. Т. т. Гоголев и Поляков не были сильными агитаторами,—оба они были рабочие,—и того красноречия, которым обладали интеллигенты, меньшевики и эс-эры, они не имели. К тому же и городская организация еще не имела возможности дать агитаторов, находясь сама в очень скверных условиях, не имея даже помещения, где бы члены партии могли собираться.

Эс-эровская организация в Муромских мастерских насчитывала в 1917 г.—125 человек, с.-д. меньшевиков было 50—60, а большевиков было 3 тов. Эти цифры ясно говорят о том, как трудна была работа одиночек. Мне осталось памятным одно собрание в мастерских, на котором выступали одиночки большевики по вопросу о войне. Как сейчас помню, выступавший Гоголев бросил лозунг «Долой войну», и как после этого эс-эры подняли вой, называя его немецким шпионом, которого надо удалить из мастерских, и повели разговор о том, что бы вывезти его на тачке. Но часть рабочих, хотя и очень небольшая, запротестовала против приема, намеченного эс-эрами, и им не удалось вывезти большевика. Целую неделю Гоголеву нельзя было ходить по большим проходам мастерских, где он от тачки не мог бы уйти. Такое положение большевиков продолжалось до всероссийской жел.-дорожной стачки, это было, насколько не изменяет память, в 1917 году в сентябре месяце. Скверная оплата труда и материальная необеспеченность рабочих заставили их, в конце концов, понять: кто же лучше защищает интересы рабочих—эс-эры или большевики. Было получено извещение от Центрального стачечного комитета, кажется, из Питера, которое призывало ко всеобщей стачке за повышение заработной платы. Получив это известие, маленькая группа членов Р. К. П. (б) совместно с сочувствующими ей рабочими признала

необходимым создать стачечный комитет, который бы взял на себя задачу призвать рабочих к стачке в назначенный день. Эта тройка была создана, в нее вошли Гоголев Тим., Кириллов Б., третьего товарища не помню.

Местные эс-эры были осведомлены о начавшейся стачке, и как раз накануне назначенного дня из Москвы прибыли эс-эровские руководители Зимин и другие. Муромские эс-эры также явились на это собрание. Много было разговоров, что в такой тяжелый момент для временного правительства стачек устраивать нельзя, и что улучшение положения рабочих не достигнется стачкой, ибо сейчас надо напрягать все силы к тому, чтобы сломить немцев и довести войну до конца. Здесь был прочтен ряд телеграмм временного правительства, некоторые из них просили воздержаться от стачки и не итти на удочку немецких шпионов, а некоторые говорили приказно, угрожающим тоном, в частности телеграмма министра труда Скобелева (содержания ее не помню). Но, несмотря на все, однодневная стачка была проведена. После первой победы над эс-эрами выступления большевиков стали учащаться. В городе к этому времени организовался комитет Р. С.-Д. Р. П. (б), в котором появились очень хорошие агитаторы: Тагунов Никифор, Мамченко Николай. С организацией Комитета и работа на Казанке в смысле обслуживания последней агитаторскими силами стала лучше. Первый бой, который пришлось выдержать по вопросу о войне местным товарищам с эс-эрами, был в конце июля или в начале августа. В то время в Муром приехал Костя Козлов, и последний, с тов. Тагуновым и Мамченко заявились в муромские мастерские. Было вывешено об'явление о митинге. После окончания работ часть тов. была направлена в 205 пол, в то время стоявший в Муроме, где товарищи пригласили солдат присутствовать на собрании. К назначенному часу солдаты очень дружно пришли во двор мастерских. Рабочие мастерских и других служб также явились на это собрание Эс-эры здесь, совместно с меньшевиками, выделили свои лучшие силы для ведения разговоров. Помню, что это собрание продолжалось очень долго. Докладчиком был Козлов. В результате, когда эс-эры были биты, стали задаваться с их стороны докладчику вопросы не по существу доклада, а относительно его происхождения. Как сейчас помню, меньшевик Марголин кричал: «скажи свою настоящую фамилию». Все это делалось для того, чтобы разжечь массу и сказать последним, что ни один большевик не говорит настоящей фамилии, а, набив карманы, постарается выехать за границу, но эти слова демагогии потерпели крах. Большая часть рабочих знала выступавших товарищей как местных жителей. После этого собрания тов. Мамченко заявил, что местный комитет большевиков приглашает товарищей рабочих на партсобрание, происходящее на поле сзади мастерских. С этого времени одиночки об'единились с городской организацией. После этого собрания стала возникать мысль о создании ячейки, поскольку еще эс-эры держали комитет мастерских и все организации в своих руках. Дело подвигалось очень медленно, Для того, чтобы создать ячейку, было необходимо завоевать более основательно поддержку со стороны рабочих и завоевать места в комитете мастерских. Этого долго ждать не пришлось. В 1918 году в мае была намечена Сормовская конференция меньшевиков, по каким вопросам,—не помню. Для этой цели оттуда прибыл представитель, в городе было проведено ими собрание и выборы. По окончании этой работы в городе они направились с выборными делегатами в Муромские мастерские, также для производства выборов на эту конференцию. Много было разговоров на этом собрании, и как ни старались меньшевики избрать и послать своих представителей от имени рабочих мастерских, им этого сделать не удалось. Состав комитета Муромских мастерских был исключительно из меньшевиков. В него входили Зуев, Кожин, Маслихин и еще двое, фамилию которых забыл. Видя, что их затея не удалась и что им от имени рабочих выступать не пришлось, они, устроив заседание своего комитета, попытались в день конференции

устроить однодневную стачку. Все было сделано. Об этом автор данных строк узнал только при приходе на работу. Все проделалось комитетом, который дал распоряжения—машин не пускать и свистков также не производить. Собравшись утром на работу к назначенному времени и узнав о такой проделке, было приступлено к пуску машины, и вместо положенного времени, 7 часов, удалось пустить машины к 9 часам. Дали свистки. Рабочие потянулись на работу, и к 10 часам было более чем 80% собравшихся рабочих, которые и продолжали работу. Представитель комитета Маслихин явился после свистка в мастерские в праздничном костюме и стал увещевать рабочих, чтобы они кончали работу. Понятно, за такую работу он был удален из стен мастерских. По окончании работ было собрано общее собрание рабочих, на котором был поставлен вопрос о выборах комитета мастерских. После моего доклада, который мне был поручен партийцами, хотя я был в то время беспартийным, были произведены выборы комитета, в который прошли следующие товарищи: Кириллов, Б. Бобрихин, Устюхин, Колосков, Дулин Иван. После этого прошло 4 дня, пока новому составу комитета удалось отобрать печать и деньги у старого состава. С завоеванием комитета настала возможность проводить собрания в стенах мастерских, и тот саботаж и срыв собраний, который устраивала меньшевистско-эс-эровская братия, в виде стуков по котлам и котельным листам, пришлось сломить.

Несколько слов об организации Красной гвардии. Красногвардейские десятки создались в 1917 г. месяца за полтора-два до октября. Первым десятком руководил тов. Гоголев; в него входили: Демидов, Кириллов Б., Бобрихин, Гоголев, Т., Белозеров, Юдин и ряд других. После Октябрьского переворота красногвардейский отряд при мастерских был из 60 товарищей. Начальником гвардии был Бушев, но после неудачного командования на Бутылицком кулацком восстании, Бушев был смещен и командование было передано автору данных строк. Через короткий промежуток времени была завязана связь с Москвой, с главным штабом, которым тогда управлял тов. Ведерников. Через него уже было получено вооружение, которое состояло из 4 пулеметов Максима и 75 винтовок, а на месте было приобретено десятка два бомб.

Работа, которую пришлось проводить отряду, как подавление Бутылицкого восстания, выезд на подавление восстания в Выксе и обезоружение офицерства, охрана города, лежала исключительно на штабе Красной гвардии. Работа Муромского штаба не ограничивалась своим уездом, она выходила за пределы Владимирской губернии, касаясь Выксы и Кулебак. Все указания и оружие получались из Мурома, в Кулебаках красногвардейцами руководил т. Кулаков, а на Выксе и Навашине—Пронин. Не малую роль сыграл местный красно-гвардейский отряд и в вопросе организации Красной армии. Первое основное ядро Красного гарнизона состояло исключительно из 30 наших красногвардейцев, а уже около этого ядра стал формироваться гарнизон. Это было в 1918 г., вскоре после издания декрета о создании Красной армии.

Белогвардейское восстание в Муроме 8—9 Июля 1918 г. еще более убедило рабочих, с кем идут эс-эры и меньшевики. Не касаясь всего восстания, как последнее проходило в городе, остановлюсь на мастерских и отношении рабочих к выступлению.

Утром, когда пришлось прибыть в мастерскую, рабочие засыпали вопросами о случившемся. Было созвано собрание, на котором и было установлено, что это выступили белогвардейцы совместно с эс-эрами. Выступавшие эс-эры относились к восстанию сочувственно и призывали рабочих поддерживать выступление. Только что окончилось собрание, как послышался шум мотора. Во двор мастерских в'ехал автомобиль с вооруженными людьми. Во главе приехавших были Григорьев, эс-эр, и местный эс-эр Макаров, который до выступления находился в тюрьме за воровство. Не входя в мастерские, потребовали выхода рабочих во двор.

Во дворе эс-эр Григорьев говорил речь о перевороте и здесь же пообещал в недалеком будущем избавить рабочих от голодовки, накормить американским хлебом, который, по его словам, был в пути. Закончив доклад, стал приглашать задавать вопросы и желающих высказаться. Но было ясно, что высказываться нельзя. Место для разговора предлагали на своем автомобиле, среди вооруженных с ног до головы белогвардейцев. Охотников для выступления не нашлось. Тогда было предложено встать на работу, и тут же Григорьевым были вызваны Маслихин и Кожин, которые на этом же автомобиле отправились в город, как представители от рабочих, в штаб подполковника Сахарова, руководителя восстания. По возвращении из штаба Маслихин занял пост политического комиссара станции Муром. Вскоре прибыл другой автомобиль, грузовик, загруженный мукой. Представители—два студента, в форменных куртках, вошли в мастерские, вывесили воззвание. Как сейчас помню—за подписью генерала Алексеева, Сахарова и других. Это воззвание говорило о переворотах в Касимове, Нижнем, Елатьме и ряде других городов. Проделав это, студенты расположились на трибуне, и стали проводить собрание. В первую очередь они приветствовали рабочих от нового правительства и приподнесли подарок, который они привезли,—т.-е. хлеб. Рабочие выслушали их речь, но спасибо за хлеб не сказали. Тогда было предложено рабочим сгружать хлеб, последние переглянулись и выгружать все-таки не стали. Тогда эта работа был проделана белогвардейцами, и они просили указать место, где свалить последний. Было указано, принялись за разгрузку. Здесь необходимо отметить, что, несмотря на голодовку, рабочие не пошли на поводу у белых, и, когда рабочим было сказано, что этот хлеб взят исключительно из больниц, последние до него не дотронулись и заявили—«что же вы хотите морить одних и кормить нас за счет больниц». Тогда опять белые повторили, что «мы хлеба в скором времени достанем в большом количестве из Америки». Так этот хлеб и остался нетронутым, а после того, как белые оставили пределы города, он обратно был возвращен в больницы. После поездки Маслихина и Кожина в штаб, начались аресты большевиков и сочувствующих им беспартийных рабочих.

Из Муромских мастерских были арестованы: Кириллов Б., Барковский, Емельянов В. и ряд других. После ухода белых в скором времени стала организовываться ячейка. Было вывешено об'явление о собрании большевиков и вступлении в партию. Эту работу проводили т. Стацевич и тов. Печенко. 4 сентября 1918 года была организована ячейка, записавшихся рабочих было много. Секретарем был выделен Б. Кириллов. Немного спустя коллектив Казанской ж. д. состоял из 200 товарищей. По организации коллектива, вся работа во всех направлениях велась последним и вся эс-эровско-меньшевистская братия была изгнана с выборных должностей. Их места занимались членами Р. К. П. (б). Работа Райкома Казанской ж. д. не ограничивалась пределами Владимирской губернии, она распространялась и в другие губернии и уезды. Была создана ячейка силами Райкома по линии Казанской ж. д.

Б. Кириллов.

О некоторых событиях в Муромских мастерских.

Главным рабочим центром в Муроме являлись Муромские мастерские, Депо и ст. Моск.-Каз. ж. д. которые имели сильное влияние в политической жизни всего Муромского уезда. Во главе всех Советских учреждений, в большинстве работали рабочие Казанки. В апреле месяце 1918 г. в мастерских еще господствовали партии эс-эр. и меньшевиков. Во главе этих партий стояли Маслихин и Кожин, которые и работали в комитете мастерских.

Ячейки коммунистов хотя и не было в ту пору при мастерских, но рабочие все больше и больше сочувствовали коммунистам и разделялись на две равных половины. Так как при мастерских ячейки коммунистов не было, то некоторые рабочие состояли членами коммунистической партии в Уездкоме.

В конце мая или в начале июня меньшевики созвали Сормовскую конференцию, под предлогом разрешить критическое положение рабочих, на самом же деле на повестке дня стоял вопрос о свержении Советской власти. Половина рабочих, сочувствующая меньшевикам и слепо верившая, что на конференции только будет разрешаться вопрос о критическом положении рабочих, выделила своих представителей. Вторая половина рабочих, сочувствующая коммунистам, и уяснившая цель Сормовской конференции, вынесла протест против ее созыва. Сормовская конференция, которая имела определенную цель против власти, была сорвана. Половина рабочих Муромских мастерских сочувствовавшая меньшевикам, во главе с комитетом мастерских, об'явила забастовку против срыва Сормовской конференции и требовала созыва таковой. Половина рабочих, сочувствовшая коммунистам, не приняла участия в забастовке, а собралась в мастерских и на собрании постановила произвести перевыборы комитета мастерских, для чего избрала комиссию и приступила к работе. Комиссия по перевыборам комитета мастерских, сообщив в Москву, по прямому проводу о положении в мастерских и получив по прямому же проводу полномочие переизбрать комитет мастерских, приступила к перевыборам. В новый комитет вошли большинство коммунистов и сочувствующих. Вскоре после срыва Сормовской конференции в Муроме белогвардейцы устроили ночью выступление и захватили советские учреждения. Рабочие Муромских мастерских, узнавши, что Муром занят белогвардейцами, просили меньшевиков узнать, что белогвардейцы—буржуазия или меньшевики? Эс-эры и меньшевики с'ездили в город и, воротясь, уверили рабочих, что город занят меньшевиками. Белогвардейцы и сами не замедлили побывать в мастерских. Приехав на автомобиле, они устроили на дворе собрание, на котором говорили рабочим, что они заняли уже Нижний Новгород, Муром и Арзамас и просили рабочих поддерживать их и помочь свергнуть ненавистных коммунистов и Советскую власть. За это они привезли несколько десятков пудов муки в мастерские. Необходимость свержения коммунистов и Советской власти белогвардейцы доказывали тем, что коммунисты разогнали Сормовскую конференцию и не дают свободы не только буржуазии, но

и рабочим, и что они заключили Брест-Литовский мир в пользу германской буржуазии и получают от немцев деньги. Распущенный комитет полным составом вступил в управление мастерскими. После собрания рабочие узнали, что Нижний-Новгород и Арзамас не заняты белогвардейцами и что белогвардейцы арестовывают не только коммунистов, но и рабочих — некоммунистов. Во главе белогвардейцев стоял полковник Сахаров; об этом рабочие также узнали и стали недоверчивы и к обеду оставили мастерские, разошлись по домам.

Белогвардейцы, видя, что рассчитывать на мастерские не приходится, а рабочие Кулебакского Горного завода выслали против них боевые отряды, ночью оставили Муром. При захвате белыми Мурома был убит красноармеец тов. Лашин, а при преследовании их после ухода из Мурома был убит рабочий Муромских мастерских (коммунист) тов. Гоголев. После белогвардейского выступления на Муромском участке М.-К. ж. д. был организован Военно-Революционный комитет, в котором работали тов. Коцелябнов и другие. Рабочие, видя обман своих товарищей, состоявших в партии с.-д. меньшевиков и С-Р во время белогвардейского выступления, все больше и больше стали сочувствовать коммунистам. 3 Сентября 1918 года была организована ячейка коммунистов при мастерских. Военно-революционный комитет, получив утверждение из Москвы, распустил все ЛЧ, какие были на Муромском участке, и совместно с ячейкой Р.К.П. занялся организацией всех культурно-просветительных и профессиональных организаций.

И. Орехов.

Р. С.-Д. Р. П. (б) в 1917 году до октября.

Почти полное отсутствие документов о работе Р.С.-Д.Р.П. (б) в 1917 году (в моем распоряжении имеется только кассовая книга комитета) вынуждает меня ограничиться только личными впечатлениями, стараясь использовать мелкие документальные данные.

В Муромский уезд я прибыл в апреле 1917 года. Организации большевиков здесь еще не было, пропаганда не велась. Привезенная мною «Правда», переданная через К. Белова на Казанку, была прочтена не без интереса. Однако, настроение рабочих, которые слышали о большевиках только разные измышления, было далеко не в пользу последних. Мы с Беловым сколотили кое-как около сотни рублей и выписали на них большевистские газеты, литературу, чтобы наладить пропаганду путем продажи печатных изданий. К сожалению, «Прибой» выслали только в конце июля, а «Правда» и «Социал-Демократ» часто терялись в дороге, так что наладить этот род пропаганды нам не удалось. К выступлению на митингах же ни один из нас не был способен. Естественно, пришлось искать единомышленников, ибо мы чувствовали, что всем сообща можно сделать гораздо больше. Мы слышали, что в Муроме тоже есть несколько большевиков, но не могли их отыскать. Только в середине июня, когда приехал в муромские мастерские агитатор «Костя» (Козлов) мы впервые встретились с Н. Тагуновым, Н. Мамченко и Т. Гоголевым. После митинга, на котором, нужно сказать, меньшевики и эс-эры одержали верх, мы собрались в квартире Т. Гоголева и решили устроить в городе первое собрание большевиков.

25 июня ст. ст., в садике за кв. Мамченко, это собрание состоялось. Из присутствующих я помню только Тагунова, Мамченко, Т. Гоголева и его брата Владимира, Белова К., остальные были солдаты 205 полка (человек 10—15). На этом собрании и было положено начало организации большевиков в Муроме (выбран комитет: председатель Богатов, секретарь Тагунов и казначей Гоголев или Белов, уже не помню), собраны вступительные и членские взносы в сумме 40 р. 40 коп. В этот же вечер новым Комитетом нанято было и помещение из двух комнат в д. № 24 по Вознесенской улице.

Комитетом были выписаны 8 экземпляров «Социал-Демократ», литературы рублей на 12, и ежедневно по вечерам устраивались собрания — беседы.

Организация постепенно росла—в июне вступили Гладков, ныне учитель 1 с. школы 2 ступени, В. Гуреев, Панин, П., Маркелов, Конопов, Вязниковцев.

Июня 30-го проездом из Иркутска в Москву остановился в Муроме тов. Губельман. В это время была предвыборная горячка—блок меньшевиков и с-р. (за список коих наш комитет, не успевший со своим списком при выборах в Город. Думу, решил агитировать) устраивал собрание граждан. Мы направились туда. На собрании главное внимание слушателей было направлено на речи Самойлова (кадета) и Емельяна Ярославского. И, характерно, пока последний не назы-

вал своей партийности, гром аплодисментов покрывал наиболее меткие места его речи, но как только слушатели услыхали, что он большевик, некоторые не пожелали даже заслушать его речи и вышли.

1 июля комитет решил для усиления выписки и распространения печатных изданий организовать «паевое Т-во по распространению печати». Основателями были Тагунов, Н. (10 руб.), Гладков (10 р.), Гуреев (4 р.), Богатов (10 р.), Белов (10 р.), Панин (10 р.), Кононов (10 р.), и Козлов (4 р.)—итого 8 человек, внесших 68 рублей. Эти средства и использовались до половины сентября на покупку литературы. 2 июля комитетом было получено письмо от Кулебакской организации такого содержания.

«Товарищи!

Шлем вам горячий привет и пожелание дружной работы по углублению и расширению большевистской организации, как передовой революционной домократии России. Просим ораторов, посещающих вашу организацию, направлять к нам, мы же с своей стороны будем делать то же самое. Мы с своей стороны готовы поддержать связь с вами и помогать всем, что в наших силах. Нам необходимо знать количество членов вашей организации, из кого она состоит: из рабочих, крестьян и т. д. Каковы ваши силы в партийных работниках, средства, как относятся к вашей организации жители города, как относятся к вам солдаты, завязали ли вы с ними связь, что необходимо и т. д. Адрес —на имя Секретаря Ком-та, Больничная улица дом № 3 М. В. Бандину.

1917 г. 2/VIII. С товарищеским приветом **М. Бандин»**.

Но последующие события отвлекли наше внимание, и связь с Кулебаками так и не была установлена.

4 или 5 июля Исполнительным Комитетом Муромского Совета раб. и солдат. Депутатов было созвано собрание Совета с представителями социалистических партий и общественных организаций по поводу событий в Нижнем и Питере. Об этом собрании мы узнали уже вечером от И. С. Мамченко, который пришел в комитет с предложением присоединения нашей подписи под резолюцией совещания, на которое нашего представителя они якобы «позабыли» пригласить.

Мы ответили декларацией-протестом против игнорирования нашей организации, против запрещения мирных манифестаций, собраний и проч.

Через несколько дней из Мурома уехал И. Мамченко, потом солдаты и И. Тагунов, так что организация ослабла и количественно и качественно. Условия же работы были самые неблагоприятные: нам, буквально, зажимали горло под влиянием травли большевиков, о характере которой можно судить по № 23 «Свободного Муромского Голоса» (редактируемого одним из меньшевиков). В этом номере в статье «Об'единение «ленинцев» с немецким правительством» (один заголовок чего стоит) редакция, приводя по «Единству» цитаты из немецкой газеты «Русский Вестник», дает такие собственные комментарии. «Следует всем, кто до сих пор еще не понял, что ленинцы-большевики только притворяются социал-демократами, а на самом деле работают на пользу германского правительства, вдуматься в слова газеты немецкого пр-ва. Из этих выдержек видно, что ленинцы зовут русский народ к тому же, к чему призывают и немецкие провокаторы... Наш враг рекомендует Ленина, как действительного друга русского народа, не довольно ли одного этого, чтобы наконец понять, что Ленин друг немецкого правительства и хитрый враг русской революции»... и т. д. и т. п.

И неудивительно, что обыватель смотрел на нас, как на какой-то сброд (приписывал нам все свои злосчастья—пожары, кражи и т. п.). Да и рабочие были настроены тоже против нас, ибо клевете мы могли противопоставить только расклейку нескольких агит-плакатов, неорганизованные споры у киоска (при

ожидании газет) да беседу с теми, кто приходил к нам. А с середины июля, собственно, и организации-то, как нечто цельного, не существовало.

С квартиры нас «выкурили», а Исполком явно медлил с предоставлением комнаты в своем помещении. Почти весь август члены нашей организации работали по одиночке: хотя наиболее активные члены не теряли связи между собой. Я, как председатель, поддерживал связь и с Моск. Бюро, «Правдой» главным образом путем только переписки. Оттуда мы получали иногда и литературу. Я лично работал среди служащих и грузчиков материальной службы М.-К. ж. д. и к концу августа пробил в антипатичном отношении к большевикам большую брешь.

Гоголев работал в мастерских , Белов в Депо М.-К. ж. д., а Панин—среди приходивших к нему, как часовому мастеру, крестьян. Он же, кажется, повлиял и на И. Брунова, который тогда, как и теперь, пользовался авторитетом среди работниц бумаго-ткацкой фабрики. Через Панина же мы получали и новости момента, поскольку их посвещал в беседе с Панпным тов. Шляпников, оказавший таким образом в это тяжелое время Муромской организации большую моральную поддержку [1]).

В конце августа мы снова получили возможность собрать распыленные силы, нам предоставлена была одна комната (без меблировки, без стекла в окнах в Каратыгинском доме, где помещался Совет).

Возобновились общие собрания членов, хотя и не частые. Я был введен в состав Совета, а оттуда в состав Исполкома, Комиссии Труда.

Председателем Комитета был избран тов. Кононов. Среди рабочих настроение начало меняться явно в нашу пользу.

Корниловское выступление это настроение углубило. И хотя—«вожди» соглашатели из местного блока еще умели на собраниях проводить резолюции о полном доверии временному правительству, но это скорее об'яснялось нашим неуменпем, как следует использовать момент.

Так, созванное 30 августа совещание Совета с представителями социалистических партий (нас уже не позабыли) и общественных организаций вынесло резолюцию: «соединенное собрание Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов г. Мурома выражает Временному Правительству и Ц. И. К. С. Р и С. Д. полное доверие и сообщает о твердой решимости революционной демократии и гарнизона г. Мурома и уезда бороться до конца со всякими изменническими и контр-революционными попытками и выражает пожелание о немедленном освобождении борцов за свободу. Избранный комитет революционного действия из представителей от Совета Раб. Депутатов тов. Ключников, от Совета Солдатских Депутатов тов. Махлеев, от Совета Крестьянских Депутатов т. Карпенко, от с-д меньшевиков тов. Ветров, от с-р тов. Мамченко и от с-д большевиков тов. Белов. К. Р. Д. должен существовать до снятия военного положения в Московском Округе и ликвидации заговора Корнилова. (Цитирую по одной из сохранившихся копий протокола.

Устроенные в сентябре комитетом митинги около дома Каратыгина (где была разношерстная публика) и в Муромских мастерских, на которых выступал тов. Янышев, показали, что симпатия рабочих уже на нашей стороне и что даже обыватель при звуке «большевик» уже не орет только «долой», а как улитка ушел в себя и решил ждать, что будет. Митинги Емельяна Ярославского, устраиваемые комитетом в казармах 205 полка, также вполне ясно говорили, что солдаты за большевиков. Рост организации в сентябре быстро усилился. На «Казанке», в бумаго-ткацкой фабрике, среди солдат 205 полка мы уже имели не

---

[1]) Был в Муроме в августе после Московского Совещания. Большевики были крайне дезорганизованы после июльских дней. Беседы были случайными на площадях.
А. Шляпников.

одиночек, а группы. Ячейки тогда не были организованы, все большевики собирались на общее собрание, хотя членские взносы с сентября сбирались уже по группам.

Муромская организация имела своего представителя на Гусевской районной (3 сентября) и Иваново-Вознесенской Губернской (10 или 12 сентября) конференциях. К сожалению, нельзя иллюстрировать роста членов в цифрах, но косвенно об этом можно судить по поступлению членских взносов. Июнь — 49 р. 80 к. Июль — 18 р. 40 к. Август — 8 р. 57 к. Сентябрь — 171 р. 30 к.

В конце сентября на комитет появляются уже счета от местной типографии на оплату за отпечатку листков «долой большевиков»—1000 шт., об'явлений о газетах—100 шт., воззваний—200 шт., список кандидатов (вероятно в земскую управу) — 100 шт. Таким образом, комитет развертывает уже собственную печатную агитацию, что до сих пор было только его мечтой.

1 октября комитет выступает со своим списком кандидатов при выборах в Уездное Земство по городу и одерживает полную победу: из 6 депутатов от города было выбрано 4 большевика.

Вот что по этому поводу писал журнал учителей средних учебных заведений г. Мурома «Юные Мысли» в статье «Свободные граждане свободной России».

«1 октября в Муроме происходили выборы в Уездное Земство. И кто же прошел туда? Один кадет, один представитель деловой беспартийной группы и четыре большевика. Соотношение поразительное. Можно подумать, что граждане увлеклись левыми течениями и что, пожалуй скоро второй Кронштадт появится. Но это будет жестокая ошибка.

«Нет, граждане г. Мурома далеко не большевики, да и странно им большевиками быть, когда чуть не у каждого нечто приобретенное имеется. Им совсем не выгодно большевиками быть. Но в чем же дело? Почему на выборах большевики получили такое громадное большинство? Действительно, это очень странно, подумает читатель, но странность эта об'ясняется очень просто, если он вспомнит, что в городе квартирует полк солдат. Стоило только солдатам в количестве семисот человек подать свой голос, и список № 6 получил половину всех избирательных голосов, при чем всего голосов было подано полторы тысячи. Так вот где разгадка... Стыдно, граждане, стыдно вам»... и т. д. и т. п.

А так как большинство прошло не ½, а ⅔ депутатов, то ясно, что кроме солдат, положим даже, что из них голосовавших за большевиков было всего 700, около 300 голосов за нас было подано не солдатами. Цепны в этой статье и признания об апатии обывателя: «Большевиков не так уж много, как вы думаете, а только работать умеют эти большевики, вот что. В то время, как вы чаек попиваете, эти самые большевики успевают на десяти митингах побывать... А вы, вместо того, чтобы ответить им, как следует, покрепче ворота запираете, да окна ставнями закрываете, чтоб непароком туда кирпич не залетел. И давно вы, наверное, проклинаете эту самую революцию с ее свободами. То ли дело раньше было! Тихо да мирно. Все вокруг вас с таким почтением относилось, а теперь какой-нибудь оборванец вас «буржуазием» то и дело ругает»... (стр. 24).

В октябре комитетом были (кроме обычных общих собраний большевиков) проведены 1—2 митинга в 205 полку, на которых выступал Емельян Ярославский, сделавшийся любимым оратором солдат.

В Совете Рабочих Депутатов проходили уже наши резолюции. В середине октября на районном с'езде рабочих и солдатских депутатов (в Муроме), где стоял вопрос о 2 всероссийском с'езде и выборах на этот с'езд, большинством голосов созыв с'езда признан необходимым, а на с'езд избраны были два большевика—Жуков и большевик из Кулебакской организации. В этот же день нами получено письмо об организации группы большевиков в с. Навашине (где вообще живет

много рабочих с судоверфи). 24 октября я был в Питере, а 25-го в Дерпте и о Муроме уж ничего не знал.

Выводы. Несмотря на неопытность молодой организации, она все-таки выполнила то, что на нее возлагалось революцией, и Муром, когда история поставила его перед фактом создания рабоче-крестьянской власти, не был застигнут врасплох. Спайка, отсутствие раздора и мысли о личных выводах, твердое стремление к достижению коллективной цели, воодушевлявшей организацию, зоркое наблюдение за настроением рабоче-солдатской массы,—все это было основными причинами устойчивости нашей организации.

Ив. Богатов.

5/VI—1923 года.

Гражданская война в нашем районе.

1918 год был начальным годом вооруженной борьбы помещиков и буржуазии против рабочих и крестьян нашей страны. Контр-революция, разбитая в крупных городах, как Петербург, Москва, Харьков и другие, перенесла свою работу и свои надежды на окраины страны и в провинцию промышленного района. Во главе контр-революционной деятельности встали, так называвшие себя, «вожди демократии» из соглашательских партий.

Когда власть в стране оказалась в руках рабочих и крестьян, господа «демократы», вместе с помещиками и капиталистами организовали «Союз защиты родины и свободы». Капиталисты и помещики октябрьской революцией были лишены и родины и свободы эксплоатировать рабочих и пороть крестьян. Не могли примириться они с такою долей, повели против трудящихся вооруженную борьбу.

Весною 1918 года буржуазия и помещики повели против Советов планомерную вооруженную борьбу. На помощь им спешили немецкие войска, готовились к захватам Севера, Юга, Кавказа и Сибири антантовские войска. В этом плане удушения советской, еще не окрепшей тогда, Республики значительное место было уделено и Муромскому району. В связи с действиями чехо-словацких войск в Поволжьи, Муром являлся одним из питающих фронт узлов. Оторвать его от Москвы, отвлечь силы Советской армии на борьбу с такими, как Муромское, восстаниями, входило в задачи контр-революционного штаба.

Выпуская сборник, посвященный двадцатилетнему юбилею Муромской организации, нельзя не отметить столь важного события, как восстание белогвардейцев в Муроме и их поражение. Настоящая статья не преследует цели дать подробное освещение этого дела, а лишь познакомить читателя с некоторыми материалами по нему. Кое-что об этом событии мы находим в «Муромских Известиях» и приводим здесь.

МУРОМ 16 июля [1]).

9 июля в Муроме совершилось то, чего с тайным трепетом ожидали вся местная буржуазия, спекулянты, торговцы, так называемая, «демократическая интеллигенция» и весь темный, несознательный люд, озлобленный недостатком провизии и дороговизной.

Нападение на милицию, Совет и на гарнизон было поздней ночью при помощи местных провокаторов-белогвардейцев, втершихся в доверие Совета.

Гарнизон красноармейцев был захвачен спящим и в одном белье отведен в тюрьму. Потом начались аресты большевиков, членов Совета и служащих, не примкнувших к белой гвардии. Этот факт послужит хорошим уроком, как для

---

[1]) Из газеты „Известия Муромского Совета Рабочих и Крестьянских Депутатов“ за № 48 от 16 Июля 1918 года.

Советской власти, так и для трудового крестьянства и рабочих. Он научит крестьян и рабочих разбираться в словах и делах.

Захвативши власть при помощи провокационных слухов о перевороте в Москве, о занятии Владимира, Коврова и Арзамаса, эта банда стала говорить о свободах, а на деле хватала и сажала в тюрьму неугодных им.

Даже нашей медполобой «демократической интеллигенции» пора бы, наконец, понять, что в понятие «свободы» каждый класс вкладывает свое понятие и проводит его в жизнь. Если у власти стоит буржуазия, она устанавливает свободу для себя, в своих интересах, если пролетариат стоит у власти, то он устраивает свободу для себя, для ограждения своих интересов. И так будет до тех пор, пока будут существовать на земле класс производителей и класс паразитов.

Этой простой истины никак не могли понять буржуазно-мыслящие интеллигенты, толкнувшие муромских желторотых юнцов на эту подлую авантюру.

В октябре прошлого года четыре пятых интеллигенции воспылали злопыхательством и ненавистью к вождям и победе рабочего класса и в июле нынешнего года, в своей слепоте соединившись с агентами помещиков и капиталистов, путем провокации нанесли рабочим и крестьянам удар в спину. Один день захвата показал ясно, долго ли могут управлять руки, не привыкшие к труду. И если рабочие и крестьяне долгие годы повиновались им, то это было только благодаря темноте и слепоте трудового народа.

И только ненависть, провокация и разбойничье нападение — вот все, чем заплатила большая часть наших образовавших людей за то, что обучалась в учреждениях, созданных потом и кровью трудового народа. И как в октябре прошлого года большая часть рабочего класса оказалась более способной разбираться в политических вопросах, так и в июле рабочий класс понял, где его друзья и враги, и власть «захватчиков-большевиков», «узурпаторов» и т. д. была восстановлена.

В. Л.

Белогвардейская авантюра [1]).

Наконец-то наша муромская белогвардейская банда показала свое лицо. Все эти купеческие сынки, желторотые студенты, бывшие прапорщики, реалисты, науськиваемые состоятельными буржуа и пошлым мещанством, боясь открытого средь белого дня выступления против нас ,они напали на нас тайно ночью, захватив нас врасплох. О, какое радостное было гоготанье этих обнаглевших буржуа, жалкого мещанства, когда на утро они увидели, что заветные чаяния могут исполниться, что крупные собственники будут опять у власти и что опять они могут издеваться над бедняками и рабочими!.. Они думали, что теперь опять для них наступило золотое время. Но, оглянувшись, увидели, что они одни, рабочий класс не пошел за ними...

Рабочие знали, кто это выступает, знали, чего хотят эти купеческие и поповские сынки, эти прапорщики, стосковавшиеся по своим погонам. Рабочие видели, что это были типичные черносотенцы, жаждущие власти Николая и его приспешников. Под видом скорейшего учредительного собрания, обещания дать хлеба, они старались переманить к себе обывателей и рабочих. Обывателям ведь не много надо, они с радостью пошли на удочку, с ликующими лицами встретили белогвардейцев. Ведь они давно уже ждали того дня и часа, когда опять будут у власти генералы Алексеевы и Красновы, эти усердные слуги Николая и союзников империалистов. Рабочие с презрением оттолкнули белогвардейцев. Ведь ничего хорошего нельзя было ожидать от этих господ. Мы видели, какова были их окраска

[1]) Из газеты „Известия Муромского Совета Рабочих и Крестьянских Депутатов" за № 48 от 16 Июля 1918 года.

и что из себя представляют эти подонки буржуа и купцов. И немного порадовались эти белогвардейцы, всего-то только один день, а к вечеру и совсем струсили. Думали, что к ним придет помощь, но ошиблись, — никто не ехал. И, несмотря на то, что они захватили врасплох, они получили должный отпор. Двинулись на выручку нас наши товарищи из деревень, фабрик и заводов, и разлетелась эта банда.

Так и кончилась их жалкая попытка захватить власть в свои руки. Мы теперь видели их физиономию и их намерение, чтоб громко и ясно заявить беднейшему классу рабочих и крестьян: за кого вы идете: или за власть гнета, власть помещиков, капиталистов, приспешников империалистической бойни, или за власть рабочих и крестьян, за власть, ведущую к справедливости и социализму?!

Ничего третьего не может быть.

И мы уверены, что беднейшие классы пойдут за нами и с презрением оттолкнут и дадут должный отпор жалким белогвардейцам, этим лакеям капитализма и империалистической бойни.

1918 г., июль 13.

Белогвардейское выступление [1]).

(Из воспоминаний.)

Возвращаясь ночью домой около 3 часов по новому времени, в ночь с 8-го на 9 июля, я шел по Московской улице; около Союза Потребительских О-в я встретил ночного сторожа, и спросил его: «что такое за выстрелы около милиции?», он мне ответил довольно равнодушно: «а там какая-то белая гвардия, я пошел туда, меня спросили «кто такой?», я говорю «сторож», они мне сказали «уходи отсюда, иначе мы тебя пристрелим», я и ушел».

Ранее этого я слышал выстрелы, но не придал им значения, просто думал, что может быть стреляет или милиция во время обхода, или перестрелка с какими-нибудь хулиганами, здесь я только понял всю серьезность положения; зашел в номера М..., позвонил по телефону в Совет, мне ответил дежурный, что Красная армия арестована, милиция тоже, Совет в опасности, наверное скоро будет нападение на Совет; спросил, сколько в Совете людей, оказалось 5 человек. Минута для меня была решающей, что делать? Итти ли в Совет защищаться, или итти домой на квартиру скрываться? Итти домой? Значит буду трусом и негодяем, итти в Совет—значит надо будет защищаться и может быть погибнуть, и я решил итти в Совет; революционное настроение одержало верх; явилось мужество защищаться, хотя бы это и стоило жизни.

В Совете нас было 5 человек. Придя в Совет, мы вооружились винтовками и стали на свои места, 2 человека по Касимовской и нас 3 человека—по Московской; это были тов. Налитов, член Исполнительного К-та, красноармеец и я.

Вызываю по телефону некоторых членов Исполнительного Комитета и комиссаров, чтобы шли в Совет, они обещали... Стал в окне... полный карман патронов... Стою и жду... повышенное революционное настроение, рука крепко сжимает винтовку... Ждем...

Действие начинается: из-за угла Химико-фармацевтической лаборатории по Московской ул. показывается группа человека в 4, и один из них кричит: «Именем Временного Правительства, сдавайтесь», при крике «Временного» направляю винтовку на них и при слове «сдавайтесь» стреляю и, в свою очередь, отвечаю криком: «Да здравствует Совет!», и действие началось. Они стреляют в нас из-за угла, мы отвечаем.

---

[1]) Из газеты „Известия Муромского Совета Рабочих и Крестьянских Депутатов" за № 50 от 24-го Июля 1918 г.

Еще темно, только из-за угла показываются очертания человека, да видишь, как вылетает огонь из дула револьверов или винтовки, и мы стреляем, стреляем учащенной стрельбой... Перестрелка длилась минут 15—20, наконец, затихла... Телефон безостановочно звонит, отвечать не приходится, так как ждем вторичного наступления...

Думали: как бы не зашли с тыла? Нет ли их уже на дворе Совета? Послать некого... Ведь нас только... 5 человек...

Прошло минут 10, слышу какой-то шорох у угла, из-за которого в нас стреляли, думается, что, наверно, пулемет. Ожидания оправдались. Но это нас мало беспокоит, так как при решимости защищать Совет не испугались бы и пулеметов. Но вот что-то зачернелось внизу за углом...

Я открываю огонь, красноармеец рядом, тоже... Стреляли часто, только и чувствуешь, как тебя обдает горячим воздухом от выстрелов из винтовки тов. красноармейца...

Но вот затрещал пулемет... Стреляют по низу. Кричу красноармейцу «не бойся, стреляют по низу», и мы стреляем... Смолкает... Тихо... Рука судорожно сжимает винтовку, смотрю на красноармейца... спокойно стоит у окна с заряженной винтовкой, ждет... молодчага, думаю, с таким не пропадешь!

Что будет далее?—вот вопрос; придут ли к нам на помощь? Но долго думать не приходится... пулемет противника знает свое дело и стреляет уже по верху... Отвечаем... Стихло... Становится жутко... Что будет далее...

А. Е.

22 июля 1918 г.

Еще не пришло время использования материалов, добытых нашими следственными органами, а поэтому мы ограничиваемся лишь некоторыми сообщениями работников того времени. Тов. Ленихин дал редакции о белогвардейском восстании следующее:

«В то лето я был редактором газеты «Известия Муромского Совдепа». Приехал в Муром 7 июля 1918 года из двухмесячного отпуска и поэтому не был в г. Муроме до 7 июля. 8-го, когда начался самый переворот, я был часов до 8 вечера на Окском бульваре, где ввиду местного праздника гуляло много публики, главным образом, из среды буржуазии, интеллигенции и учащихся. Толпа вела себя шумно, но каких-либо выпадов против Советов, каких-либо призывов к свержению власти Советов я лично не слышал. Также не видел, чтобы в толпе раздавались какие-либо летучки. Погуляв, я вернулся домой в редакцию, помещавшуюся в доме Русакова. Здесь же было и фракционное бюро партии коммунистов. Часу в одиннадцатом я услышал одиночные выстрелы, но не придал им значения, полагая, что в городе где-либо «пошаливают». Часов в одиннадцать, приблизительно, пришли ко мне т. Кириллов Александр и брат его Борис и кто-то из служивших в милиции. Они спросили меня, что происходит, я ответил, что не знаю. Стали звонить в милицию. Звонил я, но со станции ответили, что провод порван и соединить нельзя. Тов. Кириллов Александр позвонил в Совдеп, но и туда нас не соединили. Совдеп оказался уже занятым белогвардейцами, тогда мы решили дожидаться рассвета в доме, где находились. Часа в 4 утра 9-го июля тов. Б. Кириллов задумал пробраться в помещение мастерских Казанской ж. д., где он служил слесарем, а мы все остались. В начале 5-ти часов утра, я увидел снующие мимо автомобили-грузовики с людьми, частью вооруженными, а частью нет. В автомобилях сидело человек 5 — 6, у некоторых были белые повязки на рукавах. На некоторых автомобилях были белые флаги. Таких автомобилей проехало мимо несколько. По большей части личности, находившиеся там, были знакомы мне в лицо. Эти были, главным образом, служащие советские—бывшие офицеры. Около четырех или пяти часов, хорошенько я теперь не помню, но до заутрени, к дому нашему под'ехал грузо-

вик-автомобиль с шестью лицами, из них один—шоффер, трое сошло и направились к дверям дома, дали звонок и стучали, повидимому, прикладами. В это время т. Александр Кириллов из дому ушел, намереваясь скрыться через сад, сзади дома. Я остался и, решив, что сопротивление бесполезно, пошел открывать дверь, а т. милиционер (кажется его фамилия Станкевич) еще спал в комнате. Вошедшие к нам офицеры, двое учащиеся реального училища, фамилий коих не знаю, скомандовали «руки вверх», отобрали бывшее у нас оружие и захватив меня, милиционера и сторожа Данилова, ныне умершего, посадили нас на автомобиль и увезли в помещение бывшего военного комиссариата (воен. начальника) по Ивановской улице, где был штаб белой гвардии. По дороге в штаб автомобиль останавливался около помещения пулеметной команды по Касимовской улице, д. № 25, забрал оттуда 2 пулеметных ленты. Сопротивления бывшие здесь два красноармейца не оказали и также были взяты в плен. Когда нас везли по Московской, из дома Яковлева, где жил обычно только домовладелец, из открытой фортки наш автомобиль приветствовали: махали белым платком. То же самое было, когда мы ехали по Ивановской улице. По приезде к штабу я заметил несколько грузовиков-автомобилей и пулемет, стоящий на улице. Перед домом стояла группа из бывшего офицерства, часть из них была с погонами и вооружена; офицерство было больше молодежь. Главную роль играл какой-то незнакомый мне офицер. лет 35—40, одетый в шинель в накидку, с целой колодкой орденов, медалей на груди. На голове у него была фуражка защитного цвета, погоны же были полковничьи. У этого офицера была большая окладистая борода рыжеватого цвета. Кто он и как его фамилия, я не знаю. Нас, по его распоряжению, отвели в помещение комиссариата. Нас охранял с винтовкой бывший офицер с черной повязкой на глазу.

В шестом часу утра 9 июля нас отвели в тюрьму. Конвой состоял из незнакомых мне учащихся и начальника караула, бывшего офицера Завулонова. В помещении комиссариата, где мы сидели минут 40, было с нами человек сорок пять, большинство — красноармейцы и милиционеры. Всех нас поместили в тюрьму, где мы и просидели до 6 часов утра 10 июля, когда нас освободили пришедшие товарищи. В тюрьме мы мало обменивались впечатлениями дня. Пищу нам давали. К вечеру 9-го нам передали в тюрьму, что идет помощь из Владимира и Коврова. Более я ничего не знаю. Об отношениях местных кругов к перевороту можно сказать, что сочувственно к нему отнеслись лишь крупная и средняя буржуазия, духовенство и местная интеллигенция; рабочие же резко отрицательно. Духовенство и, в частности, епископ Митрофан во время захвата власти белогвардейцами, сыграло роль возбудителей масс против народной власти — власти советов. Хорошо характеризует отношение духовенства и епископа Митрофана к Советской власти то собрание, которое было устроено духовенством еще 2 февраля 1918 года, в праздник Сретения, в церкви Ивана Предтечи, на Советской площади. Собрание это было часов в 7 вечера, и я на нем был совершенно случайно. Еще подходя к церкви, я заметил экипажей семь собственных, принадлежащих буржуазии, а в церкви, приблизительно, человек 600 народа. Народ был всех сословий и классов. В церкви стояли столы, покрытые красным сукном, а вокруг них сидели духовенство и купечество. Около толпились дамы и интеллигентная публика. До моего прихода говорились речи, и начала я не застал. Епископ Митрофан был здесь и благословлял народ, стоя на амвоне. Бывший офицер Мяздриков, впоследствии принимавший видное участие в восстании 8—9 июля, читал послание патриарха Тихона, где говорилось, что Советская власть посягает на церковь и ее достояние. По прочтении послания Мяздриков говорил речь, призывал народ сплотиться на защиту церкви, на которую посягают большевики. Говорили и другие ораторы о том, что большевики хотят обобрать церкви, притеснять веру христианскую, что власть захватили евреи и что надо твердо стать на оборону церкви. Епископ, стоя

на амвоне, при мне речей не говорил, а лишь сочувственно слушал и время от времени благословлял народ и ораторов. Я тоже попросил слова и с трудом его добился. Я стал говорить, что вы сами здесь оскорбляете церковь, говоря в храме молитвы слова, дышащие злобой и ненавистью к людям; мне тогда не дали говорить, и возбужденная толпа стащила меня с места, где я стоял, и чуть не избила. Я их усовестил лишь тем, что, обратясь к епископу, закричал: «надеюсь, что в церкви-то у вас не будут драться». Меня отпустили и я ушел в красную гвардию, где сообщил о происходящем в церкви, но когда в церковь пришли красногвардейцы, никого уже не было и она была заперта».

Лепихин.

Весьма интересные сведения дал об этом же деле муромлянин Никифор Тагунов, работавший в то время в местной Чрезвычайной Комиссии.

Сообщение Н. Тагунова.

В последних числах июня 1918 года я был уездным Исполкомом назначен руководителем по организации уездной Чрезвычайной Комиссии; мною были приглашены в качестве секретаря тов. Сосновский и сотрудником по организации тов. Кириллов. Пятого или шестого июля я поехал в гор. Владимир за материалами по организации комиссии, где и пробыл по 8 июля включительно, так что во время самого белогвардейского восстания в г. Муроме я не был, но о периоде, предшествовавшем восстанию, я могу дать некоторые сведения. За несколько дней до приглашения мною тов. Сосновского и тов. Кириллова коммунистом тов. Маличенко Николаем было сообщено о подозрительном поведении Николая Павловича Сахарова, бывшего подполковника, часто наезжавшего в Муром к своим родителям, жившим в Спасском монастыре. Среди муромских обывателей ходили глухие слухи о связи Сахарова с руководителями чехо-словацкого движения на Востоке и Сибири. На основании этих данных мною было поручено военному комиссару тов. Лашкову числа 3 или 4 июля произвести обыск у семьи Сахаровых в Спасском монастыре. При обыске были обнаружены у матери Сахарова, Антонины Васильевны Сахаровой, около 130.000 руб. кредитками в ларе под иконами. По словам Лашкова, Сахарова заявила, что эти деньги достались ей по наследству и несколько тысяч из этих денег увез в Нижний недавно уехавший туда сын ее Николай Павлович. Эти 130.000 рублей у Сахаровой были отобраны. Сахарова была оштрафована с согласия уездного Исполкома на 30.000 рублей, а остальные деньги было постановлено сдать на текущий счет Сахаровой в банк, согласно декретам о хранении денег частными лицами. За болезнью Сахаровой в связи с обысками, сведения о назначении денег Сахаровой и копию постановления о штрафе и судьбе денег получила гр-ка Петрова, домашний врач Сахаровой. Считая результат обыска весьма показательным, решено было дождаться возвращения Николая Сахарова из Нижнего. Я же через дня два поехал в Губчека во Владимир, где находились материалы по организации Чрезвычайных Комиссий и сведения о методах работы контр-революционных организаций, которые можно было бы использовать для борьбы с местными контр-революционными организациями и пролить свет на странное появление большой суммы денег в семье Сахаровых. Во время моего отсутствия работа по борьбе с контр-революцией временно приостановилась. Во Владимире же достаточных сведений о возможности существования контр-революционных организаций в пределах губернии и в частности в г. Муроме получено не было; 8 июля вечером при посадке на поезд на ст. Владимир я был остановлен тов. Геллером, который мне сообщил о занятии Мурома белогвардейцами. В этот же день я выехал из Владимира в качестве политического комиссара в Муром, с отрядом в 250 человек, посланным Губ. Военным Комиссариатом. 10-го утром

мы были в Муроме, откуда белогвардейцы уже бежали, прогнанные местными силами, порядок был снова восстановлен и началось преследование еще неуспевших скрыться членов белой гвардии. Я вступил в число членов Чрезвычайного Штаба по борьбе с контр-революцией, организовавшегося 10—11 июля [1]). Удалось установить по оставшимся публикациям и приказам Штаба белогвардейцев, что в Муроме действовал Восточный Отряд Северной Добровольческой армии, командующим которой был генерал Алексеев и политическим руководителем—член Всероссийского времен. правительства Б. Савинков. Командиром восточного (Муромского) отряда был полковник Николай Сахаров и пол. комиссаром некто Григорьев Н., по многим предположениям, брат жившего в 1911—1912 годах доктора Григорьева, преподававшего гигиену в муромских средних школах. Эти лица фигурировали на всех приказах, изданных белогвардейцами во время захвата города. По этим же материалам было установлено, что белогвардейцы принялись за мобилизацию всех годных сил. Были призваны все офицеры, чехо-словаки, которые в приказах именовались «нашими друзьями», а также и добровольцы из среды населения. Сборный пункт был назначен в помещении бывшего воинского начальника по Ивановской улице. Жалованье сулилось рядовым 300 рублей, остальным больше. Были и воззвания к рабочим, крестьянам и гражданам, воззвания были составлены в чисто лево-эс-эровском духе и призывали к свержению Совета Нар. Комиссаров, который об'являлся предавшим Россию Германии. Эти воззвания были за подписью «Союза Защиты Родины и Свободы» [2]). Все приказы и воззвания были напечатаны в Муроме в типографии бывшей Миловановой, где белогвардейцы, захватив город, заставляли рабочих силой отпечатать эти приказы и воззвания. В помещении бывшего воинского начальника помещался штаб белогвардейцев. В состав его входили: Сахаров, Григорьев и, в качестве казначея, местный купец Алексей Федорович Жадин [3]). Были, конечно, и еще другие лица, исполнявшие руководящую работу в штабе. Удалось установить, что штабом этим посылались отряды: первый на ст. Новашино, Каз. ж. д., где он был разбит рабочими Судостроительной верфи (верст 8 от Мурома). Ездили белогвардейцы на паровозе с платформой впереди и двумя вагонами. Второй отряд был ими отправлен по направлению к г. Коврову. Разобрав путь в нескольких местах между ст. Селиваповым и Муромом, отряд вернулся обратно. Этот отряд тоже ездил на паровозе с вагонами и два раза, 9 июля утром и 12 вечером, и во время вечерней поездки на одно из разобранных мест была столкнута, с целью загромоздить путь, платформа. Железнодорожников заставили работать силой. Участники восстания говорили, что организация сил началась еще с мая месяца, когда Сахаров предлагал подпоручику Дубницкому, тоже участнику восстания, (впоследствии расстрелянному), как говорил сам Дубницкий на допросе, вступить в «Союз Защиты Родины и Свободы». Дубницкий согласился вступить лишь в июне или в первых числах июля 1918 г. Восстание было организовано, как силами приезжими, так и местными. Приезжали силы и из Владимира. Восстание началось вечером 8 июля. В этот вечер местное бывшее офицерство, а также приезжие, пьянствовали на Окском бульваре, распивали вино, с собою принесенное и полученное на месте. Приблизительно в полночь, через посредство своих людей из среды инструкторов Красной армии, военного комиссариата, белогвардейцам удалось обезоружить Караульную роту Красной армии, помещавшуюся в то время на Успенской улице, и вооружиться. В этот день вечером еще до разоружения роты, по городу и Окскому бульвару ходили вооруженные винтовками, пьяные офицеры и выстрелами в воздух разгоняли публику. Одновременно с этим происходили захваты квартир отдельных

---

1) В состав Штаба входили: А. Кириллов, Н. Мамченко, Д. Николаев, И. Пронин, Н. Тагунов

2) См. приложения № 1, 2, 3 и 4.

3) В 1921 г. А. Жадин расстрелян по приговору Ревтрибунала.

советских работников и учреждений, так что к 11 часам дня 9-го все советские работники сидели уже в тюрьме, а город был захвачен и по нему были расклеены воззвания и приказы, о которых я говорил уже выше. Отношение буржуазии к захвату власти белогвардейцами было очень сочувственное. Торговцы снабжали их продуктами, пряниками и бутербродами. Духовенство тоже отнеслось сочувственно к восстанию. Так, 9 днем в Соборе был молебен в присутствии всей буржуазии Мурома, где было благодарственное молебствие об освобождении города от большевиков.

Большинство белогвардейских добровольцев состояло из учащейся молодежи Мурома, пошедшей в ряды белой гвардии под влиянием своих родителей. Так, например, Василий Порфирьевич Рожков ловил на улице реалистов и направлял в штаб записываться в белую гвардию. Все белогвардейцы ходили с белыми повязками на рукавах. Из среды учителей реального училища с повязками ходили Петр Васильевич Добролюбов, народный социалист, фигурировавший в списках по выборам в Учредительное Собрание от Владимирской губернии, а также Богоявленский,—преподаватель математики. Находящаяся в городе еврейская община, очевидно, из видов самосохранения от погромов, которыми угрожали белогвардейцы на тайном собрании 9 числа, решила целиком записаться в белую гвардию, чтобы запастись для самообороны оружием, если будет погром. Группа местных с.-р. решила записаться в гвардию и мотивировала свое участие желанием «с оружием в руках отстаивать интересы пролетариата и бедноты» от слишком буржуазного состава белой гвардии. Такое заявление было сделано членом этой группы Николаем Андреевичем Зворыкиным. Меньшевики в восстании никакого участия не приняли. Широкие массы рабочих, сначала было поддавшиеся на призыв белогвардецев против Брестского мира, после приказов, появившихся через несколько часов после этих призывов, в которых упоминались фамилии ген. Алексеева и Савинкова, опомнились и стали относиться к белой гвардии резко и враждебно. Из среды инструкторов Красной армии способствовали восстанию: Зимоглядов, быв. офицер и Завулонов.

В местных делах сохранился один документ (в копии) — показание Михаила Крякова, участника восстания.

«Я, Кряков, являюсь в Чрезвычайную Комиссию добровольно с повинной и чистосердечно признаюсь.

9 июля с. г. я принял участие в белогвардейском восстании в г. Муроме. Это произошло таким образом: утром этого дня я узнал от своих рабочих о совершившемся в Муроме перевороте и возбужденный этим пошел на двор Управления воин. начальника. Придя туда часов в 10 утра, застал на дворе много народа. Вошел во двор, но уйти со двора уже не удалось, так как там было много народа. Некоторые из знакомых там посоветовали и мне записаться в белую гвардию. Знакомые—Зиновьев, Алексей Жадин, Гладков, Короткий, и я записался. Записывал меня какой-то незнакомый мне прапорщик и после этого в цейхгаузе на дворе мне выдали оружие, винтовку и патроны. Тут же белым платком я обвязал рукав и вышел на улицу, и отправился сначала домой, где напился чаю, затем переоделся в солдатскую форму (которая у меня раньше имелась) и с Гладковым пошел опять к воинскому начальнику. Придя туда, мы застали, как неизвестный какой-то прапорщик производил набор отряда для посылки в Новашино. Мне предложено было войти в этот отряд. Я отказался. Вскоре был произведен новый набор в отряд для посылки в Ковров. Я тоже отказался. Затем троим нам — мне, Гладкову и еще товарищу, неизвестному мне, со Штаба, предложено было итти в тюрьму и арестовать начальника. Приведя его в штаб белой гвардии (это было уже около 4 часов пополудни), я решил уйти домой и пошел со двора с винтовкой, но, дойдя до церкви Вознесения, раздумал, вернулся обратно, положил винтовку в помещении воин. начальника и уже вторично и окончательно ушел домой. Еще

припоминаю, что меня и Гладкова посылали арестовать Большакова, но этот Большаков попался нам на улице, и мы его не арестовали, а пошли к нему на квартиру, произвели обыск и взяли там бомбу, которую Гладков унес в штаб белой гвардии и сдал там, а я отправился домой, пообедал там, а потом ходил опять в штаб, но, пробыв там недолго, ушел около 5 час. снова домой и больше туда не возвращался. Ночь ночевал дома. Часа в 3 ночи кто-то с улицы постучал в окно и крикнул: «Михаил Михайлович дома? Скажите ему, чтобы спасался». Меня разбудили, я поднял своего сына Бориса и рабочего Василия Евграфова Акимова, собрались и поехали на рыбную ловлю, верст 11 по Оке — на «Гладкий яр». Там я пробыл на ловле семь суток, затем простудился и решил вернуться, но, дойдя до Якиманской слободы, остановился, слез и пришел к знакомому Ивану Яковлевичу Ратунину и жил у него 17 дней, не выходя из его квартиры никуда. О причине моего пребывания у него он не знал, а я мотивировал свою остановку в его доме болезнью. По истечении 17 дней он меня свез на лошади в Муром, в свой дом, и вот все время, с тех пор до сих, я тайно проживал дома.

Дополнительно показываю: днем 9 июля я ходил также вооруженный, помимо винтовки, револьвером, системы «Маузер», 10-зарядный. Этот револьвер мой собственный, он был вскоре после того, как я скрылся, отобран у моей жены при обыске. Петр. Ив. Синицин прапорщик, заведующий типографией, мне родственник по жене. Где он скрывается сейчас и какую роль играл в восстании, я не знаю, но слышал, что недели 2 тому назад в Ряжске, Рязанской губ. Это я услышал из разговора моей жены с его женой Марией Михайловной (живет в д. Нехорошева, против реального училища). Я беспартийный. Состоял в обществе «хоругвеносцев», но теперь не состою. Свою вину сознаю, раскаиваюсь в ней и отдаю себя добровольно революционному правосудию. Револьвер мне был разрешен на хранение при мне военным комиссаром и у меня на то есть удостоверение».

Михаил Кряков.

Завладев городом, белогвардейцы выпустили ряд приказов и воззваний. Из «Приказа № 1» ясно видно политическую физиономию выступления. Корниловец Савиников и махровый контр-революционер Алексеев были «верховными руководителями наших купцов и реалистов. Второй пункт приказа открывает стратегические предположения о занятии кроме Мурома «прочих пунктов». Однако, благодаря революционной стойкости рабочих, белогвардейцам не удалось ни овладеть Муромом, ни захватить «прочие пункты». При погоне за белогвардейцами было убито несколько товарищей. Для рабочих и крестьян нашего края это восстание было хорошей школой. Несколько часов белогвардейского господства в городе сделали гораздо больше, чем месяцы пропаганды и агитации.

А. Б.

С октябрьской революции до мая 1919 г.

Приблизительно с сентября 1917 года завязалась некоторая организационная связь 205 полка с городским комитетом партии, перед выборами в учредилку. Фамилий т.т., с которыми пришлось сталкиваться, не упомню, т. к. каждый раз встречались новые, а я в Муром приехал впервые. Собственно, руководства в строгом смысле слова из к-та не было, а лозунги подхватывались из партийных газет, главным образом из петербургской «Правды», и проводились на месте, применительно к способностям каждого из товарищей. Работа производилась культурно-просветительными комитетами полка. Каким образом произошел переворот в Муроме и как в нем участвовала партийная организация, я не знаю, т. к. вскоре после выборов я был отправлен в Москву и приехал в первых числах ноября, после подавления юнкерского восстания.

Первое, что мне встретилось по приезде в Муром, это переезд Совета из дома Каратыгина в дом Русаковой. Собственно, переезд состоял в том, что т.т. Лоскутов, Шестаков, Ерлыкин и еще человек пять несли телефон, книги и винтовки. Первое время работа в Совете была с утра до поздней ночи, и разделения между советской и партийной работой не было. Учет членов был только в зачатке. Заявления о вступлении в партию поступали массами, в члены принимались ближайшим общим собранием, и я, будучи секретарем, вел только регистрацию и принимал членские взносы. Кажется, в конце декабря был областной с'езд в Москве, и организация стала понемногу налаживаться.

Помню, на этом с'езде выяснилось, что приблизительно такое же положение почти во всех организациях, зародившихся и выросших во время революции. В начале января решили издавать свою газету, и недели через две вышел первый номер «Муромских известий». До этого времени и в советской и партийной работе пользовались двумя небольшими гектографами, сохранившимися у меня еще со времен февральской революции. Интересно, что в том же доме, где был Совет и комитет большевиков, в задней комнате помещался комитет (вернее библиотека) эс-эров, а в мезонине—комитет меньшевиков. Эс-эры свое существование ничем не проявили и только по воскресеньям приходили двое-трое посидеть в библиотеке. Меньшевики же иногда делали попытки выступлений в Совете, и один раз даже приехал с докладом какой-то представитель из центра (фамилию забыл), с предварительной большой афишей, и Совет в первый раз увидел, в своих стенах муромскую «чистую публику». Но приезд и доклад этот был первый и последний, т. к. провинциальные большевики «заклевали» ученого меньшевистского центровика. Доклад был на тему: 5-е января 1918 года в Москве и текущий момент.

Весной в организации почувствовалась некоторая утомленность, расхлябанность и вхождение в партию чуждого элемента. То же наблюдалось и в советских учреждениях. Белогвардейское восстание 10 июля 1918 года было громом, после которого мужик крестится. После подавления снова начинается полоса напряженнейшей работы по всем отраслям советской и партийной жизни. Так продолжалось до конца 18 и начала 19 года.

В начале мая была об'явлена партмобилизация на фронт, а я пошел добровольцем с первой партией мобилизованных, и с тех пор два года выбыл из строя муромской организации совершенно. При от'езде на фронт много документов: прокламаций, писем, протоколов из уезда и из комитета, переписки, заметок осталось в редакции. По приезде с фронта я ничего не нашел, а многое уже у меня изгладилось из памяти, и восстановить в своей памяти повседневную жизнь из разговоров тоже трудно, т. к. многие товарищи раз'ехались, а многие вовсе погибли.

Лепихин.

Три года партийной работы.

(1920, 1921 и 1922 годы).

I.

Муромская уездно-городская организация в 1920 году насчитывала в своих рядах в среднем 616 человек. Организация состояла из 73 ячеек: фабрично-заводских — 7, транспортных — 21, красноармейских — 9, в совучреждениях — 12 и деревенских — 24.

Партработой руководил уездный комитет, избираемый на уездных партконференциях. При чем Уком составлялся таким образом: постоянно работающее бюро Укома и пленум Укома, созываемый периодически из семи товарищей, а пленум из бюро и представителей от крупных ячеек, избираемых конференцией.

В составе бюро в 1920 году работали т.т. Борисов, Гусев С. И., Богатов, Шестаков Б. В., Хорошев, Сорокин, И. Мамченко, Б. Кириллов, Лихонин, Воронин, Николаев В. П., Парамонов, Давыдов.

Ввиду того, что в 1920 году пред всей нашей партией стояла задача—организация обороны и победы над наступающими с Запада белопольскими бандами, а с Юга—с Врангелевскими белогвардейскими обходами, то эта же задача стояла и пред муромской организацией. Все внимание, все силы организации были брошены на организацию помощи красным фронтам. В этих целях проведена широкая агиткампания по всему городу и уезду, организован ряд добровольческих отрядов из рабочих и крестьян, проведена мобилизация членов парторганизации и профорганизаций, в качестве санитарок было мобилизовано несколько коммунисток, выделено было несколько товарищей на пополнение командных курсов. В этих же целях организацией было обращено большое внимание на Казанскую и Муромскую ж. д. Для усиления работниками этой дороги организацией была произведена переброска туда несколько лучших коммунистических сил.

Второй задачей, стоявшей перед организацией, являлась борьба с хозяйственной разрухой. В этих целях для выполнения срочных ударных работ на хозпредприятиях, а также на транспорте, устраивались субботники. Всего проведено субботников около 100. Субботники производились по выгрузке и погрузке дров и др. предметов, по очистке корпусов фабрик, по очистке и исправлению железно-дорожных путей, по устройству нардомов, запашке полей семьям красноармейцев.

В целом же, кроме борьбы с хозразрухой, организацией было обращено внимание и на борьбу с труддезертирством, которое в 1920 г. начало принимать довольно большие размеры.

Были организованы комиссии на каждом предприятии, возложена ответственность на администрацию фабрик и заводов, но помимо этого широко проводилась

агитпропагандистская работа с постановкой политсудов над дезертирами труда. Принятие всех этих мер дало возможность свести до минимума трудовое дезертирство.

Работа профсоюзов в 1920 году хромала, низовые профорганизации — фабкомы, завкомы, работали слишком слабо, организации на эту работу пришлось обратить большое внимание. В целях усиления работ профорганизаций в профорганы были влиты лучшие силы организации, были организованы профкурсы. Это дало возможность сдвинуть работу профорганизаций и выполнить те задачи, которые пред нами стояли.

Кроме этих работ, организация принимала главное участие в выполнения продразверстки, борьбе с местными пожарами, подвозке и заготовке дров для железных дорог. Эти работы организацией проводились путем проведения агиткампаний и путем проведения мобилизации коммунистических сил на практическое выполнение этих работ.

Но, несмотря на то, что организация в силу об'ективных условий должна была все внимание и силы свои уделить вышеприведенным работам, она все же, хотя и в меньшей степени, вела политвоспитательную работу внутри организации и политико-просветительную среди рабочих и крестьянских масс.

Внутри-партийная воспитательная работа велась через партшколу, пропагандистский кружок.

Политпросветительная работа среди беспартийных велась через агитотдел Укома и через О. П. О Был прочтен ряд лекций на политтемы, проведен ряд бесед, конференций и т. д.

Говоря о работе организации, нужно сказать и о проведении «недели крестьянина».

В течение этой недели, помимо агиткампании за улучшение сельского хозяйства, организацией была оказана крестьянам и материальная помощь.

В некоторых волостях были поставлены кузницы, прокатные пункты, оказывалась помощь предоставлением сельско-хозяйственных орудий и семян.

Заканчивая краткое описание работ организации, нужно упомянуть и о местной газете «Луч». 1920 год был первым годом существования «Луча», т. к. до конца 1919 г. существовала в Муроме газета «Известия».

«Луч» распространялся как на фабриках, так и в деревне. Тираж «Луча» в среднем в месяц равнялся 2.000 — 3.000 экземпляров.

Те задания, какие стояли перед организацией в 1920 году, стояли и перед «Лучем». И можно определенно сказать, что эти задачи «Луч» выполнил и тем оказал помощь нашей Муромской организации.

II.

Количество членов Муромской организации в 1921 году составляло 519 человек. Из них около 8% женщин. Ячеек существовало 27—6 фабрично-заводских, 3 транспортных, 2 красноармейских, 3 при совучреждениях и 13 деревенских.

В составе Укома работали следующие товарищи: Гусев, С. И., Шестаков, Васильцов, Демидов, Пендриков, Кириллов Б., Грозов, Быстров и Осокин (работал только три месяца).

1921 год является годом мирного строительства и началом проведения новой экономической политики. Поэтому главное внимание свое организация обратила на хозяйственные вопросы и внутри-партийные.

Самым главным вопросом было выполнение продналога. На эту работу была брошена бо́льшая часть организации. Мобилизация коммунистов и широкая агиткампания дали возможность выполнить продналог в 100%.

Постигший Поволжье ужасный голод заставил Муромскую организацию сосредоточиться на борьбе с голодом. Проведенная широкая агитация всколыхнула широкие массы трудящихся. В селах, деревнях, на фабриках, заводах были организованы комитеты. Лозунг «десять сытых кормят одного голодного» был проведен в жизнь. Организованы были детдома, приемные пункты, врачебно-санитарная помощь и т. п.

Несмотря на все эти ударные работы, организация должна была обратить внимание и на внутри-партийную работу. Самым главным недостатком членов организации была малая политическая грамотность. Поэтому ликвидацией политнеграмотности организация должна была заняться в первую очередь.

С целью выяснения точной картины политграмотности и был произведен переучет. Переучет дал следующие результаты: 10% членов организации достаточно политически грамотны, 60% — малограмотных и 30% — безграмотных.

Такие результаты поверки поставили определенную задачу — усилить внутрипартийную воспитательную работу. Была организована уездная партсовшкола, работал ряд кружков, на заседаниях ячеек ставились доклады политвоспитательного характера. Из внутренней партработы следует еще отметить проведенную чистку, согласно постановления Всепартс'езда. Результат чистки таков: исключено из организации 33%, из которых 16% — интеллигенции, 40% — рабочих и полурабочих. 44% — крестьян.

Что же касается работы среди пролетарок и крестьянок, то нужно сказать, что в этом направлении работа в 1921 году усилилась. Созыв делегатских собраний, волостных конференций, проведение частичных бесед — вот методы работы среди женщин, таким путем велась политвоспитательная работа, с одной стороны, а с другой—раз'яснение животрепещущих государственных и международных вопросов.

Печатная агитация велась, помимо воззваний и брошюр, также через местную газету «Луч», которая выходила 3 раза в неделю с тиражем 2.500 — 3.000 экземпляров.

В 1921 году проводились две уездные конференции:12-я и 13-я. На конференциях (присутствовало 45 чел.), были рассмотрены и обсуждены следующие вопросы: 1) отчет Укома и Уезкомола; 2) план хозяйствования уезда на 1921—1922 год; 3) о расширении круга государственных работников по хозяйственному строительству; 4) о внутрипартийной и политико-просветительной работе; 5) о помощи голодающим; 6) земельная политика; 7) организационные задачи партии; 8) о ходе продналога.

III.

Количество членов Муромской организации в 1922 году равнялось 343. По социальному положению члены распределялись так: рабочих — 165, крестьян — 143, интеллигентов — 21 и служащих — 14.

В течение 1922 года самой основной работой организации была внутрипартийная воспитательная работа. Все члены организации были разделены по своему политразвитию на 3 группы: политбезграмотные, малограмотные и политически развитые.

Для первой группы были организованы политические курсы, вторые — проходили кружки низшего типа и третьи — работали в специальных кружках высшего типа.

Помимо этого существовал партклуб с библиотекой-читальней.

Важнейшей хозяйственной работой, в которой принимала участие организация, был сбор продналога.

В 1922 году происходили две уездные конференции.

14-я конференция была 6 марта. Всего на этой конференции присутствовало 40 делегатов с решающим голосом. Порядок дня был таковой: 1) отчеты Укома и Укомола; 2) отчет и план работ фракции У. П. К.; 3) задачи профсоюзов; 4) предварительные итоги и дальнейшие задачи с.-х. кампании; 5) доклад УЭКОСО; 6) о взаимоотношениях губорганов с местами; 7) выборы Укома, Ревкомиссии и на губконференции.

15-я конференция проходила в начале сентября, на ней присутствовало 38 делегатов. Порядок дня конференции: 1) отчет Уездкомпартии и Укомола; 2) задачи Р. К. П. в области хозяйствования; 3) опыт работы профсоюзов; 4) ближайшие задачи агитпропаганды; 5) внутреннее состояние организации в новых условиях, и ряд других вопросов.

Обе конференции тщательно просматривали работу Укома, указывали на недочеты ее и намечали пути дальнейшей его работы.

Самое главное внимание обе конференции уделили внутри-партийной работе, по воспитанию и организационной. Новые экономические условия как раз и требовали строжайшего внимания к внутри-партийной работе. Помимо этого, как видно из повесток, конференции разрешали профессиональный и хозяйственный вопросы.

Что же касается состава Укома в 1922 году, то в его составе работали следующие товарищи: Васильцов, Гусев, С. И., Кириллов Б., Быстров, Маркичев, Голыгин, Майоров, Фокин, Коробков и другие.

Гусев.

Профсоюз металлистов [1]).

В первых числах февраля 1918 года состоялась организация союза металлистов с представителями от заводов, как-то завод «Бучиха», от местных заготовок Базы, от завода Торского и от электростанции. Организатором указанного союза был тов. А. П. Устюхин, на общем собрании представителями от указанных организаций были поставлены вопросы о значении профсоюзов и выборы правления. Организация союзов была принята единогласно и были выбраны кандидаты в правление: тов. Устюхин, Гордеев, Федоров, Мушович, Клусов, постоянными работниками были председатель тов. Устюхин, секретарь — Гордеев, Федоров — казначаем, занимались 2 раза в неделю по два часа с исполнением работы на месте, т.-е. на Торском заводе. В Ковровское об'единение Райкома вошли в 1919 г. В августе месяце мы пытались об'единить Вачский район и Выксу. Когда была собрана об'единенная конференция, то представители Вачского района высказались положительно, а Выкса отказалась. Муромский подрайком союза металлистов отказался от Коврова и стал ходатайствовать об образовании своего Райкома. До 15 августа 1920 г. Муромский союз работал самостоятельно.

15 августа 1920 года состоялась об'единенная конференция, на которой были представлены: Выкса, Вача, Муром, Ковров. Был поставлен вопрос об об'единении в Выксунский Райком. Конференция решила войти в об'единение Райкома металлистов Выксы, в Муроме образовать подрайком, в Вече и Озябликове—Кусткомы. Были избраны в правление подрайкома металлистов председателем Федоров, Тимин и командирован представитель от Райкома Выксы тов. Мазурин; в об'единение Подрайкома вошли: Игнатьевская артель железно-посудников с количеством работников 176 человек, завод «Тармо», с количеством работников 27 человек, Огнесклад — 179 человек, Инксклад с количеством работников 91 человек, мастерская Давыдова с количеством работников 7 человек, артель кузнецов—10 человек, Игнатьевская мастерская—9 человек, завод Торский—86 человек, Бучиха — 54 человека, агентство Продрасмет — 32 человека. В Вачском Кустовом правлении—1.116 человек, и в Озябликовском об'единении — 273 человека.

В 1922 году на уездной конференции подрайкома металлистов стал вопрос о переводе подрайкома металлистов в село Вачу, как промышленный район, и уездная конференция постановила перевести подрайком в Вачу, а в Муроме оставить уполномоченного в лице тов. Федорова.

Во время возникновения Муромского подрайкома металлистов, стали разбираться вопросы о выработке норм распределения по разрядам, изыскании пайка,

---

[1]) Впервые в г. Муроме Профессиональный Союз рабочих металлистов был организован в ноябре 1905 года явочным порядком. Был написан устав и отпечатан в типографии Благовещенского. Таким образом Муромские металлисты являются одними из первых, которые в революционные годы сумели создать боевой профессиональный союз. Пожалуй, в истории Всероссийского Союза рабочих Металлистов Муромская попытка создать рабочий союз была одной из первых.

А. Шляпников.

каковой в то время было нелегко разрешить. Немало было недоразумений с хозорганами по поводу увеличения зарплаты, удовлетворения пайком, снабжения спец- и проз-одеждой и другими предметами первой необходимости. Союз принимал участие в концентрации производства, пересмотре директоров, в то же время он был и мобилизационным отделом, где происходила профессиональная мобилизация на Красный фронт, на продработу, где работа проходила в затруднительных условиях, но задания союз все исполнял. Кроме того, союз также проводил различные кампании, как-то: помощи помголу, инвалидам войны, Дому матери и ребенка, помощи русским рабочим, по созданию «Дворца Труда» и воздушного флота.

Федоров.

Союз текстильщиков.

1917 год. Первыми организаторами союза текстильщиков были т.т. Крестовников, Е. И., Нижегородцев, М. С., Симонов, М. И. В первое время возникновения союза положение его было очень тяжелое — не было даже подходящего помещения. Собирались в д. Русакова в одной маленькой комнате, и только по переходе в дом Соколова работа стала постепенно налаживаться. Председателем союза был Е. И. Крестовников, секретарем — Нижегородцев и членом правления — Симонов. В этом же году присоединились к Всеросс. союзу текстилей,—5 сентября 1917 г. было 3-е Всероссийское совещание, на котором было постановлено присоединиться местам к Всероссийскому союзу текстильщиков. В губернском масштабе, Муромскому союзу с первых шагов пришлось присоединиться к Иваново-Кинишемскому Областному союзу текстилей, с которым и приходилось вести профессиональную работу.

В 1917 же году на Бумаго-ткацкой фабрике была проведена итальянская забастовка. Рабочими были пред'явлены фабрикантам экономические требования: повышение зарплаты, освобождение рабочих от 3-х станков и 8-часовой рабочий день. Эту забастовку проводили ровно 25 дней. Ежедневно проводили митинги, после которых у рабочих поднималось настроение продолжать забастовку и добиваться того, что требовали. Без митингов настроение у рабочих было плачевное, раздавалось много возгласов о том, чтобы приступить к работе, т. к. боялись остаться без куска хлеба. С первых шагов рабочие плохо чувствовали, что у них есть защита — профессиональный союз, который мог бы бороться с фабрикантами. В это время было «Временное правительство» — меньшевики и эс-эры, которые вели нас к явной гибели. В Муроме временный комитет никакой поддержки нам не оказывал, только посылал на работу и грозил, что дело будет хуже, но мы этого не боялись и довели свою забастовку до победного конца. Тогда был созван третейский суд из 6-ти человек, в который от рабочих был допущен от мужчин один— т. Ложкин и от женщин 1 ткачиха. На третейском суде мы доказали свою правоту, и суд постановил в нашу пользу. Все рабочие получили все, что требовали, и также получили плату полностью за нерабочее время, в течение которого бастовали. Конечно, при этом пришлось положить много сил и энергии, и только тогда рабочие действительно убедились в силе организации и стали искать защиты у фабричного комитета и в профсоюзе.

В ту же осень пришлось создавать фабричные комитеты—органы рабочего надзора и контрольные комиссии из фабричных комитетов, для контроля наших фабрикантов. Эта работа была при т. Симонове, который был оставлен после заболевшего тов. Крестовникова, а потом т. Симонов остался на постоянной работе председателем союза и продолжал вести работу до 1919 г. Работали с ним т. Селихов и члены правления — т.т. Бочкарев, Емельянов, Шумихин. Кроме того, стремились заменить директоров на фабриках своими профессионалистами, которые были способны разбираться в хозяйственных вопросах. За нехваткой же таковых

приходилось оставлять в дирекции и спецов, которые также работали на благо Советской власти. Пересмотр директоров происходил ежегодно. После октябрьской революции пришлось приняться за национализацию фабрик. Фабрики были национализированы и взяты в ведение профессионального союза. Управлялись они фабричными комитетами под нашим руководством. Контрольные комиссии были упразднены. Много пришлось поработать в 1917 году по созыву очередных годичных и полугодичных конференций, которых было всего 13, внеочередных приблизительно до 20, как с хозорганами так и без хозорганов, с фабричными комитетами и представителями от рабочих. Такое большое число конференций об'ясняется тем, что с начала революции настроение было непормальное, работали без всякого плана, поэтому и приходилось часто созывать конференции. Всего конференций, совещаний, заседаний правления, президиума и предварительных совещаний с 1917 года и по настоящее время по книгам протоколов значится до 500.

В 1918 году самая трудная работа была во время гражданской войны. Рабочие бежали от станков, приходилось их в порядке союзной дисциплины задерживать и посылать на работу. Только таким образом нам удалось удержать нашу промышленность и победить врагов, посягавших на нас. Также много пришлось поработать по 10% мобилизации, которая была проведена крайне успешно. В первую очередь посылались ответственные работники-профессионалисты, рабочие так же шли охотно защищать права рабочих и крестьян.

В 1918 году было созвано совещание текстильщиков в Москве, на котором поднят был вопрос о создании во Владимире губернского отдела союза текстильщиков, и нам пришлось перейти в г. Владимир, которому мы подчиняемся и до сего времени.

По инициативе союза текстильщиков был созван I Уездный Муромский с'езд профсоюзов, на котором участвовали все профессиональные организации, представитель от отдела труда, представители от рабочих и фабричных комитетов. Массу деловых вопросов решил этот с'езд и на нем было организовано Упрофбюро, в которое вошли т.т. Емельянов, Симонов, Пендриков и др. Избран был уездный тарифный отдел, в который прошли следующие товарищи: т.т. Ложкин, Кириллов, Иванов, один из Вачи, заведующий отделом труда. Этот тарифный отдел проводил работу при союзе текстильщиков. В этом же году был организован в Муроме рабочий клуб, куда рабочие шли очень охотно, но в дальнейшем, по случаю сильной голодовки и без хорошего руководителя, он стал постепенно замирать. Все хорошие работники были отправлены на фронт, частью были помехи и со стороны.

После I уездного с'езда, в 1919 году, была созвана конференция текстильщиков, на которой решилось много деловых вопросов, избрано было новое правление, в которое вошли т.т. Ложкин, Симонов, Парамонов, Брунов и Бочкарев. Затем была созвана 2-я конференция в том же году для разрешения некоторых вопросов и на ней же было доизбрано правление в лице т.т. Ярцева и Журавлева, взамен выбывших членов. В Кустовое правление были избраны 2 коммуниста, т.т. Симонов и Брунов, 1-й—председателем, 2-й—членом правления, и 1 спец—член правления т. Давыдов. После т. Симонова с июля 1919 г. т. Ложкин остался председателем союза текстильщиков и до сего времени продолжал вести профессиональную работу. Рядовыми членами правления в это время были: т.т. Ярцев, Сумин, Симонов, Журавлев, постоянным же работником был только т. Ложкин, с малым штатом сотрудников.

В 1920 году был проведен постоянным работником К. И. Милованов, который работал в союзе до сентября 1922 года. За это время непостоянными членами правления перебывали т.т. Парамонов, Чернов, Сумин, Ярцев, Брунов, Пудов, Шуралев, Любаков, Латалин, Назаров, Ярцев 2-й, Бочкарев, Шумихин.

В 1922 году вместо Кустового правления был организован т р е с т, который функционирует и до настоящего времени. В него вошли все наши фабрики, исклю-

чая Бумаго-ткацкой, которую пришлось оставить на коммерческих началах. Много пришлось поработать с переходом на коллективные договора, с которыми ранее знакомы не были, но и это удалось наладить. Участвовали в разработке хозяйственного плана. Разрабатывали нормы заработка для рабочих.

В настоящее время в правлении союза работают: председателем т. Климов, секретарь Никольский, члены правления: Ложкин, Вощинский—инструктор и т. Гришаков—член правления и инструктор. На некоторых фабриках имеются клубы, театры, школы фабзавуча, профессиональные технические школы. Союз принимает участие в посылке молодежи на курсы и ВУЗ'ы. Больные отправляются на курорты. Проводятся всевозможные кампании. Идет деятельная работа среди молодежи и женщин на фабриках.

Примечание. В первые дни после февральской революции на Бум.-ткацк. ф-ке был организован фабричный комитет, который и явился началом создания Муромского профсоюза текстильщиков. Первыми работниками были т.т. Крестовников, Нижегородцев, Симонов.

Ложкин.

Профсоюз пищевой промышленности.

До 1920 года пищевики были разбросаны по разным союзам. Самостоятельного об'единения не существовало. Только в 1920 г. работники пищевики отошли от работников химиков. Первым организатором союза пищевиков был тов. Павлов, который со всей энергией старался об'единить работников пищевиков. Впервые Муромский союз пищевой промышленности организовался 1-го июня 1920 года, но за отсутствием союзных работников не много проявил своей деятельности, и только со дня конференции, т.-е. с 1-го марта 1921 года и после выборов нового состава правления начинается правильная работа. Союз об'единял 5 комитетов по Муромскому уезду и об'единенный комитет 3-х маслобойных заводов, в состав которых входили заводы № 4 с количеством членов 124 ч., № 5 и № 6—146 человек. Итого по маслозаводам 277 человек. Комитет мелких организаций об'единял 12 картофельно-терочных заводов, с количеством рабочих 27 человек, советских хлебопекарен 5 с количеством членов 22 ч. Секция мукомолов — 4 человека, ветряных мельниц 75, с количеством членов 95 ч. Паровых мельниц 14, с количеством членов 30 чел.; водяных мельниц 10, с количеством членов 23 чел.; с нефтяным двигателем 2, с количеством членов 2 чел., электрическая мельница 1, с количеством членов 1 чел., молочных артелей 3, с количеством членов 15 чел.; сушилок плодов и овощей 1, с количеством членов 13 чел.; союз крахмальников—6 чел., Главкрахмал — 13 чел. Итого по К-ту мелких организаций 251 чел.

По Меленковскому уезду комитет Усадского крахмало-паточного завода с количеством членов 72 человека.

По Судогодскому уезду комитет Новлянского Крахм.-паточного завода с количеством членов 62 чел.

По Елатьмовскому уезду: об'единенный к-т картоф.-терочной и паточной промышленности, об'единения 19 картоф.-терочных заводов с количеством членов 119 чел. Сушильно-паточный завод с колич. членов 14 чел., крахмальный завод с колич. членов 17 чел., союз крахм. с количеством членов 11 чел. Итого по Елатьмовскому уезду 161 чел.

Правление союза 7 человек.

Всего по всем уездам 830 человек.

С 1 марта 1920 г. по настоящее время состоялось 98 заседаний правления по разным вопросам следующего характера: 1) по тарифным вопросам, 2) по экономотделу, 3) по инструкторскому отделу, 4) по организационным вопросам, 5) о проведении помощи голодающим и другим текущим вопросам. Откомандировывались в течение этого времени по делам союза на места несколько десятков лиц для проведения агитации по профессиональному движению.

Культурно-просветительный отдел организовался при союзе с 1 июня 1921 г. На маслозаводах, в связи с пуском маслозавода и набора штата, оказалось неграмотных 35 человек до 50 лет и по другим заводам около 50 человек, что и ликвидировалось. В настоящее время неграмотных нет.

До 3-го Всероссийского с'езда Ц. К. пищевиков, Муромский Подрайком союза пищевиков районировался в Нижегородском Губотделе, после вышеуказанного с'езда перешел в район Владимирского отдела. Из вышеуказанного видно, что со дня организации правления профсоюзом пищевиков работы было проделано весьма много.

Далее можно сказать, что в связи с новой экономической политикой, часть наших несознательных членов союза перешли, или проще сказать, организовались в частные кустарные артели, сделались сами хозяевами. Последние из состава членов союза систематически выбыли. Теперь, с прекращением сезонных работ и сокращения штатов союз об'единяет в настоящее время 243 человека и кроме того от нашего подрайкома отделился районный комитет Елатьмовских картоф.-паточных заводов, который вошел в Сасовский союз пищевиков согласно постановления Ц. К. пищевиков от 1 марта 1922 года.

С 1922 года союзом проделываются следующие работы: 1) заключение коллективных договоров между частно-владельческими булочными и кондитерскими и с госорганами нашей промышленности; 2) строго следит за выполнением договоров и пресекания в корне ночной работы совместно с охраной труда; 3) по всем заводам в существующих рабочих клубах читаются лекции на разные научные и политические темы; 4) об'единили организационную работу нескольких предприятий с количеством рабочих 27 человек, вытянули из подшефа хозяйчиков частных предприятий рабочих пролетарского духа; 5) связь с местами весьма хорошая, на каждый месяц посещений падает 1 или 2. Ставятся доклады о международном и внутреннем положении Республики, улаживаются конфликты и др.; 6) нашим правлением союза были проделаны по всем заводским комитетам перевыборы членов комитетов; 7) были направлены товарищи по мобилизации союза на продработу, не в пределы своей губернии 3 товарища, и все как раз из правления союза. кроме этого на курсы комсостава 4 человека, в Красную Армию на деникинский фронт 2 челов. в 10% мобилизацию.

Вот что проделал союз пищевиков. В настоящее время существуют при каждом заводе библиотеки, а в правлении союза Центральная библиотека, которая делает пополнения других библиотек и обслуживает членов союза по городу занятых в частных предприятиях, куплен волшебный фонарь, с которым предполагается по всем нашим предприятиям читать лекции на разные темы и показывать картины там, где нет кинематографа.

Безграмотность ликвидирована, неграмотных нет.

По организационному вопросу нами проделывается следующая работа: по Меленковскому уезду об'единили всех рабочих, занятых в пищевой промышленности, по Судогодскому уезду также предполагается, но в этой местности нет большого количества рабочих.

Бритов.

Отделение Всероссийск. союза строительн. рабочих.

В городе Муроме, Владимирской губ., союз строительных рабочих возник с 1919 года в первых числах августа. До этого времени строительные рабочие составляли часть в других союзах, а частью не состояли нигде. Большая часть строительных рабочих была в союзе железнодорожников, т. к. происходила постройка рабочего поселка при ст. Муром Моск.-Казанск. ж. д. Все рабочие состояли в вышеуказанном союзе. Со времени организации такового среди рабочих все это время происходило тяготение к созданию своей организации, союза строительных рабочих. Было созвано первое организационное собрание и признано необходимым организовать профсоюз строительных рабочих. На этом собрании была выбрана инициативная группа и командирован один из товарищей рабочих данного строительного поселка в Центральный комитет строителей за получением инструкций, материалов и точного раз'яснения, на предмет организации профсоюза строителей.

По приезде и с получением полных и необходимых данных было приступлено к организации Союза. На первое время зародилась маленькая ячейка, в лице Комитета, который именовался союзом строителей. К этой основной ячейке стали постепенно примыкать и другие строители Муромского уезда. Первой примкнула Муромская Толевая фабрика. Затем на общем собрании было выделено правление союза, которое и задалось целью об'единить всех строителей по Муромскому уезду, и уже к 1 декабря 1919 г. было об'единено 400 человек членов союза, куда входили Строительный поселок и Муромская Толевая фабрика.

На 15 февраля 1920 г. была созвана 1-я Губконференция в г. Владимире, где строители Муромского уезда принимали участие в укреплении союза.

После 1-й конференции на местах, в частности в Муромском уезде, встал вопрос о необходимости создания органа по ведению строительства и в уезде. Союз задался целью восстановить работоспособность местного Укомгосора при Уездном отделе Совета Народного Хозяйства.

2 июня 1920 г., в самый разгар строительного сезона, была созвана 1-я уездная конференция строительных рабочих в г. Муроме, на которой, характерно отметить, строители пожелали активно участвовать в борьбе с хозяйственной разрухой, о чем была принята резолюция. К моменту созыва конференции, уездным отделением были об'единены Муромский поселок, Толевая ф-ка и черепичная мастерская, а всего около 500 членов.

После 1-й конференции были об'единены в союз рабочие Комгосора и Устрома в количестве 274 человека. В этот момент союз уже начал пользоваться достаточным авторитетом и принимал участие в разработке производственных программ.

В сентябре 1920 г. была произведена мобилизация товарищей из числа членов союза на врангелевский фронт. Вместе с тем, в период 1920 года, союзом производилась и другая мобилизация: на работу по продовольствию. Велась и культурно-просветительная работа. Были организованы архитектурно-строительные курсы в г. Муроме.

2-я уездная конференция строительных рабочих в г. Муроме была созвана 30 декабря 1920 года, и уже к этой конференции уездное отделение об'единяло 769 членов по всему уезду. Из этого видно, что союз принимал активное участие в об'единении строителей всего уезда.

В январе 1921 г. был организован дисциплинарный суд при уездном отделении, т.-к. среди мобилизованных членов союза строителей приходилось наблюдать прогулы, пассивное отношение к возложенным на них обязанностям, что имело массовый характер и мешало осуществлять и проводить в жизнь строительно-производственную программу. Организация тов. дисциплинарных судов дала положительные результаты в деле борьбы с прогулами.

В сентябре 1921 г. была созвана 3-я уездная конференция союза. Ко дню созыва последней уездотделение об'единяло 787 человек. В период этого времени уездное отделение в повседневной работе большое внимание уделяло производственной работе, как-то, выделение кандидатов из среды членов союза на ответственные посты в производствах, а также регулировало и согласовывало работы хозорганов.

В конце февраля 1921 г. после Губконференции культотделов, был создан Укультстрой при союзе строительных рабочих в Муроме и вскоре были организованы курсы инструкторов по огнестойкому строительству в г. Муроме. Таковых курсантов явилось 33 чел. Также была организована школа по ликвидации безграмотности среди членов строителей на 35 чел., остальные были распределены по существующим школам Уотнаробра в числе 95 чел. В конце октября 1921 г. организованы технические курсы в гор. Владимире, на которые Муромским отделением было командировано 4 члена профсоюза.

Из отчета по Муромскому Укультстрою с 1 апреля по 1 декабря 1921 г. видно, что всего поступило 624.820 руб., израсходовано за вышеуказанное время 624.820 руб. А всего по культработе израсходовано с мая 1921 г. по 1 января 1923 г.—134.973 руб. в денэнаках 1922 г.

В 1921—22 г.г., когда волна голода хлестнула по Поволжским губерниям, когда в РСФСР проводилась судорожная работа по оказанию помощи голодающим, тогда и строители Муромского уезда не остались глухи к призыву о помощи голодающим. Кроме отчисления с зарплаты, проводились субботники, в которые был отремонтирован и приведен в надлежащий порядок дом Поволожья в г. Муроме и больница для больных детей, прибывавших из голодающих губерний

В конце 1921 года и в начале 1922 г. стала проводиться демобилизация трудармий. Рабочие-строители, в большинстве, стали уходить в деревни, на полевые работы, поэтому состав членов союза стал уменьшаться.

В апреле 1922 года было уже членов 492 чел. В это время Упрофстрой переходил на новые рельсы профессиональной работы, была начата кампания добровольного членства в профсоюзе. Эта работа добровольного членства была закончена к концу июня.

Число членов в союзе упало до 142 чел. Такое уменьшение членов союза об'ясняется следующим: строительный поселок Моск.-Казанск. ж. д. с количеством до 300 членов перешел целиком в союз железнодорожников. Часть членов была исключена по перерегистрации — осталось активных членов союза строителей 142 человека.

С переходом на новый метод профессиональной работы союз стал переходить к заключению коллективных договоров с 1 мая 1922 года.

Связь с Владимирским Губотделом и Ц. К. строителей полная. В конце 1922 г. муромское уездное отделение переорганизовано в районное отделение, в которое входят 5 уездов: Муромский, Гороховецкий, Судогодский, Вязниковский, Меленковский. В последних трех уездах, ввиду отсутствия предприятий строительного характера, ячейки профсоюза нет. С началом же строительного сезона Райпрофстрой надеется развить работу по созданию проформанизации и вышеуказанных трех уездах.

Кудряков.

Профессиональный союз деревообделочников.

До 1921 года Муромский союз деревообделочников об'единял семь лесопильных заводов, семь кустарных мастерских и трудовых артелей, лесной комитет Муромского уезда, всего насчитывалось членов вышеуказанного предприятия 438 человек и назывался он Правлением муромского Уотдела союза деревообделочников. В 1921 году в ноябре месяце уже насчитывалось членов союза деревообрабатывающей промышленности 3.713 человек, из них: женщин—1.433, мужчин—2.280, большой наплыв членов союза об'ясняется тем, что в 1921 году произошла реорганизация союза, каковой стал называться уже районным управлением, в состав его вошли уезды, кроме Муромского, Меленковский, Судогодский, Гороховецкий, а также открытие сезонных работ способствовало наплыву членов союза. Работа союза, в связи с развитием гражданской войны, так как враги Республики, главным образом, старались подорвать, силы молодой еще не совсем окрепшей Республики, экономически, почему ими были отрезаны от центра, богатые топливом и другими материалами части Республики: как, например, Кавказ, Донбас, Урал, а также часть северных наших губерний, богатых лесом. С переходом железнодорожного и водного транспорта на дровяное отопление, не мало выпало на долю союза работы, как отчасти контрольного органа над спецами, работающими по заготовке топлива, а также агитационной работы, по поднятию продуктивности труда рабочей силы по лесоразработкам. В этой области не мало проведено конференций, заседаний союза, где делались доклады о ходе работ.

На долю союза также выпала задача по поднятию продуктивности труда, проведению субботников по нагрузке и выгрузке разного рода топлива, лесных материалов, снабжению рабочих деревообрабатывающей промышленности продовольствием и мануфактурой, а также проведение разного рода мобилизаций, как-то: командирование членов союза на курсы Красного офицера и формирование продотрядов по реализации урожая в хлебородных губерниях. Все это по силе возможности выполнялось союзом удовлетворительно.

В период 1922 — 23 года с введением новой экономической политики первый неотложный вопрос, который поставил себе союз, это тарификация труда рабочих и служащих деревообрабатывающей промышленности. В этой области профессиональной организации должно строго наблюдаться, чтобы рабочий получал то, что причитается ему за работу, во-время; дабы это имело силу, т.-е. более юридического характера, союзом приняты меры—соглашение с хозорганами путем заключения коллективных договоров, в которых с одной стороны администратор, а с другой стороны—рабочие и служащие обязуются выполнять пункты коллективных договоров: администратор обязуется по договору исполнять точно и своевременно выплату заработка не меньше того, который заключен по договору, со стороны рабочих и служащих—соблюдение профессиональной дисциплины, дабы они знали, что только за труд, приносимый Республике, дают возможность кушать. Всего заключено коллективных договоров за период времени с января месяца 1923 г. с государствен-

ными предприятиями — 4 договора, об'единяющие лесозаводы — 20, лесоразработок—4, с частным лицом—1 договор.

С вопросом тарификации труда тесно связан вопрос охраны такового, это должно быть предусмотрено в коллективных договорах согласно кодекса законов о труде, как, например: 1) надзор за сохранением восьмичасового рабочего дня, при чем для подростков сохраняется шестичасовой рабочий день, 2) прием и увольнение рабочих и служащих, выплата зарплаты, 3) снабжение рабочих, работающих на заводах, спец-предохранительной одеждой, если работа требует этого и т. д.

Кроме того, союзом обращено внимание на социальное страхование рабочих, на что союзом дано учреждениям распоряжение о внесении в кассу социального страхования рабочих и служащих полагающихся сумм, согласно на то изданной Собезом инструкции, дабы тем самым дать возможность рабочим в случае болезни, инвалидности, существовать на средства, отпускаемые ему из кассы социального страхования. К марту месяцу 1923 года по ежемесячной сводке состоит членов союза 1.033 человека с об'единением лесозаводов 21, лесных разработок — 6, предприятий и учреждений — 5, этот резкий переход по сравнению 1921—22 годов, прогрессивное уменьшение членства с момента перехода на новые рельсы профсоюза, наблюдающиеся не только в одном союзе деревообделочников, но и в ряде других союзов, является неизбежным, вполне естественным следствием новой экономической политики: до новой экономической политики союз деревообделочников об'единял кроме рабочих и служащих, занятых на лесопильных заводах, кустарных мастерских и прочих предприятий, и сезонных рабочих, занятых по лесозаготовкам и сплаву, по преимуществу крестьянского элемента, работа которых носила сезонный характер— 3 — 4 месяца в году; это было в период времени древесного топлива ,теперь же с переходом с древесного топлива на минеральное, дровяная программа сократилась почти на половину, вследствие чего и сократилась также рабочая сила.

Необходимо также отметить, что при переходе всей промышленности в Республике на коммерческий расчет, заготовка топлива была передана непосредственно потребителям, вследствие чего и форма организации рабочей силы видоизменилась в сторону подрядных артелей.—следовательно, вся оставшаяся масса рабочих, крестьян лесозаготовителей, согласно устава Союза, должна была механически выйти из него. Таким образом убыль членства нашего союза является вполне естественной и необходимой, происшедшей за счет крестьянского элемента, связанного непосредственно с деревней и сельским хозяйством, в результате Союз от такого сокращения количества членов только принял свойственное ему содержание, и работа его от этого значительно улучшилась во всех отношениях, и в частности улучшилась в обслуживании членов.

В области культурно-просветительной работы, таковая с окончанием сезонных работ проводится слабо, все суммы, поступающие в Союз согласно коллективных договоров от предприятий и учреждений хозорганов, сдаются во Владимирский подрайком, также, как и часть членских взносов. Союз в данное время содержится исключительно на членские взносы. В данное время союзом проводятся компании по созданию воздушного флота, беспризорного ребенка, а также и помощи безработным

Трошин.

Профессиональный союз кожевников.

Первое возникновение комитета проф. союза кожевников г. Мурома относится к 1918 году, к марту месяцу. Но почва и зачатки организации имелись уже в возникновении экономической борьбы между предпринимателями и рабочими, с самых первых дней февральской революции. Первое название союза: «Мур. проф. союз. раб. и служащих. кож. производства». В об'единение союза вошли предприятия: Муромский кож. завод, сапожные мастерские г. Мурома и Досчатинский кож. завод. С вышеуказанного момента организации, союз вступает полноправным членом в семью проф. организаций России. Созывает с'езды, конференции, посылает представителей на губс'езды проф. союзов: принимает участие в общей борьбе рабочих России.

В 1918 и 1919 г.г., в эти годы саботажа интеллигенции и предпринимателей, союз берет в свое ведение производство. Организуются трудовые сапожные артели в Муроме, Чаадаеве, в Балове—Муромского уезда, а позднее в Новоселках,—того же уезда. Впервые в 1918 году, в марте месяце муромский кож. завод Александра берется союзом в ведение государства. Активных работников союза в этот период следует отметить т.т. Монахову Елис. (скончалась), Губанова Е. Е., Курышова А., как организаторов союза. Таким образом союз вполне законно присваивает себе название производственного союза. Союз проводит в жизнь издаваемые Ц. К. союза тарифные расценки и производственные задания. В выпуске громадных партий обуви и полуфабриката для нужд Красной армии муромскими кожевниками повинен в громадной степени организатор их — профессиональный союз. При комитете союза имеется культ-отдел. Интенсивно ведется полит-просвет. работа. Читаются лекции, доклады, распространяется литература.

Число членов союза к январю 1921 года достигает 950 человек. При НЭП идет реорганизация проф-работы. В район муромского комитета, (переименовавшегося муром. подрайкомом союза кожевен.) включен Меленковский кож. завод. Но новые задачи профсоюзов,—как союзов только наемных рабочих,—ведут к быстрому уменьшению числа членов союза. К 1-му февраля 1923 г. перерегистрация членов дала всего 43 человека. Но далее наметился новый рост числа членов союза: на 1-е мая имеется 59 членов, на 12-е июня — 66 членов союза.

Как видно, самый опасный период минул. Союз с гордостью смотрит на пройденный путь в революции, и смело и бодро на свое будущее.

Лихонин.

Союз советских служащих.

В качестве предисловия к нижепомещаемому обзору профдвижения надо указать, что таковой может быть разделен на две основные части—это будет: профдвижение после падения царизма, и затем с момента «октябрьского» переворота и организации власти советов.

После падения царизма постепенно стали возникать отдельные профессиональные группировки, как-то: служащих отделения банка, городских служащих, учителей, служащих земства, и отдельно в марте месяце 1917 года организовался союз торгово-промышленных служащих г. Мурома.

Характеризируя качественный состав указанной организации, следует заметить, что в таковую вошел самый, если можно так выразиться, «разношерстный» элемент, начиная с пролетария «замухрышки» и кончая типиками с хорошим обеспечением, имеющими тяготение и к собственности и к сильным мира сего, а из такого положения внутри организации определенно выявилось два течения; одно—в стремлении добиться сносного существования и другое—в укреплении позиций достигнутого и сохранения известного «господства» над низшими служащими. Конечно, надо было ожидать, что создавшееся положение выльется в ту или иную форму, но все резкое сглаживалось повседневностью, а комитет союза проводил примирительную политику. В дальнейшем деятельность комитета союза торг.-пром. служащ. — свелась на мелкую кооперативную работу по заготовлению продуктов питания и распределению их между членами союза; из работы по правовой защите своих членов надо указать урегулирование комитетом взаимоотношений между предпринимателями и служащими в связи с отказом предпринимателей от приобретения вновь товаров с мотивированием такового отказа неимением средств—для чего и были учреждены в предприятиях особые «контролеры-наблюдатели» из числа служащих.

Но вот подошел и октябрь, и все то, что было до него так или иначе сглажено — вновь как бы выросло, вновь обострились нелады и на общем собрании по вопросу об отношении к власти Советов разом выявилась вся «обеспеченная оппозиция» против признания и контакта, но на втором общем собрании по раз'яснению сущности власти Советов от оппозиции откололась значительная часть несознательно-мещанского элемента и оппозиция составила уже самое незначительное меньшинство, а большинство высказалось за единение и контакт с властью Советов, — так вступил в новый период работы комитет союза торг.-пром. служащих.

В заключение по обзору организации торг.-пром. служащих — надо указать, что таковая слилась в марте м-це 1919 г. с организацией советских служащих — история каковой и помещается ниже.

Как возник комитет служащих советских учреждений города Мурома.

С момента организации Муромского совета рабочих, крест. и солдат. депутатов — стали иметь свое организационное начало и некоторые его отделы, а отсюда ясно—постепенно стал расти элемент служащих города с увеличением в численности все более и более. Форма, быт и условия труда были еще не уложены в определенные рамки и к организации таковых был призыв как со стороны совета к служащим, так равно и желание последних,—и вот на общем собрании 25 февраля 1918 г. был избран комитет по рассмотрению и применению заработной платы для служащих, выработанной исполкомом; на собрании 27 февраля 1918 г. было вынесено решение о сохранении комитета служащих; на собрании 22 марта 1918 г. от имени совета было определенно указано об организации союза служащих и его комитета, почему комитет был утвержден и 23 марта 1918 г. было его первое организационное заседание. На первое время круг работы комитета был вполне ясен и определился — в деятельности по улучшению материального положения служащих; само по себе это были первые заботы, и заработная плата играла очень видную роль в жизни служащих. Прежде чем приступить к дальнейшему изложению, считается нелишним упомянуть о том, что из себя качественно представляла в 1918 году организация советских служащих: конечно, большинство это были действительно труженики канцелярии, конторки и прилавка, но, как и всегда была и прослойка, явившаяся следствием окопченной империалистической войны, и этот элемент был самый разнообразный: бывшие офицера, военно-служащие, «зем-гусары» и т. п. наряду с оказавшимися не у дел дельцами, «барышнями» и молодыми людьми без определенных занятий, до организации власти советов. И правду сказать — это была очень и очень нежелательная для истинных тружеников и дурная прослойка, так как в дальнейшем элемент прослойки сыграл самую позорную роль в истории профдвижения служащих советских учреждений г. Мурома

Далее, на пленарном заседании организации советских служащих 28 марта 1918 г.—было вынесено постановление, говорящее определенно за признание Советской власти и о контактивной работе с таковой.

11 апреля 1918 года земские служащие дали подписку о продолжении работы в земстве совместно с комиссарами Муром. совета и выделили уполномоченного для связи.

На общем собрании 29 мая 1918 г. был заслушан и утвержден устав союза служащих советских учреждений в 33 §§-х и установлен 1% вычет из майского мес. содержания — в средства союза. На том же собрании постановлено организовать ссудно-сберегательное т-во, с разработкой устава такового комитетом союза.

В дальнейшей работе комитета союза можно усмотреть деятельность по организации подсобных комитетов в крупных учреждениях, устройство спектакля в пользу союза и урегулирование вопроса по распределению рабочей силы — как чрез

отдел труда, так равно и по размещению сокращенных и особо нуждающихся в работе.

2 августа 1918 г. был урегулирован чисто правовой вопрос в отношении взаимоотношений администрации учреждений со служащими, об условиях работы по времени, порядок зачисления и увольнения и по другим пунктам, связанным с применением труда.

В период до 2 августа 1918 г. случилось крупное политическое событие, на время прервавшее мирный быт советских служащих и города вообще. В ночь на 9 июля 1918 г. произошло выступление белогвардейцев, участниками какового были и из числа «зеленой» молодежи и прочие активистски настроенные против советской власти элементы, в это число вошли «темным пятном» и некоторые члены союза советских служащих — то были офицеры старой армии и политически недозрелые типы. Восстание было успешно ликвидировано, а его участники понесли должное возмездие — как это говорится — по делам и заслуга.

Между прочим на общем собрании советских служащих 10 сентября 1918 года по вопросу об отношении совслужащих к выступлению белогвардейцев 8/9 июля—было принято единогласно нижеследующее постановление:

«Контр-революция, вербуя, где можно, пособников себе, не обошла и гор. Мурома. Безумное выступление Сахарова, базируясь на Муромских политических недоносках — сделало свое дело, но рабочий и крестьянин поддержали свою Советскую власть. Мы, советские служащие, до сих пор не определили своего отношения к событиям 9 июля; ныне, собравшись в первый раз после событий, определенно и ясно заявляем: что не белогвардейцам и наемникам мирового империализма поколебать *Власть Советов* и никакими террористическими актами против *народных* вождей они не остановят могучую волну народа к экономическому освобождению и равенству. Освободившись от части активных работников—врагов Советской власти, к нашему позору состоявших в рядах служащих, вдвойне продаваясь тому, кто больше даст, мы признаем: 1) необходимым дальнейшее очищение отделов от врагов власти советов организацией фракции идейных, а не шкурных коммунистов в отделах советов, дабы соединенными усилиями спасти социальную революцию.

Да здравствует коммунистический *Интернационал!*
Да здравствует вождь народа *Ленин!*»

К указанной резолюции принята добавка: «при чем мы, советские служащие, в корне протестуем против зверского расстрела наших товарищей, красноармейцев».

В дальнейшем комитет союза ведет самую разнохарактерную работу и развивает деятельность. Отмечая отдельные моменты, надо указать на проведение выборной кампании в Горсовет 27 сент. 1918 г. (избраны большинство коммунисты); работу по изменению устава союза 29 дек. 1918 г.; проведение работы по оказанию помощи Красной армии; работу по слиянию отдельных группировок (город. служащие и земские); организацию читальни и библиотеки, культ.-просвет. комиссии, тарифно-расц. комиссии, конфликтной комиссии, ревизионной комиссии; выработку инструкции по работе комитетов учреждений; 13 апр. 1919 г. был принят типовой устав союза и на том же собрании выделен представитель в Отдел труда и разрешены вопросы по отчисл. 1% со служащих в течение 3-х месяцев в пользу семей призванных в ряды красной армии—последний вопрос 2 мая 1919 г.); на общ. собрании 16 июня 1919 г. была избрана комиссия по охране труда, был разрешен вопрос о 10% мобилизации в ряды Красной армии; в дальнейшем работа завершается проведением мобилизации, очередными организационными работами и установлением связи с губ'отделом союза; в числе очередных вопросов за минувший 1919 г. надо отметить регулярную работу правления союза (11 марта первое заседание правления,

вновь с'организов.) и образование местных комитетов в совучреждениях. К концу 1919 г. организация совслужащих насчитывала 738 исправно-платящих членов.

В последующие периоды 1919 — 1920 — 1921 — 1922 г.г. характеристика работы правления союза совслужащих может быть определена кратко так: со времени губконференции 21 ноября 1919 г. организационные задачи по союзной линии стали иметь определенный характер, а отсюда и работа стала устойчивее на местах; в качестве профоргана организация стала иметь Уотделение всероссийского профес. союза советск. работников, а последнее—правление уотд., функции которого в области организационной, тарифной и культурно-просветительной постепенно стали принимать характер действительной профессиональной работы по сравнению с бывшей до этого времени беспорядочной работой. Отдельными моментами работы за указанные периоды будут: проведение различных мобилизаций, т.-е. военных и на продработу; реорганизация месткомов и упорядочение их деятельности; размежевание и тем самым определение в об'единении тех совучреждений,—кои должны были остаться с передачей профессион. функций другим профсоюзам по принадлежности; перерегистрация членов союза; открытие профкурсов (7/III-21 г.); устройство спектаклей, одного из них «в помощь голод. Поволожья» силами союза. В общее заключение по текущей работе надо сказать, что правлением уотд. союза в лице его презид.—была проведена весьма разнохарактерная работа, отметить которую в кратком очерке нет возможности, и если что и было слабо, то в личном составе аппарата, постоянно сменявшего работников или имевшего их «по совместительству». Как видно из данных, губконференции были: 6 апр. 1921 г., 13 сент. 1921 г., 15 ноября 1921 г. и 5 апр. 1922 г., по составу коих можно судить, что если на конф. 21/XI-19 г. беспартийные преобладали, то во всех последующих большинство имели уже партийные, а отсюда следует, что деятельность мест получила надлежащую линию; перестройка правлений уотд. в сторону проведения в таковые партийных товарищей — помогла в смысле еще более глубокой опролетаризации союзной массы, конечно, по пути надлежит отметить также бывшие моменты и неблагожелательного отношения отдельных членов к той перестройке в первое время, но это исходило от несознательных элементов, политически неразвитых даже элементарно, и уже еще реже от уцелевших в некоторых коллективах «типов с устаревшими взглядами», но все то сгладилось, все ненужное вытряхнулось и если не полностию, то в большей своей доле. Политическая окраска об'единения союза если и не была равна в партийном отношении с другими производственными об'единениями, то в работе, неудовлетворительно оплачиваемой, члены об'единения в большинстве своем действительно были бескорыстные труженики, иногда хотя и «с рассуждением», но все же несшие свою трудовую обязанность. О профячейках, т.-е. месткомах, много писать не приходится, товарищи, работавшие и работающие в них, чаще всего новички в профработе и, не успевая вполне усвоить методы работы, меняют свое местопребывание или по своему желанию или по другим независящим от них причинам, а отсюда минус в работе правления уотд. союза, но все же работа ведется приблизительно планомерно. Переходя к цифрам по об'единению, надо указать, что в таковом насчитывалось членов: на 1 янв. 1920 г.—1.114; на 1/I-21 г.—620; на 1/I-22 г. — 388; на 1/I-23 г. 342 и на 1-е июня 1923 г. — 385. Колебания в цифрах происходили и происходят лишь по причинам или от ликвидации учреждений или по сокращению штатов, и если были случаи выключения из об'единения, то таковые могут быть отнесены к волостным организациям и один случай исключения кол-ва воен. комиссариата за невыполнением членских обязательств. Упоминая о добровольном членстве, надо определенно сказать, что с переходом к таковому— стала обстоять и лучше работа по взаимоотношению с коллективами и отдельными членами, и в общем с очищением кол-вов от дурных членов — поднялось сознательное отношение к союзу со стороны его членов, что в значительной степени улучшило работу правления уотделения — в общем.

В общее заключение остается только дополнить, что с момента организация власти советов и руководства российск. коммунист. партии (большевиков) — профсоюзы в общем, и в частности говоря об организации советских работников — стали действительно иметь возможность проводить свободно свою творческую работу на пользу своих членов и республики Советов, и это во всех отношениях, касающихся профсоюза, и в пожелание: пусть его работа, улучшаясь все более и более—увенчается тем достижением, которое может иметь лучший из лучших союзов. К тому есть стремление у каждого сознательного профработника и это осуществимо при наличии благоприятной обстановки мирного времени.

С. Баранов.

Организация работников связи.

С момента свержения самодержавия, по циркулярам окружного правления связи, во времена Керенщины, в муромской П-т конторе были организованы: местный комитет, об'единявший в то время 115 членов, и уездное правление П-т служащих, об'единявшее предприятия Муромского уезда, а также сюда входили Выксунская и Кулебакская (Нижегородской губернии) конторы, с общим количеством членов до 250.

Работа комитета и уездного правления, вместо взятых, заключалась исключительно лишь в бумажной переписке, взимании членских взносов, организации на местах месткомов для той же цели. Инициаторами этого дела являлись все служащие в то время, но исполнителями этой работы по выборам на общих собраниях были т.т. Маркелов, Карасев и Царьков. Здесь нужно отметить, что той работы, которая проходит ныне, в организации названного об'единения не замечалось.

С первых дней октябрьской революции работа приняла более расширенный вид и завоевала широкое поле деятельности в областях: организационной, культурно-просветительной, охраны труда, тарифной, кооперативной и проч. С этого момента комитет и уездное правление П-т служащих встали на путь защиты правовых интересов трудящихся, принесенных красным Октябрем.

С этого исторического времени, после перехода власти в руки рабочих и крестьян, организация в целом как бы переродилась, и весь союз, именуемый ныне союзом работником связи, поставил своей задачей ознакомление членов с международным и внутренним положением республики, с целями и задачами союза. Эта деятельность с каждым днем втягивала членов в союзную работу. При этом союз с большим вниманием и интересом относился к социалистическому строительству. Союзу удалось с успехом преодолеть наклонности высших чиновников к саботажу и взять в свои руки все дело управления почтово-телеграфной связью. Нежелательные элементы были удалены.

Комитет, помимо этой работы, вел работу в области саморазвития членов. Но эта работа стала возможной лишь после ликвидации белогвардейских фронтов.

С момента ликвидации гражданских фронтов союз усиленно начинает вести работу в широком об'еме, в особенности культурно-просветительную, политико-просветительную и проч. но ввиду недостатка денежных средств и помещения добиться блестящих результатов не пришлось по сие время.

Баталиев.